Станция спасенных грез

Я написал это, потому что боюсь.

Потому что слишком дороги воспоминания.

Потому что в любой момент могу лишиться всего.

И пусть мне уже никогда не перечитать этого с тем трепетом, я все же оставлю воспоминания.

Быть может, они справятся и пробудят во мне мечты, лишись я таковых.

Быть может, они станут чем-то вроде крупиц фанталей, которые прорастут в настоящие грезы.

А может, я посмотрю на это, хмыкну и отброшу в сторону.

Не знаю… Не хочу об этом думать.

Не сейчас.

Часть 1

Внезапная ответственность

Пролог

Десять лет назад

«Сегодня я не умру».

Семь теней. Семь сгустков тьмы в паутине тумана. Семь врагов, подсвеченных робкой луной. Свет фонарей тонул в мрачных силуэтах, разбивался об их непроглядную темень, будто струя воды о бетонную стену.

Он не умрет.

В руках возник меч, слишком большой для того, чтобы его удержать. Плевать. В сторонке зависла сфера, цветом похожая на жемчуг.

Подул ветер. Туман обступил теснее, создавая закрытую арену. Только он и семеро Едоков.

Он пошел навстречу теням, высоко подняв меч. Его перламутровое сияние окропило платформу, высвечивая сжавшиеся от холода кусты. Изо рта шел пар. Поступь была тяжелой, но уверенной. Сфера двигалась вместе с ним. Туман подступал все ближе.

Он не умрет.

Со свистом меч пронзил тьму, казавшуюся такой недоступной для света. Лезвие прошло легко, как сквозь масло. Едок не успел даже крикнуть. Миг — и его не стало. В ноздри ударило гарью. Человек усмехнулся.

Небольшая сфера освещала тех, перед кем тушевался электрический свет трех фонарей. Едоки. Теперь — шестеро. Он позволил им окружить себя и положил вторую ладонь на теплую рукоять меча.

Порыв ветра. Человек подался ему, словно флюгер. Едоки отпрянули. Успели не все. Одного ранило в ногу. По ушам ударил мерзкий крик. Человек посмотрел на висевшую в воздухе сферу. Та дрогнула, превратилась в подобие змеи и метнулась к Едоку. Почуяв брешь, она забралась через рану и осветила существо изнутри. Свечение становилось ярче. Змея внутри росла, теряя форму. Стала облаком. И оно росло. А меч в руке человека уменьшался.

Хлопок.

От Едока не осталось и следа. Застывшая в холодном воздухе перламутровая взвесь устремилась к мечу, возвращая его размер. Рядом покачивалась сфера

Устало вздохнув, человек ринулся в толпу Едоков. И завязался бой. Бой, в котором он проиграет. Но не умрет.

Перламутровые вспышки озаряли железнодорожную станцию. Меч уменьшался. Во все стороны летели искры. Сгустки теней бешено метались от одного края платформы к другому. Листья осыпались стеклянным градом. Изредка слышались приглушенные стоны обессилившего человека.

Но он не умрет.

Его движения ослабевали, меч превратился в кинжал. Сфера заметно уменьшилась. И Едоки *почувствовали*. Хватило всего трех, чтобы отвлечь человека. Оставшиеся двое развернулись в сторону белесых пятен домов и протянули порталы. Серые жгуты, похожие на ручьи пепельного цвета или хоботы неведомого животного, устремились вглубь деревни, выискивая мечты и грезы. Здесь было много лакомства.

Человек обещал, что не умрет. Его окружили, и только привычки молодости позволили ему уворачиваться от неестественно длинных когтистых лап. Он попал в ловушку. Лезвие кинжала укоротилось. От фанталей почти ничего не осталось. Уходя от очередной атаки, он что есть мочи подпрыгнул вверх и… Не приземлился. Сфера, тотчас став поясом, обвила его торс и понесла вверх. В ушах взревел ветер, одежда громко затрепетала на ветру. Человек приземлился позади Едоков и даже успел вонзить кинжал в затылок одному из них. Его целью были *те, с порталами*.

Он увлекся попытками убить. Едок умудрялся отмахиваться и уходить от ударов. Это были не те удары, какими он их помнил в годы своей молодости. И даже не такие, как в начале боя. Едоки были сильнее человека.

Туман подошел совсем вплотную. Слишком мало фантали. Перламутровый свет угасал. Холодало. Тело уступало возрасту. *Он уже не тот.*

Удар в бок отправил его в недолгий, но быстрый и болезненный полет. Человек врезался в хлипкое ограждение станции, больно ударившись ребрами. Едоки наступали. А по серому порталу медленно плыло радужное сияние. Мечта.

Такая яркая в этой зыбкой, лишенной цветов, ночи. Манящая, дразнящая и… Укоряющая.

Мечта против его жизни и защиты всей Дымчатой. Он уже не тот, но он оказывает хоть какое-то сопротивление. Погибнуть сейчас или дать себе шанс с надеждой вернуть утраченное, оставив кого-то без мечты? Он сделал свой выбор.

Он не умрет.

Глава 1

Очень странные глаза

01 июня.

Я долго думал, с чего начать повествование. Перейти сразу к тем ужасным событиям, которые навсегда изменили мою жизнь, или же сперва рассказать предысторию. Ведь читатели не поймут, как я стал тем, кто не похож на обыкновенного подростка. Им будут непонятны Едоки или Пожиратели. Они будут спрашивать, что такое фанталь, почему деревня называется «Дымчатой»; они удивятся, почему я плачу, вспоминая тех или иных людей. Нет, без предыстории это все потеряет смысл.

А начать следовало бы так:

> «Это лето обещало быть особенным. У меня было предчувствие с самого начала».

Да, как-то так было бы написано в моем дневнике, имей я привычку вести его. А еще там было бы что-то вроде этого:

> «Меня зовут Саша, но лучше – Оул. И я обожаю читать. Всегда мучаюсь в ожидании лета. Приехать к бабушке с дедушкой, забраться на любимый чердак, включить фонарь, налить большую кружку сладкого какао, устроиться в мягком кресле и читать, читать, читать.
>
> Впереди меня ждут невероятные приключения на просторах десятков миров! Я вовремя спохватился и заранее разузнал список литературы, которую нужно прочитать за лето, и одолел все в течение учебного года. Теперь в моем распоряжении несколько новеньких книжек и парочка старых, но горячо любимых (никак не связанных со школой). Долой скуку, долой занудство! Только магия, чудные миры и фантастические существа. Все то, без чего я не могу. И по чему безумно соскучился.

Поэтому надо ли пояснять, что я – тот странный парень, который любит проводить лето в глухой деревне. Это настоящая дыра, тут даже сотовая связь не ловится! Зато здесь живут мои ро-ро, а я – у них. Да, ро-ро. Не смейтесь, но именно так я называю бабушку и дедушку (производное от «родители родителя», в данном случае – мамины). Так короче. Дед не удивляется, когда встречает меня на станции с тяжелым рюкзаком и спортивной сумкой. Он знает, что основной мой груз – это книги. И несмотря на то, что их домик расположен всего-то в трех минутах ходьбы от платформы, дедушка неизменно встречает меня, а рядом с ним, словно преданный пес, стоит тележка и ждет, когда я сгружу на нее часть вещей. «Куда такую тяжесть, Сашк!» – ворчит дед и недовольно мотает головой, пряча улыбку. Его голос как раскачивающееся дерево. Да и сам дедушка напоминает крепкий вяз, который сделали похожим на человека. Высокий, с длинными сильными руками, с жестким серьезным лицом и внимательными глазами.

А еще возле платформы, прямо у самых ступенек, стоит косая-прекосая сторожка с ветхим дровником, а перед ними, подобно сторожам, высятся пара подсолнухов, несколько кустов смородины и люпины – стройные и красивые цветы с фиолетовыми лепестками, они еще очень красиво цветут в июне. Ой, что за тавтология – «цветы фиолетового цвета»?.. Ну, все равно этот дневник существует только для меня. Думаю, я могу допустить такую вольность? Кстати, без бабушки сторожка выглядела бы одиноко и неприветливо – именно бабуля настояла на том, чтобы посадить вокруг хоть что-нибудь. Дядя Коля, наш станционный смотритель, не возражал. Живет он в сторожке и к желанию бабушки облагородить территорию отнесся

положительно. На самом деле, дядя Коля давно уже никакой не дядя. Наверное, даже старше дедушки. Но все привыкли звать его дядей, да и сам он неустанно твердит, чтобы к нему обращались только так и никак иначе. Говорит, мол, от этого старость приходит медленнее. Если честно, он немножечко чудаковатый. Наверное, потому с ним мало кто дружит. Даже когда в деревне жило гораздо больше народа. С ро-ро дядя Коля общается потому, что их дом находится к сторожке ближе всех, и иногда смотритель приходит, чтобы помыться в бане, попить чаю, поиграть с дедом в домино или просто поговорить, вяло передвигая по доске шахматные фигуры…

Нет, слишком много букв».

Запись вышла бы настолько длинной, что мне не хватило бы терпения дописать ее до конца. Потому-то мой дневник всегда был воображаемым. Он всплывал раза два—три в неделю, чтобы впитать в себя новую запись. Странная особенность моего разума. Я помнил все «записи», от и до. Это не было хорошей памятью. Скорее — неугасаемым хранилищем, доступ к которому я имел всегда. До того памятного лета описания моей поездки были одинаковы. Вы сами поймете тот момент, когда все пошло не так.

Второе, что я любил после книг, это поезда. Возможно, привязанность к ним пошла с детства, когда родители брали меня с собой в Дымчатую еще младенцем. А потом и позже, если удавалось отбиться от желания папы ехать на машине — не хотелось снова испытывать то чувство принуждения и садиться за руль. Я не умел и не хотел. Это портило все настроение. Четыре года назад отец перестал предлагать мне вести автомобиль. Теперь — только поезда и электрички.

Я ехал в пустом вагоне и улыбался.

На подъезде к Дымчатой я всегда убирал книгу в рюкзак. Год от года во мне росла уверенность, что существует та незримая граница между городской суетой и спокойным размеренным миром деревень и поселков. И каждый раз я старался не пропустить тот самый момент, когда словно по мановению волшебной палочки все становится иным — уединенным и таинственным. Словно въезжаешь в укромный мир-кармашек, спрятанный от посторонних глаз.

Вот мимо пронеслась Сосновка. В череде длинного маршрута Сосновка расположилась перед Дымчатой, предпоследней станцией. После нее — только Дружбино. Домики Сосновки напоминали пасущихся на лугу диковинных животных. На привокзальной площади маршировали кадеты, наряженные в черную форму с красными погонами. Несмотря на ранний час, они вышагивали по площади и пели песню. Наверное, мечтали, что вырастут и будут солдатами. Или офицерами. А у меня была своя мечта. Я хотел научиться летать. Глядя в окно поезда, представлял, что на самом деле лечу, а мимо проносятся города, села, поля и леса. Я воспарял ввысь и видел прилегающую к железнодорожным путям речку Сливочную, вечно укрытую туманом. С высоты полета птиц изучал Дымчатую. Речка опоясывала ее так, что в особо туманные дни деревня скрывалась, словно спрятавшаяся в панцирь черепаха.

А еще мне нравились здешние названия — какие-то свойские и образные. Сразу отпадали вопросы, почему речка именовалась Сливочной, а деревня — Дымчатой. Хотя… Нет, не всегда то, что видимо автору, понятно и читателям. Речка называлась так благодаря густой пленке тумана, что постоянно укрывала ее поверхность.

Каждый раз, когда я выходил на платформу «Дымчатая», в вагоне оставалось два-три человека (зачастую шумно храпящих), а то и никого. Немногие хотели ехать в такую рань. А как по мне, так даже лучше! Спокойнее, что ли. Никто не кричит и не мешает читать.

Из года в год не менялось ничего. «Наверное, и через двадцать лет, когда мне будет тридцать пять, короткие темные волосы заведутся пробором, а гладкое лицо пронзит щетина, все останется таким же, как и сейчас, а моя любовь к Дымчатой и старые привычки только укрепятся».

Именно так я и думал. До того самого дня.

Поезд сбавил ход. Дневник давно захлопнулся, и я, взяв рюкзак, вышел в тамбур. Сердце екнуло. За окнами показалась знакомая платформа: без крыши, без лавочек, с тремя фонарями на весь перрон, кривеньким ржавым забором, выцветшей надписью «ДЫМЧАТАЯ». В тени притаилась сторожка, а в двух шагах от поезда высился силуэт с тележкой у ног. Дед уже ждал меня.

Распахнулись двери. Широко улыбаясь, я покинул вагон.

— Привет, дед!

Он пожал мою руку. Одного взгляда дедушки хватило, чтобы понять кое-что важное — особенным это лето сделают не только книги. Неладное я почувствовал сразу. Что-то изменилось.

— Санька! — отозвался дед и сжал мою ладонь.

Первое, что я заметил, это выражение его лица. Обеспокоенное и темное, будто на него легла тень. В глазах, подобно дрейфующей на горизонте лодке, время от времени угадывалась тревога. Но не только. Было там что-то еще, что мне не очень понравилось. Я мог бы назвать это безразличием, но не в случае с дедом. Он любил меня. Пожалуй, сильнее любил только бабушку.

— Ты чего, не проснулся, что ли, Саньк? — он наклонился и крепко обнял меня, вырывая из тревожных дум.

Я неуверенно положил руки ему на плечи и стиснул их, словно убеждаясь, что это действительно мой дед. Он был высоким, и я еле дотянулся. Зато его длинные руки успели схватить мой рюкзак и приподнять его.

— Ох ты! Куда ж такую тяжесть, Сашка?

Я прислушивался к каждому слову. Но нет — это были все те же интонации. Немножко огорчения за то, что внуку приходится нести на себе такую тяжесть, немножко иронии. И, пожалуй, гордость.

— На все лето же, дед! — сказал я, опуская сумку с вещами на подготовленную тележку.

— Кирпичи у тебя там, что ли… — улыбнулся он, принимая поклажу.

Но меня это не успокоило. Тревога никуда не ушла, а затаилась где-то в глубине, выжидая своего часа.

Поезд захлопнул двери и с фырканьем тронулся с места.

Я проводил его привычным взглядом, как делал это сотни раз, стоя прямо здесь вместе с дядей Колей.

С дядей Колей… Который не встретил меня и не помахал рукой.

Сторожка выглядела все такой же заброшенной, будто в ней никто не жил со времен войны, и только покосившиеся подсолнухи и неизменные люпины хоть как-то скрашивали унылый вид. Я встал на цыпочки, чтобы разглядеть постройку получше.

— Не смотри, — с неохотой сказал дед. — Слег дядя Коля.

— Как слег? — испугался я.

— Хворает что-то последние дни. Наверное, скоро того…

Я нахмурился. Вот так сразу — и неприятное известие. И тут же куда-то улетучилось настроение… Мы общались не так часто, только летом, но было жаль дядю Колю. Один из самых удивительных людей, что я встречал. Добрый и… Как книга. Смотритель знал

множество историй — одна чуднее другой, — и мне никогда не было с ним скучно. По вечерам я приходил на платформу, и дядя Коля покидал сторожку, чтобы поболтать со мной и угостить новым рассказом. Разве мог я принять известие деда спокойно?

— Дед, давай навестим его, а?

— Айда уж сперва бабушке покажемся.

— Де-е-ед, ну пожалуйста…

Он поколебался, словно не хотел идти, но все-таки согласился. Мы прошли по небольшому переходу через рельсы и спустились по разбитым ступенькам, которые крошились прямо под ногами. Под шелест листьев и стук спотыкающейся на кочках тележки подошли к сторожке. Умывальник меланхолично кивал, будто подтверждал слова дедушки. Дверь была приоткрыта. Дед постучал.

— Матвеич, ты? — хрипло спросили по ту сторону.

— Я, я. Да не один!

— С Санькой, никак?! — дядя Коля явно оживился.

Дед ухмыльнулся.

— Никак.

— Да заходите давайте! Видишь… — предложение потонуло в приступе хриплого кашля.

Дверь жалобно застонала, когда я потянул ее на себя. В сторожке был очень спертый горячий воздух. Единственное окно было закрыто, а в чугунной печке бойко потрескивали дрова. Дядя Коля лежал на койке и громко дышал; усы его колыхались, будто рожь на ветру. На нем был неизменный коричневый «пинжачок» (так смотритель называл свой видавший виды пиджак) в рубчик, а под ним — вылинявшая тельняшка. Из-под покрывала торчали штопанные-перештопанные брюки. Старый матрас давно требовал стирки. Повсюду царил беспорядок, тумбочка у изголовья койки грязная, чайник на самом краю и вот-вот упадет, ящики задвинуты кое-как, на столе старый дисковый телефон и зачерствевшая буханка хлеба. Под столом — миска с молоком и черные следы маленьких лапок, оставленные землей.

— Здравствуй, дядь Коль, — осторожно сказал я, боясь навредить ему.

— Здорова, Санька!

Смотритель на удивление бодро сел и буквально выстрелил в мою сторону ладонью, словно гарпуном. Пожал — крепко и долго. Я вложил в рукопожатие все облегчение от

того, что дядя Коля в порядке и умирать совсем не собирается. Наоборот, он выглядел обрадованным, и его настроение передалось мне.

— Как поживаешь? — выдохнул я. — Дед говорит, ты приболел?

Смотритель махнул рукой.

— Ай, все хорошо!

Дедушка хмыкнул, но промолчал.

— А горло чего? — не унимался я. — Болит?

Меня удивил охрипший голос, пришедший на смену мягкому, спокойному, чуть насмешливому тону человека, который всегда был уверен в себе и как будто чувствовал собственное превосходство над остальными. Или хранил какую-то тайну.

— Чего только не болит, — дядя Коля неуверенно улыбнулся. — Но разве это помешает рассказать тебе парочку историй?

Я почувствовал трепет в груди. Многое из рассказанного я помню по сей день.

Дедушка распахнул окно.

— Совсем с ума сошел. Разве можно держать болезнь запертой? Эдак и не вылечишься никогда, деятель!

Дядя Коля пожал плечами.

Вместе со свежим воздухом в сторожку влетели и лучи солнца — пробиться через пыльное окно им было трудно. Наверное, из-за контраста освещения лицо смотрителя показалось бледным, как будто истерлось от времени. Глубоко посаженные глаза, некогда яркие, загибающийся книзу нос, выступающие скулы, косматая голова и усы как у моржа. Именно таким я его и запомнил. Он был похож на… Осторожного хищника, который разглядывал тебя, но совершенно не собирался нападать. И тогда я увидел, как же сильно он постарел. Живые глаза потеряли остроту, будто камень, омываемый прибоем. И лицо замылилось, что ли… Будто пелена. Но не как тень на лице у дедушки, а словно карандашная надпись, не до конца стертая ластиком.

— А ты все еще в книгах живешь? — *этот знающий пронзительный взгляд*.

Я кивнул.

— И опять собираешься один бродить по платформе? — сощурил глаза дед.

Снова кивнул.

— О! — дядю Колю будто осенило. — Тогда мы с тобой обязательно встретимся. И…

Он не закончил — схватился за голову.

— Дядя Коля! Ты чего?

Я видел его разным, но с таким измученным лицом — впервые.

Дед положил руку мне на плечо.

— Давай, Коль, отдыхай. Пойдем мы. Если что — заходи, коли силы будут. А если совсем невмоготу, то кричи, лады?

Смотритель кивнул.

Мы двинулись к двери. Я опустил взгляд и отвел ногу, чтобы не наступить на мелкие следы. Не удержался и повернулся.

— Дядь Коль, а у тебя питомец какой появился, что ли? Кошку завел?

— Ага, питомец, — кивнул смотритель и улегся на койку, оправляя пинжачок. — Мы с тобой теперь будем причастны.

— Причастны? К чему?

Дедушка недовольно цокнул и, глядя на мою наклоненную голову, буркнул:

— Вылитый сов.

Дядя Коля поднялся.

— К новым историям! — подмигнул он и лег.

А уже через несколько минут я разувался в сенях и искал взглядом излюбленные тапочки, сплетенные дедом из бересты. Послышались быстрые шаги бабушки, но их опередил вкусных аромат выпечки. Мы вошли.

— Ну, наконец-то приехал! Ну, Санька, сколько ж книг на этот раз взял с собой?

Мягкий и добрый голос. В коридоре возникла бабушка. Все, что я успел заметить, это светло-бежевый фартук. После чего потонул в объятиях, пахнущих сливочным маслом, костром и теплым хлебом. И, пожалуй, чем-то сладким (быть может, ванилью или сгущенным молоком). Бабушка напоминала теплый пирожок и всегда выглядела хорошо: опрятный халат, аккуратная прическа с собранным пучком волос на затылке, нефритовые бусы, круглое светлое лицо, похожее на луну, и удивительно молодые для ее возраста ярко-голубые глаза. Правда, они немного поблекли, словно выгорели на солнце.

«От старости, должно быть, — подумал я. — Но откуда эта печаль? Уж не поругались ли они с дедушкой? Или…»

— Совсем вырос, — бабушка покачала головой.

Дед тут же пожаловался — СНОВА! — на тяжесть сумки и рюкзака, и мне пришлось отбиваться от двойной атаки заботливых прародителей.

На деда бабушка посматривала странно. *Да нет, наверное, всё же возраст. Вот и здоровье сдает.* А жизнь в деревне не щадила. Мои родители не раз предлагали ро-ро переехать, но они категорически отказывались. «Здесь мы родились, здесь и помирать будем», — твердили они.

— Пойдем! — дед махнул в сторону кухни.

На столе меня ждали открытые банки с вареньем и джемами, горячие булочки, от которых исходил пар, пончики с шоколадным соусом и творожная запеканка.

— Ого! Кажется, от вас я буду катиться, как колобок, — сказал я.

— Скажешь тоже! — улыбнулась бабушка. — Вон какой тощий. Тебя чтобы сделать колобком, надо оставить тут на годик.

— Как дорога, Санька? — спросил дедушка.

— Да все в порядке…

Что я мог им ответить? Вряд ли бы что-то случилось за три с половиной часа в душном вагоне пригородной электрички. Не рассказывать же мне, что я успел прочитать полкниги, помечтал о полетах и в очередной раз задумался, почему мама с папой отдыхают не вместе.

— А вы тут как? — спросил я. Не столько для того, чтобы разузнать, сколько для того, чтобы прощупать почву.

Ро-ро переглянулись и ответили не сразу.

— Все хорошо, — заявила бабушка.

— Да разве может быть по-другому? — удивился дед.

Я им не поверил.

— Вы не поругались?

— Да брось ты, Сашк! — дедушка обнял бабулю.

— Все хорошо, — повторила бабушка, осторожно отвечая на объятия, будто боялась обжечься.

«Все хорошо». Почему же мне стало так неуютно? Все те же ро-ро, но на душе появился осадок. *Почему так тревожно?* Ведь бабушка все так же накрыла стол, поставила кипятить воду, наоткрывала кучу банок…

Да, скорее всего, я придумал это все. Тень, тусклые глаза. Что за вздор? Наверняка ро-ро просто-напросто поругались и были огорчены.

— А Мишка приехал? — с набитым ртом спросил я, уминая пирожок с брусничным вареньем.

Пронеслась электричка. На несколько секунд вибрация от путей коснулась дома и всего, что находилось внутри. Немного заложило уши. Такое бывает с непривычки. Меня сотрясло, будто я вновь очутился в вагоне.

— Приехал, приехал, — засмеялась бабуля. — Ждет тебя уже неделю!

— Говорит, изобрел что-то, — подхватил дед. — Как там, мать?

— Погодь... «Что-то головокружительное».

— Во, точно.

— Ого! — воскликнул я. — Интересно, чего он опять.

Мишка был сумасшедшим изобретателем. Каждое лето он что-нибудь мастерил. Что-то, о чем помышлял весь год, проведенный в городе. Все его мысли были заняты проектами, а мечты представляли собой последовательную (не всегда) реализацию этих самых проектов. Так, в ту пору на его счету имелись: самокат с фонариком, который заряжался за счет трения о колесо, хитроумный грузовой прицеп для велосипеда, летние санки, незаконченный проект не то рогатки, не то ружья и кроссовки с пружинами. Точнее, пружины-насадки на любую обувь. Мишка очень гордился ими, ведь это изобретение позволяло ему прыгать гораздо выше, чем способен человек. Правда, он немного охладел к ним после того, как чуть не сломал руку из-за неудачного приземления. Мишка был по-настоящему чокнутым фанатом своего дела. Недаром я прозвал его Тином — сокращенно от «talanted inventor», что означало «талантливый изобретатель». Прозвище ему понравилось сразу. Домик в деревне был его лабораторией.

— Завтра ярмарка, — вспомнил я, и в душе всколыхнулось приятное ощущение — предвкушение грядущего веселья.

Дед встал из-за стола.

— Пойду в комнату…

— Ты чего? — крикнул я ему в спину. Он всегда ждал бабушку! Они вообще были как одно целое и старались не разлучаться.

Дедушка замер и посмотрел на меня. Молча.

— Я… — что я мог сказать? Обвинить его в том, что он не такой, как раньше? Вряд ли это было бы правильно. — Я… Побегу к Мишке, наверное.

— Погоди-погоди, Сашк, — одернул меня дед. — Я их утром видал, они с отцом в райцентр поехали.

Я склонил голову.

— Зачем?

Бабушка расплылась в улыбке. Я ожидал, что меня опять назовут совой, но нет.

— За велосипедом, кажись, — ответил дедушка.

— Так у него ж был. Только в том году купили.

— Был да сплыл! Говорит, еле выпросил у Володьки новый. Никакой ответственности за вещи. Вот в наше время, помню, к вещам совсем не так относились. Каждая копейка была на счету, и если уж родители покупали чего, то мы берегли это так, чтобы и на ваше поколение хватило. А нынче — не…

В общении с дедушкой существовало важное правило — вовремя ретироваться. Если беседа плавно переходила в ворчание, лучшим вариантом было оставить его одного. Это меня бабушка научила. Якобы дед так быстрее успокаивался.

Я выпрыгнул из-за стола.

— Пойду тогда читать. Спасибо, бабуль!

Чмокнув бабушку в мягкую щеку, я побежал в сени, с непривычки едва не теряя тапочки. Вскочив на огромный сундук, занимавший всю лавку, я забрался на чердак. Полумрак здесь был дружелюбным и ничуть не страшным.

И уже тут, сев в любимое кресло, осознал — на лице бабушки была точно такая же тень, что и у деда.

Интерлюдия 1

Пять лет назад

Мама смотрит на меня и улыбается.

— Все взял?

Я в пятый раз осматриваю заметно опустевшую книжную полку и хлопаю по рюкзаку.

— Все.

— А «Омут радуги»?

Я улыбаюсь и провожу ладонью по мягкой поцарапанной обложке книги.

— Конечно! Я его сверху положу.

— Может, купим новую? Эта вон как обтрепалась.

— Ни за что! Она столько всего пережила со мной. Хотя вот, положу еще одну, — я хватаю книгу и бросаю в рюкзак. — Вот теперь все.

— Ну умница. — Мама наклоняется, чтобы обнять меня. — Я приеду в августе.

Теплое дыхание щекочет мне ухо.

— Да, хорошо. Ты с папой?

Она отвечает не сразу.

— Н-нет, он не может, Саш...

Я вздыхаю. А вот бабушка с дедушкой всегда вместе и никогда не расстаются. В отличие от моих родителей.

— Мама, а папа опять не проводит меня, да?

— Папа занят, милый.

— Да чем он вечно занят?! — вскрикиваю и чувствую, что вот-вот расплачусь.

Мама склоняет голову.

— Жизнью.

ЖИЗНЬЮ. Хороша жизнь — почти не бывать дома! Не могу себе представить ситуацию, в которой дедушки так долго не было бы дома. Он бы с ума сошел! В свое время они с бабушкой даже работали вместе.

— Жизнью... А тобой он когда-нибудь бывает занят? Ну, или нами.

— А разве он не занят тобой, когда мы все вместе едем в Дымчатую?

— Опять защищаешь! — я выбегаю из комнаты в слезах и знаю, что через пять минут мама придет, чтобы обнять и успокоить.

***

— Чего довольный такой? — спрашивает мама.

— Ну, Дымчатая же.

Звонко стучат колеса электрички. Мимо проносятся дома. И поля. И леса. Дома-поля-леса, нанизанные на тянущиеся вдоль путей провода.

— Ты всегда этому рад. Сегодня прямо сияешь.

Дома-поля-леса. Провода.

— Ну... Потому что не на машине.

Дурацкое чувство. Радоваться, что тебя не подвергают мучениям и не пытаются усадить за руль, чтобы научить водить, но при этом грустить, что папа не с нами. Неприятно, когда эти два состояния борются между собой.

Мама касается моей ладони.

— Ты слишком категоричен, милый.

— Нет. Я не умею и не могу! Мне неудобно думать о стольких вещах сразу, — горячо говорю я. — Вот бы научиться летать... Взлетел — и никаких тебе забот.

— Только прошу тебя — общайся с этим чудиком поменьше, ладно?

— Дядя Коля нормальный, мам!

— Да? А кто мне говорил, что он называет рельсы рунами?

— Ну ты же меня называешь милым. Разве я милый?

— Для меня — да.

— А вдруг для него рельсы это руны?

***

Дядя Коля. Его образ возникает перед глазами. Пусть он и странный, но мне нравится общаться с ним — в запасе у него десятки удивительных историй. Правда, когда я случайно слышу его разговоры с бабушкой и дедушкой, можно подумать, что дядя Коля — обычный старичок, разве что чуть-чуть с прибабахом. Зато когда мы остаемся одни и стоим на платформе, провожая отходящую электричку, закрадываются сомнения. Пусть его

рассказы полны небылиц и пестрят фантазией, дядя Коля говорит вещи, о которых я часто задумываюсь.

Год за годом, когда электричка подъезжает к станции, он машет мне рукой, высунувшись из небольшого оконца сторожки. Каждый год, без исключения. Даже когда я приезжал на машине с родителями.

А вот он выходит из своей сторожки, держа в руке масляный фонарь. Ночь расходится в стороны. Шаркают ноги. Он поднимается на платформу и медленно бредет, косматый, словно Леший. По-хозяйски обходит свои владения. Иной раз мурлычет чего-нибудь под нос или насвистывает веселую мелодию.

И потом в комнату заползают запахи кедровых орехов и мяты. Но их ощущаю только я. Никто другой в доме ничего не замечает. Начинаю думать, что меня разыгрывают. Каждый день обшариваю чердак — вдруг где завалялась баночка с эфирным маслом? Упала и разлилась. Но нет. Вряд ли надо мной станут так шутить. Откуда же тогда эти запахи? Кедр и мята. Повсюду мята. Я стою на огромном зеленом листике. Шаг — и запах. Шаг — запах. Над головой зависают три кедровых орешка.

И мир преображается. Лист под ногами твердеет, зелень выцветает и оставляет унылую серость. Кедровые орехи испускают сияние и превращаются в три фонаря. Я оказываюсь на платформе. Рядом с дядей Колей. Он грустный.

— Как думаешь, Саш, может человек пожертвовать одной жизнью ради тысячи?

Очередной странный разговор. Я вспоминаю предупреждение мамы, но тут же стараюсь о нем забыть.

— А зачем это? Зачем жертвовать?

— Чтобы спасти.

— Если человек может спасти тысячу людей, почему не спасет одного?

— Можно отправить в космос ракету навстречу астероиду и уберечь всю планету. Но ракета разрушится.

— И хорошо, — радуюсь я, довольный, что подловил дядю Колю. — Потому что ракета — не человек.

— Ладно, — кивает он. — А если взять не ракету, а космический корабль, которым нужно будет кому-то управлять? И тебе нужно выбрать, кого отправить.

Я замираю.

— Ой...

Мне представляется ситуация. По телу бегут мурашки. Не хотел бы я оказаться в таком положении.

— И вот я назначаю своего знакомого капитаном корабля. Считается ли это убийством?

Я задумываюсь.

— А если он не против полететь?

— А если его не спрашивают?! — дядя Коля повышает голос.

— Ой... Я... Я не знаю. Убивать же плохо. Но как же не спасти всех? Это, наверное, тоже зло?

— Да. Бездействие при возможности что-то изменить к лучшему или уберечь имеющееся. Поэтому необходимо отправить человека в полет. Ради всех. И подход к этой ситуации один — принцип меньшего зла.

— Однажды папа смотрел фильм, где...

Выражение лица у дяди Коли меняется. Задумчивость уходит, и на ее месте появляется что-то вроде волнения. Он смотрит на меня, и в глазах его слезы.

— Что? — с горечью спрашивает он.

Я пугаюсь. Кажется, я сказал что-то не то. Он явно смущается.

— Да так... — я пинаю камушек. Тот слетает с платформы и со звоном ударяется о рельсы. — Там похожая ситуация была. Но ты, судя по всему, знаешь этот фильм, — заканчиваю я, глядя на совсем сникшего дядю Колю.

— Увы.

Тогда я еще не понял, что означало его «увы».

***

Дедушка с бабушкой ждут нас у ворот. Они стоят в обнимку и улыбаются, их лица сияют.

— Неужели они правда такие счастливые? — спрашиваю маму, не выдерживая их радости. Спрашиваю каждый год, едва только вижу бабушку с дедом.

— Очень, сын. Наверное, они одни такие.

— А вы с папой?

— Кхэ-кхэ, — сидящий за рулем отец мрачнеет.

Мама смотрит на него. Он хмурится.

— И мы с папой... Счастливы и любим друг друга. Но посмотри — разве можно с ними конкурировать?

Конечно, нет. Они кажутся намного моложе своих лет. Бабушка стоит в платье, а в свободной руке держит небольшой букет полевых цветов, которые, как обычно, принес ей дедушка. Он возвышается рядом, загорелый, в рубашке с закатанными рукавами. Дедушка излучает здоровье. В глазах плещется гордость. Особенно это заметно в те моменты, когда дедушка держит бабушку за руку.

Стоит только выйти из машины, как крепкие руки деда хватают меня под мышки, и я взмываю к небу. Он подбрасывает меня в воздух несколько раз, и я с каким-то странным интересом жду, когда он запыхается, но этого не происходит.

— И где ты умудряешься находить их? — отец кивает на цветы в руке бабушки. — Я думал, ты все на километр вокруг вырвал.

— Я был близок к этому! — радостно отвечает дед. — Пришлось сажать новые.

И все смеются.

А потом звякает калитка, и мы идем пить чай. Это отличный повод накормить нас пирогами, пирожками, булочками, рулетами и много-много чем еще. Угощения гораздо вкуснее, ведь напротив сидят ро-ро — улыбчивые и открытые. Они живут вместе почти полвека и выглядят самыми счастливыми. Когда я рядом с ними, мне словно передается их солнечное настроение. И я улыбаюсь.

Глаза бабушки — это глаза дедушки. Его взгляд точно так же пылает молодостью и силой. Как будто они не менялись с самых юных времен и до сих пор сияют жизнью во всей ее красе.

После обеда мы с дедом выходим на улицу подышать свежим воздухом. Повсюду растут цветы, где-то в зарослях гудит шмель.

— А знаешь, Саш, — тихо говорит дедушка. — Я мог тысячу раз сжульничать и сорвать цветы в нашем саду, но никогда не делал этого. Из уважения к своим чувствам и их проявлению. Понимаешь?

Тогда я этого не понимал.

Глава 2

Поезда и призраки

01 июня.

Чердак. Самое уютное место в доме. Нижний этаж меня не интересовал, равно как и других не интересовал верхний, так что чердак, сколько себя помню, целиком и полностью принадлежал мне. Дальняя сторона была заставлена инструментом, лопатами, запчастями. Я никогда не обращал внимания на этот хлам — свет там не горел, а пару лет назад дед вообще завесил брезентом все так, что издалека свалка походила на оплавленные камни.

Другое дело — моя часть. Пожилой диван-книжка; последний раз складывал его лет восемь назад. Спал я именно здесь — в царстве одиночества и свежего воздуха. Между диваном и выходящим на платформу окном стояло большое советское кресло. Честное слово, я так много на нем сидел, что ему давно пора было проломить деревянный пол или врасти в него. Это было моим читальным местом. Может, незатейливым, зато самым уютным. Широкие деревянные подлокотники, мягкая спинка, мягкое сидение, фиолетово-золотая обивка, утратившая былые цвета и успевшая протереться в нескольких местах.

Рядом с креслом — круглый деревянный столик. Пустовал он только в первый день моего приезда, а в остальное время был заставлен кружками с какао, тарелкой всяких вкусностей и беспорядочно лежащими книгами. А на книгах — незаконченные эскизы Ленкиных рисунков. Они были для меня самым важным и дорогим. Рисунки с аккуратно написанной датой в углу напоминали, как давно я не видел Лену. Целый год. *Наверное, она изменилась. Выросла, закончила школу и потеряла интерес общаться со мной...*

Я включил светильник. Теплый свет и вправду согрел меня, распугав дурные предположения. Из мглы проявилась книжная полка с покосившимися томиками и главная достопримечательность чердака — стена. Яркая, пестрая и по-настоящему удивительная. Помню, как я показал ее Мишке, а потом Ивану — и что первый, что второй стояли с раскрытыми ртами и долго не могли отвести от нее взгляда. Все потому, что я обклеил все рисунками Лены. Она была столь же талантлива, сколь и красива. Мы очень хорошо дружили, и Лена всегда старалась читать те же книги, что и я — она любила писать картины и рисовать наброски по мотивам прочитанного. Большую часть дарила мне. Иногда в рамках, иногда — просто листы формата А3 или А4. Абсолютно каждый рисунок

находил свое место, и со временем они вытеснили компьютерные распечатки любимых героев и пейзажей книг, найденные в Интернете. Жалко, что в последние два года Лена приезжала редко, да и то — не играть с нами, а навестить тетю и уделить мне с Тином денек-другой. И вообще, чего делать в компании с ребятами на пару лет младше? Зато с ней всегда были новые рисунки, и я с огромным удовольствием примерялся, куда повесить очередную работу. *И чего ей эта Сосновка?..*

Я взял со стола один из томов. Обычно чтение поглощало меня сразу, буквы оплетали, подобно лианам, и выстраивались в миры. Однако в тот день между мной и текстом как будто возникла колючая проволока. И чем сильнее я прорывался сквозь заслон, тем больше испытывал дискомфорт. Смена книги не помогла. Водя взглядом по одному и тому же месту в десятый раз, наконец, осознал истинную причину. Дядя Коля.

Смотритель не выходил из головы. Из вечно улыбающегося старика он превратился в трухлявый пень и разом постарел лет на сто. Может, всему виной скудное освещение в сторожке, но я отчетливо видел бледную пелену на его лице. Хотя, скорее всего, просто устал с дороги — ну не могло мне померещиться столько странностей! Но хриплый голос… Дядя Коля всегда так мастерски рассказывал, обыгрывая каждую интонацию! Он знал множество историй и делился ими не менее увлекательно, чем это делают писатели. Я так и не узнал, придумывал ли он их сам или просто пересказывал. У меня даже закралось подозрение, что некоторые прочитанные мной книги были написаны им. Под псевдонимом. Ну а почему нет? Да еще эта странная привычка блуждать по ночам.

Разве может такой человек заболеть? А… А умереть? Нет же, не может! Пока у таких людей есть любимое дело, есть, что рассказать, они будут жить. Разве может умереть тот, у кого есть друзья?

Наверное, дядя Коля считал меня другом. Уж я-то его точно! Я не хотел, чтобы с ним что-нибудь случилось. *И если я — его друг, стало быть, ничего со смотрителем не будет!*

Эта мысль успокоила меня. И раз уж Тин находился в отъезде, ничего не оставалось, кроме как пересилить себя и все-таки одолеть несколько страниц. Тем более что заслон, кажется, исчез. В открытое окошко ворвался громкий звук сигналящего поезда. Он словно подначивал, говорил: «Давай же, вперед!». Я улыбнулся, поправил светильник и погрузился в книгу.

Представить чтение в деревне без стука колес попросту невозможно. Связка книг и стука колес была нерушимой, и меня нисколько не смущали громко проезжающие поезда.

Открытие и закрытие дверей, пыхтящие составы, скрипы, сигналы, перестукивания — я называл эту канонаду колыбелью чтения. Особенно было здорово, когда звуки органично вплетались в повествование. Например, происходит сражение, и мне уже кажется, что за окном разгорается настоящая битва, звенят мечи, копья ударяются о щиты, скрипят доспехи… Или читаешь, скажем, про великанов, а мимо проезжает состав, медленно и тягуче — стук колес напоминает тяжелую поступь, словно в нашем мире материализовались гиганты и прямо сейчас разгуливают во дворе, а под их ногами хрустят заборы и дома…

Под пение птиц и приглушенные голоса ро-ро я погрузился в чтение. Едва уловимый ультразвук работающего телевизора растворился в тишине.

Перелистывались страницы, постанывало кресло, проносились электрички. Я неторопливо поедал прихваченные с кухни булочки. И все было хорошо, пока в полумрачной тишине не раздался тихий довольный смешок. Иглы ужаса пронзили меня быстрее, чем я смог осмыслить произошедшее. По телу пробежала дрожь, и мне с трудом удалось побороть приступ паники и не рвануть с места с громкими воплями, взывая к помощи. Я хотел оказаться в комнате бабушки и дедушки, обнять их и отвернуться, уткнуться лицом в подушку. Там светло, громкий телевизор и сильный дедушка.

Я вцепился в книгу, как в штурвал шаттла, способного унести меня из Вселенной Страха. Глаза приковало к строчкам, взгляд остановился. Отрываться от страниц не рискнул — боковым зрением я отчетливо видел посторонний предмет, замерший в открытом окне. Нечто светлое. Может, белое. Совсем рядом со мной. И если что-то и могло издавать смех, то это было именно оно.

— Ш-ш-ш-ш… Ш-ш-ш-с-с-с-ко-о-о-р-р-о-о-о…

Это он! То, что находится в окне, шепчет мне!

Книга задрожала в руках.

Холод сковал меня, я трясся, будто вытащенный из воды щенок. *Только не отводить взгляд от страницы. Смотреть прямо. Смотреть.*

Но вот же оно! Боковое зрения отчетливо видело пятно…

Неужели призрак?!

Я вздрогнул. Белесая тень встрепенулась и исчезла. Я подбежал к окну, не думая ни о страхе, ни о последствиях, ни об опасности. Просто метнулся к окну, словно это могло дать ответы.

Никого и ничего. Хм.

Я провел пальцами по шершавой деревянной раме, чтобы окончательно убедиться, что никого нет. Выглянул наружу. Окно выходило на станцию, укрытую высокими американскими кленами. Сетчатая тень от листьев накрыла ступеньки платформы. Ведущая от нее тропинка была пуста, кусты не трепыхались. Никаких следов бегства. Все тихо и спокойно. На Дымчатую опускался вечер. Температура упала, и от далекой речки величественно поднимался туман. Он отрезал путь к деревне, будто поднятый крепостной мост.

Может, то был не призрак, а кусочек тумана?

ДА КОНЕЧНО КУСОЧЕК ТУМАНА ОТБИВШИЙСЯ ОТ СТАДА И ЗАПЛЫВШИЙ ТЕБЕ В ОКНО! ВПОЛНЕ ВОЗМОЖНО ЕСЛИ ПРЕДПОЛОЖИТЬ ЧТО ТУМАНЫ УМЕЮТ СМЕЯТЬСЯ НУ НУ.

Свет в сторожке не горел. *Неужели дядя Коля все так же лежит на койке и держится за голову, то и дело разглаживая свой пинжачок?*

Цветы плавно трепетали на ветру, подсолнухи, подобно маятникам, раскачивались из стороны в сторону, листья кленов… Были неподвижны.

Что-то вскрикнуло. Взгляд вперился в дверь. По дорожке мчало белое пятно. Оно исчезло в сторожке. Следом закрылась дверь, пресекая все вопросы и предположения.

— Дядя Коля! — вскрикнул я и помчался вниз, на помощь станционному смотрителю.

— Ты чего, Саньк? — пророкотал из глубины дома дед.

— Все хорошо!

Чуть не упав с сундука, влетел в кроссовки и побежал к сторожке.

Хорошо, что было недалеко. Я сбавил темп, чтобы вслушаться. Голоса. Из сторожки. Это удивило меня, ведь смотритель всегда жил один. Да и кто к нему придет?

— Странно… — буркнул я и распахнул дверь, готовый, если надо будет, драться.

И замер.

Дядя Коля преспокойно сидел на койке в неизменно облачении, а на круглом столе возле него деловито устроился… Хорек! Удивительный белоснежный хорек с янтарными глазами, что сияли в полумраке подобно фонарям. Зверек словно и вправду был порождением тумана.

Две пары глаз — тусклых и ярких — уставились на меня, как на призрака.

— Д-добрый вечер… — растерянно проговорил я, переводя взгляд с одного на другого.

Здесь был все тот же спертый воздух. Уставший воздух, еле живой.

— Добрый, коль не шутишь! Проходи, Сань.

— Я думал, у тебя кошка, — пробормотал я, садясь напротив хорька.

Пушистый, чистый и ухоженный. Словно мягкая игрушка. В этом царстве запустения зверек выглядел чужеродно. Белая шерстка не сочеталась с грязным столом и пылью, подмявшей под себя все, что можно. Светящиеся глаза пронизывали сумрак золотыми лучами. Или мне показалось?

— Почти что кошка, — отмахнулся смотритель, на что хорек, возмущенно повернув голову, недовольно уставился на него. Или мне просто показалось? — Из лесу прибежал. Покормил его раза два, а он… Ну, и привязался.

— А… — кивнул я, стараясь не замечать ухмылки на морде зверька.

Или мне?..

НЕТ СЛИШКОМ МНОГО ДЛЯ ПОКАЗАЛОСЬ.

— А ты чего, Сань?

Заметил, что дядя Коля избегает смотреть мне в глаза больше пары секунд.

— Да что-то вот… — замялся я, рассматривая его бледное лицо. — Испугался что-то. Ты как? Все хорошо?

Смотритель одарил отеческой улыбкой и взлохматил мои волосы.

— Хорошо. Спасибо тебе, что беспокоишься, — хрипло произнес он. Я чувствовал себя неловко, вынуждая его говорить. Казалось, что это причиняет ему неудобства. — Эх, Сашка, соскучился я по нашим разговорам. Совсем от меня все отворачиваются. Вроде бы и я чудной, а на них посмотришь, так все чуднее становятся. Стар я уже… Едоки-то все прут, а тяжеловато. Барьеры, знаешь ли, не вечные. Иной раз не справляюсь и корю себя. Туман вот помогает. Мы с ним, вроде как, команда, да. Как-нибудь познакомлю вас. Сейчас, он говорит, не время.

Я послушно кивал и внимательно слушал каждое слово. Честно говоря, ничего не понимал, но дядя Коля всегда был хорошим и приветливым, так что хотя бы из вежливости я обязан посидеть с ним и попытаться поддержать беседу.

— А тебе не тяжело говорить? — вырвалось у меня. Слушать долгие речи таким надломленным голосом было трудно. Особенно если допустить, что все это ради меня.

— Не переживай. Есть вещи поважнее.

— Поважнее?

— Да. С Дымчатой вот нехорошо становится… Мечты теряются. Понимаешь? — дядя Коля выглядел странно. Серое лицо… Будто выжатое от красок. Широко распахнутые глаза в цвет пыли на мебели и опустошенный взгляд. Усы встопорщились, пальцы беспокойно скребут по коленям. — Завтра сам увидишь. Они больше не мечтают. Их интерес угас. Потому что *ОНИ* жрут. И Пленусов много стало. А я не справляюсь. Едоки прорываются и становятся сильнее. Из-за меня страдают дымчатые. Сдаю я, Сашка… Ох, тяжелое будет лето.

Я слушал и грустнел все больше. Вновь закралась мысль, что смотритель собирается умереть. Возможно, он сильно заболел.

Он продолжал говорить, сникший, подобно игроку, который заканчивает партию и понимает, что проиграл. Его речь была пламенной и отдавала фанатизмом. Тем больнее мне становилось, когда я осознал, что он истово верит в сказанное.

— Знаешь, мечты — ресурс на самом деле исчерпаемый. Если не мечтать, нет смысла жить, а если мечтать сразу и о многом, мечты обесцениваются. Ты разделяешь свое стремление на мелкие кусочки и в итоге топчешься на месте. Необходим баланс. Нельзя распадаться на десятки частиц.

Я вспомнил автомобиль. Выжать сцепление, сбавить газ, включить передачу, нажать на педаль газа, аккуратно отпустить сцепление, контролировать дорогу, смотреть по сторонам… Потому-то и не выходило.

— Баланс. Я люблю приводить в пример макаронины. Возьми одну и надломи. Легко, правда? А теперь схвати целый пучок. Получится ли у тебя? А если макаронин будет слишком много, ты не удержишь их и рассыплешь. Все должно быть в меру.

«Это чересчур для меня, пап. Я так не сумею!»

«Не думай обо всех этих пунктах. Просто веди машину».

Хорек неотрывно смотрел на нас и будто бы вслушивался. И то, что он иногда кивал, мне точно не казалось!

— К сожалению, я это понял не сразу. Пойдем на платформу пройдемся? — предложил дядя Коля. — Мне тоже как-то лучше там стало думаться. С тебя пример беру.

Я был рад покинуть сторожку. Все-таки там висела какая-то нездоровая атмосфера. Перед тем как выйти я настоял на том, чтобы открыть окно и оставить дверь открытой, чтобы проветрилось. Надеялся в глубине души, что болезнь — независимо от того, есть она или нет — покинет сторожку.

— А хорек не убежит?

— Не убежит, — улыбнулся дядя Коля и вышел за порог.

Фонарь не взял, сославшись на то, что за год он значительно потяжелел.

Наступил вечер. Село солнце, поутихла жара; в воздухе плавали запахи печеной картошки и шашлыка. Вдалеке чадили трубы истапливаемых бань; дым вился длинными столбами, и казалось, что небосвод покоится на сизых колоннах. Я завороженно наблюдал, как дымные колонны становятся выше и гуще. Мир оживал. Рядом сопел дядя Коля, неподалеку рубили дрова, лениво перегавкивались собаки. Утихли раскидистые клены, будто прислушиваясь вместе со мной. Замер и ветер. Никаких иных звуков. Дымчатая готовилась ко сну.

Последние лет пять из трех фонарей на станции горел только один, самый дальний. Его света едва хватало, чтобы смотреть под ноги и не спотыкаться. Из омута тишины вынырнул поезд и без остановки пронесся в сторону города. То был последний поезд и останавливался он только на крупных станциях.

Дядя Коля проводил его встревоженным взглядом и тяжело вздохнул.

— Ох уж эти руны.

— Что? — переспросил я.

Смотритель кивнул на рельсы.

— Руны. Не довели до добра. — *Опять он со своими рунами!* Пожалуй, именно за это дядю Колю считали немного не в себе. — Не было бы рун, не было бы проблем.

— Ты о чем? — меня немного пугала эта чушь. Когда дядя Коля говорил совсем уж страшные вещи, становилось неуютно и тревожно. — Да что с тобой?

Он покачал головой.

— Да что-то вспомнилось. Сегодня три месяца, как я потерял друга, — просипел дядя Коля. — Хоть мы и не виделись последнее время, а жалко. Знаешь, Саш, когда в печке горит огонь, мы тоже не видим дров. Но знаем, что они там есть. Они горят, и нам тепло. Так же и с людьми. В силу разных обстоятельств вы можете не видеться черт знает сколько времени, но одна только мысль о том, что он есть, живет и здравствует — греет. А теперь этого нет. Все чаще стал искать тепло в печке.

— Из-за чего?.. — я почувствовал ком в горле. — Из-за чего он умер?

— Руны. Это все руны. И Едоки. Довели. — Дядя Коля посмотрел вдаль. Ветер растрепал его волосы. В глазах блеснули слезы. — Покойся с миром, Перелесов Антон Степанович. Ты был достойным.

Я ничего не знал об Антоне Степановиче, но дяде Коле верил и разделил с ним его скорбь. Над головами замерло темное небо. Смотритель шмыгнул носом.

Под ногами путался хорек. Для него два человека были медлительными, и пока мы неторопливо шагали вдоль края платформы, удивительный зверь сновал из стороны в сторону, принюхиваясь и расшвыривая лапками кучки щебенки, а когда это наскучивало, начинал поддразнивать нас и бегал в опасной близости.

— Я расскажу тебе одну историю, — ни с того ни с сего сказал дядя Коля, смотря вдаль.

Сказал тем самым мягким и обволакивающим голосом. На душе у меня просветлело.

— В одном из миров имелся Орден Переписчиков. Считай что магов. Они охраняли древнее зло, заключенное в сосуде — враждебную сущность. И однажды эта сущность вырвалась из заточения и вселилась в одного из Переписчиков по имени Сарпий. Понимая, что никто ничего сделать не сможет — ни усмирить сущность, ни уничтожить, — Сарпий отправился на край света, к местным богам, чтобы те развоплотили его вместе с укоренившимся в нем злом. С каждым днем темная сущность овладевала им, помутняя разум. Началось длительное противоборство. Сарпию становилось все тяжелее.

Мы ходили от одного края платформы к другому, вплоть до небольшого перехода через рельсы. Чем слабее говорил дядя Коля, тем громче становилась тишина. Она буквально звенела. Мир слушал историю вместе со мной.

— За Сарпием охотились, — продолжал дядя Коля. — Все хотели заполучить себе силу, чтобы захватить мир. Они алкали могущества. Но для этого нужно было убить того, в ком оно обосновалось.

— То есть Сарпия? — так же тихо спросил я.

— Да. Сарпию было трудно отбиваться от людей. Он понимал, что в смертях виновата их же собственная жадность. Но что делать, если на кону — судьба целого мира...

— Знаю! — не выдержал я, чуть было не подняв руку, как ученик, которому не терпелось ответить на вопрос. — Принцип меньшего зла, да?

Смотритель кивнул.

— Совершенно верно. Хм, а ты помнишь! — улыбка на лице дяди Коли. Такая нужная и такая редкая. — Молодец.

— Конечно помню! Я даже в нескольких книжках читал про это.

Мне снова пришла в голову мысль, что автором тех книг мог быть дядя Коля. Тот, впрочем, никак не отреагировал и вернулся к истории.

— Вскоре против Сарпия встали его же собратья по Ордену. Но знаешь что? Он все-таки нашел в себе душевные силы перебороть таящееся в нем зло, поднять руку на членов Ордена и спасти мир. Его воля — образец для подражания, его стремление — самое сильное, что в нем было. Сарпий стал героем. Он дошел до богов и просил их. И они послушали его.

Я сглотнул.

— Неужели... Неужели он умер?..

— Умер? Нет, он не умер, — смотритель с важным видом поднял палец. — Он спас мир. Разве такие люди могут умереть? Нет, Саша, он жил вечно. И будет жить до тех пор, пока я, ты, кто-либо еще будет рассказывать о нем людям. Герои не умирают.

Получается, Сарпий с самого начала знал, что умрет, но все равно шел к цели... Наверное, это тяжело. И грустно.

— Да... — только и смог сказать я, содрогаясь.

Где-то над Сосновкой пророкотал гром.

— Не понравилась история? — как-то обреченно спросил дядя Коля.

— Нет, ты чего! Просто... Просто грустно. Мужественно, но грустно. — По телу пробежали мурашки. — Бр-р! Да что так холодно-то стало?

Смотритель остановился. Прищурившись, он посмотрел на пути.

Еще один раскат. Вроде бы не сильный, а меня словно пошатнуло.

— Не так важна история, как то, что в ней можно найти, — не своим голосом сказал дядя Коля. — Глупец не увидит ничего даже в самом поучительном рассказе. Но…

Он замолк. Издалека послышался стук колес.

Странно. Откуда бы ему взяться? Последний поезд ушел. Смотритель посмотрел направо. Там, в густой темноте, запутавшейся в ветвях кленов, разрасталось голубоватое свечение. Как будто к нам приближался...

Поезд?

Неожиданно дядя Коля пустился в пляс. Нет, вряд ли это походило на танец. Он принялся совершать странные движения руками и ногами — словно вальсировал. При этом можно было решить, что он дерется с невидимкой или от кого-то отмахивается. Но от кого, если кроме нас и хорька на платформе никого не было?

Запахло мятой и кедровыми орехами. Ничего нового, все как всегда. Еще одна загадка Дымчатой — кедров здесь и в помине не было, а до мест, где растет мята, идти и идти.

ПОЕЗД?

Фонарные столбы и деревья отбрасывали длинные тени. Источник таинственного света постоянно двигался, и тени — вместе с ним.

Стало не по себе. Я не решался подойти или окликнуть смотрителя. *Пожилой человек носится по платформе с серьезным лицом и как будто чем-то мажет воздух, а потом разглаживает, выравнивает, чего-то кидает…*

Что тут думать?

Свечение начало угасать.

Так продолжалось пару минут. Похолодало. Меня затрясло. Дыхание превратилось в пар. От острого мятного запаха свербело в носу. Никакого поезда не появилось. Закончив, смотритель подошел ко мне. По раскрасневшемуся лицу текли капли пота, волосы слиплись, пинжачок распахнулся, показывая насквозь мокрую тельняшку. Дядя Коля дышал прерывисто и хрипло. Он согнулся и оперся об ограду.

— Фух... Пойдем отдыхать, Санька. Тяжелое будет лето.

И почему-то сомнений в правдивости его слов не возникло.

***

Не спалось. Я не мог унять дрожь и усмирить волнение. На станции произошло нечто странное. Дядя Коля... Хотя дед говорил, что смотритель стал еще чуднее. Но это свечение... Неприятный холодный оттенок, похожий на электрический разряд. Что же такое я видел?

Да уж. Обычно в первый день я засыпал как убитый. В редкие ночи, когда сон ко мне не спешил, я воспарял над Дымчатой, окидывая взглядом окрестности, или смотрел в окно на платформу и одетые в сумрак кроны деревьев. Сегодня выглядывать в окно было боязно.

Внизу еще работал телевизор, но я не сомневался, что бабушка с дедушкой давно спят. Хорошо, что они засыпали рано и не знали, что их внук допоздна засиживается на чердаке и читает, пока его не сморит сон. Или лежит себе и *летает* по деревне.

Я всматривался в потолок, боясь различить на нем голубые отсветы. Однако его едва-едва касалась бледная охра, тянущаяся от фонарного столба с платформы. Я закрыл глаза и покинул тело.

Вверх, через крышу, к звездному небу! Лети через тесные улочки, мимо обширной площади возле правления, пролетай через заросли крапивы и ничего не бойся. Отыщи протоптанные с Тином лабиринты и тайные ходы, скользи над поросшими травой рельсами, которые врезаются в заброшенную мельницу. Воспаряй, Оул! Дымчатые спят, никто тебя не увидит. Не бойся, поднимайся выше. Еще выше! Чтобы видеть водонапорную башню, которая кажется отсюда детской игрушкой, а домики — рассыпанными деталькими конструктора. Нет, слишком высоко. Ты же любишь Дымчатую. Опускайся к лесу, а через него — прямо насквозь! — к Сливочной. Видишь этот туман? Посмотри, какой он мягкий и влажный. Такой приветливый. Поздоровайся с ним!

Лети дальше — к жутковатому скелету фермы. Ну точно останки древнего чудовища! Ночь темна, луна освещает кости. Этот монстр сейчас оживет! Быстрее отсюда! Прямиком к песчаным карьерам. Смотри не врежься в деревья! Хотя погоди, чего тебе бояться? Летай и наслаждайся!

Прямиком в Сосновку! Видишь, уже день? Все так же маршируют кадеты. Лети дальше! В самый центр, где пятиэтажные дома и сквер. Опускайся ниже. Поброди между фонтанами, полюбуйся стройными высаженными соснами, что наполняют улицы запахом хвои и смолы, сверни в небольшой парк аттракционов и взмой ввысь, чтобы карусели показались тебе игрушечными! Помнишь, как ты гулял тут с Леной?

Вот бы полетать так вживую… Вот бы подойти к окну и…

«Подойти к окну…»

ТЫ ТАК И НЕ РЕШИЛСЯ ПОДОЙТИ К ОКНУ ОУЛ. ТЫ ПРЕСПОКОЙНО ЛЕТАЕШЬ НАД ДЕРЕВНЕЙ НО БОИШЬСЯ СДЕЛАТЬ НЕСКОЛЬКО ШАГОВ И ВЫГЛЯНУТЬ НАРУЖУ?

Нет, я так не могу.

Набрав полную грудь воздуха, я метнулся к распахнутому окну.

Лицо обдало свежестью летней ночи. На самой грани обоняния ощущался запах кедровых орехов. Чудесный дуэт темноты и тумана обступил Дымчатую. И только фонарь оставался одиноким светлым пятнышком.

И ничего страшного. Тишина, покой и умиротворение. И сверчки. Слегка кружилась голова, будто я и в самом деле минутой ранее летал в небе. Немного постояв, я вернулся обратно на диван и снова попытался уснуть. Но даже не успел устроиться поудобнее. Дом затрясло.

Бурлящая вибрация заполонила все свободное пространство. Я знал это чувство. В голову вкрутился звон проезжающего поезда, будто по нему колотили молотами. Так близко… Словно состав ехал через мою голову — из одного уха в другое.

Я скрючился на диване, прикрыв уши. Ужасный звук был везде. Моя кровь стала мощным гулом, сердце — колоколом. А сам я превратился в металлический корпус, в который колотили, колотили КОЛОТИЛИ КОЛОТИЛИКОЛОТИЛИ…

Стены ходили ходуном, на потолке плясали голубые огни. От накатившей паники я оцепенел. У меня перехватило дыхание, из горла вырвался хрип.

«ДА ЧТО ЖЕ ЭТО ТАКОЕ?! — даже мысли с трудом перекрикивали эту адскую какофонию. — Что это? Очередной поезд? Из самой Преисподней!»

Дом тряхнуло с новой силой.

Вырываясь из тисков жутких звуков, я кинулся к окну. Пол подо мной изогнулся. Я чуть не упал.

Мята и кедровые орехи.

Холод. ХОЛОД!

Все стихло. Так же быстро, как и началось. Дом замер. Шум словно заглушили подушкой. Я высунулся из окна и посмотрел на железнодорожные пути. В сторону Дружбино уплывало пятно, сочащееся электрическим светом.

Я наблюдал, подсознательно ожидая, когда всполошатся ро-ро и позовут меня, но те все так же мирно спали под включенный телевизор. И дядя Коля не вышел из сторожки. *Что такое…*

У меня уже болели глаза, а я всматривался и всматривался в смыкающую темноту. Все стало как прежде.

...До тех пор, пока из мрака под кленами на станцию не вынырнул силуэт. Он показался мне жутко знакомым. Наверное, потому я и не испугался.

Высокий силуэт поднимал и опускал руки, кружил, будто загнанная в ловушку мышь. Я закусил губу и, не мигая, следил за темной фигурой, пока она не вошла в круг света.

Ба, да это же дядя Коля!

От сердца отлегло. Странно, почему я не узнал его сразу — как будто не он сегодня вечером вытворял то же самое: кряхтит да охает, но движений не прекращает. Словно выравнивает невидимое полотно.

У меня вырвался смешок. Правду говорили — с ума сходит.

— Эх, дядя Коля, дядя Коля…

Или это я теряю рассудок? Что если мне все почудилось? Нет, этого не может быть…

Смотритель ходил по платформе. Его присутствие меня успокаивало. Я был в полной уверенности, что ничего плохого больше не произойдет, словно он присматривал не только за станцией, но и за мной. И за всей Дымчатой.

Засыпая, я мог поклясться, что слышал голоса. Один принадлежал смотрителю, другой... *НЕ ЗНАЮ*. А еще я слышал крики, визги и вопли. И поезда. Источники звуков я объяснить не мог.

А потом увидел: в окне сидит белоснежный хорек дяди Коли и смотрит на меня янтарными глазами.

— Что ты здесь делаешь? — спросил я.

— Наблюдаю за тобой.

Забавный насмешливый голос.

— Ты говоришь! — воскликнул я, осознав, что веду диалог с животным.

— Я много чего делаю. Например, снюсь тебе. Спи. Еще слишком рано. Завтра ярмарка.

Да. Какой я дурак! Это же все приснилось мне. Тряска дома, свечение, говорящий хорек… Ну что за глупости?

Внезапный вывод освободил меня из тревожного плена. Я уснул как убитый.

Интерлюдия 2

Три года назад

Марк Дмитриевич закончил предложение и поставил жирную точку. Мел противно скрипнул по доске. За его спиной снова говорили. Он вдавил мел так сильно, что тот начал крошиться. Одернув себя, мужчина повернулся.

Ну конечно же — все тот же парень с темными глазами и короткими волосами цвета обсидиана. Саша… Как его. Забыл фамилию.

— Всем ясно, класс? — невозмутимо спросил Марк Дмитриевич.

— Да! — ответили дети.

Все. Даже этот Саша.

Хорошо.

Марк Дмитриевич схватился за левый край доски и потянул на себя, прикрывая половину написанного текста. Затем закрыл правую сторону и снова повернулся к классу, вперив взгляд в Сашу.

— Значит, ясно, говорите? — сдерживая ярость, сказал он. — Хорошо. С… Саш, раз вам все ясно, может, перескажете суть задания?

Мальчик удивленно заморгал и неуверенно поднялся, чуть не опрокинув стул. Его сосед по парте тихо засмеялся и с ожиданием уставился на друга. Не было никаких сомнений, что тот сморозит какую-нибудь глупость и получит двойку за поведение. В крайнем случае его выгонят из класса.

Едва появившись, растерянность с лица Саши ушла.

— А-а-а… Ну. Я так понял, что надо написать текст и расставить знаки препинания. — Молчание и ледяной взгляд учителя. — Д-да?..

Марк Дмитриевич расплылся в улыбке.

— Совершенно верно.

Саша заметно обрадовался.

— А, ну вот! — и довольно посмотрел на друга.

— Тогда переписывайте, — невозмутимо сказал Марк Дмитриевич.

По залу пронеслась волна коротких смешков.

— В смысле? — не понял Саша.

— Открываете тетрадку и *пишете* текст. Не забыв про знаки препинания.

Слова хлестали, подобно кнуту. Ученики боязливо смотрели то на Сашу, то на Марка Дмитриевича, только и успевая, что поворачивать головы от одного к другому.

Учитель улыбался. Впрочем, на его улыбку ответили.

— Ну, хорошо, — ответил Саша. — Можно сесть?

— Нужно.

— Хорошо, — повторил мальчик и взял ручку.

Класс молчал. Вместе с учителем ученики наблюдали и ждали, когда Саша закончит. Он писал беспрерывно, лишь изредка останавливаясь, чтобы подумать, нужна ли запятая или нет. Вскоре ручка громко стукнулась о парту.

— Я все, — нарочито громко произнес Саша, с трудом сдерживая улыбку.

«Сейчас ты у меня попляшешь, умник. Думаешь, я не смогу поставить тебе двойку на втором уроке?»

— Давай тетрадку.

Мальчик подмигнул соседу по парте и поспешно прошел к доске, вручая учителю написанное. Марк Дмитриевич вперил взгляд в тетрадку, словно кречет, парящий над тундрой в поисках жертвы. На губах царила ехидная ухмылка.

Прошла минута. Вторая. Ухмылка тускнела. Саша вернулся на место и снова начал переговариваться с другом.

«Не может быть! — думал про себя Марк Дмитриевич, стараясь не покраснеть от гнева. — Это немыслимо! Как?!»

Неровной походкой он подошел к доске и распахнул ее. Затем снова уставился в тетрадку.

Все сходилось. Текст был написан слово в слово. Без единого огреха. Но как? Ведь он же только что его дописал, не успев даже отряхнуть руки от мела. Он велел ученикам смотреть, да и тетрадь этого парня была чистой. Как ему это удалось?

Марк Дмитриевич вернулся на место.

— Что ж… — начал он, пронзив Сашу своим взглядом. — Давай дневник.

Мальчик снова прошел через весь класс. Нет — промаршировал. Довольно улыбаясь, он протянул дневник учителю.

***

Прозвенел звонок. Ребята выбегали в коридор, стараясь обогнать друг друга. Впереди всех был Саша. Он мчал, гордый, что справился с заданием и получил отличную оценку, и остановился уже в столовой. Через минуту его нагнал сосед по парте.

— Ну, — запыхаясь, сказал он, — показывай.

Саша фыркнул.

— Да что показывать-то? — ответил он, со скучающим видом доставая дневник. — Ты что, пятерок никогда не… Ой.

Запись. Длинная запись, написанная красными чернилами. Саша прочитал ее. Перечитал. Мальчика окатило жаркой болью, словно он смотрел на собственные шрамы, отзывавшиеся кошмарными воспоминаниями.

«Пришел на урок, заведомо ознакомившись с учебно-методической программой. Просьба родителям изъять учебные пособия и проследить за надлежащей и ЧЕСТНОЙ подготовкой Саши к урокам».

Чуть ниже красовалась огромная двойка.

Глава 3

Тени на лицах

02 июня.

Я проснулся с мыслями о ярмарке.

Их у нас устраивали ежегодно, в первую неделю каждого летнего месяца. Ничего необычного: просто ярмарка, посвященная долгожданному теплу. На небольшой площади перед зданием правления жители Дымчатой организовывали настоящую выставку, где практически бесплатно можно было отведать свежего молока, сливок, домашних леденцов, йогуртов и сырков, несколько видов меда, лимонады, компоты и выпечку. Еще там продавали резные поделки, музыкальные инструменты, изделия из кожи, сумки, кошельки, вязаные носки и много чего еще. Особенно я запомнил кованые изделия местного кузнеца Ивана — мастера своего дела и нашего хорошего друга. Я давно хотел купить у него красивый зажим для книги в форме драконьей лапы, потому подкопил небольшую сумму. Иван пообещал, что к моему приезду все будет готово.

Едва поднявшись на ноги, я мигом спустился с чердака. Пятки звучно врезались в крышку сундука. Я спрыгнул и вбежал в дом. В коридоре вкусно пахло едой. Солнечные лучи пробивались сквозь комнату и дотягивались до стен коридора, высвечивая фотографии. Я на секунду задержался, рассматривая снимки. Они были великолепны: черно-белые, с красивыми ракурсами. И повсюду туман. Это придавало мистики и загадочности. Почти везде — Дымчатая, запечатленная во времена, когда ро-ро были еще молодыми. Сонная деревушка, спрятавшаяся в тумане. Все та же башня, все та же мельница, ферма и карьеры. Я никогда никого не расспрашивал о Дымчатой — куда интереснее было исследовать ее уголки вместе с Тином, что-то придумывать, приукрашивать, а после и верить, считая правильной только эту точку зрения. Было в этом что-то романтическое и таинственное.

Я пошел на кухню, но взгляд зацепился за еще одно фото. Платформа «ДЫМЧАТАЯ». Еще даже без сторожки. Снимок отличался от остальных отсутствием тумана. А еще я увидел забор таким, каким он был в лучшие времена — выкрашенный темной краской, ровненький, на концах опор приварены кованые элементы в виде каких-то существ.

«Не то что сейчас», — с грустью подумал я.

Снимок был мелким, не удалось разобрать, в форме чего исполнены наконечники. Горгульи или, может, птицы. Да и все равно они давным-давно отвалились, а из полых столбиков опор то и дело торчали целлофановые пленки или пластиковые пакеты из-под сухариков или чипсов.

Что-то зашкворчало. В коридор выплыл аромат грибов.

— Доброе утро! — прозвенел я на весь дом и влетел в кухню.

Бабушка жарила мою любимую яичницу с опятами. На плитке закипал чайник.

— Доброе, доброе, — сказала бабушка и повернулась ко мне.

По-моему, я вскрикнул.

Ее лицо… Это было не то светлое лицо, что я знал. Оно было… Другим. Хоть я и был подготовлен, но, кажется, сегодня все усугубилось. Тень стала гуще.

— А где дед, бабуль? — спросил я, усмиряя дрожь в голосе.

— А траву косит во дворе, — беспечно ответила бабушка без прежней нежности в голосе, когда речь заходила о дедушке. — Сейчас уж придет. Ну, как спал?

Ее любимый вопрос. Она задавала его на следующее утро после моего приезда.

— Хорошо, вроде бы... — ответил я, вспомнив сон про хорька и поезда. И крики...

Хлопнула дверь. Вошел дед. С такой же тенью.

— О, привет, лунатик! — рассмеялся он и пожал мне руку. Бабушку он как будто и не заметил.

Странно…

— Доброе утро, дед. Почему это лунатик?

— А кто ж? Я, что ли, полночи бормотал во сне?

Вот те раз! Может, деду приснилось? Впрочем, как и мне…

— А! Так это, наверное, дядя Коля, — нашелся я, припоминая, что вечером *(И НОЧЬЮ?)* смотритель очень странно себя вел.

— Не-е-е, Кольку-то я уж не замечаю. — Дед не мигая смотрел в одну точку. Он нахмурился и помрачнел. — Что к песням его привык, что к бормотаниям всяким. А твой голос я ни с каким не спутаю. Топал тоже он?

— А поезда слышал? — я и поежился, вспомнив те жуткие звуки. Поезда шли не по расписанию. Видимо, что-то поменялось.

Дед задумался, хмыкнул и покачал головой.

— Вот этого точно не слышал.

Я стиснул зубы, подавляя приступ раздражения. Беседа была похожа на густой кисель.

Да что с тобой такое, дед? Ты как будто отвлечен чем-то! И разговариваешь через силу…

Но вслух сказал совсем другое.

— Странно... А я слышал. Всю ночь ездили.

Бабушка села за стол.

— Начитался, Сашка, фантастики своей, — с укором сказала она.

— *Фэнтези*, бабуль! Ну, не знаю, может быть... А ты чего такой, дед? Случилось чего?

— Друга своего повидал. Уезжать собирается. Не может больше тут.

— Кто теперь?

— А что случилось?

Мы с бабушкой спросили одновременно. Дед поморщился и поскреб подбородок.

— Да Лешка-пчеловод… Говорит, давит на него что-то. Спать стал плохо. Жалуется, что жена разводиться хочет, мол, интерес ко всему потерял. Ульи отдает вот соседу.

Бабушка всплеснула руками.

— Да как же так... Это ж который по счету уже уезжает?

— Не помню уж. Много их, — горько ответил дед. — Но я в чем-то его понимаю.

Бабушка не отреагировала.

Что-то сквозило в тоне дедушки. Что-то нехорошее, темное. Как тень на их лицах. Даже завтракать расхотелось. Дед посмотрел на меня и состроил кислую мину.

— Да, Саньк, вот так у нас тут теперь. Дымчатую и не узнаешь.

Может, я преувеличиваю? Могут же ро-ро расстроиться из-за того, что их друзья уехали? Ведь если Мишка навсегда покинет Дымчатую, я буду выглядеть не лучше.

Да, понять деда было легко. Я скучал по Лене. Мы виделись пару раз в год. И в последнее время стал замечать, что мне ее не хватает. Вот бы взять и улететь в Сосновку, увидеться с Ленкой и поболтать. Ну или просто посмотреть на нее. Ведь она такая красивая…

Я ел яичницу, искоса глядя на ро-ро. Они молчали. Смотрели на меня и молчали. Смотрели, но будто не видели. Ни меня, ни стен кухни. Ничего. Их взгляд был направлен в куда более далекие границы. В окна лился солнечный свет. Его лучи окрашивали стол,

заставляли блестеть ложки и вилки, разбивались на спектр, проходя через банки и кувшины. Свет также падал на лица бабушки и дедушки, но беспомощно рассеивался, словно встречал преграду.

Мне захотелось взять мощный фонарик и посветить на их лица. *Неужели эффект будет таким же?* Ро-ро выглядели как плохо загримированные актеры. Странные, нелепые и… *Чужие?*

Я не мог молчать. Тишина пугала. Это была *нездоровая* тишина.

— Дед, а ты Мишку не видел?

МНЕ НАДО ГОВОРИТЬ С ВАМИ. Я ДОЛЖЕН ПОНИМАТЬ ЧТО ВЫ ПО-ПРЕЖНЕМУ СО МНОЙ.

— Отца его видел с утра, — задумчиво произнес дедушка.

Я просиял. *Тин!*

— Дома?

— Дома! Беги, а то сейчас задымишься от нетерпения.

Сам не заметив, как оказался на ногах, я побежал к двери.

— Тогда пока, до скорого! Спасибо, бабуль, все очень вкусно!

Последние слова я крикнул уже с порога.

Предстоящий день приятно волновал. Ярмарка, новая закладка для книг, встреча с Иваном и Тином. Разговоры о его новых изобретениях и безумных идеях. Но больше всего я хотел спросить о поездах. Мало ли. У его папы — дяди Володи — были друзья, работающие на железной дороге. Вдруг расписание и вправду изменили?

Улица встретила меня теплым воздухом. Яркое солнце обещало прекрасный день. Вокруг дома высились цветы — некоторые уже распустились, другие только набухали. Ближе к июлю они взорвутся радужным сиянием.

Я пролетел сквозь калитку и вовсю мчал в сердце Дымчатой, прикидывая, что куплю себе, что возьму в подарок Лене, родителям и ро-ро. По обеим сторонам стояли унылые избы с заросшими крапивой дворами и наполовину разобранными сарайчиками. Это раньше в Дымчатой кипела жизнь. Потихоньку народ покидал ее, а в последние годы число уезжающих резко возросло. Остановилась работа мельницы, ферму разобрали до основания, водонапорная башня походила на хозяйку, с ужасом наблюдающую, как домочадцы хлопают дверьми и уходят. Во многих дворах уже расчистили площадки под стога сена. По улицам сновали куры и гуси, лениво потягивались в тени деревьев толстые

коты. И почти никого из людей. И неудивительно — первый день ярмарки всегда самый насыщенный. Мало кто хочет пропустить веселье.

Я свернул на главную улицу — Красную — и понесся к зданию правления.

На площади, наверное, шумно, дымчатые ходят между палаток, перешучиваются и торгуются. Кто-то ругается или расхваливает свой товар, применяя все навыки обаяния и красноречия. Скорее же!

За спиной хлопали выросшие крылья, ноги едва касались земли. Я здоровался со всеми подряд, даже с теми, кого не узнавал. И бежал все быстрее. Ветер свистел в ушах, и я совсем не слышал ответных приветствий.

Оставалось пробежать каких-то двести метров! В груди поселилось волнение, похожее на волчок — от него становилось чуть щекотно и нервно.

Мне было хорошо. Ровно до тех пор, пока не добрался до площади. ПУСТОЙ площади. Как будто нога человека не ступала здесь несколько веков.

Осмотрелся.

Слепые глазницы домов вперились со всех сторон мутными стеклами. Здания окружили меня, будто собирались ограбить. Мир сжимался. И даже мелкие камни, понукаемые внезапно налетевшим ветром, лениво катились к моим ногам, словно у них был ко мне серьезный разговор.

И никого. Ни людей, ни ярмарки. Ни-че-го.

Меня отвлекло новое движение. Я сощурил глаза и увидел трех дымчатых — плетутся себе, понуро опустив головы, и вяло переговариваются. Взрослые. Один из ребят показался знакомым. Я пошел к ним. Они скользнули по мне взглядом, но не остановились.

— Эй! Погодите! — от неожиданности я встал на месте.

Дымчатые даже не обернулись. Им не было дела до меня, будто я — не одинокий мальчишка посреди пустынного пространства, а огромная толпа, которую никто не будет воспринимать и разбивать на отдельных персонажей.

ДА У НИХ ЖЕ КАК БУДТО ВЫСОСАЛИ ЭМОЦИИ!

— Что такое… — пробормотал я и покинул площадь.

Чтобы добраться до Тина, следовало пройти несколько улочек. Несмотря на крюк я решил идти через те места, где всегда можно встретить народ. Ну так, для разведки.

И сразу же мне улыбнулась удача: на Советской улице, примыкающей к Красной, навстречу шла тетя Даша — мамина подруга.

Бреньк, бреньк, бреньк…

Сколько себя помню, эта дама под два метра ростом в широкополой шляпе макового цвета выглядела как... Как новогодняя елка с массивной звездой наверху. Я удивлялся, что обилие сережек не разрывало ее уши пополам. Сережки вдевались в сережки, а те — в другие, образуя гирлянды. Покрытую красными пятнами (наверное, из-за раздражения) шею обхватывали ожерелья и цепочки, руки сплошь в браслетах, пальцы напоминали рыцарские перчатки — до того много колец «украшало» их. Тетя Даша надевала на себя все, что могла найти дома. Быть может, она боялась, что к ней в дом проберутся воришки и лишат ее любимых драгоценностей.

— Здравствуйте! — мое приветствие больше походило на истеричный визг, но по-другому звенящую тетю Дашу было не перекричать.

— Здрасьте, — небрежно бросила она, окинув меня пустым взглядом.

Все та же тонна косметики на лице: румянец, ярко накрашенные губы, подрисованные брови и жуткие зеленые тени. Вкупе с длинным, с горбинкой, носом, тонкими губами и большими глазами тетя Даша походила еще и на ведьму. Своих волос она никогда не показывала и прятала под шляпой.

Я всматривался в лицо. *Она сменила оттенок пудры? Он как будто темнее. Или не накрасилась? Нет, видно же.* Глаза словно припудрили. Тетя Даша посмотрела на меня, и я увидел в ее взгляде знакомые симптомы.

У нее как будто высосали э... СТОП! Как у тех, предыдущих!

И только тогда осознал, что пару минут мы просто стояли и смотрели друг на друга, не сказав ни слова.

— Это... Теть Даш... — я замялся. — А чего ярмарка? Перенесли, что ли?

Женщина ожила. Как робот, отреагировавший на голосовую команду

— Ярмарка? А. Да кому нужна она, ярмарка эта, — равнодушно заявила она, прозвенев украшениями.

— Ну как же! Дымчатым.

Тетя Даша тяжело вздохнула и пошла себе дальше.

Бреньк. Бреньк. Бреньк.

Во все стороны разлетался переливчатый звон, и, клянусь, он был живее всей деревни. А мамина подруга так и не обернулась.

Я пожал плечами.

Тин наверняка объяснит, что здесь происходит.

По дороге мне встретился еще один знакомый — мамин одноклассник. Наше общение всегда ограничивалось приветствием, но я воспользовался моментом, чтобы расспросить:

— Где весь народ? Куда делись дымчатые? Почему никто не идет к зданию правления? Лето же!

— Да тут людей-то не осталось почти, а ты говоришь, Сереж, — отстраненно сказал он и был таков.

— Саша, — машинально сказал я ему вслед, но маминого одноклассника эта поправка не волновала. Лицо его тоже было в тени.

Затем последовала очередь Людмилы Сергеевны — тети Лены. К моему удивлению, она... Осталась нормальной? Я понял, что у всех дымчатых симптомы одинаковы: равнодушие, апатия, какая-то форма аутизма. В те годы я не знал этого термина, но понимал, что все *зараженные* пребывали не здесь. И виной всему — странная тень, прилипшая, словно паразит. И мне на тот момент было непонятно, как разделять людей с тенями на лице от обычных жителей. В любом случае, Людмила Сергеевна была как и прежде: ухоженной, опрятной, с ровным каре и как будто вчера покрашенными темными волосами. Если бы меня попросили подобрать первую ассоциацию при взгляде на нее, я бы сказал только одно: хомяк (в самом лучшем значении слова). Такой милый добрый хомячок. Людмила Сергеевна была какой-то скругленной и могла бы походить на персонажа из советского мультфильма. Пухлые щеки, пухлые руки, да даже веки казались полнее обычного. Было в ней что-то домашнее и родное. Она обладала необычайно красивым голосом, мягким и материнским. Видеть ее — всегда радость.

В отличие от остальных словоохотливая Людмила Сергеевна была добродушна и расположена к общению. Мы тепло поздоровались и перебросились несколькими фразами. Пока мимо нас не прошел один из дымчатых — неторопливо, едва волоча ноги. *БУДТО ЗОМБИ*. Я еще раз посмотрел на Людмилу Сергеевну, отмечая отсутствие какой-либо тени на ее светлом лице. Ярко-голубые глаза не поблекли.

— Ты чего, Саш? Плохо?

— Н-нет... Все в порядке.

Беспокойство вихрилось внутри и не давало сосредоточиться.

Мы немного поговорили о моих делах, о Ленке и о странном поведении дымчатых.

— Сама не знаю, Саш, — сказала Людмила Сергеевна. — Словно подменили. И с ярмаркой тоже все неправильно вышло... Я так хотела угостить всех «графскими

развалинами», а теперь... О, Саш, а приходите с Мишкой сегодня? Угощу вас. Должен же хоть кто-то их попробовать. У меня усовершенствованный рецепт, между прочим!

— Спасибо, Людмила Сергеевна! Обязательно зайдем.

Я не хотел прощаться. Это был первый нормальный человек, который мне встретился. Я хватался за разговор с Людмилой Сергеевной, как за спасательный круг.

Но мы пошли своими дорогами.

Вот уже показался дом Мишки, как внезапно возник вопрос: *а что если и Тин тоже? Вдруг я мчу к тому, кого уже лишился?*

Да нет, глупости. Ничего с ним не может произойти. С кем угодно, но не с Тином.

Я влетел во двор друга, словно метеор. Машины его папы у дома не оказалось.

Свободное пространство, как обычно, завалено старыми двигателями, цилиндрами, поршнями, затейливыми металлоконструкциями, ведрами с гайками-шайбами-болтами.

Дверь в дом была открыта. У меня замерло сердце.

— Надеюсь, ты тут... — прошептал я, переступая порог. Пахло машинным маслом. — Тин! Ти-ин! Мишка!

— Во разорался! — тут же гаркнул Тин, выходя в коридор. Как будто он поджидал меня с самого утра.

— О...

Я узнал друга не сразу. За год он изрядно вымахал и раздался в плечах, но остался таким же худым и по-прежнему выглядел угловатым.

— Чего лыбишься? — спросил Тин.

— Ты... Ты похож на вешалку! — выпалил я и рассмеялся.

На нем были массивные очки-консервы с затемненными стеклами, а на поясе висел целый арсенал инструментов.

— А ты как был похож на сову, так и остался. Даже сейчас, небось, не замечаешь, как голову скосил и выпучил глаза, да? Оул!

Именно Тин дал мне это прозвище — за схожесть с совой. Мне оно сразу понравилось. А голову я склонял всегда, когда что-нибудь пристально рассматривал. Например, лицо моего друга — нет ли там тени? И когда я убедился, что ничего нет, меня наполнила безграничная радость. Наверное, Тин понял причину моей реакции. Он так же всматривался в мое лицо.

Мы крепко обнялись и обменялись нашим фирменным приветствием — пожали руки, стукнули кулаками, затем громко хлопнули ладонями и щелкнули пальцами. Такое необычное рукопожатие мы практиковали несколько лет и успели как следует отрепетировать. Но больше всего мы любили здороваться на людях, зачастую как раз-таки на ярмарке — выглядело это довольно эффектно.

— Тин! Что такое? Где ярмарка? Что с людьми? Ты заметил?

Мишка терпеливо ждал, когда град вопросов закончится. Он задрал очки на лоб, примяв непослушную темную шевелюру. Нахмурился.

— Да… Тоже заметил. И папка заметил. И другие замечали, пока не стали такими же. Говорят, ярмарки больше не будет.

— Вот те раз! А почему?

— Не знаю. Вроде как некому этим всем заниматься. Не хотят.

Ну вот еще! А как же мой держатель для книг? И вообще, самое теплое мероприятие — и вдруг пропало…

— Да как это не хотят?! Ты что, забыл, как они проходили? Какой дурак откажется от такого праздника?

— Значит, все одурели, Оул. Я правда не знаю, что случилось.

Я цокнул языком.

— Плохо. Может, до Ивана дойдем? Хоть узнать, как у него дела. Может, заберу у него драконью лапу для книг.

Тин невесело ухмыльнулся.

— Иван! — он покачал головой. — Уехал Иван.

— Как уехал? А когда будет?

— Боюсь, что никогда, Оул.

Меня словно огрели по голове. Внутри все оборвалось, лицо вспыхнуло, будто под нос сунули горящий факел.

— Эй! Чего врешь?

— Да не вру я!

— Куда он уехал? Что ему там делать? Где бы он ни был! Дымчатая — его дом!

— Оул, он не доложил. Может, к родителям.

Как будто тебя предали... Жуткое чувство.

— Да как так-то... Это все странно, Тин. И мне это не нравится.

В груди кружился волчок беспокойства.

— Мне тоже, но...

— Не *но*. Мы должны разгадать.

— Разгадаем, Оул, — Тин надел очки и звякнул большим гаечным ключом, висящим на поясе. — Как всегда.

Намечалось очередное ежегодное приключение. Вот только привычного азарта и увлечения совсем не было.

— Зайди в комнату. Покажу кое-чего, — сказал Тин, проводя пальцами по висящим на нем отверткам и ключам. Его фирменная черта, когда он чем-то охвачен.

Я пошел за другом. Тот пересек комнату и сел за компьютер.

— Не понял. Кто-то полюбил современную технику? — я не смог удержаться, чтобы не подколоть Мишку. Компьютеры он презирал, считая их средством, разжижающим мозг. Равно как и телефоны, и телевидение (если это не научные программы).

— Вынужденная мера, — Тин брезгливо нажал несколько клавиш.

На рабочем столе я увидел папки: «Чертежи», «Фото готовых», «Описания», «Справочники». Замелькали картинки.

— Что это?

— Чертежи! — с гордостью объявил Мишка, показывая на геометрические фигуры, пунктиры, окружности, радиусы, углы и заумные детали, отраженные в разрезе.

— Боюсь, мой вопрос еще актуален.

— Ну велодрезина же!

Я поднял руки.

— А, прости. Как же я сразу не узнал!

— Эх ты... — Тин смотрел на чертежи влюбленным взглядом. Видимо, мой сарказм прошел мимо Мишки. — Скоро.

— Вон чего конструируешь, придумываешь, а наладить связь так и не можешь. Живем как в глуши.

— А зачем тебе сотовая связь? По маме соскучился?

Я не ответил. Всегда старался максимально дистанцироваться от этой темы. Мишкина мама давно умерла, и когда разговор касался родителей, мне было неловко. Я чувствовал себя виноватым, что моя мама жива, а его — нет.

— Пойдем на завод? — предложил я.

— Пошли.

***

Заводом называлась наша штаб-квартира. Когда мы только создавали ее, Мишка решил, что «штаб-квартира» — скучно и как у всех и *НАМ НЕОБХОДИМО ЧТО-ТО ПОСОЛИДНЕЕ, ОУЛ*. Ну а Тин был механиком и изобретателем до мозга костей, так что над названием думал недолго. Завод располагался в пятидесяти метрах от старой мельницы. Когда-то на ней работало чуть ли не пол-деревни. Еще на этапе прокладывания железнодорожных путей рабочие сделали ответвление рельсов к уже стоящим амбарам. Мешки с мукой грузили на небольшие вагончики и по новым путям отправляли на продажу в соседние села.

А потом эти пути позабыли. Они упирались в огромный куст черемухи, выросший посреди рельсов. Вокруг высилась долговязая крапива, в которой мы протоптали лабиринты и даже ложные тропы, чтобы никто случайным образом не нашел наше укромное место. Мы не стали вырывать траву с корнями, особенно под самой черемухой — хлопотно. Вместо этого Тин притащил со двора какой-то металлолом, среди которого был и старый капот от грузовика, и разрезанная тракторная кабина, и еще куча листов от обшивки. Он уложил большинство листов на землю и примял траву, а оставшиеся мы прикрепили к кусту черемухи и вкопали в землю так, чтобы получились стены. Десятки рычагов, тяг и труб ушли на подпорки неустойчивого металлолома. С тех пор ветер нас не пугал, а завод вышел вполне уютным. Он выглядел солидно и внушал уважение. Потому-то Тин и дал ему это название. А еще здесь были сиденья, которые мы сняли с никому не нужных комбайнов и тракторов, что стояли в деревенском гараже, от которого осталась разве что горстка болтов, давно втоптанная в землю.

— А где у тебя папа? — спросил я, пока мы пробирались через тайные ходы.

— В городе. — Мишка снова снял очки. В тени через них ничего не увидишь. — Ему, вроде как, привезли какую-то деталь для робота. Два года ждал. Теперь из гаража не выйдет. Будет нянчиться со своим Винтиком. Чего смеешься? Вот да, он уже имя дал своему КИБОРГУ.

Мишка жил с папой. Его мама умерла еще в детстве, и с тех пор отец, чтобы как-то отвлечься, нашел себе занятие — сборка машинок, вертолетов, небольших железных дорог. Игрушечных, конечно. На мой десятый день рождения дядя Володя подарил мне здоровый джип на радиоуправлении, сделанный своими руками! А несколько лет назад он задался

целью собрать робота и закупил множество компонентов — от шестеренок до полноценных моторов. Сидел себе безвылазно в гараже и носу не показывал.

— А! — вспомнил я. — Ты ж велик себе купил. Чего не хвастаешься?

— Ну да, вроде как купил, — пожал плечами Мишка.

— А что со старым приключилось?

Тин смутился. Он снова нахлобучил на голову очки и стал похож на рыбу-телескоп, запутавшуюся в водорослях.

— Чего? — не понял я. — И где новый-то?

Мы отодвинули разукрашенный Ленкой полог — нарисованную на белой простыне крапиву, которая маскировала главный вход и защищалась сверху металлическим козырьком — и вышли к черемухе.

— Да вот же он! — торжественно сказал Мишка и указал на жутковатого вида конструкцию.

На неприкрытых рельсах покоилась металлическая платформа размером с двуспальную кровать. В ней зияли отверстия, от площадки тянулись трубы и цепи, вокруг — отрезанные куски железных рам, изогнутые хлысты, банки с крепежными изделиями, ведерко машинного масла и гора инструмента.

— Эт-то ч-что т-т-такое? — еле выговорил я, глядя на два велосипеда: новенький, еще блестящий, с искрящейся серебряной краской-металликом, и прошлогодний. Оказывается, ничего с ними не случилось.

Но сразу узнать в них велосипед было трудно: рули вывернуты, колеса сняты, от вилки идут какие-то тяги... Они словно вросли в платформу.

— Впечатляет? — Тин сиял и был как никогда доволен собой. — Это — велодрезина!

Так вот как она выглядит. Прошлым летом Тин все уши прожужжал своей велодрезиной! Все собирался сделать и обещал, что это будет грандиозное изобретение.

Ничего грандиозного я не увидел.

— Дурак ты, Мишка. Только велосипеды испортил.

— Нет. Дурак тот, кто не мечтает. Я ж с детства хотел ее сделать. А потом автомобиль. А потом робота. И летательный аппарат, и... И...

Тин слишком *перемечтал* и начал заикаться. Я рассмеялся.

— Планов-то!

— Не планов, а способов продлить мечту. Это важно. Вот велодрезина, скажем. Такая возможность создать ее и тут же испытать! Рельсы, оборудование! И все в нашем полном распоряжении, представляешь?

— И как она — работает твоя *велорезина*?

— ВЕЛОДРЕЗИНА! Пока что нет. Но у меня впереди все лето. Уверен, я заставлю ее функционировать.

— Не сомневаюсь.

Сказать по правде, велодрезина и ее перспективы занимали меня меньше всего. Эмоции от встречи с другом поостыли, и мысли снова вернулись к Дымчатой. Пока мы шли к заводу, нам попалось несколько жителей с уже знакомыми симптомами — блеклые глаза и заслоненные теневой завесой лица.

— Но она не на всех, — напомнил Тин.

— Да. Я видел парочку. В том числе и Людмила Сергеевна.

— Заметил, что с нами почти не здоровались?

ТАК ВОТ ЧТО СМУЩАЛО МЕНЯ КОГДА Я МЧАЛ НА ЯРМАРКУ! Ни один не ответил на мое приветствие. Сперва я убеждал себя, что быстро бегу и потому не слышу, но это глупо. Тот самый волчок беспокойства. Он наконец-то замер.

— Точно... — пролепетал я. — И давно ты заметил это все?

Тин задумался.

— Наверное, как только приехал. Сразу бросилось в глаза, что что-то не так. И отец, кстати, тоже говорил.

— А он чего?

Мишкин папа был очень умным. Наверняка у него имелась какая-то версия.

— Да в том-то и дело, что ничего конкретного. Увиливает и прямо не говорит. Ну, что просто год такой. Или магнитные бури. Или все переругались, или болезнь, или...

— Мда... Многовато версий, — заключил я.

— Так и поводов многовато, Оул, — резонно заметил Тин. — Будем наблюдать.

— Будем.

— А пока — помоги.

И мы погрузились в сборку деталей для велодрезины Тина. В процессе я рассказал ему о нашем вчерашнем разговоре с дядей Колей, включая историю про Сарпия. Единственное, о чем умолчал, это о необычном поведении смотрителя на платформе. Да и стоило ли это такого внимания, учитывая, что у дяди Коли не все дома?..

— Хм, — только и ответил Тин. После небольшой паузы он снова сказал: — Будем наблюдать. И за ним тоже.

Интерлюдия 3

Семь лет назад

Я обнаружил, что каждый Хранитель Грез или тот, кто собирается им стать, обладает выдающимися навыками. У кого-то проявляется талант художника, у кого-то — писателя, визуала, танцора, бойца… Да кого угодно.

Изучая этот феномен, я так и не пришел к определенному выводу. Возможно, *причастность* или *хранительство* дает какие-то, хм, бонусы, пробуждает скрытые резервы мозга, дабы будущий Хранитель быстрее адаптировался к тому, что его ожидает. Навроде защитной реакции или предподготовки.

Мои изыскания показали, что раскрывающиеся способности, преимущественно, играют на руку Хранителю. В будущем он охотно использует полученные навыки. Природа этого явления мне неясна — закономерности так и не выявлены. Возможно, причастность влияет на мозговую активность, но это не доказано. В конце концов, я знаю уйму Хранителей, которые достаточно, скажем, заурядны и, на первый взгляд, не кажутся гениями.

Что касается лично меня, то я обнаружил в себе талант рассказчика и, пожалуй, генератора историй. К слову сказать, именно эту часть творчества затрагивает причастность — фантазия развивается семимильными шагами. И не только потому, что нам это положено по долгу службы. Есть в этом что-то неопознанное, что-то тайное.

Благо, неподалеку живет один мальчик, который проявляет похожие симптомы. Память у него отменная. Я бы даже сказал ФОТОГРАФИЧЕСКАЯ. И не знаю, что проявилось раньше — его талант или мое *вовлечение* его в нашу область…

Рано или поздно любому Хранителю приходится задумываться о преемнике. Это одна из дополнительных и горьких обязанностей, которая накладывается на него после причастности. Мне грустно рушить жизнь этого мальчика, но потенциал, скрывающийся в нем, велик. Он любит книги. Он мечтателен. Его взгляд блуждает по разным мирам. Он не отрывается от чтения и, будьте уверены, это все ему пригодится. Он нужен. Всем нам.

Надеюсь, он не будет на меня сердиться. А если и будет, то когда-нибудь простит. Однако я ответственен. Обязанности вынуждают меня. Я чувствую, что мы чем-то похожи. Прекрасно вижу, как его родители запрещают общаться со мной. Они считают меня

дурачком. Я не против. Но мы с ним похожи. Очень. И снова я путаюсь во времени и не могу понять, что было раньше — его вовлечение или же наша похожесть.

Как бы там ни было, я уверен, что не ошибся.

Глава 4

Ситуация ухудшается

05 июня.

Наблюдение за жителями продолжалось несколько дней. Все это время я тщательно вел в голове дневник, отмечая самые интересные события. Например:

«Я прочел аж две книги и услышал три новые истории от дяди Коли. Удивительно холодными ночами я стою у окна чердака, закутавшись в одеяло (холодно!), и наблюдаю за смотрителем. Он по-прежнему выходит на платформу и вытворяет странные вещи – машет руками и носится туда-сюда. Видимо, из-за нового расписания электричек (это я так думаю, что из-за НОВОГО расписания) работы у него прибавилось. Вот удивительно. Никогда такого не было, чтобы ездили в такое время. Хоть Тин и уверяет меня, что ночами тихо и ничего не проезжает, каждую ночь я собственными глазами вижу, как мимо платформы с невыносимым грохотом проносятся составы. Да интересные какие – с голубой подсветкой и необычными вагонами...

Может, тестируют новые модели? Например, скоростные поезда или что-то такое.

Иногда дядя Коля гуляет по платформе с хорьком, который то устраивается на заборе, то просто идет рядом. Дядя Коля часто разговаривает с ним.

А еще я стал видеть сны про говорящего хорька. Он представился Туманом. Забавно. Считаю смотрителя чудаком за разговоры с хорьком, а сам точно так же болтаю с ним. Правда, во сне. Он успел предупредить меня о каком-то вторжении,

говорил, что еще не время, но скоро час пробьет. Взволнованный зверек всегда сидит в проеме окна и с грустью оборачивается на сторожку дяди Коли.

Я просыпаюсь и в подробностях описываю сновидения. На листах (настоящих). Перечитываю записи, но в них ничего нового. Одни закономерности: хорек, дядя Коля, поезда, выкрики, странные движения, холод и запах кедровых орехов и мяты...

Тин корпит над своей дрезиной, пыхтит, хмурится, от него постоянно пахнет маслом и железом, да и сам он ходит перепачканным, со звенящими инструментами на поясе. Тетя Даша номер два. Не человек, а музыкальный инструмент. Кстати, папа Мишки привез для робота какой-то микрокомпьютер. Говорит, что это будет мозгом Винтика. Но дядю Володю я еще не видел – он сидит у себя в гараже за закрытой на замок дверью. Я всякий раз порываюсь зайти и поздороваться, но Тин останавливает. «У папы депрессия. Вчера была годовщина их свадьбы с мамой...» – сказал он, и я испугался, как бы Мишка сам не раскис.

Ярмарка так и не началась. Дымчатые ходят хмурые, разговаривают неохотно, будто и вправду все со всеми переругались (похоже ведут себя и ро-ро). Те, кто идет на контакт, ничего не знают и не понимают, что происходит. Тин завел список и вносит туда всех НОРМАЛЬНЫХ. Мы отметили одну очень неприятную деталь: не охваченных тенью становится все меньше и меньше. И те, с кем еще вчера мы могли перемолвиться фразой-другой, сегодня идут мимо и делают вид, что никого вокруг нет. Это пугает. Как будто людей поразила неизвестная эпидемия, высасывающая из них жизнь. Просто

ходячие куклы. Зомби. Живые мертвецы – такие же молчаливые и отчужденные. Вроде бы вот они, здесь, но… Где-то далеко. День ото дня жители становятся все пассивнее, а тени на их лицах – гуще. Самое грустное, что никаких зацепок и улик мы так и не обнаружили. Чтобы не путаться в классификации дымчатых, я предложил Тину разбивать их на «теневиков» и «прежних».

Теневики преобладают. Их все больше. Интересно, можно ли заразиться? Папа Мишки считает, что у них просто «мрачные лица». Мда, реальность явно перестаралась. Из наблюдений: теневики не в настроении, первыми не здороваются, выглядят равнодушными и потерянными. Если их не трогать, они ничего и не заметят. В общем-то, все то, с чем я столкнулся в тот день, когда бежал на ярмарку.

«КТО СЕГОДНЯ?» – именно с этой фразы начинается наша встреча на заводе. Мы сверяемся со списком оставшихся и вычеркиваем новые имена. В конечном счете, в числе горстки ПРЕЖНИХ людей – я, Тин, дядя Володя, дядя Коля, Людмила Сергеевна и пара дымчатых, чьих имен мы не знаем. Возможно, остался еще кто-то. Нам неведомо.

У некоторых теневиков признаки слишком явные, у других, как, например, у бабушки с дедушкой, едва заметны. Рука несколько раз останавливалась, но я пересилил себя и записал ро-ро в теневики. И это несмотря на то, что они по-прежнему являют образец примерной семьи и проводят время вместе. Но назвать их счастливыми друг другом я уже не могу. То, чему я завидовал, глядя на ро-ро, утрачено. А вскоре ухудшения стали прогрессировать.

— Дедушка, а почему поездов прибавилось? — как-то раз спросил я. — И куда они все идут, если наша станция — предпоследняя? Чего им делать в Дружбино? И почему они обратно не возвращаются?

Задумчивый дедушка сидел за столом и безразлично смотрел на газету. Просто смотрел. Сегодня он был особенно оторван от реальности, а тень на лице вроде бы стала гуще...

— Де-е-е-ед!

— А, что? — он словно проснулся: часто-часто заморгал и посмотрел на меня так, будто я появился из ниоткуда.

Я повторил вопрос.

— А Бог его знает, Сашк... Да какая разница? Идут и идут, чего теперь.

— Какая разница… — повторил я себе под нос.

Продолжать дальнейшие расспросы было бессмысленно. *Налицо все признаки прогрессирующего теневика*. Все чаще разговоры заканчивались именно так — на полуслове, обрубленные полнейшим равнодушием. Это здорово тревожило.

Может, вызвать скорую?

И ЧТО ОНИ СКАЖУТ? «СКОЛЬКО ИМ?.. А НУ ЯСНО. СТАРЕНЬКИЕ УЖЕ».

Да и с другими теневиками не получилось бы — к моему удивлению, они вполне адекватно (ну, почти) взаимодействовали с внешним миром, и с первого взгляда нельзя было догадаться, что с ними что-то случилось. Да, возможно, они казались не такими приветливыми и расположенными к беседе, но со стороны — обычные люди, разве что с плохим настроением.

Вот дед не был в плохом настроении. Он был НИ В КАКОМ настроении. Смотрел в газету, а глаза даже не двигались. И бабушка, против обыкновения, выпила чай быстрее всех и ушла на улицу. Она повадилась проводить время на лавочке возле дома, в окружении цветов.

— Доброе утро, бабуль! — сказал я, выходя из сеней.

— Да... Доброе, доброе... — промолвила она, даже не посмотрев на меня.

Я нахмурился.

— Бабушка, я тебя очень люблю.

Она скосила голову, посмотрела на меня и неуверенно улыбнулась. Кивнула, но как-то неуверенно. Тень. Страшная тень, пожирающая лицо. Пожирающая эмоции.

Пожирающая моих родных. Улыбка бабушки выглядела жутковато... Но я улыбнулся в ответ.

— Я к Мишке!

— Ага.

***

Я забежал в магазин, чтобы купить прохладной газировки. У самого входа наклонился, чтобы завязать шнурок, и краем уха услышал разговор:

— Ну как, все сходится?

— Да, нормально.

— Накладную подписываем?

— Давай.

Я заметил тучного мужчину, который беседовал с продавщицей.

— Чего в следующий раз привезти? Заказывать будешь?

— Пока нет. Народ не очень покупает.

— Что-то ты нынче неразговорчивая. Ну ладно, погнал я. До встречи!

— Угу.

Мужчина повернулся к выходу, и я поспешно опустил голову, притворяясь, что вожусь со шнурками. Он скользнул по мне взглядом, насупился, но прошел мимо. Сел в грузовик и уехал. Я долго смотрел ему вслед, наблюдая, как над дорогой медленно оседает пыль. Та рассеивалась и переставала заслонять взор. Рассеивалась и не заслоняла…

А что если продавщица?..

— Добрый де-е-ень! — я влетел в магазин с громким криком, чем переполошил женщину.

— Чего? — спросила она, глядя под ноги.

Здесь было темно. И я не мог различить, есть ли на ее лице тень или нет. В глубине души я уже поверил в то, что она стала прежней, и ликовал.

— А можете включить свет?

— Зачем?

— Ну на секунду. Пожалуйста.

Угрюмая продавщица постояла несколько мгновений, затем пожала плечами и щелкнула выключателем. Загорелись лампы. Тени разбежались прочь. Все, кроме одной.

— Блин…

— Все?

— Да, спасибо.

Внутри все оборвалось. Я так надеялся… Впрочем, никто не заставлял меня принимать эту версию за истину. РАВНО КАК И НИКТО НЕ ЗАПРЕЩАЛ НАДЕЯТЬСЯ НА ЛУЧШЕЕ.

Вздохнул.

— Можно мне лимонад?

Продавщица кивнула на холодильник за моей спиной.

— Бери.

Я схватил баночку и протянул деньги. Женщина взяла их с отрешенным видом. Я выпил газировку тремя большими глотками, словно хотел потушить боль досады. Желудок и голову пронзило отрезвляюще ломким холодом. Мне нужна была минута, чтобы подождать, когда ледяной напиток уляжется в животе. Но продавщица расценила иначе.

— Да ставь.

Я посмотрел на нее. Пустые глаза. Будто нарисованные.

— Что? Не расслышал.

Так могут смотреть только незрячие.

— Ставь. Или бросай. Как хочешь.

Или те, кто уставился, но ничего не замечает.

— Вы о чем?

Продавщица коротким кивком указала на банку в моей руке.

— А… — меня внезапно затошнило. — Так на улице же урна.

— Смотри сам.

На этом разговор закончился. Продавщица стояла, опустив руки, и напоминала выключенного робота. *ВИНТИКА*.

— Всего доброго, — сказал я и поспешил выйти.

А на пороге столкнулся с Людмилой Сергеевной.

— Ой, здравствуйте!

Тетя Лены улыбнулась.

— Здравствуй, Саш. А я за какао вот. Кончилось.

Я вспомнил, что забыл зайти к ней на чаепитие. *Как она говорила — «графские развалины»? Ох, как же так...*

— Видать, совсем заболтались с Мишкой, да? — добродушно сказала Людмила Сергеевна, ничуть не показывая обиды.

ЕСЛИ БЫ.

— Как-то да... Вы уж простите, пожалуйста.

— Да ничего, Саш. Я же понимаю все — друзья, разговоры… Сами такими были.

— А скажите, можно сегодня прийти?

— Конечно! Буду только рада!

— Тогда до встречи!

Обрадованный, я припустил бегом. За что я любил Людмилу Сергеевну, так это за чувство такта. В любой ситуации, даже когда она складывалась не в твою пользу, Людмила Сергеевна обязательно помогала и находила выход, чтобы ты не чувствовал себя виноватым.

Тина дома не оказалось. Зато во дворе появилось кое-что новое — блестящий на солнце каркас из оцинкованного металла. Высотой под два метра, узкий, немного нескладный, как будто дядя Володя делал его по своему образу и подобию. Голова у будущего робота отсутствовала. Неживое создание стояло и ждало, бездушно и абсолютно нейтрально.

Ну точно продавщица из магазина.

В гараже стучали молотком. Вовнутрь тянулись несколько проводов, словно змеи-шпионы. Дверь была приоткрыта. Я нарочито громко чихнул. Звуки прекратились, а спустя мгновение в проеме показался дядя Володя — взрослая версия Тина, разве что на лице недельная щетина да в красных глазах застывшее озеро смертной тоски, появившееся со дня смерти супруги.

И несмотря на это, папа Миши улыбнулся мне. По-настоящему, чтобы морщинки вокруг глаз. Его одежду прикрывал толстый фартук. Мы поздоровались. Дядя Володя протянул мне руку. Я любил здороваться с ним — рукопожатие у него было крепкое, мощное, и я старался сжать его ладонь так же крепко. Это было чем-то вроде обмена уважением. Нельзя показать, что я уважаю папу Миши меньше, чем он меня.

— Ну ты даешь, Санек! — захохотал дядя Володя, потирая ладонь. — Еще год, и ты мне руку сломаешь!

Я улыбнулся и пожал плечами.

— Мишка рассказывал, что вы робота готовите. Это ведь он? — я указал на бросающий блики каркас.

— Он, родимый! Вот сейчас голову ему ваяю. Хочешь посмотреть?

— Я бы, дядь Володь, с удовольствием, но лучше увидеть сразу готовую работу, чтобы восхититься от и до!

Папа Миши понимающе кивнул. Его непокорная грива, усыпанная металлической стружкой и кусочками изоленты, подпрыгнула.

— Поверь, восхищения тебе не хватит так или иначе! Думаешь, зря я, что ли, такой чокнутый?

Дядя Володя и вправду выглядел одержимым. Но его одержимость не была слепой, он не витал в облаках, а прямо шел к своей мечте. Вот так просто одна смерть смогла перекроить все до неузнаваемости. Сознание дяди Володи заполонили электронные поделки. Он хотел создать робота, который смог бы обучаться и становиться умнее. Это была его мечта. И это страшило. Мечта служила ему бегством. Только тяжело было смотреть в эти воспаленные глаза с темными кругами и раннюю седину. Смерть жены дядя Володя переживал очень трудно. Винтик стал его плотом, не дающим потонуть в беспробудном горе. Тем ценнее для меня было видеть улыбку и неизменно хорошее настроение, с которыми дядя Володя встречал меня. И я знал этого человека только таким, потому что когда был не в духе, он предпочитал сидеть взаперти и не показываться.

— А вы, дядь Володь, ничего по ночам не слышите?

— Слышу, — серьезно сказал он. Я насторожился. — Мишкин храп.

Дядя Володя рассмеялся. Мне же было не до смеха.

— И все?

— Пожалуй. А что я, по-твоему, должен услышать?

— Может, электрички...

— Не-е-е, не ходят они.

— Вдруг расписание поменяли? — нашелся я.

Пожалуйста, пусть это будет так.

Дядя Володя помотал головой.

— Мне бы сообщили. У меня друг работает на железной дороге и все рассказывает. — *ПОМНЮ*. — Как думаешь, кто уведомляет Дымчатую о малейших изменениях?

ДОГАДЫВАЮСЬ.

Тут он меня уел.

— А то мне кажется, что кто-то по ночам ездит...

— Вряд ли, Сань. Последний поезд у нас отходит в двадцать три сорок пять. Может, прошел дежурный какой?

— Каждую ночь?

— А ты уверен, что каждую?

Я кивнул.

— Ну не знаю. А точно не сон?

— Точно.

— Я спрошу у товарища. Может, сам выйду к путям как-нибудь. — Он сглотнул, его щека дернулась. — Все равно не спится.

— О, хорошо. Будет здорово! Ой, дядь Володь, так вы же, получается, знаете про железную дорогу все?

— А то.

— Хм… А у вас случайно нет расписания электричек до Сосновки и обратно.

— Есть, конечно. А тебе зачем, если не секрет?

Я замялся.

— Да просто... Ну, чтоб было, что ли...

Дядя Володя сощурился и поскреб бороду. На губах появилась улыбка.

— А Ленка где, кстати? — спросил он, и тут я понял, что угодил в ловушку. Чувствуя, как краснею, ответил:

— Кхм... Ну, в Сосновке.

— А, ну ясно, — дядя Володя улыбнулся еще шире и больше ничего не сказал.

Мы зашли в дом распечатать график движения и еще немного перебросились парой фраз. Я видел, что запал дяди Володи угас, тоска начинала брать верх, и поспешил распрощаться.

Мишка был на заводе. Он распиливал трубу со множеством отверстий, прикрыв глаза своими смешными очками. Пол был завален сточенными сверлами, саморезами и магнитом, на который налипло целое облако металлической стружки. Я вспомнил волосы дяди Володи. Там бы тоже не помешало пройтись магнитом.

— Кто сегодня? — не поднимая головы, спросил Тин.

— На удивление, никого. А ты все пыхтишь над своей дрезиной?

— Велодрезиной! — он не уставал исправлять меня, а мне же нравилось нарочно говорить неправильно. — Погоди, я приведу ее в чувство.

— Я тут кое-что заметил.

Мишка продолжал пилить трубу.

— Это связано с теневиками!

Он тотчас оторвался от своего занятия и уставился на меня очками-консервами.

— Выкладывай.

— Сегодня шел в магазин и услышал, как продавщица преспокойно болтала с водителем. Ну, который товары привез. Я подслушал, о чем они говорили.

— И о чем?

— Да какая разница! Они говорили! Понимаешь?

— Да. Я, кстати, тоже заметил. Они взаимодействуют. Я вчера видел агронома и председателя. Болтали как ни в чем не бывало. Вот только тени у обоих.

Я сел рядом с Тином.

— Кажется, они способны выходить на контакт с остальными.

— Тогда почему с нами они вон какие? — спросил Мишка. — Как вообще два теневика могут заговорить друг с другом?

— Ну языки им никто не вырывал. Просто у них что-то притуплено.

Тин закатил глаза.

— Голова кругом. Столько наблюдаем, а ничего конкретного сказать не можем.

— Прошло всего три дня, Миш.

— От этого не легче.

Голова шла кругом. Ситуация начинала напрягать и нервировать. Прямо на наших глазах ускользали люди, и мы ничего не могли с этим поделать. Просто наблюдали, обреченно водя шариковой ручкой по блокноту, вычеркивая имена. Слева направо, слева направо.

— Пошли лучше торт есть, — сказал я, поднимаясь. — Людмила Сергеевна звала.

Тин вымученно улыбнулся.

— О. Торт это очень хорошо.

Внезапно я понял, что должен ему сообщить.

— Тут это... Поезда стали ходить по ночам.

— В смысле?

— В прямом! Раньше последний поезд во сколько уходил?

— Ну... Часов в двенадцать, может. Не помню, но папка говорил.

— Вот именно, что почти в двенадцать. Если точнее, то без пятнадцати двенадцать. А теперь по ночам стали проезжать. И много! А обратно не возвращаются... И утром не проезжают. Которую ночь слушаю стук колес.

Мишка снял очки. Вокруг глаз остались смешные следы, словно нарисованные циркулем.

— Интересное дело. Я ничего не слышу, хоть и сплю чутко. А тебе не приснилось?

— Нет конечно. Ну что я, по-твоему, дурак, что ли?

Тин рассмеялся.

— А вдруг стал? Как твой друг смотритель.

Я не улыбнулся.

— Тин, не разбрасывайся словами.

— А чего?

— А ничего, — резко сказал я. — Странно это все.

— Согласен.

Я сел на кожаное сиденье комбайна и посмотрел на друга.

— Ты мне веришь?

— Верю... Но сам не слышал. И папка не слышал. У него ж знакомый на железной дороге работает. Да и деревня бы сказала чего, или ты думаешь, что только около вас гремят эти электрички?

Я начинал злиться. *Почему он мне не верит?*

— Нет, но ты разве не видишь, что с жителями? Да тут если в лесах война начнется, они так и будут ходить, уставившись в пол, как зомби! Как будто сам не понимаешь.

Наверное, Тин осознал, что его недоверие меня задело. Он сел рядом.

— Не будем ссориться. Ты про торт говорил? Вот и пошли. Заодно Людмила Сергеевна нас рассудит, раз тебе мало слова отца.

— Все-таки не веришь...

Тин не дал мне закончить.

— Нет! Я не об этом. Вдруг она что-то знает?

— Ну давай попробуем.

Каждый год мы ввязывались в какую-нибудь передрягу, которая захватывала нас с головой, да так, что лето проходило совсем незаметно, но интересно.

Приключений хватало. Но все они заканчивались. Дела были увлекательными, но простыми, объяснимыми: куда пропадают собаки, кто ворует с кладбища конфеты... Не составляло труда пройти по пути разгадки от начала и до конца, разрешая все непонятности. Назвать приключением то, что случилось в том злополучном году, я не могу до сих пор. Посчитать все это интересным? Нет, спасибо. Здесь уже не до азарта, не до мальчишеского задора и элемента игры... Все было куда серьезнее.

На сей раз, чтобы решить загадку, нам предстояло приложить кучу усилий: собрать информацию по крупицам, воспользоваться чужой помощью, анализировать, наблюдать, додумывать и полагаться «на авось».

Нам повезло — Людмила Сергеевна была дома и как раз готовила «графские развалины». Наверное, повезло и ей, ведь она нашла, кого можно угостить. В нынешней ситуации найти подходящих кандидатур было затруднительно. Обрадовавшись, тетя Лены разговорилась, но, к нашему сожалению, твердила вовсе не о Дымчатой. Целых полчаса мы слушали, как она модернизировала рецепт торта, чтобы он был еще вкуснее, и сегодня, по ее словам, удалось сделать идеальное блюдо. Привычка говорить много и, скажем, не совсем по делу появилась у нее недавно. Возможно, в силу возраста. Или одиночества.

— Простите... — Тин кое-как влез в паузу между тягучими монологами. — А вы по ночам ничего не слышите?

— Да нет, — тут же ответила Людмила Сергеевна, одаривая свой торт взглядом, полным нескончаемой любви.

— Наверное, спите, — сказал я, понимая, что ловить здесь нечего.

— Вовсе нет! Наоборот, по ночам я выхожу во двор и иду в сарай за яйцами. Это, кстати, тоже входит в идеальность рецепта. Заметили, какой чудесный вкус?

— Да, очень заметили! — важно кивнул Тин. — Так это, Людмила Сергеевна, а совсем не слышите?

— Например, поезда, — как бы невзначай добавил я.

Людмила Сергеевна, наконец, оторвалась от созерцания торта и посмотрела на нас, как на дураков.

— Откуда ж им, если последний уходит без пятнадцати двенадцать?

Я чувствовал, что проигрываю. Все шло к тому, что считать меня сумасшедшим будет не только лучший друг, но и тетя моей подруги. *Вот останусь в одиночестве, кто мне потом поверит? Стану дядей Колей номер два.*

А СХОДСТВ СТАНОВИТСЯ ВСЕ БОЛЬШЕ.

— То есть, совсем-совсем ничего? — теряя надежду, спросил я.

— Ну конечно, Саш!

— Ладно... — пробубнил я и подставил тарелку под огромный кусок торта.

***

— Мда, — сказал я, когда мы вышли на улицу.

— Но я верю тебе, Оул.

— Спасибо. Мне это важно.

Зря только рассказал ему. Ну ничего. Про сны и говорящего хорька я тебе точно не расскажу, Тин. Уж не обижайся. Хватит с меня и этого… О! А что если поезда и дядя Коля снятся мне так же, как и Туман? Ведь не может же быть наоборот? Говорящих хорьков не бывает. Нет, серьезно. Сам посуди: днем дядя Коля нормальный, но по ночам... Может, стоит прекратить читать? Хотя бы на время.

«Ни за что и никогда!» — горячо возразил я, но вслух почему-то сказал совсем другое:

— Что-то я уже сам начинаю сомневаться в себе...

— Да ты чего, Оул! — Тин ткнул меня в плечо. — Давай не раскисай. Хочешь, возьму у отца видеокамеру? Заснимешь.

— Не, тогда я точно сдамся и признаю, что схожу с ума. Понаблюдаю.

— Запиши все события. А утром прочтешь и проверишь.

Я молча кивнул.

Зачем говорить ему, что делаю так со второй ночи пребывания в Дымчатой?

***

Клены перешептывались между собой. День почти истаял. Мягкими облаками колебался туман, висящий над Сливочной и плавающий в оврагах. Его клубы были похожи на диковинных зверей, которых пригнали на выгул. Тут и там возникали новые облака. Распухая, они соединялись друг с другом и сливались в единое полотно.

— Сашка, а правда — в тумане лучше мечтается, а?

Дядя Коля стоял ровно, засунув руки в карманы брюк. Он *любовался*. Так мог бы смотреть на свою картину художник, довольный собственным творением.

— Наверное, да. Как-то уютнее, что ли... — неуверенно сказал я. — Ну, сосредоточиться помогает.

— У тебя уже появились мечты? — я заметил тревогу в его голосе. — Новые.

— Да. Есть у меня еще одна мечта...

— Сильная?

Я задумался.

— Сильная. — Но я знал, что ответил не до конца. — И не одна.

Дядя Коля нахмурился и посмотрел на меня.

— Ты забыл про макаронины?

— Нет. Но я помню про баланс. Их не много. Просто... Они связаны, вроде как. А если и нет, то их наберется штуки три-четыре. Это же ничего?

Он казался выше фонарных столбов.

— Ничего. Плох тот, кто не мечтает.

Дядя Коля замолк. Мне оставалось только гадать, к чему эти вопросы.

— Тогда хорошо, — ни с того ни с сего сказал смотритель. — Я спокоен. С тобой ничего не случится.

— Дядя Коля?

— Да. Все хорошо.

Интерлюдия 4

Полтора года назад

Хмурь выбрала очень интересный способ завоевания мира — через рельсы. Она вовремя подсуетилась, и теперь ей доступны мечты в любом уголке мира. Не сказать, что железнодорожные пути принадлежат ей, но это, безусловно, главный инструмент, с помощью которого она восстанавливает могущество и набирается сил для атаки.

Для этого она использует своих Едоков и… Поезда. Один, реже — два удлиненных вагона. Состав заметно короче, машиниста нет, но это не столько материальный способ, сколько приближенный к реальности, хм, эгрегор. Удивительный симбиоз потусторонних сил и продукта человеческого прогресса. Никто не сможет посмотреть на пути сверху. Но взгляни на них посторонний, и он все равно не поймет, что рельсы складываются в рунную вязь. Код доступа Хмури.

На свою деятельность ей отведено несколько часов: с полуночи до четырех утра. В этот период она особенно сильна. Редкий Хранитель проспит дежурство и не выйдет на станцию — поезда прибывают с таким грохотом, что не проснется только мертвец. Собственно, то даже не грохот, а стон разрываемой материи. По сути своей, поезда — самостоятельные автономные врата, возникающие каждую ночь по всему миру.

Я не люблю, когда появляется поезд. Голова потом трещит. А вот Антон Степаныч, наоборот, говорит, что это заряжает его и подстегивает. Но Перелесов всегда был странным. Его время подходит к концу. Равно как и мое. Такова уж судьба Хранителей. Благо, я успел найти ему замену и посоветовал обратить внимание на одну молодую девушку — талантливейшую художницу. А что до меня, то…

Как хорошо, что кое-какой мой приятель любит поезда. Надеюсь, ему будет проще, чем мне или Перелесову. ДОЛЖНО быть проще. Лишь бы это дело не привило мальчику ненависть ко всему, что связано с железной дорогой.

Но я верю в него.

Он справится.

Глава 5

Сон?

06 июня.

Мне снова снится Туман.

— Ты должен знать больше, Оул, — говорит он, сидя на своем излюбленном месте — в оконном проеме. — Время заканчивается.

— Какое время? — спрашиваю я, всматриваясь в хорька.

Я тщательно запоминаю все-все до мельчайших подробностей. Память потом подскажет.

Чердак пронзают два янтарных луча, исходящих из глаз Тумана. Проехал поезд. Стук колес преследует меня даже во сне.

— Поднимайся. Я покажу тебе кое-что. Подойди сюда.

Я подхожу к окну.

— Смотри. — Он указывает лапой на улицу.

Пустынная платформа. Лампа фонаря моргает и дребезжит. Вспышки выхватывают силуэт дяди Коли. Он торопливо расхаживает туда-сюда и явно чем-то взволнован. Выглядит он не очень: сутулый, уставший, шаркает ногами, хрипло дышит...

Вдалеке слышится протяжный гудок. Дядя Коля распрямляется, приосанивается и поворачивается к поезду. На плече смотрителя замечаю хорька.

— Как... — говорю я Туману, но его рядом со мной нет.

Смотритель что-то шепчет хорьку. Тот кивает и перепрыгивает на забор, устраиваясь там, словно кошка.

Фонарь гаснет. Платформу заливает тусклый призрачный свет. Как будто перрон окутывает ледяным мертвецким дыханием. Холодно. Я хочу накинуть плед, но не могу оторваться от созерцания.

Появляется поезд. Останавливается. Мне хочется проснуться. Он страшный. Полупрозрачный, будто призрак. Никогда раньше не замечал, что он такой. Но и поезд не ехал так медленно, чтобы я мог его рассмотреть! От него исходит голубоватое свечение, совсем как то, что я видел раньше. Состав сбавляет ход. Дядя Коля бежит вдоль платформы и разглаживает воздух руками. Он достигает ступеней и встает к ним спиной.

Слышу, как он ругается. Хорек внимательно следит за смотрителем и за кем-то еще... Кем-то, кого я видеть не могу. Или...

Или не хочу?

Ведь при желании можно увидеть движущиеся сгустки теней. Или это игра света и воображения? Может, это носятся всполошившиеся кусочки тумана?

Шорохи. Шепот. Нет, крики. И это не крики животных или людей. Скорее — смесь разъяренного льва и голодной выпи.

Хорек смотрит в темноту и водит головой из стороны в сторону. Что он видит?

Дядя Коля падает. Точнее, его будто отбрасывает в сторону. Прочь от мельтешащих теней, бесшумно скользящих над станцией.

Загорается фонарь.

«О господи...» — я прижимаю ледяные руки к лицу.

Я ВИЖУ *ИХ*.

Наверное, они приехали на поезде. Существа. Страшные. Огромные клубки тьмы с мощными лапами и длиннющими когтями. Может, просто игра света? Нет. Они кричат. ОРУТ!!! Эти вопли. Невыносимые вопли. Почему опять мне снятся ВОПЛИ?! Я щипаю себя за руку и не просыпаюсь. ПОЧЕМУ ЭТО НЕ РАБОТАЕТ???

Истошные вопли темных существ. Что они такое? Похожи на раздувшихся медведей, вставших на задние лапы.

Фонарь тухнет.

По ступеням текут ручьи чистой мглы. В самом низу они вихрятся, свиваются в изломанный силуэт. Меня пронзает холод. Я чувствую, что силуэт смотрит на меня. Чувствую, что он меня *нащупал*. Из его лапы вырастает пепельный жгут, похожий на хобот. Пахнет гарью. Жгут удлиняется, изгибается, а затем молниеносным движением устремляется в мою сторону.

— Нет! — кричит дядя Коля и что-то бросает.

Что-то круглое, перламутрового цвета. Пахнет мятой и кедровым орехом. Откуда?! Я снова чувствую себя маленьким. Эти запахи преследуют меня с детства.

Жгут разрывается. Через секунду он пропадает.

Вспышка фонаря.

Темный силуэт рычит и взлетает к платформе. Он летит к смотрителю.

Дядя Коля. Он... Сражается с ними?!

Нет, бред. Дурацкий фонарь, дурацкое моргание! Почему так холодно?

Поезд. ПОЕЗД. ХОЛОД ИДЕТ ОТ НЕГО!!! Или от существ, которые вылетают оттуда и обступают дядю Колю! Он отгораживается от них, размахивает руками, кружится, как... Как обычно. А те исчезают.

Воняет гарью. Фу.

Я не могу отвести взгляд. Я боюсь, что пропаду, боюсь, что эти тени заберут меня, убьют бабушку с дедушкой, и никто никогда не найдет нас.

— Что за бред... Что это такое? — нахожу в себе силы спросить хорька. Как он оказался здесь?

— Едоки. Пожиратели грез.

— Как это?

— Они лишают людей возможности мечтать. И те становятся пустыми, как...

— Как тетя Даша, мамин одноклассник и практически все местные жители?

Хорек кивнул.

— Не только местные. Таких много и они везде.

— Ничего себе...

— Почему ты расстроен?

— Потому что это сон.

Туман посмотрел на меня.

— И что? Что бы изменилось, будь это реальностью?

МОЖЕТ, ЭТО И ЕСТЬ РЕАЛЬНОСТЬ?!

Перевожу взгляд на прыгающих по платформе существ. Реальность? Смешно.

— Я бы... — *И правда, что бы изменилось?* — Ну... Я бы знал, в чем проблема Дымчатой.

— И что бы ты?..

— Я бы нашел способ помешать им, — заявляю я.

— Как?

— На каждое действие найдется противодействие. Если есть те, кто забирает мечту, значит, найдется тот, кто ее возвращает.

Хорек молчит.

— Дядя Коля такой, да?

Я с надеждой смотрю на Тумана. Жду ответа. Жду так долго, что начинаю замерзать. Чтобы согреться, обхватываю себя руками. Сражение продолжается.

— Видишь вон того, с цветным сгустком внутри? — неожиданно спрашивает Туман.

Одно из существ настырнее прочих. Оно быстрое и ловкое. Внутри него всеми цветами переливается что-то, с виду желеобразное.

— Вижу.

— Это мечта. Он сожрал ее. Такие Едоки сильнее.

Я смотрю на Едока. Как будто радугу проглотил. Он остался один на один с дядей Колей. Пинжачок расстегнут, тельняшка порвана, ее края обуглены. Смотритель морщится и делает выпад вперед. Едок вскрикивает (как в прошлых снах) и распадается. После него остается цветная субстанция. Несколько секунд она лежит на платформе, как кусок синтепона, потом начинает дергаться, вытягивается змейкой и улетает куда-то в Дымчатую.

— Только что к кому-то вернулась мечта, — сообщает хорек и улыбается.

Слышу, как дядя Коля тяжело дышит и ворчит. Он наверняка устал. Качает головой и бормочет. Фонарь тухнет.

Мертвой тушей на путях лежит поезд. От него по-прежнему исходит холод.

— Почему он не уезжает? — спрашиваю я Тумана.

Его глаза расширяются от ужаса.

Фонарь загорается.

— Обернись! — кричит Туман.

Лампа высвечивает трех Едоков.

Дядя Коля оборачивается. Его атакуют. Он умудряется как-то уворачиваться, даже уничтожает одного из существ, но я вижу, как он истощен.

ТАК, НУ-КА ХВАТИТ! ИДИ И ПОМОГИ ЕМУ, ТЫ, ТРУС!

Но мое озябшее тело как будто оплели мертвенной паутиной.

Смотритель падает. На него обрушивается град ударов. Он хрипит, но ничего не может сделать. Один из монстров создает пепельный жгут, и тот уносится в скопление домов в центре деревни. Я вижу, как он расширяется и принимает форму трубы. Вижу, как внутри нее движется разноцветная субстанция.

— Это мечта?

— Да.

Хорек напряжен.

— Ты можешь ему помочь?!

— Я... Нет, не могу.

Мне хочется плакать. Кажется, я даже пару раз всхлипываю и смахиваю с век проступившие слезы. Дяде Коле может быть больно...

Блеск перламутра. Одного Едока отбрасывает назад. Но тот, который стоит со жгутом, почти притянул мечту. Я вижу, как дядя Коля провожает ее взглядом. Он вскидывает руку в немом крике и пытается подняться. Не получается. Лицо смотрителя искажено от ужаса. В стертых глазах застряла обреченность.

Мечта достигает другого конца трубы. Едок проглатывает ее. Он дрожит. Мечта погрузилась в существо и теперь блестит изнутри. Едок поворачивается к дяде Коле и заносит лапу.

— Спаси же его! — кричу Туману, но его нет рядом.

Мутная белесая вспышка. Едок с мечтой отдергивает лапу и поворачивается к поезду. Создания исчезают внутри состава, и тот с шумом трогается прочь с платформы. Унося за собой холод.

Дядя Коля поднимается. На плече сидит Туман. Смотритель глядит на пути и мотает головой. Он сплевывает и неуверенной походкой спускается по ступеням. И в ночи, в царстве мертвой тишины, такой звонкой после песни ужаса, раздается хриплое:

— Еще один...

Раскалывается голова. Что за дурацкий сон?!

— Почему мне снится это все?! — спрашиваю я.

Холодно. Я как будто не в своей тарелке. Мне не по себе. Я хочу проснуться. Хочу нырнуть под одеяло и забыться. А утром проснуться, и чтобы светило солнце и было тепло.

Я схожу с ума. Признаю.

«Не, тогда я точно сдамся и признаю, что схожу с ума. Понаблюдаю», — говорю я.

«Запиши все события. А утром прочтешь и проверишь», — отвечает Тин.

ЗАПИСАТЬ!!!

Я бегу к столу. В ворохе книг пытаюсь найти блокнот. Его нет. Откуда бы ему взяться? Хватаю верхнюю книгу и старательно записываю то, что запомнил.

Мне снова снится Туман.

— Ты должен знать больше, Оул, — говорит он, сидя на своем излюбленном месте — в оконном проеме. — Время заканчивается.

Я пишу это прямо сейчас. Стою и пишу. Как дурак. Зачем? Не знаю. Записываю во сне свой сон. Хорек наблюдает с интересом. Он опять здесь! На губах (ха-ха) усмешка.

— Что смешного? А?! Что смешного! ПОЧЕМУ ТЫ МНЕ СНИШЬСЯ?! — я кричу. И продолжаю кричать, пока не добиваюсь ответа.

— Потому что время... — говорит Туман. — Время.

Время... Время. Время!

***

— Время! — голосил дедушка. — Время!

Я вздрогнул и отбросил одеяло. Кричали снизу, под дверью, ведущей на чердак.

— Ты чего, дед?

— Время завтракать,— бросил он и вернулся на кухню.

Все утро я чувствовал себя разбитым и невыспавшимся. Не было ни сил, ни настроения. Вид бабушки и дедушки удручал. Если раньше я буквально видел между ними золотые струны чистого счастья и любви друг к другу, которыми они были опутаны, то теперь ро-ро сидели как два безразличных друг к другу человека.

— Что-то случилось? — спросил я.

— Нет, — в один голос ответили они.

Темные лица. Зрелище поражало странностью и ужасающей ирреальностью. Как будто меня обманывали. Словно это было хитрым гримом, но никак не чем-то мистическим и необъяснимым.

Или объяснимым? Этот сон...

— Дедушка, а ты ночью ничего не слышал?

— Давно уж ничего не слышу, — буркнул он, жуя сахарную плюшку.

Я вздохнул. Бесполезно. Хотелось позвонить маме из здания правления и все рассказать, но не решился.

Сам разберусь. Да и мама, скорее всего, уже уехала.

— Ну, я пойду тогда.

Никто не сказал ни слова.

Идти к Тину было рано — он наверняка еще спал. *Интересно, а он или дядя Володя слышали что-нибудь?*

Я забрался на чердак и решил скоротать время за чтением. На столе царил жуткий беспорядок. Книги были разбросаны, будто по ним прошелся ураган. Я раскрыл небольшой томик, чтобы продолжить чтение, и обмер. Форзацы были исписаны неровным торопливым почерком. Моим почерком. Я прищурился, чтобы рассмотреть мелкие буквы.

Мне снова снится Туман.

— Ты должен знать больше, Оул, — говорит он, сидя на своем излюбленном месте — в оконном проеме. — Время заканчивается.

Чувствуя, что сейчас потеряю сознание от шока, я открыл форзац с другой стороны и прочитал последние строки.

— Что смешного? А?! Что смешного! Почему ты мне снишься?! — я кричу. И продолжаю кричать, пока не добиваюсь ответа.

— Потому что время... — говорит Туман. — Время.

Интерлюдия 5

Триста лет назад

Стеклянный куб завис в *пространстве*, словно морок. И если бы не блуждающие внутри него фиолетовые и изумрудные искорки, можно было бы усомниться в его реальности. Но куб был настолько же настоящим, насколько настоящими были столкновения искорок, что меняли траекторию и кружили по просторному залу, освещая его загадочными росчерками.

— Странное дело, коллега. Сколько существую, никак не могу понять одной вещи — желания напакостить. Доселе думал, что это удел человеческого рода. Но чтобы наши с вами коллеги…

— Бывшие коллеги.

— Именно. Чтобы бывшие коллеги использовали такой прием… Зачем?

— Вы подобрали хорошее определение, коллега. — Высокая фигура с зачесанными назад волосами цвета перламутра стояла подле стеклянной стены. Говорящий смотрел в *пространство*. — «Напакостить» — звучит прекрасно и показательно. Не зря вы Именующий.

Невысокий мужчина в белом плаще смутился ровно настолько, чтобы его собеседник едва заметил это.

— Хорошее слово, — продолжал высокий. — Такое же противное, как и деяния, следующие за ним. Темный Фрактал знал, что их схватят. Но смысл создания?..

— Прощальный подарок перед заточением. Признаюсь, эти руны смотрятся красиво.

— Полагаю, они что-то задумали.

— И Хмурь — не более чем отвлекающий маневр?

— Именно, коллега.

Именующий склонил голову.

— Скажите, вы, как Созидающий, можете предположить природу этой сущности и уничтожить?

Созидающий повернулся к своему коллеге.

— Могу. И вы можете. Но, сами понимаете, Устав.

Именующий кивнул.

— Однако, — продолжил Созидающий, — все более чем ясно. Злость. Чистейшая ненависть, всепоглощающая и уничтожающая. Абсолютная злоба. То, что сильнее всего во Вселенной. Сильнее любви. Плод дисбаланса и вмешательства наших бывших коллег в Равновесие. И пока они, хм, перевоспитываются на Тиэльме, мы расхлебываем их…

— Пакость, — закончил за него Именующий.

Созидающий улыбнулся. Они хорошо понимали друг друга. Вечность учила и не такому.

— Мы будем действовать не столь открыто и топорно, коллега. Я размышлял. Нам нужны те, кто не будет посягать на Равновесие, но сможет противостоять. Как Сарпий и *ша-эна*, но не с негативным началом. Они будут обучаться. И наше вмешательство останется минимальным. Напомните, что делает Хмурь?

— Пожирает мечты. Опустошает людей. Миры погибают после ее пира. Оказалось, что человек без мечты ни на что не способен. Он перестает быть самим собой.

— Немного не так, коллега, — поправил Созидающий. — Он перестает *быть*. И меня это здорово волнует, потому что пока мы занимались спасением подпорченных миров, наша *пакость* добралась до слишком большого скопления людей и вовсю внедряется в новый мир.

— Это недопустимо! — возмутился Именующий.

— Не допустим, — успокоил его коллега. — Мне нужно название. Тех, кто встанет против Хмури. Мы обучим их. Они будут действовать сами, но от нашего имени.

— Звучит несколько противоречиво, коллега.

Созидающий нахмурился.

— Пожалуй. Ну это вы спец в именах. Не так ли?

Именующий кивнул.

— Хранители Грез.

Во тьме стеклянного куба сверкнула улыбка.

— Я в вас не сомневался.

Глава 6

Туман поможет тебе

07 июня.

Меня трясло и колотило. Согреться было невозможно — самый беспощадный холод вызван нервами. Не помогут ни одеяла, ни свитеры, ни горячий чай. Я крутился на диване, скребя пальцами по простыне. Меня выкручивало и словно выворачивало наизнанку. В голове царила неразбериха — как будто мой мозг это лабиринт, по которому бегают мыши. Они ищут путь наружу, но выхода нет.

Все правда. Все оказалось правдой. Никто не сможет переубедить меня и назвать лунатиком. Хорек Туман, фокусы дяди Коли, Едоки, призрачные поезда... Все это существует. И как теперь жить с этим? Ох, моя голова. Сейчас лопнет.

МНЕ НУЖЕН СВЕЖИЙ ВОЗДУХ.

Я вышел на улицу. В сторожке раздавались голоса. И я знал, кому они принадлежат. Покачав головой, неспешно пошел к Тину, по дороге приводя мысли в порядок.

Дымчатая погрузилась в забвение, как будто туман беспрерывно нагонял на жителей сон. Я и сам еле переставлял ноги, словно всю ночь разгружал вагоны. *КАКОЕ ИРОНИЧНОЕ СРАВНЕНИЕ.*

Наверное, настал черед рассказать все Мишке. Как есть. Без экивоков. Пусть высмеивает меня и считает идиотом. Я докажу ему. Он увидит. Одному мне не справиться с этой ношей. Друзья — это не только вместе посмеяться и поиграть. Это еще и вместе решать проблему, вместе грустить и выручать друг друга. На Тина можно положиться.

Солнце сегодня пекло нещадно. Морщась от головной боли, я шел по Зеленой, держась тени деревьев. Не зря эту улицу прозвали именно так — в каждом дворе росла либо ива, либо клен, либо тополь. Дома стояли тесно, кроны деревьев тянулись друг к другу и сплетались, образуя непрерывную зеленую аллею, шелестящую на ветру. На улице никого не было.

Пустота.

Под ногу попался камень в форме... Как будто взяли облако дыма и сделали слепок. Вот такой. Я в сердцах пнул его.

В районе затылка расцвел импульс боли. Я остановился и схватился за забор. Аккуратно, цепляясь за каждую доску, прошел к лавке, что стояла возле какого-то дома, и сел. Вряд ли хозяева будут против.

В ушах звенело. Я зажмурился и спрятал лицо в ладонях. Не помогло. Звон никуда не делся. Наоборот, он стал громче и превратился в дребезжание. Оно нарастало. Меня охватила паника. *А ЧТО ЕСЛИ НОВЫЙ ПОЕЗД ВДРУГ СЕЙЧАС С ПЛАТФОРМЫ СОЙДУТ ИЛИ СХОДЯТ ТЕ САМЫЕ ЕДОКИ И НАПАДУТ НА ДЫМЧАТУЮ НАДО СРОЧНО К ДЯДЕ КОЛЕ!*

БРЕНЬК.

Что это?

БРЕНЬК. БРЕНЬК.

Что-то знакомое.

БРЕНЬК-БРЕНЬК-БРЕНЬК.

Нет, это не поезд.

— Привет, мечтатель! О чем задумался?

Я поднял голову.

— Ой, теть Даш, здравствуйте...

Сидя на лавочке, я воспринимал ее как еще одно высокое дерево. На которое повесили много-много побрякушек.

Так вот что звенело! НУ КОНЕЧНО ЖЕ!

— А вы... Тетя Даша!!! — выкрикнул я, пораженный внезапному открытию.

— А кто же еще? — рассмеялась мамина подруга.

На ее лице не было никакой тени. Глаза ясные, без помутнений. Да что там говорить — она первой подошла ко мне и поздоровалась! И речь: она почти всегда задавала вопрос. Любой. Будто боялась, что беседа прервется и заглохнет.

Растерянный, я готов был обнять эту женщину. Радость переполняла. Тетя Даша... *Вернулась? Стала прежней?*

Значит, лекарство существует... Не могла же эта напасть исчезнуть просто так.

— Да что с тобой, Сашка?

— Просто... Просто рад вас видеть. Соскучился по всем очень!

— Мама с тобой?

Ох уж этот интервьюер...

— Нет, уехала.

Тетя Даша поджала губы.

— Одна?

— Да.

Не хотел говорить об этом. У меня было другое желание — не терпелось как можно скорее сообщить Тину радостную новость.

— Ну, я побегу!

— Беги-беги, — улыбнулась тетя Даша и взмахнула рукой. Браслеты послушно зазвенели. — Еще увидимся. Правда?

— Конечно!

Я побежал к Тину. Неужели дело сдвинулось с мертвой точки? Ведь возвращение тети Даши — это настоящее открытие!

Неладное я почуял уже во дворе Мишкиного дома: повсюду валявшиеся провода смотаны и брошены в одну лохматую кучу, гараж заперт, машины нет. Дома никого. Но самое главное — отсутствовал Винтик. Там, где раньше стоял отсвечивающий каркас, остались следы примятой травы. От них шли две глубокие борозды, ведущие к гаражу. Туда, где обычно стоял автомобиль. Сейчас его не было.

Наверняка, Тин уже на заводе, раз не выходит.

Не ошибся. Пробираясь через заросли крапивы, я слышал скрежет ножовки по металлу. Полог был откинут в сторону. Тин согнулся и распиливал трубу, прижимая ее ногой.

— Мишка… — поток радости так захлестнул меня, что я продолжил не сразу. — Тетя Даша!

И никаких «КТО СЕГОДНЯ?»!

Тин отложил ножовку и посмотрел на меня. Он почесал подбородок, оставив на коже масляные следы и прилипшую к ним металлическую крошку.

— Что?

— Она стала нормальной!

— Как так?

— Даже и не знаю.

«Даже и не знаешь?» — спросил я сам себя. Почему-то голосом хорька.

И тогда меня озарило. Вспышка понимания едва не расколола мой череп пополам. Я покачнулся.

Ночь. Хорек.

«Только что к кому-то вернулась мечта».

— Что-что? — переспросил Мишка.

Неужели я сказал это вслух?!

— Да это…

Я замялся. Тин явно был не в духе.

Рассказать? Нет, не лучшее время. Он не поверил в поезда, так с чего бы верить в остальное?

— В общем, с ней все нормально! — заверил я, стараясь не смотреть другу в глаза.

— А с остальными? — его голос дрожал. Точнее, он напоминал натянутую струну. Дерни посильнее, и она порвется.

— Только с тетей Дашей...

— А.

Я заметил, что и Тин не спешит поднимать глаза. Он пнул моток алюминиевой проволоки.

Что с ним такое?

— Ничего. Думаю, все наладится, Мишк. Ведь началось уже…

Он ухмыльнулся. Желчно и обреченно.

— Не мешало бы.

Я не ответил. Тин схватил ножовку и вернулся к работе. Его движения были резкими, отрывистыми и неловкими. Руки дрожали. Спустя полминуты он отбросил ножовку, рывком снял очки и скинул их на землю. Едва слышно выругавшись, Мишка проковылял к сиденью и опустился вниз. Схватился за волосы, ладони погрузились в кудри по самые кисти.

— Ты чего? — спросил я.

Тин молчал. Его плечи содрогались. Он плакал.

Я подбежал к нему и сел рядом.

— Мишка! Что случилось?!

Мое сердце колотилось так, что стало больно в груди. По телу пробежал озноб. Догадывался ли я в тот момент, что произошло? Пожалуй. Боялся ли тогда признаться в этом? Еще как.

— Отец.

— Что? — внутри меня как будто лопнул ледяной пузырь. Моя кровь стала ниже нуля, вены превратились в прорубленные в вечной мерзлоте тоннели, по которым пустили алую переможженную жижу.

— Он... Всё... — Мишка гнусавил и громко всхлипывал.

— ЧТО?!

Неужели ты лишился еще и отца? Боже, нет, только не это, ПОЖАЛУЙСТА!

— Теневик!

От сердца, конечно, отлегло, но...

— Как?! — вскричал я. — С чего ты решил?

Дядя Володя был одним из немногих островков среди нетронутых людей. Мы надеялись на его смекалистый ум и планировали привлечь к нашему расследованию. Помочь ему вырваться из депрессии.

— Это случилось утром, — рассказал Тин. — Он проснулся уже никакущий... Обычно варит кофе, а тут пожевал вчерашний бутерброд, запил водой и уехал. Забрал с собой робота, компьютер и часть инструментов. Сказал, что сдаст за ненадобностью.

— Погоди... — оторопел я. — Но ведь... Но ведь это ж его главная затея была! Сколько он ждал деталей! Что на него нашло?

— То же, что и на всех жителей Дымчатой, — желчно ухмыльнулся Тин. — Он потерял желание. Его мечта испарилась.

Его мечта испарилась...

«*Они пожирают мечты*», — вспомнил я слова Тумана, а затем припомнил еще кое-что: *«Еще один»*.

Неужели…

— Может, проклятие какое... — пробормотал Мишка.

И тут меня прорвало. Я выдал Тину все как есть. И про призрачный поезд, и про «еще один», и про возвращение мечты. К моему удивлению, он не стал насмехаться надо мной или считать чокнутым. Он как будто ждал, на кого можно было бы выместить вину за случившееся. И нашел.

— А ведь точно! ЭТО ВСЕ ОН. Колдун этот смотритель, вот кто! — выпалил Тин, глядя перед собой. Его пальцы перебирали висящие на поясе инструменты. — Сам одичалый дурак, так еще и других захотел сделать такими же. Чтоб не только с ним не

общались! Значит так. Сегодня ночую у тебя. Возьму с собой камеру. Заодно и посмотрим на твои поезда. И на смотрителя тоже.

Я даже не успел ничего ответить. Тем не менее, компании друга обрадовался. Это было хорошим поводом убедиться, что я не схожу с ума, не вижу сверхреалистичные сны и не придумываю. *Монстры, тени, призрачные поезда… Может, просто у страха глаза велики?*

— Конечно! Всегда приятно убедиться, что не я один страдаю галлюцинациями.

Но Тин был очень серьезен.

— И если это правда он... — его вид был страшен. *Таким* я увидел друга впервые.

Мне было неприятно, что он говорил так о дяде Коле.

— Давай дождемся ночи.

***

Отец отпустил Тина легко и непринужденно, словно и не было ему до сына никакого дела. Я заметил, как это обидело Мишку и... Оскорбило, что ли.

Я показал ему книгу с исписанными форзацами. Тин внимательно прочитал мои заметки и не нашелся, что сказать. Это *уже* было достижением. Во всяком случае, меня не обвинили в потери рассудка или *подлоге*.

Стоял поздний вечер, и дядя Коля, как обычно, прогуливался по платформе. Хорька рядом не было.

— И что он так, каждую ночь, что ли? — спросил Мишка, высунув голову в окно.

— Каждую.

— Во дает.

— Ты погоди, это он пока просто ходит. Вот проедет последняя электричка, и тогда начнется. Сколько времени?

Тин задрал рукав, обнажив массивные часы со множеством дополнений — там и компас, и подсветка, и даже небольшой тайник.

— Без двадцати двенадцать.

— Еще пять минут.

Электричка проехала по расписанию. Лишь только она унеслась прочь, как на Дымчатую опустилась неестественная тишина.

— Ой... — сказал Тин. — Как-то странно. Словно ватой все обложили.

— Или туманом, — добавил я, глядя, как белесые стены обступают Дымчатую.

И снова замерли деревья — ни один листик не колыхнется. Ветер умчался прочь, вслед за электричкой. А дядя Коля, посмотрев на пути, качнул головой. Мне показалось, что сегодня он был как никогда грустным и поникшим. В ночи раздавался его голос, и я слышал в нем нотки обреченности. Смотритель брел вдоль платформы, ладонь скользила по ограждению. Он спустился и тут же поднялся обратно, оступившись на сломанной ступеньке, однако на удивление ловко перескочил и одним быстрым движением оказался наверху. Посмотрел на свою сторожку, уперся ботинком в крыльцо, что-то пробормотал и кивнул.

— Чего это он? Что с ним? С ума сошел? — вопрошал Мишка, переминаясь с ноги на ногу. — Будто прощается.

— Тихо ты! Услышит...

Тин был сам не свой. Мало того что ему довелось утром пережить горе, так еще и *теперь* столкнулся с очередными странностями и, кажется, совсем не был к ним готов.

Туман густел и сжимался вокруг станции. При разговоре вырывались облака пара, которые не успевали растворяться и грозили заслонить обзор.

— Бр-р! Что такое-то? — поежился Тин.

Перевалило за полночь. Мы стояли и мерзли. Молчали и наблюдали.

А затем раздался стук колес.

— Тин! — зашептал я. — Тин! Слышишь?

Он кивнул. По дому — НЕТ, ПО МИРУ — пошла вибрация. Затряслись деревья, заходила ходуном сторожка. Я видел, как все трясется и дрожит, но в то же время понимал, что ни листья, ни стены, ни травинки не шелохнулись. Словно сотрясалось само пространство…

— Слышишь, говорю?! — шикнул я.

Мишка побледнел. Он вытаращил глаза и силился унять стучащие зубы. Сглотнув, он процедил:

— Д-да-а. К-как это? Оул! ЧТО ЭТО?!

Он вцепился в подоконники, словно боялся потерять равновесие. Пальцы побелели.

— Смотри! — он указал на голубоватое свечение. Пока что оно было слабым, но, по мере приближения, нарастало и распухало, подкрашивая туман.

— Вот об этом я тебе и говорил.

Где-то в глубине души я радовался, что убедил друга в правдивости своих слов. Стало легче. Другое дело — осознать, что все вокруг происходит на самом деле. *А это значит, что и Едоки тоже…*

Дядя Коля засуетился. И снова взмыли вверх руки и принялись укреплять невидимые стены. Возможно, то была игра света (или воображения), но я увидел тоненькую пленку, которой была обмотана платформа. Именно эту пленку и разглаживал смотритель. Он напевал протяжную песню, полную обреченности и тревоги. Вместе с тем она порождала какое-то новое чувство — желание биться. До конца. Защищать. Пусть даже ценой собственной жизни. Пусть даже враг превосходит и силами, и числом. Эта песня была апогеем непокорной ярости, храбрости и верности. Это была песнь героя.

Слов я не разобрал. Да и надо ли?

Свечение становилось все ярче, лицо Тина озарялось голубоватыми всполохами, в глазах застыл лед.

Из тени кленов вынырнул поезд.

— О боже, — только и смог вымолвить мой друг, после чего юркнул вниз.

Я стоял.

Поезд, дядя Коля. Поезд, дядя Коля. Словно два непримиримых врага. И чем ближе подъезжал состав, тем быстрее двигался смотритель, все еще напевая, но уже резче, грубее.

Зашипев, поезд остановился. Замер и дядя Коля. Он не замолчал.

Платформу озарило мертвенным светом. В тишине воздух звенел, как стекло на ветру. Я боялся вдохнуть, боялся нарушить напряжение, боялся, что кислород обернется колючими осколками и изранит меня.

Я опустил взгляд на Тина. Оказалось, он не испугался, а вовсю копошился в рюкзаке, чтобы вытащить видеокамеру. Но его руки слишком дрожали, чтобы ухватиться за нее, и он, плюнув на затею, поднялся.

— А что дальше? — едва слышно спросил он.

— Не знаю... — так же тихо ответил я. Можно было только догадываться.

К голосу дяди Коли примешались другие... *Голоса?*

— Тин, ты слышишь?

— Ага. Пойдем.

— Куда?! — чуть было не взвизгнул я.

— Как куда? На платформу! — твердо заявил Тин и отошел от окна. Его руки больше не дрожали. — Мы ж должны разоблачить смотрителя!

— Да причем тут он?

— А кто?!

«ЕДОКИ!» — чуть было не выкрикнул я.

— С ним творятся непонятные вещи! Ты разве не видишь? — допытывался Тин. — Кто знает, может, именно сейчас он читает заклинание против твоей бабушки? Или деда! Или Ленки!

И вправду, откуда мне знать? Может, смотритель только создает видимость, что хороший? И сумасшедший...

— Пошли!

Я спустился вслед за Тином, и когда спрыгнул вниз, обнаружил, что он стоит и сжимает в руке большой гаечный ключ.

— Ты чего?

— Страховка! Тебе бы тоже надо...

— Да некогда. Побежали!

Мы осторожно выбрались из дома. На улице стояла холодина. Как будто резко наступила зима. Мы осторожно отворили калитку и прошмыгнули на улицу. Изо рта вырывались густые клубы пара, больше похожие на туман. И чем ближе мы подбегали к платформе, тем холоднее становилось. И страшнее.

Песнь утихла.

— Стой, — сказал я. — Что-то там...

С платформы донеслось утробное рычание. И это был не дядя Коля. Как будто множество копошащихся зверей, злых и враждебных, обступили жертву и готовились напасть на нее, растерзать. Поезд стоял на платформе, сияя, как светодиодная лампа, и чтобы увидеть хоть что-нибудь, приходилось щуриться.

— Кажется, там собаки, — Тин перехватил ключ. — Страшно что-то. Не люблю собак.

— Пойдем тише. Если что — бежим в сторожку.

Шаг. Второй. Третий.

Фонарь не горел.

На платформе появились тени. Я только-только насчитал пять штук, как из вагонов выбежали новые. Одни вились по спирали, метались, как потревоженные пчелы, другие исчезали, появлялись, выныривали со всех сторон. В темном вихре угадывался силуэт дяди

Коли. Его швыряло из стороны в сторону. Периодически мерцали перламутровые вспышки. Пахло мятой и кедром. И…

— Горит где-то? — шепнул Тин.

— Нет, — я поморщился.

Мишка неотрывно следил за развернувшимся на платформе хаосом.

— Ну? — я посмотрел на друга.

Он не ответил.

Я пожал плечами и встал на первую ступеньку.

Дядя Коля в беде. Я должен помочь. Не знаю как, но должен. Что за глупости? Что происходит? Господи, я не готов... А если умру?

Мысли переполняли меня. Я разрывался между страхом и желанием прийти на помощь. *Ведь это никакой не сон. Свечение, поезд, рычание. Тени.*

Дядя Коля вскрикнул.

Это стало решающим фактором. Я взмыл вверх по ступеням. И замер.

— Едоки!!! — закричал я, завидев округлую тень, тянущую свои когтистые лапы к дяде Коле.

Смотритель обернулся. Его глаза — два серых пятна, практически стертых с лица — царапнули меня симбиозом страха (за нас, не за себя), тревоги и неожиданности.

— Оул! Что? Оул! — крикнул в ответ Тин и, расхрабрившись, подбежал ко мне. — Ты как? Все хорошо?

— Сон. Сон… — у меня сперло дыхание. — Едоки. Я видел их во… В книге, ты чи... Тьфу. Вот они!

Дядя Коля отбивался от теней. Он сдвинулся так, чтобы преградить Едокам путь к нам. Твари по-прежнему выбегали из вагонов, словно десант.

Меня колотило. Рядом трясся Тин. Ноздри онемели от обилия сильных запахов. Неожиданно взор заслонило серое пятно. В лицо как будто вонзили миллион иголок. Я почувствовал, как из меня выдирают нутро.

Ну и пусть выдирают. Тебе-то что? Ничего такого…

— Оул! — крикнул Тин и положил руки мне на плечи.

Вспышка перламутра. Мне полегчало. Я увидел перед собой пепельный жгут.

— Я в порядке, — бросил Тину. — Что будем делать?!

— Н-не знаю! Может, полицию вызвать?

— Нет. Не поверят! Надо действовать сейчас, пока...

— ПРОЧЬ!

Голос смотрителя обрушился на мир огромным метеоритом. Это был настоящий рев зверя, которого загнали в угол. Который понимал, что сейчас его убьют. Которому нечего было терять. Зверь, который так просто не сдастся.

Звук имел форму. Да, пожалуй, метеорит — лучшее сравнение. Звуковая волна готова была смести на своем пути все. Разрушить, расплавить, пробраться через уши в мозг и испепелить мозг.

— ПРО-О-ОЧЬ!

Раздался взрыв. Во все стороны брызнул перламутровый фонтан искр.

Нас с Тином отбросило со ступенек и повалило в траву. Я зажмурился; в ушах звенело. Открыть глаза было невозможно. Голова раскалывалась, словно ее набили мелкой галькой и изо всех сил трясли.

Сквозь пелену шума пробрался стук колес. Поезд уезжал.

С трудом распахнув веки, я поморщился. Сияние уходящего состава больно резануло по глазам. Я вскрикнул. Тин лежал рядом и постанывал, держась за голову. Я подполз к нему.

— Цел? — тело Мишки было мягким и безвольным, но я тряс его и собирался трясти до тех пор, пока он не отреагирует. — Цел, Тин?!

Он кивнул не сразу. Скрючившись, Мишка старательно массировал мочки ушей.

Платформа опустела. Единственная оставшаяся тень принадлежала смотрителю.

Убедившись, что Тин ничего себе не сломал, не порезал и не вывихнул, я взобрался по ступенькам. Дядя Коля полулежал, облокотившись спиной о металлический забор. Брюки изодраны, одна штанина оторвана по колено, излюбленный пинжачок распахнут, полы его были в грязи и влажно поблескивали. Смотритель так сильно испачкался, что полосы тельняшки слились в одно пятно.

— Дядя Коля!

Он был невероятно бледен. Как лист бумаги. Закрытые глаза ввалились, проступили острые скулы, нос заострился еще больше, а усы повисли, словно банный веник.

— Сашка... — хриплым шепотом выдавил смотритель.

— Дядя Коля!

Я сел рядом с ним и охнул. Нет, это была не грязь. Пинжачок дяди Коли был в крови, а тельняшка... Она пропиталась кровью настолько, что стала полностью черной. Грудь

смотрителя разворотило, и хоть в ночи я не видел подробностей, темнота все равно не скрыла широченной зияющей раны и крови, что вытекала из нее целыми ручьями.

— Что... Что с тобой? — ладони вспотели и тут же замерзли, будто их опустили в сугроб. Я не мог оторвать взгляд от жуткой дыры в солнечном сплетении. Ему как будто проломили грудную клетку металлической трубой. Как тараном.

Смотритель превозмог себя и накрыл мою ладонь своей. Я поднял взгляд.

— А... — вылетело у меня.

Дядя Коля посмотрел мне в глаза. Внутри меня что-то оборвалось.

Глаза. Они были бесцветными. Молочно-серыми, как поднявшийся над Дымчатой туман. Как будто он поселился в глазницах смотрителя... И в то же время зрачки будто были нарисованы — они выглядели плоско и неестественно.

Дядя Коля смотрел на меня, сжимая руку все сильнее. Мне стало больно. Я пришел в себя и первым делом закричал:

— Тин! Ти-и-ин! Аптечку, живо! Беги к нам, буди дедушку! У него есть!

Шелест травы. Мишка встал на ноги и засеменил к дому.

— Да не надо... — прошептал дядя Коля. — Я уж все.

Я пришел в ужас. *Неужели на моих глазах умирает человек?*

— Как это?! Нет, нет! Сейчас перевяжем и скорую вызовем. МИШ! СКОРУЮ ЕЩЕ! — заорал я вслед убегающему другу.

Из тяжело вздымающейся груди смотрителя вырывалось прерывистое дыхание. Я прислушивался к каждому вдоху и пугался всякий раз, когда дядя Коля долго не выдыхал.

— Ты прости меня, — сказал он. — Но мне придется оставить все на тебя. Туман... Туман поможет тебе.

— Туман?!

— Хорек мой. Я возлагаю на тебя, Оул. Ты справишься. И со вторжением тоже.

Господи, да что он такое говорит?! ОН ЖЕ УМИРАЕТ! Неужели дядя Коля лишился разума?

— Нет, — сказал он, будто прочитав мои мысли. — Ты справишься. И спасешь Дымчатую. И всех людей. Теперь ты — Хранитель Грез.

— Как? Что? Но... — заикался я, не в силах вымолвить хоть что-нибудь внятное.

— Слушайся во всем Тумана.

Мне показалось, что дядя Коля улыбнулся. Но все было мутным. И тогда я понял, что уже давно плачу. Слезы текли по щекам, капали на разодранную грудь смотрителя и мешали видеть.

Голоса звучали глухо. Туман овладел всем. Он оставил лишь маленький пятачок вокруг — платформу «ДЫМЧАТАЯ». Чтобы никто нас не слышал.

Пошел дождь.

— Помни историю про Сарпия, Сашка. Я рассказал тебе ее не просто так.

Я судорожно кивнул. Дядя Коля закашлял.

— А мне пора. — Он крепко сжал мою руку. — Я немного не справился. Перегорел. Но старался держаться. Я виноват перед тобой, Саш. И перед бабушкой. И перед… — дядя Коля не договорил.

Он умер.

Так и не отпустив меня.

Когда я пришел в себя, вокруг были люди в белых халатах. Врачи. А еще местный участковый. На всех — тень. И все разговаривали как ни в чем не бывало. Разве что официальнее обычного и несколько отстраненнее. И никаких странностей…

Шел дождь. Или это я плакал? Наверное, все вместе. Иногда мутная пелена отступала, и я видел знакомые силуэты — дедушку, Тина, тетю Дашу и Людмилу Сергеевну. Они что-то говорили. Меня, рыдающего, оттащили от дядя Коли и даже ничего не спросили. Ничего не сказали. Помню звон побрякушек тети Даши и ее суетливые интонации, вопросы. Помню твердую ладонь Мишки на своем плече. Помню пустой взгляд дедушки. И теплые объятия Людмилы Сергеевны.

В глубокой ночи выли сирены, вспышки проблесковых маячков озаряли Дымчатую и растворялись в тумане, неприятно напоминая призрачные поезда.

Все оказалось правдой…

Что теперь со всеми нами станет?

Эпилог

Похороны состоялись через два дня.

Дымчатые, и без того отрешенные, стояли себе молча и напоминали манекены. Или декорации. Были даже ро-ро и дядя Володя. Что, в общем, не обрадовало ни меня, ни Мишку. В это хмурое утро дымчатые выглядели зловеще, словно кадр из фильма ужасов. В гнетущей тишине простились с усопшим, в гнетущей же тишине и разошлись. Ни прощальных речей, ни поминок, ни слез…

Тени на лицах стали еще темнее. Они углубились и вросли в кожу. Краски сгущались. Все менялось.

Мы с Тином старались держаться вместе и подбадривали друг друга. Хорек исчез. И по ночам у окна я больше не стоял.

***

Платформа была необычайно пустой. Покинутой. Я неторопливо прогуливался, стараясь не смотреть на то место, где умер дядя Коля. На серебристом заборе все еще оставались пятна крови. Алые лучи заходящего солнца лишь подчеркивали их.

Я взглянул на пути. Налево, направо.

Никого и ничего.

Скрипнула дверь.

Я повернулся к сторожке. Дверь раскачивалась на петлях. Шмыгнув носом, я попытался улыбнуться и посмотрел себе под ноги.

Дяди Коли больше нет. И никто больше не запирает его дверь. И никого на замену тоже не присылают. Да и надо ли? Может, его должность вымышлена? Смотритель… Ну что тут смотреть, в самом-то деле.

— Помни про Сарпия... — повторил я слова дяди Коли. — Ты пожертвовал, да? Ты умер за других?

Почему-то сомнений в этом не было. Я видел самое настоящее убийство. *Кто убил смотрителя? За что? Кто эти Едоки и откуда они взялись? И что значит «я возлагаю все на тебя»? Меня тоже убьют?*

Наступало время вопросов.

Я хмыкнул.

— Хранитель Грез. Хех, тоже мне...

Пнув камушек, я побрел к ступеням. Шел, не поднимая головы, пока не наступил на два круга света. Теплых, янтарных. Я поднял голову.

На перилах сидел хорек по имени Туман.

— Ну здравствуй, Хранитель Грез, — сказал он и спрыгнул на платформу.

Я восстанавливал текст согласно пометкам и мнемоническим «зарубкам». Все время я откладывал в сторону те или иные факты и заносил их в дневник. Тот самый, о котором вы уже знаете. Данные существовали отдельно от меня, но я мог вернуться к ним в любой момент. Как видеоархив или картотека. Чертовски полезная штука. Некоторые события я записывал. Часть — выуживал из дневника, освобождая место для новых сведений. Оказалось, что многие приемы (например, ход сражения, тип фанталей или отношение к Спойлеру) были тщательно прописаны. Во многом мне также помогли найденные записки дяди Коли, зачастую перемежавшиеся с бредом старого человека.

Я писал и заполнял дневник регулярно. И тщательно прятал записи от самого себя, чтобы, не дай Бог, не скользнуть по ним взглядом. Конечно, часть воспоминаний сохранить не удалось, другая часть навсегда стерлась, но я решил прибегнуть к художественности и кое-что домыслить исходя из того, каким я был и что бы сделал.

И я не получил ни грамма удовольствия или трепета от воспоминаний прошлого, когда перечитывал свои записи.

Часть 2

Непростые уроки

Пролог

Три месяца назад

Как же она любила дождь! Такой свежий, такой приятный. Во время дождя она всегда улыбалась, потому что вода уносила с собой плохое настроение. Она смотрела на капли и чувствовала, что те забирают с собой весь накопившийся негатив.

И радовалась.

Она склонилась пониже, чтобы увидеть в отражении лужи, похожей на премилое озеро, себя и свой красивый зонтик. Лиловый, с яркими оранжевыми розами. Ей говорили, что розы — для взрослых. Ей вообще много чего говорили. Ну их, говорунов.

Наверное, увидь ее кто, сказали бы, что Хранитель с зонтиком — чистой воды абсурд. Ха! Ну и кто бы оказался в дураках? Мокрый, но правильный или немокрый и… ПРАВИЛЬНЫЙ!

Сфера висела над ее правым плечиком. И грела. Точнее, она думала — и верила! — что фантали греют. Материальные так уж точно. Лишь бы дурацкие чудища ее не задели. В смысле, фанталь.

Эти смешные Едоки бежали к ней, будто так ничему и не научились. Непонятные какие-то. С тяжелой поступью такой, хоть и бесшумной. Но она прямо-таки ЧУВСТВОВАЛА, как они громыхают. Где-то там, в своем мире. Дурацком. В противовес им полетела навстречу, едва касаясь ножками платформы. Она радовалась.

Фантали были почти незаметны, висели по бокам, и она могла расставить руки, будто и вправду летела самостоятельно. Главное, чтобы было красиво и не так по-дурацки.

Чего такие глупые-то?

Она посылала Едокам воздушные поцелуи, и с ее ладоней срывались перламутровые бабочки. Тихо посмеиваясь, она запускала все новых. Иногда ей наскучивало, и в весенней ночи возникали колибри, туканы и даже киви! Птицы которые. Ну и пусть они не умеют летать. У нее — УМЕЮТ! У нее МНОГО КТО умеет МНОГО ЧЕГО.

Так смешно наблюдать, как безобидные зверьки расправляются с мрачными громилами. Настолько нелепо, что смешно. Или наоборот. Какая разница!

Ей очень хотелось рассказать все ему. Сразу по приезду в Дымчатую. Но…

Она отпустила мысль и воспарила к фонарному столбу. Обняла его, как старого знакомого, и заботливо смахнула с козырька светильника лужицы воды. Капли сверкнули серебром и шлепнулись вниз. И снова взмыли вверх своими призрачными двойниками. Она называла это ЭХОВЫМИ-ОВЫМИ фанталями. И радовалась. Потому что красиво.

Капли летели к Едокам, а эти дураки даже не понимали, что сейчас уйдут. Она не любила слово «умереть». Какое-то оно злое, неприятное. Хотя сейчас дождь и можно говорить что угодно — все равно смоется, — но лучше не злоупотреблять.

А еще лучше — радоваться. Тому, что очередная ночь прошла спокойна. Тому, что она спасла жизни. Тому, что жители спят спокойным сном, оставив свои мечты при себе. Или вот красивому зонтику, например. Да много чему!

И она радовалась.

Глава 1

Фанталь

14 июня.

«Привет, Дневник! Знаю, за последнее время ты порядком распух. Вернее, распух бы, если б не был вымышленным. Но верь – я уже с неделю представляю тебя пухлым, со множеством обтрепавшихся страниц, исписанных мелким почерком, с пометками на полях и между строчками.

Хорошо, что ты есть. Тебе я могу скидывать то, что не могу держать в голове постоянно. Люблю эту особенность. Как омут памяти в мире Гарри Поттера, помнишь?

Неделю назад я стал другим. И становлюсь до сих пор. И буду становиться еще очень, очень долго. Теперь я, вроде как, Хранитель Грез. Все еще мурашки, стоит только вдуматься в это. Хранитель Грез. ХРАНИТЕЛЬ ГРЕЗ... Это могло бы стать смешным, не будь оно правдой.

Теперь место дяди Коли занимаю я сам, а сторожка принадлежит мне (как бы я ни хотел быть преданным чердаку). Похоже, никому до нее нет дела, как и до нового смотрителя. Которым негласно стал я. Правда, в чем заключаются мои обязанности, ни я, ни Тин так и не поняли. Честно сказать, начинаю сомневаться – а существует ли в принципе такая должность? Станционный смотритель. Ну что это такое? Да даже если и есть. Допустим, надо следить за порядком или за чем-то еще... Скорее всего, смотрители нужны на более крупных станциях.

Сторожка перешла в мое пользование, и я, как обладатель своей собственности, решил ее обустроить. Два полных дня ушло на то, чтобы разгрести бардак, оставленный дядей Колей. Уработавшись в первый день до изнеможения, на следующий я позвал Тина. Все мое имущество с чердака переехало сюда. Книги, кресло с пледом и светильник. И, конечно же, мой небольшой диван. А старую койку дяди Коли мы с Тином разобрали и по частям отнесли на завод – она ему для чего-то понадобилась. Поверхность тумбочки я тщательно вымыл, ножом соскоблил несколько слоев чая и засохших крошек. Все ящики протер, взял из дома хлеб, пару банок консервов и кое-что к чаю. Обживаться – так по полной.

Бабушке с дедушкой, мягко говоря, все равно, где ночует их внук, при каких обстоятельствах умер смотритель, почему все жители такие странные. Их больше ничего не интересует. Они стали пассивными. Никто не задает мне вопросов, где я пропадаю или почему Мишка помогает мне переносить книги куда-то на улицу. Дедушка часто лежит и смотрит в телевизор. Не телевизор, а именно В ТЕЛЕВИЗОР. Бабушка либо сидит рядом, либо копошится на грядках. Но в основном они просто сидят и сверлят взглядом стену. Мне приходится включать им телевизор просто для того, чтобы не пугаться абсурдности происходящего. Так хоть создается иллюзия, что они смотрят фильм. Я с беспокойством наблюдаю за ними – ро-ро напоминают плоских, плохо прописанных персонажей книг. Вроде бы они есть, вроде бы совершают какие-то действия, но за ними ничего не стоит. Картонка, декорация. И это страшнее всего.

На их глазах я демонстративно переношу вещи с чердака, а дедушка с бабушкой провожают меня пустыми нарисованными глазами или глупо улыбаются. Кстати, Ленкины рисунки и постеры тоже перекочевали в сторожку, и мало-помалу я вытеснил из помещения все уныние. Оно обрело краски и стало более дружелюбным, свойским. Я хочу адаптировать сторожку ПОЛНОСТЬЮ под себя, чтобы мне было комфортно. Кто его знает, сколько дней придется здесь провести?

НЕ ЗАБЫТЬ: попросить Лену, чтобы она разрисовала умывальник. А то он слишком серый и навевает тоску.

А еще сюда перекочевал чайник. Бывает, заварищь какао, растопишь под вечер печку и хорошо. Правда, в дровнике остается все меньше поленьев. А печку я топлю даже не столько ради тепла, сколько ради атмосферы. Не хватает чего-то светлого. Попивая какао, я листаю книги и вспоминаю дядю Колю».

— Оул! Уснул?

Я быстро «захлопнул» дневник и открыл глаза. На столе сидел белоснежный хорек с янтарными глазами и недовольно смотрел на меня.

— Не уснул, — буркнул я.

— Тогда продолжим обучение.

Туман просеменил ко мне через стол и остановился подле края.

— Вот ты учишь, учишь, а по столу ходишь грязными лапами.

— Я отряхиваюсь перед этим, — заявил хорек и сел.

К говорящему животному я привык быстро. Было в нем что-то от самого дяди Коли, которого мне не хватало. После той жуткой ночи Тин совсем замкнулся в себе, и почти все мое общение сосредоточилось на Тумане. Днем его шкурка была белее снега, а ближе к ночи приобретала серовато-туманный оттенок. В темноте, подобно прожекторам, вспыхивали янтарные глаза.

— Сегодня мы снова поговорим о фантали — нашем главном ресурсе. Как ты уже знаешь, каждому Хранителю Грез подвластно управлять некой силой, с помощью которой он оказывает сопротивление Едокам и уберегает мечты людей. Соответственно, и самих людей. Фанталь — это одновременно и барьер, и фундамент, и оружие. Точнее — железо, которое тебе необходимо выковать в оружие, щит или крепостную стену. Что это будет — меч, топор, копье или, скажем, дротики, сплошные листы, проволочная сетка… Да что угодно — решать только тебе.

В течение минуты я переваривал информацию. Она отказывалась усваиваться и неистово носилась в голове, как ртутный шарик.

— То есть я маг? — глухим голосом спросил я.

— Ты — Хранитель Грез, — отчеканил Туман. — Скорее, кузнец или гончар, нежели волшебник.

Я задумался.

Не особо-то я и рукастый. Это Тин умелый и многое может... А мне тут про какие-то заборы. Как же тогда быть? Надеюсь, меня научат. Мне бы попроще чего — как герой одной книги, у которого кроме меча ничего и не было, но он вполне прекрасно расправлялся с неприятелями.

— Откуда берется эта фанталь? — обреченно спросил я, осознавая, что мне придется иметь дело с чем-то помудренее острого куска железа.

Хорек вытянул лапу, указывая на меня.

— Из головы.

— Как так?

— Фанталь — чистейшая концентрация мечты. Мечт, грез, фантазий, если угодно. Чем они ярче, тем гуще, сильнее, пластичнее и податливее становится фанталь. Тем проще Хранителю Грез. Все, что нужно, это выудить ее наружу и научиться с ней работать. Этим мы сегодня и займемся.

У меня перехватило дыхание. За последнюю неделю Туман только и делал, что твердил мне про Едоков, Хмурь, мечты, Хранителей... Новую информацию я воспринимал трудно, да и воспоминания о смерти дяди Коли были свежи. Мне часто снились кошмары, я переживал ту ночь снова и снова. Море крови, Едоки, пепельные жгуты и мерзкое чувство — покалывание лица и полное равнодушие ко всему.

Туман спрыгнул со стола.

— Пойдем на платформу.

Стоял теплый вечер. Сейчас бы отправиться на прогулку, прихватив с собой Тина, но мой друг, скорее всего, был занят на заводе. После велодрезины его охватила новая идея — сделать мне какой-то сюрприз. Какой — он не оглашал.

СЮРПРИЗ... В последнее время сюрпризы перестали мне нравиться.

Хорек проворно взбежал по ступенькам, я — следом. Фонарь на платформе так и не горел, но спрятанную туманом Дымчатую освещало багровое небо. Зверек по традиции запрыгнул на забор и устроился, словно кошка. Странное зрелище.

— Стоит помнить, — начал он, — что все манипуляции проводятся в *отдельном* мире. Или подмире. Вся картина видна только Хранителям или причастным. Для остальных же выглядит... Странно.

Я вспомнил «вальсирующего» дядю Колю и его движения руками. Вообще, в то лето я вспоминал очень, ОЧЕНЬ часто. Благо, повезло с памятью.

Меж тем, Туман продолжал:

— *Здесь* оседают результаты и последствия. Опять же, если ты не причастен. Все остальное — на другом слое. Пока понятно?

Я неуверенно кивнул.

— Хорошо, — хорек кивнул в ответ. — Как нетрудно догадаться, ты — причастный. Иначе бы ты не стал Хранителем Грез. Пример получше. Твой друг Тин. Настоящий причастный.

— Потому что видел Едоков?

— Да.

— А кто его таким сделал?

— Дядя Коля.

— А меня?..

— Сам догадаешься?

Я снова кивнул.

— Хорошо. Итак, шаг первый — понимание разницы между мечтой и фантазией. Ты должен знать, что мечты есть та же самая фантазия, но с оговоркой — к мечте ты стремишься и почти всегда можешь достичь ее. Мечта — часть тебя. Только усилиями и стараниями человека фантазия превращается в мечту.

— А как же мечта летать? — я склонил голову.

— А в чем проблема? — расплылся в улыбке хорек. — Ты же слышал, что я сказал. И кстати: если не мечтать о недостижимом, разве будет интерес?

Я нахмурился.

— Значит, разница между мечтой и фантазией существует?

— А я тебе о чем? Существует. И еще какая. Фантазия — не всегда мечта. Равно как и мечта не является фантазией во всех случаях. Фантазия больше легкомысленная и неуловимая. Я бы даже сказал ХРУПКАЯ. Ты сам убедишься в этом, когда научишься работать с фанталью. Задача Хранителя — различать эти два термина.

Я закатил глаза.

— Сло-о-ожно...

— Давай попробуем. Покажу тебе разницу. И тут мы подходим к шагу номер два. Первый не забыл?

— Различать мечту и фантазию, — без особого энтузиазма повторил я.

— Да. Второй шаг простой: тебе надо *оформить* фантазию.

Я нахмурился.

— Как это?

— Легко. Ты же читаешь книги? Вспомни какой-нибудь эпизод. Самое главное — будь смелее. Ты — хозяин положения. Помни об этом.

Ну, книжки — это легко. Как раз днем дочитал книгу про приключения вольпертингера. Великолепный боец, который одним только мечом расправлялся с полчищами врагов. Волей-неволей такому позавидуешь! Конечно, я хотел бы научиться так же. Только представить — одним мечом (в моем случае палкой) можно творить головокружительные вещи, защищая друзей. Лену...

— Я смотрю, ты прямо зафантазировался, — одобрительно сказал Туман.

Его голос отражался от каменных стен подземелья, где в свете факелов воин по имени Оул разрубал надвое гигантских пауков, окруживших его, Лену и Тина.

— Зафантазировался, зафантазировался... — плясало эхо.

Я кое-как покинул подземелье и сфокусировал взгляд на хорьке.

— Кажется, да, — улыбнулся я.

— Отлично, — кивнул Туман. — Шаг третий: зафиксируй фантазию в поле зрения. Возвысься над ней. Представь, как ты поднимаешься вверх, и мир твоей фантазии уменьшается в размерах. Он потихоньку округляется. Поднимайся до тех пор, пока мир не станет размером с небольшой мячик. Чтобы ты смог взять его в обе руки. В дальнейшем можно будет сжимать фантазии не так сильно, но пока, боюсь, ты вряд ли удержишь и это. Попробуй. Закрывай глаза.

Мне было волнительно. Как будто попал на экзамен. Хорек, казалось, следил за каждым моим движением. Солнце почти скрылось за горизонтом, от поднимавшегося тумана воздух приобретал влажность. *Багряные облака. Они спрячут и скроют неудачи.*

Я закрыл глаза и с удивлением обнаружил, что подземелье и пауки никуда не делись. Я легко вернулся туда и принялся орудовать мечом, отсекая конечности и рубя толстые жвала.

— Поднимайся, Оул, — велел Туман, словно он находился там вместе со мной и видел, что мой мир готов.

Подниматься... Хорошо. Если смог спуститься, значит, и подняться будет просто.

Я потянулся вверх. Да так усердно, что встал на цыпочки.

— Медленно, осторожно. Не торопись, — мягко говорил хорек, поселяя в душе спокойствие. — Будь аккуратнее, чтобы не нарушить целостность картинки. Сосредоточься. Фантазия — вещь хрупкая.

Может быть. Но не для меня. Тело уже влечет к высокому своду пещеры. Внизу остались пауки и три человека — я, Лена и Тин. Мое лицо серьезно, да и сам вид прямо кипит воинственностью и бесстрашием.

А здорово!

Ой, а что делать, если я упрусь в потолок? Вот сейчас врежусь, и картинка распадется! Вот же...

Пещера начала таять. Изображение пошло рябью. Я понял, что оно вот-вот испарится, и взял себя в руки. Вцепившись в фантазию каждой клеточкой сознания, я заново обрисовал все предметы, от пауков до меча в моей руке и каждого факела на стенах. Картинка обрела четкость.

Но потолок все ближе...

Стой! Ты — хозяин положения.

И вправду. Это же МОЯ фантазия! Разве может что-то помешать? Почему в МОЕМ мире мне должна препятствовать какая-то жалкая ограниченность пространства? Это Я создал ее. И МНЕ решать, какой она будет.

Ты — хозяин положения. Помни об этом.

И я помнил.

Страх отступил. Я беспрепятственно поднимался выше, пока освещенная факелами пещера не стала размером с футбольный мяч. Но вот вопрос — действительно ли фантазия *скруглилась* или же это *я* все придумал и свизуализировал?

— Кажется, все... — шепотом проговорил я, удерживая картинку-фантазию. Она дрожала и слегка искажалась, будто отражение в потревоженной водной глади.

— Замечательно. Не открывай глаза! Теперь возьми фантазию в руки.

— Как?!

— Как хочешь. Ты же там главный.

А, ну да.

В тот же миг в темноте возникли два бежевых пятна, оформившихся в ладони. Неожиданно большие, огромные ладони. Они свободно парили в воздухе, но я, вроде как, мог ими управлять. Длинные пальцы слушались меня и неукоснительно выполняли все команды.

Смешанные чувства. Как будто управляешь чем-то посторонним при помощи мысли... Или волшебства. Или здесь и сейчас эти понятия тождественны?

Я протянул ладони к мячику фантазии. От него исходило приятное тепло. Оно ласкало кожу, как если бы я погрузил кисти в горячую воду. Аккуратно коснувшись пальцами сферы, я приподнял ее.

Увесистая!

— Взял, — все так же шепотом сказал я.

— А теперь вытолкни ее за пределы.

— Как это? За какие пределы?

— Ты — в мире грез. Как в норе, например, или в комнате. Или тонкостенном пузыре. Да в чем угодно, хоть в палатке! Какая разница? Пусть твоя фантазия покинет пределы мира грез и придет сюда.

Легко же ему говорить. Так. Представим, что мы в комнате, где четыре глухие стены и нет потолка. И неважно, что пещера куполообразная. МОИ правила. Итак, дано: четыре стены без потолка. Задача: перебросить шар за стену. Но стены же высокие... Или нет? МОИ стены. Что хочу, то и делаю.

Я схватил мяч покрепче и толкнул его вверх, представляя, как он взлетает и покидает комнату. Точнее, пещеру. В общем, не суть.

— Открывай глаза, — скомандовал хорек.

Осторожно, боясь спугнуть что бы то ни было, я разомкнул веки. И с трудом удержался от громкого ОХА. Между мной и Туманом зависла прозрачная, похожая на медузу субстанция. Она колыхалась, словно студень, и иногда окрашивалась перламутром.

— И это... — неуверенно сказал я.

— Фанталь. Совсем слабая, почти ни к чему не пригодная, но фанталь. У тебя получилось, поздравляю!

Восторг охватил меня. Я протянул руку к перламутровой сфере, но та испарилась, оставив после себя запах кедровых орехов и мяты. Совсем как... СОВСЕМ КАК ТОТ, КОТОРЫЙ Я ЧУЯЛ ПО НОЧАМ! Совсем как тогда, когда дядя Коля семенил по платформе. Совсем как в ночь его смерти... Густой, резкий запах кедра и мощный аромат мяты, от которого слезились глаза.

Но от этого ли?

— Оул?

Я моргнул и одним скользящим движением вытер глаза.

— Да просто... — я предательски шмыгнул. — Запах этот. Мята... Ну, резкий такой.

Туман кивнул.

— Да, резкий. — И за это я был ему благодарен. — Не сразу привыкаешь.

— Куда она исчезла? — спросил я, меняя тему. Правда, вышло немного обиженнее, чем я планировал.

— Не торопись! Ишь, захотел чего. Это твоя первая в жизни фанталь. Я вообще удивлен, что ты смог создать ее.

— Что, я так плох?

— Нет, просто мало кому удается. Она была слаба. Контуры никакие, содержимое — тоже. В общем, нежизнеспособна.

Несмотря на неприятные ассоциации, в душе я ликовал. *У меня получилось сделать настоящее заклинание! И это намного интереснее, чем... Чем...*

О Господи. Я же о чем-то думал. Когда создавал фанталь. Что это было? Куда оно пропало?! Подвиг? Полет в небе? Спасение мира? Я НИЧЕГО НЕ ПОМНЮ!

— Туман. — Еле живым голосом сказал я.

— А. Вижу, понял.

— Куда делось то, о чем я... Э-э-э... Фантазировал?

Впервые что-то смогло обмануть мою память и выветрилось, не оставив ничего.

— Туда же, куда и фанталь.

— То есть?

Хорек развел лапками.

— То есть — в никуда. Именно поэтому все Хранители Грез сперва обучаются на фантазиях и лишь потом — и только в крайних случаях! — используют мечты.

У меня перехватило дыхание.

— А фанталь уже все?

— Эта — все, — кивнул Туман.

— И не вернуть?

— Нет.

— У-у...

И как-то сразу стало грустно. Все-таки у любой медали есть обратная сторона.

То есть, выходит, вот так просто можно взять и лишиться мечты? Да это же опасно! Чем я стану лучше дымчатых, лишенных грез? Быть таким же?.. Ради чего?!

— Я знаю, о чем ты думаешь. О чем переживаешь. Именно потому я и обучу тебя — не бояться. Сохранять мечты и считаться с ними. Беречь их. Не только свои. Всех людей, за которых ты отвечаешь.

— Но мечты! Пропадут! — вскричал я, расстроенный двойной неудачей — лишением фантазии и лопнувшей фанталью.

— Ты научишься беречь их, — с нажимом повторил Туман. — И ухаживать за ними. Прибегать к мечтам в последнюю очередь. Но это потом. Ну, чего расстроился?

Я пнул камень. Тот слетел с платформы и звонко ударился о рельсу.

— Несправедливо как-то... Можно же и опустошиться.

Глаза Тумана сузились.

— Именно это произошло с жителями, да? — спросил я. — С бабушкой, с дедушкой.

— Да. Но эти мечты можно вернуть.

— Но ты сказал, что они пропадают!

— Потраченные на фанталь — да. Но не во всех случаях. Мечты же сами по себе никуда не пропадают. Закон сохранения энергии, Оул. Их пожирают Едоки. Убей его, и ты вернешь мечту. Этим тебе, кстати, тоже предстоит заниматься. Убей вовремя, пока Едок не украл мечту! А если и украл, то не дай ему отправить мечту Хмури, иначе он займется кражей следующей.

— То есть?

— Съев одну мечту, Едок становится сильнее, съев вторую — он начинает терять контроль. Сила переполняет его. Потому он отправляет мечту Хмури, оставляя себе первую, которая делает его мощнее. А Хмурь копит мечты. Однажды она переполнится и не сможет впитывать новые. И тогда… В общем, Едоков надо убивать.

У меня заболело в висках.

— Потрясающе. Я еле-еле создал фанталь, она сразу исчезла, зато мне НАДО УБИВАТЬ ЖУТКИХ МОНСТРОВ, которые... Которые дядю Колю...

— Научишься! — сказал хорек, отсекая мое недовольство. — Ну, давай еще попытку. Чтобы не было, как в первый раз, придумай что-то прямо сейчас. Что не расстроит тебя после исчезновения. Выудив фанталь, попробуй ее удержать.

— Как?

— Ну, например, представь, что она в защитном коконе. Или имеет толстый контур. А потом попытайся вобрать ее обратно в себя. Только не спрашивай, как...

Хорошо, что он предупредил. Я вовремя успел прикусить язык.

— В нашем деле важна визуализация. И вера. И чем тверже вера, тем проще будет постигать умения. Закрывай глаза.

Вдали стучали колеса поезда. Я представил, как он мчит по поверхности Луны, а вокруг — необъятные просторы космоса, холодного и колючего.

На Луне светло, поверхность неровная, поезд едет прямо по тверди, колеса погружаются в мягкую пыль...

Поезд проносился мимо.

Повсюду барханы и кратеры, насыпи пыли, пустые русла рек, вдалеке — дивные хребты гор, намного выше земных, а сам я, оказывается, еду по дну моря.

Так, надо определиться: либо дно моря, либо более высокая точка, где я смогу видеть все остальное. А то нелогично.

Фантазия искажалась и менялась. Слайды перескакивали туда-сюда, будто календари с двойными картинками-голограммами, и я никак не мог выбрать, на чем остановиться. Когда закружилась голова, я таки решил, что буду где-нибудь выше, чем морское дно. Так можно разглядеть больше необычного.

Картинка обрела статичность.

Я сложил руки вместе, ладонь к ладони, и повел ими вверх, словно выныривал из воды. Поезд, дно, кратеры, Луна — все осталось далеко внизу. Плавно, аккуратно, размеренно. Как на большом воздушном шаре. Я смотрел на бледную сферу, ставшую не больше арбуза. *Как удобно! Можно сразу и взять!*

Я протянул руки и бережно ухватился за Луну. Теплую, будто вытащенную из печки. Не оборачиваясь, сверху вниз рассек звездную поверхность мыслью, и когда обернулся, примерно знал, что меня ожидает. В ледяной тьме космоса зияла брешь, аккуратная,

практически хирургическая. Ее просвет мерцал сине-зеленым. Я вытолкнул фантазию прямо туда, и, как только Луна скрылась в разрезе, открыл глаза.

Фанталь получилась странной — неровной и бугристой. Подрагивала. И совсем не походила на аккуратную форму далекой Луны. Я присматривался, еще не осознав, хорошо получилось или плохо. Фанталь подрагивала в такт колесам поезда. Но тот проехал без остановки. И чем дальше уносился состав, тем слабее *билась* фанталь. Как будто бешено колотящееся сердце потихоньку восстанавливало спокойный ритм.

Все тише и тише. Пульсация почти прекратилась. Фанталь замирала. *Ой, а о чем она? Как бы не…*

— Ай!

СНОВА ЛОПНУЛА! Возникло облачко не то пара, не то дыма или тумана. Все нутро заполнилось едким запахом мяты и кедровых орехов.

— Отвлекся... — я решил опередить хорька и признать свою вину, показать, что и сам все прекрасно понимаю.

— Понимает он, — оскалился Туман. Мне все больше начинало казаться, что он умеет читать мысли. — Ты не только рассеян. Умерь свое любопытство. Хотя бы в такие моменты. Сосредоточенность и вера — все, что тебе нужно.

— Но как верить в то, о чем ты не помнишь? Выуживая фанталь, я, получается, избавляюсь от того, о чем думал секунду раньше.

Тумана заволокло пеленой. Я протер глаза, но не помогло. В нос ударило острым кедровым запахом.

— А зачем тебе верить в это? Верь в себя и фанталь. Кстати, о ней: никогда не создавай фантали, построенные на внешних факторах. Она дрожала в такт поезду. О чем ты фантазировал?

— Очень смешно.

Я все еще нюхал воздух и всматривался в хорька. Пелена уходила. *Стоп! Да ведь это же!..*

— Осторожнее, Оул, осторожнее! — гаркнул Туман. — Не спугни. Не делай резких движений. Говоришь, не помнишь, о чем думал?

Я кивнул.

— Хорошо. Протяни руку. Аккуратно. Представь, что на твоей ладони — та дверь, или брешь, или окно, через которое ты вынимаешь фантазии. Понимаешь?

— Понимаю, — ответил я. Рука моя дрожала, но было приятно. Словно ладонь намазали мятной зубной пастой. — А что дальше?

— Вбирай.

Вбирай... Вот не буду спрашивать, как. Смог вытащить, смогу и обратно вернуть. МОЯ фанталь.

Ладонь леденило, появился приятный зуд. Я буравил взглядом медленно проплывающую мимо меня фанталь. Маленький кусочек. Присмотревшись, понял, что это не кусочек фантали, а миллион мелких частиц.

А ну, идите сюда! В ладонь! ПРИКАЗЫВАЮ!

Ничего не произошло.

Может, надо как пылесос? А КАК пылесос?

Я сжал пальцы. Рука начинала уставать. Ладонь дрожала. От напряжения по лицу тек пот. Хорек внимательно следил за мной с беспристрастной мордой. Почему-то от этого становилось обиднее. Во мне закипала злость.

ДАВАЙ ЖЕ!

Фанталь зависла над путями.

Ты — часть меня. Ты — моя фантазия. А я — твой хозяин. Ты не смеешь не слушаться. СЮДА!

Я представил, как незримая рука подталкивает фанталь к ладони, скручивает ее в тонкую нить, и та послушной змейкой заползает в свой дом.

Руку обожгло льдом по самое плечо. Я вскрикнул.

— С непривычки, — сказал Туман.

На меня посыпались разноцветные образы.

— Поезд! Луна, космос, что-то еще...

— Так и думал, что поезд. Запомни: только самостоятельные фантазии, ни от чего не зависящие. Никогда не привязывай их к внешним факторам — звуки, погода, ощущения твоего тела.

— Но это помогает представить все яснее! — возразил я, за что был одарен яростным взглядом Тумана. Рука не слушалась.

— Сейчас мир один, через секунду — другой! Одна ошибка может стоить жизни. Жизней! Помни об этом, Оул.

Поезд, Луна, космический корабль? Нет... Что же это была за фантазия? Как же руку ломит!

— Туман! — рявкнул я, раздраженный поврежденной рукой, но осекся. — Прости... Но я же вобрал фанталь! Почему я ничего не помню? Какие-то обрывки. — Было жутко и неприятно. Как будто меня ограбили. — Меня это... Мне это не нравится.

Туман улыбнулся. Обнажились клыки, вспыхнули глаза. Шерсть его уже приобрела пепельный оттенок. Подступала ночь.

— Ты же вобрал не всю фанталь. Она распалась на частицы. Была неравномерна. Ты заметил? Неровная, как плохо вымешанный комок теста. Такой она бывает в двух случаях — когда фанталь уже *устала* и когда она еще *неуверенная*, непродуманная, дилетантская. Как у тебя. Чем сильнее фанталь, тем она крепче. И при *вбирании* не меняется, не ослабевает. Если только она не потеряла часть себя в битве или, хм, прочих мероприятиях. Пока же тебе в качестве домашнего задания — составить список фантазий и как следует их проработать. Мысленно, не более. Ни в коем случае не трогай свои мечты, если не хочешь лишиться их. А список поможет тебе помнить, о чем ты думал. Потом можно будет сравнить с изначальным вариантом.

— Хо-хо, — только и мог сказать я, все еще потрясенный. *О чем же была моя первая фантазия? А ЧТО ЕСЛИ ЭТО БЫЛА МЕЧТА? Ой...*

Я перебрал импющиеся у меня мечты. *Все целы.*

— Сосредоточенность, Оул. И вера, — с нажимом повторил хорек.

— Да понял я.

— И не расстраивайся ты так. Если покопаться в себе и отделить фантазию от мечты, то лишений получится не так уж и много. В конце концов, ты любишь читать. Сделай книги своим инструментом. Как сделал в первый раз.

ЧТО?! Как в первый раз?

— Ты умеешь читать фантали?! — возмутился я, стремительно краснея. *А ВДРУГ ТАМ БЫЛО ЧТО-ТО ЛИЧНОЕ?*

— Нет, нет, успокойся! — поднял лапы хорек. — Просто она была слишком характерна, вот и все. Домашнее задание уяснил? Через несколько дней проверю. Никаких выуживаний и вбираний фантали без меня! Это опасно.

— Понял.

— Обещай.

— Хорошо.

— *Обещай!*

— Обещаю.

***

Я пришел в сторожку и плюхнулся на диван. Какое-то время лежал с закрытыми глазами и ни о чем не думал. Я еще горел возбуждением после фанталей. Хотелось прямо сейчас взять и приступить к работе. Раз мне суждено стать преемником дяди Коли и выйти на тропу войны против Едоков, нужно быть в форме.

Было уже довольно поздно, и я, испугавшись, что меня может сморить сон, сел по-турецки. От резкого движения закружилась голова.

Нельзя так сразу ложиться спать.

Я стащил со стола книгу и раскрыл ее.

Интерлюдия 1

Семь лет назад

— Ну что, Саш, поедешь? — спрашивает папа, сворачивая с шоссе на укатанную дорогу.

Он отодвигает сиденье подальше от руля, чтобы мне хватило места — папа еще пока не доверяет садиться за руль одному. Я понимаю, что для мальчика восьми лет рано. Мальчик вообще не против остаться на пассажирском сидении и отвернуться к окну.

— Н-не з-знаю, па...

Чувствую, как потеют ладошки. Боюсь. Как будто расстояние между папой и рулем — тюрьма, и если я сяду туда, то уже никогда не выберусь.

Отец ободряюще улыбается.

— Давай, чего же ты! Рано или поздно придется учиться.

— Наверное... — ворчу я и перелезаю к отцу.

Он усаживает меня поудобнее, хлопает по спине, чтобы я не сутулился, и кладет ладони на мои локти.

— Чего такой напряженный-то, Саш? Расслабься. Выжимай сцепление. Вот, отлично. Включай передачу. Поддай газу. Во-от. Отпускай сцепление. Стой, не так быстро!

Машина брыкает и глохнет.

— Не хочу! — вскрикиваю я.

— Постой, сейчас еще раз.

Я пытаюсь подняться, но мешает руль. Папа берет меня за плечи.

— Не психуй. Попробуй еще раз.

— Это чересчур для меня, пап. Я так не сумею! Слишком много всего надо держать в голове.

— Не думай обо всех этих пунктах. Просто веди машину.

В зеркале заднего вида отражается мама. Она встревожена. Я смотрю ей в глаза, но она беспомощно разводит руками и робко улыбается.

Хватаю ключ зажигания.

— Стой. Выключи передачу.

Я тяну рычаг на себя и поворачиваю ключ. Машина легко заводится и послушно урчит.

— Давай, — шепчет папа.

Левая нога на сцеплении, рука толкает рычаг, правая нога ложится на педаль газа. Отпускаю сцепление. Машина едет.

— Отлично! Газуй, не бойся.

Резвый тон отца подбадривает меня. Я чувствую, как подошва кроссовки касается пола. Машина устремляется вперед. Мама вскрикивает.

— Игорь!

— Все хорошо! — предупреждает папа. — Давай вторую, Саш!

Дорога плывет перед глазами. Капот машины прыгает вверх-вниз, вверх вниз. Колесо попадает на кочку, автомобиль разворачивает вправо, прямо к кювету.

— ВЫРУЛИВАЙ!

Я уже ничего не понимаю и включаю вторую передачу, забыв выжать сцепление. Из нутра машины раздается неприятный скрежет. Осознаю, что сделал что-то не так. Хмурюсь. Нервничаю и хмурюсь. Жму на тормоз.

Машина взбрыкивает и глохнет.

— ХВАТИТ! — взрываюсь я и в своем бессилии бью по рулю. Раз, второй, третий. Мир мутнеет и расплывается.

— Да погоди, — отец пытается удержать меня.

— НЕТ!

Я вырываюсь из рук отца и перепрыгиваю на пассажирское сидение. Хлюпаю носом. Папа расстроен. Он мрачнеет.

— Ну чего ты? — спрашивает он, как будто мы не были только что в шаге от того, чтобы слететь с дороги.

— Игорь, не надо...

Голос мамы мягок, не уступить ему трудно.

— Ничего не понимаю, — ворчит отец и заводит машину.

Глава 2

Все больше неприятных новостей

19 июня.

Как и любой человек, внезапно охваченный новым интересным делом, я с головой погрузился в чтение и тщательное составление списка. Зачастую в такие периоды ты мало чего замечаешь вокруг, и все, что осталось у меня в памяти о том времени, — это горстка записей из вымышленного дневника да списки с фантазиями.

После первого занятия с Туманом я думал, что каждый вечер мы будем продвигаться в обучении нового ремесла, но хорек оставил меня наедине с книгами и сказал, что мне не мешало бы хорошенько вооружиться.

Удивительное дело: теперь сам процесс чтения стал восприниматься по-другому. В какой-то степени чтение превратилось в работу. Когда понимаешь, что любая страница может спасти тебе или кому-то еще жизнь, привычное восприятие искажается. Это одновременно и жутко, и захватывающе. Любимое занятие стало оснащать меня боеприпасами — фантазиями.

Я читал въедливо и очень, очень много, и спустя три—четыре дня испугался своих темпов. *А вдруг не хватит книг, которых я взял с собой на лето? Ой, а что же будет после лета, когда придется уезжать? А как же Едоки?..* О подобном я старался до поры до времени не думать. Рано.

Пока я проводил время за чтением, вооружаясь заготовками для будущих фанталей, Тин с головой ушел в работу на заводе, доводя до ума свою велодрезину. После случившегося с отцом несчастья он стал слишком хмурым, и, если честно, проводить с ним много времени было тяжеловато. Я с трудом уговорил его помочь мне с переноской вещей в сторожку. Я злился на Мишку за то, что он отгородился от всех, но как мог поддерживал его. То, что я стал Хранителем Грез, Тина не волновало.

По ночам я почти не спал. Не давал уснуть грохот, после которого со станции то и дело доносились жуткие крики и вопли. Это Туман временно выполнял то, что предстоит выполнять мне. Он называл это «дежурством» и велел мне не высовываться. Я закрывал окно и сидел, глядя перед собой. Лишь делал поярче светильник, чтобы не было так страшно. Одно дело наблюдать за кошмарными тенями из своего дома, другое же —

находиться в десятке шагов от места событий. Это совсем, совсем не то. Здесь никого не было: ни бабушки, ни дедушки. Не было звука работающего телевизора, не было дальнего угла, куда можно вжаться, если станет невмоготу. Одинокий мальчик в пустой маленькой сторожке. Рядом с Едоками и дергающимися в окне пепельными жгутами. Эти серые хоботы мелькали перед самым лицом, словно гибкий нос какого-то ужасного монстра, который все вынюхивает и ждет новую жертву. Когда я видел эти жгуты, мое лицо пронзала память множества мелких иголок. То ощущение мне так и не удалось забыть. Но Туман сражался с Едоками. И сражался весьма успешно. Наверное, только это и могло меня хоть немного, но успокоить.

И все равно моя жизнь стала по-настоящему изолированной. Я лишился круга общения и только читал, читал и читал. Иногда беседовал с хорьком. По ночам мне запрещалось выходить из сторожки, да и сам я, честно сказать, не очень горел желанием.

Закрывая глаза, я видел голубые вспышки и слышал стук колес. Вскоре перестал замечать вопли. Как-то привык.

Но почему-то не спал.

***

У меня появился своеобразный ритуал-лотерея — каждое утро я навещал Тина в надежде, что дядя Володя станет как раньше. И каждое утро горько осознавал, что все осталось без изменений. Надежда теплилась, ведь тетя Даша же *вернулась*! Однажды вернуться должен и дядя Володя. Потому что Едоки по ночам гибли. Я это знал. Иначе что еще делать хорьку на платформе глубокой ночью?

Наверное, расстройство передавалось и Мишке — во время моих утренних визитов он выглядел еще более мрачным. Даже мрачнее, чем теневики.

Это утро не стало исключением. Калитка была отворена, и я вошел во двор к Тину. Его папа лежал посреди лужайки на старой койке, сетка под ним прогнулась и почти касалась земли. Он читал пожелтевшую от времени газету и даже ухом не повел, когда я громыхнул калиткой.

— Здравствуйте, дядь Володь!

Молчание длилось слишком долго, чтобы я мог рассчитывать на ответ.

— Привет. — Наконец, донеслось из-за газеты.

Само собой, никто и не думал из вежливости убрать ее или протянуть мне руку. Почему-то именно от дяди Володи это было обиднее, чем от прочих. Мы так хорошо дружили...

— А Мишка дома?

— Нет.

— А где?

— Не знаю.

Ну и тон... Наверное, люди с таким же безразличием относятся к летящему воробью или вылезшим на дороги после ливня червякам. Мне стало скверно. Захотелось убраться отсюда, и побыстрее.

— Ладно, спасибо! — я зачем-то махнул рукой, хотя на меня по-прежнему не смотрели.

— Ага.

Значит, Мишка уже на заводе. Рановато он сегодня.

Но когда я пришел, все стало понятно.

— Сюрприз! — объявил Тин и вручил мне увесистую коробочку, сплетенную из алюминиевой проволоки.

— Вот те раз... — я принял подарок и уже схватился за скрученную в луковицу проволоку, намереваясь раскрыть коробку.

— Только осторожнее, пожалуйста, — спохватился Мишка. Он выглядел смущенным. — Проволока еще, ну, пригодится...

Я рассмеялся и как можно бережнее размотал ее. На дне плетеной коробочки лежали две широкие туго сжатые пружины. Если представить, что они стоят вертикально, то к горлышку каждой спинкой крепились по две железных скобы, а на них была вырезана и залита черной краской лаконичная фраза: «ОТ ТИНА». Еще две скобы (вторые части пар) стягивали пружину и являлись предохранителями — на случай непредвиденного срабатывания механизма и разжимания пружин. При случае эти скобы отцеплялись и фиксировали ногу, соединяясь со своими половинками.

Так это же те самые пружины, изобретенные Тином в прошлом году!

— Оп-па! Ты чего, Мишка? Захотел, чтобы и я сломал себе руку? — я рассмеялся. — Вместе будет не так обидно?

Тин пожал плечами.

— Пригодятся. Мало ли чего.

— Как это? — я переводил взгляд с пружин на друга и обратно.

У скоб имелись ушки, как на иголках, а на дне проволочной коробки я увидел толстый шнурок.

— Носи их на поясе, — объяснил Мишка. — Мало ли чего.

МАЛО ЛИ ЧЕГО. Уже два раза сказал. Что с ним?

— Спасибо, дружище. Обязуюсь носить и использовать при первой же МАЛОЛИЧЕГОШНОЙ ситуации!

Я вдел шнурок в ушки скоб и обмотал вокруг пояса. Подумал и обнял Тина. Тот ответил слабеньким хлопком по спине. Радость от неожиданного подарка омрачалась Мишкиным настроением. Выглядел он все так же встревоженно. Его можно было понять — несчастье с папой выбило из колеи. Но сегодня Тин показался мне еще более… Настороженным, что ли.

— Скоро закончу уж, — сказал он, махнув рукой в сторону велодрезины.

Она заметно преобразилась — выглядела более аккуратно, тяги и трубы уже не валялись беспорядочно, а хитроумно соединялись в единую систему. Конструкция и вправду впечатляла.

— Слушай, а классно!

— Осталось только дождаться, — желчно усмехнулся Тин, — когда папа соизволит достать мне колеса с ребордами.

— С чем?

— Ну, ограничители такие по краям колес, чтобы те не слетали с рельсов.

— А…

Мы замолкли. В разговорах я старался не касаться темы Мишкиного отца. Тину было неприятно говорить о нем.

Дядя Володя дружил с железнодорожниками и, как бывший коллега, поддерживал хорошие отношения. Став изобретателем, он получил возможность использовать списанные и ненужные запчасти от поездов. Но не теперь. Едоки все испортили.

— А ты чего, так и живешь в сторожке?

— Да… Как-то там, ну, спокойнее, что ли.

— Понимаю. Мне тоже тяжело находиться с отцом в доме. Раньше он до поздней ночи сидел в гараже, пока не увез все детали для Винтика…

Я ничего не сказал. Тин посмотрел на меня.

— Твои же тоже, да?

Перед глазами возникли отстраненные лица бабушки и дедушки. Тронутое небрежной серо-черной щетиной лицо деда. Никогда не видел его таким... Бабушка со спутанными волосами...

Внутри все опустилось.

— Угу.

— И зацепок никаких, зараза! — Тин ударил себя по бедру.

— А та ночь?

Мишка вылупился на меня.

— Какая?

— Ну, когда Едоки.

— А... Да. Не знаю. С точки зрения науки, ничего подобного существовать не может.

— И давно ты руководствуешься наукой?

— Всегда.

— Тогда что твоя наука говорит про Едоков?

— Не знаю. Галлюцинация, может.

— Коллективная?! Ты с ума сошел, Тин?

— Не знаю. Не исключаю.

Как ты можешь? Неужели тронулся умом? Или это такой самообман...

— Думаю, все будет хорошо, Тин.

Едоки… Пожиратели грез. Радужное свечение, радужные сгустки внутри темных тварей. Одна из этих мечт принадлежит дяде Володе.

Я сжал кулаки.

— Все будет хорошо.

***

Сторожку заполняли книгами. Они были повсюду — на столе, на диване, на коленях и даже на полу. В руках я держал ручку, ее кончик замер в сантиметре от раскрытой тетрадки. За эти дни я так и не облек в буквы свои фантазии. Что толку от слов, записанных в столбик, если в эти слова надо *углубляться*? Я должен был основательно подготовиться ко встрече с Туманом — мне казалось, что она произойдет раньше, чем я ожидаю. Мне предстояло поломать голову и раскрыть хотя бы несколько фантазий.

За окном сверкали молнии, лил дождь. Я закрыл окно, но оставил открытой маленькую форточку, которая под порывами ветра болталась на слабых петлях и издавала тихий лязг. В рассохшихся рамах дребезжало стекло, капли яростно ударялись в окно и стекали извилистыми реками.

Мне всегда казалось, что нет ничего проще, чем фантазировать. До того момента, пока Туман не разъяснил мне разницу между фантазиями и мечтами. Действительно, как отличить одно от другого? Ведь изначально мы фантазируем о том, что хотели бы пережить сами.

Скажем, я горю желанием научиться летать. Что это — мечта или фантазия? Наверное, все-таки мечта… И пусть она, скорее всего, несбыточна, это не делает ее слабее. А когда я представляю, что летаю над городом, заглядывая в окна небоскребов, или проношусь сквозняком через всю Дымчатую, когда парю над морем — что это, фантазия или мечта? Должно быть, фантазия. Но если я использую одну из фантазий, создавая фанталь, исчезнет ли мое желание научиться летать? Или мечта так и останется мечтой, но я уже не смогу представлять, как летаю над городом?..

Ух, как же сложно, как же сложно! Нет, надо что-то делать. Систематизировать, что ли... И в первую очередь — отложу фантазии, связанные с мечтой. Наверное, чтобы сберечь себя, начну все-таки с книжных подсказок, а то, чего доброго, лишу себя всех самых сокровенных грез.

Итак, книги. Они таят в себе то, о чем я не подозреваю и не думаю, а если и думаю, то крайне редко. Следовательно, потеря такой фантазии может пройти безболезненно. Возьмем один из любимых романов. Там рассказывается о людях, которые способны управлять металлами. Отличная штука! О таком я точно не задумывался. И своего хватает. Только представить: идешь ты такой между ротами королевского войска, в легкой броне, а на солдат внезапно нападает вражеский легион. А ты одним движением, одним взглядом вырываешь мечи из их ножен и подбрасываешь в воздух; смотришь на других — и сминаешь им щиты, как будто они сделаны не из железа, а из тонкой рисовой бумаги. Тут тебя отвлекает какой-то шум. Ты оборачиваешься и видишь почти подошедший строй тяжелой пехоты. Взгляд — и доспехи лопаются, расходятся по швам панцири, кирасы с грохотом падают на землю, кольчуги осыпаются, словно брошенные монеты...

Вау! Обязательно учту это! Только как бы не превратить эту фантазию в мечту.

Еще в той книге был красивый город на воде со стеклянными куполообразными крышами и растущими прямо из воды плодоносными деревьями. Вот бы там побывать... Я представил, как брожу по переброшенным между домами мостикам, вдыхаю свежий морской запах, ощущаю на лице брызги прохладной воды. Ой, а если в этом городе управлять металлом? Станет ли фантазия сильнее? Удвоится? Ох! Надо будет спросить Тумана, иначе с ума сойду.

Нет, лучше разделить фантазии. Все компоненты и составляющие — условности. Моя личная арифметика. Фантазия останется фантазией.

Вспыхнула молния. Яркая, синяя, страшная... Ледяной свет озарил Дымчатую и мою сторожку, наполняя ее чудовищными тенями. Я тяжело сглотнул и постарался сосредоточиться.

Металл и город. Маловато. Что еще?

Я наклонился к столу и разворошил книги. Взгляд упал на обложку первой попавшейся: *пауки, вольпертингер с мечом, подземелье... О чем она? Наверное, неинтересная, раз ничего не запомнил. Но вот вторая! В ней рассказывается о пареньке, который дружил с настоящей Тенью! Она помогала ему, была верным другом, а тот мог передвигаться по теням, скрываться и даже растворяться в них. То, что нужно! Не сказать, что я прям уж мечтаю о такой возможности, но было бы совсем неплохо. Остается понять, расстроюсь ли я, если больше не смогу думать об этом. Думаю, нет.*

Металл, город, тень. Пожалуй, для начала этого хватит. А то запутаюсь и опять разобью фанталь... Хочется произвести на Тумана хорошее впечатление и реабилитироваться за тот провал.

Раскат грома раздался где-то рядом. И такой мощный, что сторожка ходила ходуном. Ливень усилился. Теперь капли барабанили непрерывно, превратившись в монотонное гудение. От обильных потоков воды стекло как будто покрылось пленкой.

Металл, город, тень. Я прокрутил в голове образы и желания. *Нет, это точно не мечты. Потеряю ли я чего-нибудь, если лишусь их? Вряд ли. В книгах полно интересностей.*

Да, я готов к занятию.

Еще одна молния.

— Да что ж за погода-то... — проворчал я, накидывая на плечи плед.

Обхватив кружку с еще не остывшим какао, я сделал большой глоток. И снова меня ослепило. И тогда-то мне стало понятно, что молнии бьют слишком часто. А значит...

В сторожку просочились запахи кедровых орехов и мяты.

Да, так и было. Вслушиваясь, я прикрыл глаза, стараясь отринуть посторонние звуки. Бесплотным духом продрался через ливень и бурлящую на земле воду, через вой ветра и дребезжание стекла. И в непозволительной близости я разобрал их: крики. Вопли Едоков. И где-то среди них был Туман, который сражался вместо дяди Коли. Он велел мне не высовываться, и я не мог ослушаться. Это было как минимум глупо. Туман противостоял им.

А КОГДА-ТО ЕГО МЕСТО ЗАЙМУ Я.

Я вжался в диван и теперь не слышал ничего, кроме Едоков. Огромная масса противных звуков нависла надо мной, словно убийца. Как будто Едоки соревновались, кто издаст более мерзкий вопль.

Внезапно на укутанный полумраком стол упала радужная тень. Я вздрогнул и посмотрел в окно. И точно — мимо окна пролетала разноцветная лента, оставляя за собой шлейф.

— Кто-то обретет утерянную мечту... — прошептал я.

Звуки сражения стихли не скоро. Какое-то время я не сводил глаз с окна, пока не стало хоть немного тише. Примерно настолько, чтобы снова можно было попробовать почитать. Не сразу, но получилось. Я читал кропотливо и въедливо, цепляясь к любой мелочи, которую можно сделать мечтой либо же очень сильной фантазией.

Конечно, свой набор грез у меня имелся. Он был достаточно обширным и... Личным, что ли. И лучше бы не вспоминать о нем лишний раз, чтобы ненароком не использовать. Только этого не хватало.

Незаметно для себя я уснул. Тревожным сном, полным ливня, брызгов моря в лицо, полным всполохов и теней, холода и блеска металла. Наверное, я перенапрягся и перефантазировал, потому что даже во сне знакомые образы были при мне, будто револьвер, висящий на поясе ковбоя.

Я был вооружен.

Разбудил меня скрип двери. Протяжный, надломленный, будто кричащий о помощи. В сторожку ворвался ледяной ветер и принялся шуршать страницами книг. В оставленной кружке задребезжала чайная ложка, будто тревожный набат.

— Ох уж этот ветер, — недовольно буркнул я, не размыкая глаз.

По полу что-то пробежало, быстро перебирая лапками.

— Не ветер, а Туман, — поправили меня слабым голосом.

Хорек!

Сон как рукой сняло. Я подскочил на диване, отбросив плед на стол.

— Осторожнее!

Я чуть не наступил на зверька. Он скрутился клубком около дивана и тяжело дышал. По телу то и дело пробегали судороги, шерсть была испачкана в грязи и крови.

— Туман!..

Я растерялся. Сразу вспомнился истекающий кровью дядя Коля, как он умирал прямо на моих глазах.

— В порядке я. Просто подними меня. Дует.

Его слова были едва слышны. Он приподнял морду. Янтарные глаза светили не так ярко, как обычно. Это встревожило меня. В их глубине залегла боль, которую Туман тщательно скрывал. Взяв старое покрывало, я замотал в него хорька и положил на стол, после чего закрыл дверь. Гудение ветра ослабло.

— Что с тобой? Ты ранен? Больно? — я уже вовсю бежал к столу, где хрипло дышал хорек.

— Едоки. Что-то их особенно много. Вторжение все ближе, Оул.

— Да погоди ты со своим вторжением! — огрызнулся я, охваченный паникой. Дядя Коля никак не хотел уходить из памяти. Меня трясло, я еле сдерживал слезы. — Чем помочь?!

Хорек посмотрел на меня и усмехнулся.

— Не паникуй и помолчи немного. Это будет лучшая помощь.

Не сказать, что меня это так уж успокоило, но стало легче. Я откинулся на диван, следя за каждым движением Тумана. Он перевернулся на бок и приподнял переднюю лапу. Ее охватило золотистое сияние. Лучи теплого света разветвились и впились в тело хорька. Тушка животного окуталась янтарным облаком.

— Меня не хватает на них, — начал Туман, водя лапой над телом. — Слишком долго станция без Хранителя. Времени больше нет, Оул. Пришла пора практиковаться и вставать на мое место. *Ты* — Хранитель Грез. *Тебе* защищать Дымчатую. И...

Он смолк. Чувствуя неприятный сюрприз, я обреченно вздохнул и кивнул.

— Давай уж.

— И противостоять вторжению.

Вторжению.

Вторжению. Вторжению... Вторже...

Это слово забило в стенки черепа исполинским молотом.

ВТОР-ЖЕ-НИ-Е-ВТОР-ЖЕ-НИ-Е.

Если бы сердце могло стучать словом, оно стучало бы «вторжением».

Противостоять. Мне. Вторжение.

— И... И как я это сделаю? — дрожащим голосом спросил я, незаметно вытирая вспотевшие ладони.

— С моей помощью. Пора практиковаться по-настоящему.

Он приподнял голову и пронзил меня взглядом.

— Я научу тебя.

Интерлюдия 2

Три с половиной года назад

Хранители Грез выявили некоторые особенности наносимого Едоками урона. Мне это видится очень любопытным.

Например, обычным людям Едоки вредят непосредственно прямым контактом — крадут их мечты. То есть, делают то же самое, что могли бы делать через свои порталы, но гораздо быстрее и эффективнее. Физический контакт практически исключен. Были зафиксированы лишь два случая, когда Едоки нанесли урон телу человека, и оба — во время использования порталов, выведенных в этот мир. Как известно, Едоки — существа не из нашего мира, посему нести вред могут только в материальном (этом) уровне, выводя сюда порталы. Однако они редко прибегают к такому способу из-за своей неэффективности. Урон от порталов сравним с ударом, скажем, металлической трубой или дубиной. Или даже какого-то изделия из толстого стекла.

Хранители Грез подвержены влиянию иного характера — ущерб наносится фантали, ибо нет для Едоков ничего страшнее, чем главное оружие Хранителей. Тогда-то и происходит битва в другом мире между людьми и Хмурью. Арсенал первых — их оформившаяся фантазия или мечта; арсенал второй — Едоки, которые являются живым орудием. Нанося удары своими лапами, они ломают структуру фантали, разрушают заготовки и путают мысли, дезориентируя Хранителя. В такие моменты велик шанс лишиться того, на чем базируется фанталь, если Хранитель замешается. Вместе с тем, риск получить травмы от материального портала точно такой же, что и у обычных людей. Порталы же изначального порядка работают по принципу пылесоса и способны втягивать в себя фантали, если Хранитель потеряет бдительность и не будет достаточно сконцентрирован. Впрочем, ничто не мешает Едокам использовать порталы и как кнуты или арканы.

Помимо всего, Едоки стараются наносить удары по Хранителям, надеясь проткнуть их своими лапами. Тогда, наряду с методом выуживания мечт у людей при *околофизическом* контакте, Едоки не только поражают фантали и их заготовки, но и крадут мечты. Вред наносится не на физическом уровне, и если Хранитель замешкается, то превратится в безвольную куклу.

Как умру я — не знаю. Но чувствую, что этот момент все ближе.

Глава 3

Обучение и откровения

20 июня.

«Дорогой Дневник! Творится что-то странное. Нет, не так... Хотя нет, пожалуй, именно ТАК. События набирают непозволительный темп, и я не успеваю к ним привыкнуть. Стоит только поймать равновесие, как тут же дует шквальный ветер, и меня сбивает с ног в пучину ледяного водоворота неведения. Мне страшно. Ночной визит Тумана перевернул все с ног на голову. Он сказал, что практика начнется раньше, чем ожидалось. Значит, скоро будут Едоки, серые жгуты, трясущийся мир, холод, разноцветные вспышки, голубое сияние и въедливый запах мяты и кедровых орехов. И ежесекундная угроза жизни: как мне, так и всем дымчатым. Но я готов – металл, город, тень. Я...»

— Оул!

Я закатил глаза. Всего лишь на секунду задержался возле умывальника, а этот тиран тут как тут — кричит из сторожки, словно видит, что я позволил себе минуту промедления.

— Да иду я, иду... — сказал не столько ему, сколько себе, и в три прыжка оказался на пороге.

Утро выдалось холодным, серым и грязным, после вчерашнего ливня участок перед сторожкой затопило до состояния болота, и передвигался я по найденным в дровнике доскам и старому недопиленному бревну, каждый миг рискуя соскользнуть с мокрой коры.

Сторожка становилась все роднее, а в такую погоду — тем более. Я с радостью вбежал в теплую каморку и с силой хлопнул дверью, будто это могло помочь согреться.

В центре стола восседал хорек, похожий на статую — прямая осанка, важный и строгий вид. Как новый: гладкая мягкая шерсть и ни царапинки, ни шрама. Разве что глаза светили не так ярко. А может, потому что еще день.

От печки исходило тепло, потрескивали дрова, гудело пламя. Хотелось плюнуть на все и завалиться спать. Но...

— Ты подготовился, Оул? — строго спросил Туман.

Металл, тень, город.

Улыбнулся.

— Я готов.

— Что ж, тогда и не будем медлить. Если увижу достаточный результат — сегодня ночью выйдешь вместе со мной.

— О... — вырвалось у меня.

Хоть что-то новое... Но ведь опасное! Я храбрился, однако, по правде сказать, смелость не распространялась за пределы практических занятий. От мысли, что уже этой ночью я могу увидеть Едоков и сражаться с ними, мне стало еще холоднее. *Но эти Едоки убили дядю Колю... Нет, я не испугаюсь.*

И отомщу.

— Что это у тебя висит на поясе? — спросил хорек.

— Пружины. Друг подарил.

— Зачем?

— Просто. Мало ли что.

— Начинай, — скомандовал Туман.

Нисколько не переживая за неудачу, я закрыл глаза.

Металл. Поле битвы. Роты солдат, куча металла, гора доспехов, копий, острых наконечников стрел и лезвий мечей, сабель и секир. И я один. Против неисчислимых полков. Стою на вершине холма и изучаю противника. Подкрепление отправлено в соседний город для организации обороны. Позади меня стоит крепость, на которую готовится осада. Моя же задача — преградить путь одной из двух армий неприятеля. Я один. И я справлюсь.

Бьют барабаны, дрожит земля, тысячи обутых в тяжелые сапоги ног опускаются, и от земли несется мощный гул. Реют флаги. Я спускаюсь с холма и иду к воинам. Небо светлое, ярко светит солнце. Внезапно все стихает, и над головой у меня возникает туча. Она заслонила небо. Присмотревшись, различаю мириады стрел. С металлическими наконечниками. Я поднимаю руку и устало отмахиваюсь от них. Стрелы словно сбивает стремительным потоком ветра. С лязгом и треском переламывающихся древков они падают на камни и вонзаются в землю своими металлическими клювами.

Пора подниматься.

Я начал воспарять ввысь, плавно и размеренно, будто корабль на волнах. При этом прекрасно видел и себя, и солдат, что вовсю бежали в мою сторону. А потом были крики, скрежет и вопли. Разрываемые доспехи и лязг оружия. Тела, пронзенные изувеченными кусками металла. А я все поднимался и поднимался. Панорама поля битвы постепенно округлялась, и я приложил некоторое усилие, чтобы скруглить ее еще больше и превратить в сферу.

По гладкой поверхности бегали фигурки, другие фигурки отлетали в сторону, и лишь одна из них стояла неподвижно там же, где и была. Я. А за моей спиной небосвод покоился на высоких башнях древней крепости, которая простоит еще долгие века. Благодаря мне.

Победа пьянила. Осознание, что я помогаю целому городу-крепости, вселяло в меня уверенность в собственных силах. Я без колебаний протянул огромные ладони и стиснул сферу, внутри которой мелькали самые кровавые и величественные в своем размахе сцены.

Не отвлекайся, Оул!

Я сосредоточил внимание на четком алгоритме действий, а не на сфере. Мощным толчком вытеснил ее из того мира в мой.

И голова очистилась.

Интересно, о чем я только что думал? Так странно...

— Открывай глаза! — гаркнул Туман.

Я послушался. И увидел, как фанталь, крупная, ровная, размером с арбуз, летит вверх.

— Нет! — крикнул я, бессильно протягивая руки к такой прекрасной и красивой сфере.

Достигнув потолка, она, однако, не лопнула, а разбилась на несколько более мелких шариков-бусинок. Сторожку наполнили острые запахи кедра и мяты.

— Скорее, собирай! — истошно вопил хорек. — Собирай же, давай, ну!

Я вытаращил глаза, но все-таки протянул руки к бусинкам и принялся бездумно сгребать их в одну кучу. Удивительное дело — с тихим лопающимся звуком бусинки собирались воедино, подобно каплям воды, и срастались в сферы покрупнее. С некоторыми я был недостаточно бережен — такие взрывались, оставляя после себя клубы быстро истаивающего тумана или дымки.

Наконец, передо мной повис шар, только вполовину меньше прежнего.

— Неплохо, — заключил Туман.

Вот только это была не первая фанталь. Шишковатая поверхность и перламутровая рябь, как я понял, свидетельствовали о не лучшем качестве. Я и сам понимал это и собрался признаться хорьку, но тот неожиданно для меня заявил:

— Смотрю, времени зря не терял. Отлично.

— Да чего отличного?! Посмотри на нее. Какое-то уродство!

Хорек склонил голову и оскалился.

— Быстро же у тебя растут аппетиты. Радуйся, что хоть это получилось.

— Она была не такой! — выпалил я.

— Ты тоже. Куда делась твоя сосредоточенность? Ты обязан довести фанталь до конца, а не восхищаться ей. Не отпускай ее. Будь сконцентрирован. Иначе распадется на маленькие кусочки. Заметил, что она не испарилась? Это значит, что база для фантали была хорошей. Теперь следующий этап: тебе нужно отщипнуть от фантали небольшую часть и сделать из нее, скажем, иглу.

Хорек махнул лапкой, и между нами, чуть слева от него, завис перламутровый шарик, прозрачный и почти незаметный, если бы не падающий на тонкие границы фигуры свет из окна.

— Чтобы?.. — неуверенно спросил я.

— Проткнуть его.

Дрожащей рукой я потянулся к фантали. *Сперва надо соорудить иглу. Как это сделать? Отломить немного, как от снежка? Или...*

— Нет, не так. Советую брать из середины. Отщипывай, как... Как...

— Как сахарную вату? — нашелся я.

— Точно! — хорек дернул лапкой, словно хотел щелкнуть пальцами.

— Но шарики же сращивались?

— Это родственные. Они и тебя впустят. При этом форму держать будут крепко. Более того, у тебя получилась достаточно качественная огранка. Посмотрим, как она поведет себя дальше.

Моя голова была легка и свободна. Я лишился очередной фантазии, но никакого горя по этому поводу не испытывал — в конце концов, не зря же специально готовился к тому, чтобы расстаться с ней. *А к этому можно привыкнуть, наверное... Главное — быть уверенным в своих действиях. Иметь четкую цель и не сомневаться в собственном творении.*

Я погрузил руку в теплую фанталь, ощущая приятную вибрацию, словно внутри сферы плавали мелкие рыбки и задевали мою кисть крошечными плавниками. Пальцы обволокло теплом. Я сжал их, пытаясь аккуратно отщипнуть кусочек фантали и вытянуть наружу. Возможно, перенервничал. Или меня охватил азарт. Но рука дернулась слишком резко, слишком жадно.

Фанталь лопнула.

— О не-е-ет! — протянул я, не скрывая ни досады, ни раздражения, ни злости на самого себя.

— Но ты же понимаешь, что сам виноват?! — Туман выглядел неоправданно свирепо для такой досадной оплошности человека, который только-только обучился... *Э-э-э, магии?* — Вбирай.

Я угрюмо кивнул. Ладонь будто покрылась корочкой льда и зудела. Выходит, все шло как надо. Жгут, свившийся из мелкой пыли фантазии, вышел еще меньше по объему, чем собранная мной фанталь. *Наверное, от ее былой силы вообще ничего не осталось...*

По мере вбирания в голове возникали странные образы: мечи, стрелы, что-то летит, падает, громыхают барабаны. Остатки некогда цельного образа. Даже не следовало во всем этом разбираться.

— Туман, а зачем собирать то, что осталось от фанталей? — закончив, спросил я. — Разве есть в этом толк?

— Есть. Это сейчас ты пока что создаешь относительно слабую — на фоне Хранителей — субстанцию. В будущем ты сможешь вбирать обратно нетронутые фантали даже после боя с Едоками. Просто нужно научиться быть сильным. Контуры у тебя хорошие, осталось поработать над содержимым. И не хватай так резко в следующий раз! Аккуратнее, бережнее. Давай.

— Что давай?!

Хорек смотрел на меня немигающим взглядом.

— Фанталь.

— НОВУЮ?!

По-моему, я был на грани истерики. Точно помню, что моя фантазия была мощной, обширной и... В общем, она была классной. Неужели из-за одной оплошности весь мой труд пропал? Я ведь держал образы в голове, был готов. *Что-то там, город, тень. Город. Помню. Значит, такой большой расход фантазии...*

К моему счастью, Туман успокоил:

— Нет! Ты, конечно, можешь создать и новую, если считаешь, что собранная тобой фанталь не дотянет по силе до той задумки, которую ты решил воплотить. Но я не требую от тебя ничего сверхсложного. Ты вобрал фанталь. Ощути ее в себе. Почувствуй.

Я прислушался к ощущениям. Внутри ладони словно перекатывался прохладный шарик. Удивительно. Будто в той области кровь превратилась в родниковую воду — такую же быструю и ледяную.

Фанталь. Я чувствовал, как она рвалась наружу, прямо-таки просилась и нещадно обжигала холодом.

— Привыкнешь, — сказал хорек.

Я поморщился.

Да, кажется, могу выпустить ее наружу. Отпустить на свободу, как пойманную в ладони птицу.

Вытянул руку.

Подтолкнуть наружу. Всего-то. Выпустить свое детище. Свое оружие. Ты не подведешь, ведь ты готовился.

Холод покинул руку.

— Отлично, Оул! Совсем другое дело.

Легкий запах мяты. Кедровых орехов. И небольшая перламутровая сфера.

— Смотри-ка, — Туман изучал фанталь. — Структура более плотная, хорошие контуры, относительная равномерность. Приятно удивляешь.

Должен признаться, я и сам удивился.

— А почему так вышло? Фанталь же была другой.

— Видишь ли, ее характеристики зависят от многих факторов. Один из них — извлечение. Пока фанталь находилась в тебе, ты, мягко говоря, доработал ее. Форму, структуру. Может, сосредоточился. Настроившись, ты выпустил наружу, невольно — невольно же? — он усмехнулся, — укрепив ее.

— Вон оно как... Туман, но я не чувствовал ту фанталь. Помнишь, которая лопнула из-за поезда.

— Ты растворил ее в себе. Такое бывает по неопытности. И рано или поздно она снова сформируется в целостную фантазию. Она может отличаться от первоначальной, но фантазии, как и некоторые мечты, саморепродуктивны, если сохранилась хоть малая часть ее компонентов. В большинстве своем они восстанавливаются. Но не всегда. Так, мы

отвлеклись. Возвращаемся к занятию. Только не допусти очередной смешной ошибки, чтобы не расстраивать ни себя, ни меня.

Постоянно держа в голове совершённые мной оплошности, я вел себя максимально аккуратно. Даже почти не дышал, боясь сделать что-нибудь не так. И когда моя кисть скрылась в фантали, я осторожно свел пальцы, совсем немного касаясь кончиков. Мягким движением потянул на себя и почувствовал, как что-то теплое отделилось от фантали и осталось в ладони. Что-то мягкое, но плотное, как… Как воздушное желе.

Рука вышла из фантали. В пальцах остался небольшой колыхающийся сгусток, похожий на дрожащий над раскаленным асфальтом воздух с перламутровым оттенком.

— Ваяй, творец, — подначил меня Туман. На глубине его янтарных глаз теплилась гордость за мой успех.

Чуть было не задал столь надоевший вопрос «Как?». *Нет, ну а правда — как? Мыслями или руками лепить, как пластилин? Дядя Коля вот...*

Эй! А ведь дядя Коля именно руками и делал что-то с воздухом, как будто раскатывал тесто и ровнял. Краем глаза я заметил, что хорек едва заметно кивнул.

Хорошо. Будем творить. Так. Но руки же заняты! Хм... Насколько я помню, фанталь очень хорошо держится в воздухе. Проверим.

Небольшом толчком я увел левую руку, держащую фанталь, вниз. Сфера послушно осталась висеть на месте, тихо покачиваясь. Я облегченно выдохнул. Теперь главное — не лопнуть ее ненароком. Теплый сгусток в правой руке был упругим, но податливым. Я зажал его между ладонями. С тревогой посмотрел на Тумана.

— Не лопнет?

Тот покачал головой.

— Нет. Кусочек имеет такой же крепкий контур, как у основной фантали. Это же ее часть. Не переживай.

Раскатав сгусток фантали как колбаску, я остановился. *А что делать дальше? Наверное, нужен наконечник?* Большим и указательным пальцами я сплющил один конец фантали, затем еще и еще, пока не образовалось что-то вроде карандашного грифеля. Видно было плохо, приходилось напрягать глаза. Но даже на ощупь понимал, что корпус новоиспеченного снаряда неровный и требует шлифовки, чем я и занялся, использовав ногти. Кусочки фантали отлетали в стороны и испарялись, оставляя после себя знакомый запах.

Наконец, результат меня более-менее устроил. Получилось нечто наподобие остроконечной сигары.

— Что, готов? — спросил хорек.

— Да.

— Хорошо.

Он подвесил перламутровый шар повыше и жестом предложил мне запустить снаряд. Меня пугало, что мое импровизированное «копье» может сломаться или не полететь. Помня, что ничего не должно лопнуть, я встал. Перехватил дротик поудобнее и толкнул. Движение вышло робки и неуклюжим.

— Кхм, — вот и все, что сказал Туман, глядя на медленно плывущий снаряд, который обещал добраться до мишени через минуту.

Я пожал плечами.

— Давай еще раз. И не бойся. Фанталь крепкая, она слушается тебя. Будь смелее.

Взяв оружие, я сжал его сильнее и как следует размахнулся, не сводя взгляда с подвешенного шара. Каково же было мое удивление, когда невесомая фанталь полетела, словно брошенный камень. С тихим хлопком лопнувшего мыльного пузыря шар исчез. Впрочем, разбилось и мое копье.

— Ого! — вырвалось у меня.

— Отлично, Оул. — Похвала хорька значила для меня много. — Теперь постарайся сохранить снаряд в целости. Усиль его контур. И следи за ним. Держи в голове. Помни: вера и визуализация. Они гораздо важнее, чем ты думаешь. Укрепи контур. И не отпускай до самого конца.

— Но ты же сказал, что он крепок!

— Чтобы ты мог его взять. Не спорь, а укрепляй.

Я молча взял оставшийся кусочек фантали и так же сделал из него что-то наподобие уменьшенной версии копья. Всю основную массу я распределил по стенкам, укрепляя их, будто цементным раствором. Наконечник вышел гораздо удачнее предыдущего — я просто заставил копье вращаться, подставив палец, как если бы он был точильным камнем.

— Эй! — вскрикнул я.

— Что такое? — насторожился хорек.

— Да ведь если я могу заставить ее крутиться, что мешает мне манипулировать ей, как угодно?!

Туман рассмеялся.

— Именно, что ничего. Действуй.

— Вот и пусть себе летит как пуля!

Я чувствовал нетерпение хорька. И это было здорово.

Меня уже поджидал новый шар. Быть может, то была сила самовнушения, но я чувствовал, что его стенки гораздо крепче. И отсвечивал он совсем не так. Цвет был более насыщенным и *густым*.

Удар получился сильным и точным. Я взял такой размах, что по инерции крутанулся вокруг своей оси. Поймав равновесие, с довольным видом посмотрел на Тумана и плывущее в мою сторону копье. По моей воле оно отпружинило от стены и теперь возвращалось обратно. Впервые запах мяты и кедровых орехов радовал, ведь он был гарантом моей победы!

— Впечатляет, — довольно, впрочем, сухо произнес хорек. — Но мне казалось, что мысль быстрее человеческих движений. Разве нет?

К чему это он?

— К тому, что тебе вовсе не обязательно размахиваться, как чемпиону на Олимпийский Играх. Мысль, Оул. Визуализация. Ты же сам сказал. Это действеннее любого движения. Ты — хозяин положения. Не забывай никогда.

— Хорошо. Мне просто пока так удобнее. Помогает поверить в то, что делаю.

— Как угодно, лишь бы эффективно. Теперь защита.

— Уже все?

— Хочешь еще?

— Ну... Неужели такого копья хватит, чтобы уничтожить Едока?

— Такого, — он кивнул на копье, — не хватит. Но ведь и ты лучше подготовишься, не правда ли?

— Конечно.

— А раз так — вбирай фанталь и готовь новую. У нас очень мало времени и слишком много материала, требующего изучения. И давай-ка все же повторим атаку.

***

Я нашел одну интересную *запись* тех лет, которая довольно точно описывает ощущения от работы с фанталями.

«Пожалуй, во всем этом можно найти закономерность. Они как пластилин. Важна не только сама фанталь, но и умение представлять, что ты с ней делаешь или собираешься сделать. Основная проблема – когда желания превышают реальный потенциал фантали. И я часто обжигался на этом. Но в тот день и в последующие два я более-менее освоил несколько атакующих приемов и пару защитных... Заклинаний? До сих пор не знаю, как правильно это называть. Занимаюсь ли я магией или это такое же умение, как, скажем, вышивание, строительство или вождение автомобиля? Насчет последнего – это я поторопился. Что-что, а водить я не умею и не люблю. Надо расслаивать мозг, чтобы успеть следить за дорогой, переключать передачи, нажимать на педали и оглядываться. Чем-то это схоже с фанталями, но пока что мой уровень слаб, и держать в уме я могу только одну (после того как вберу ее). Редко – две. Да и то – защитную.

Зато научился достаточно быстро проявлять фантали. Или выдавливать. Не определился, как точнее назвать этот процесс. Туман настоял, чтобы я отточил его чуть ли не до совершенства. Лучше проработать все детали заранее, а потом просто представить и выудить в наш мир. Так он говорил. И это действительно экономило много времени.

Если понять механизм – не так уж оно и сложно. Правда, чем больше тренируешься, тем больше приходится читать или просто фантазировать, чтобы пополнить запас расходных материалов для создания фантали. И времени мне хватает. Из интереса я начал было записывать фантазии, но после занятий, когда я опустошался, они казались мне полным бредом. «И как можно о таком подумать?» – вот все, что возникало по

прочтении листика с той или иной фантазией. Они не усваивались. Казались скучными и пресными. Когда я поделился этим с Туманом, он предупредил меня, чтобы я не возвращался к тем книгам, из которых взял фантазию. Точнее, не пытался сопоставить использованную фантазию с той же, но прочитанной после ее применения. Я не послушал его. Выделив фломастером те места, которые взял на вооружение, я прочитал их после очередного занятия. И расстроился. Потому что книга, та самая книга про пауков, и другая (про умение управлять металлом) потеряли свой шарм. С тех пор я не притрагивался к этим романам. Мне казалось, что они предавали меня.

Или я их.

Я помню табу на мечты. Я знаю и берегу. Надеюсь, мне никогда не представится случай использовать их...»

Ну вот, мой отдых закончился. Дальше — книга и новая кружка горячего какао. Из печки разливалось такое уютное тепло, что хотелось бросить все и лечь спать. Погода за окном все еще буйствовала, холодный ветер и сильный дождь не ослабевали. Запас дров смотрителя подходил к концу, и пора было задуматься о пополнении.

Я уже разработал пять фантазий: в первой я разбиваю голыми руками метеорит, во второй мы с Тином тушим пожар, подкравшийся к деревне (нам однажды довелось тушить огонь на поле, когда кто-то оставил возле дерева сигарету). После двух готовых фантазий я понял, что не такое уж и просто дело — придумывать небольшие проработанные сценарии (как рассказы!), тем более такие, с которыми не жалко будет расстаться. В третьей я был магом, единственным из всего отряда. Мы пробирались по горам, и в одном из ущелий нам перегородил дорогу огромный полудемон-полуящер. Кому еще спасать отряд? Конечно, мне. С четвертой пришлось повозиться. Она стала моим козырем на случай непредвиденных вариантов: домашний питомец, который умел летать, на котором мог летать я сам. Видимо, сказалось острая тяга не только рассекать небеса, но и иметь дома собаку, хоть родители не разрешали. Свое желание четвероногого друга я спроецировал на

выдуманное существо в надежде, что после того как использую фанталь на основе этой фантазии, позыв приобрести собаку у меня не отпадет. На пятой фантазии я откровенно поленился, и у меня осели какие-то наброски: падающий самолет, я-силач, спасение людей, придержал самолет в воздухе, мягко опустил его на землю... В общем, клочки сценок, которые, при желании, можно было бы соединить в единую фантазию.

Итак, *метеорит*, *тушение пожара*, *сражение с ящером*, *питомец* и *самолет*.

— Тренируемся?

Книга выпала из рук.

— Ты как всегда, Туман!

Хорек стояло на полу и смотрело на меня снизу вверх.

— Это *ты* как всегда. Который раз к тебе подбираюсь незамеченным, а ему хоть бы хны.

Я отложил книгу и посмотрел на хорька.

— Разве это плохо? Весь в работе, вообще-то.

Ожидания, что фраза сработает как надо, не оправдались. Наоборот, Туман разозлился.

— Это *очень* плохо, Оул! Тысячу раз тебе говорил, чтобы ты не акцентировался на чем-то одном, будь то тип фантали или какое-то занятие. Ты всегда должен быть бдительным, всегда должен следить за как можно большими вещами.

Говорит словами отца. Машина. Вождение. Тьфу.

— Едоки. Тебе придется сражаться с ними. С несколькими сразу. Держать в уме фантали!

Мое лицо горело. Я-то думал, что меня сейчас похвалят за трудоспособность, а вместо этого — очередная лекция. С обещаниями, не сулящими ничего хорошего и легкого. Как обычного.

Туман опустил голову.

— Ты должен понять, Оул, — чуть слышно произнес он. — Уж лучше так, чем проиграть Хмури.

— Хмури, Хмури, — проворчал я. — Кто она такая, эта Хмурь?

Туман запрыгнул на стол и уселся напротив меня.

— Не думаю, что тебе нужна эта информация, Оул. Видишь ли, ты...

— Туман! — мой резкий тон удивил его. — Я вообще-то собираюсь сражаться против нее. Думаю, имею право ЗНАТЬ.

— Да, прости. Слишком меня эта тема... Злит.

Меня пробрал озноб.

— Почему? Что она сделала?

Туман ответил не сразу.

— Много чего, Оул. Это сущность, которая пришла в наш мир.

— Откуда?

— Из другого. Оттуда, где не осталось ничего ценного. Она сожрала все мечты, выпила самые сокровенные грезы и уничтожила людей, превратив их в пустые оболочки. Она — самое гнусное творение тех, о ком даже Старшие Хранители слышали только по слухам. Хмурь живет за счет грез других и благодаря им набирает силу. За ее спиной несколько поглощенных миров. Следующим на очереди стал этот. Ее долгострой.

— Долгострой? О чем ты?

С каждым новым фактом мне становилось все холоднее. Я даже наклонился вперед, поближе к печке. Принять такую реальность было тяжело, еще труднее — осознать, что ты не самая последняя деталь во всей этой путанице.

— Долгострой... — повторил хорек. На его морде отражалось уныние, смешанное со злобой. — Пути. Железнодорожные пути — ее рук дело.

Я застыл в немом изумлении. Вопросы переполняли меня, перебивали друг друга, да так, что ни один из них не вырвался, как если бы они столпились у выхода, застряв и не давая пути пробраться наружу.

— Во времена, когда Хмурь проникла в этот мир. И тогда ее сил хватило лишь на то, чтобы населить умы людей ложными идеями. По ее плану были выстроены все железнодорожные пути Земли. Все-все. И строятся новые. Но пришли Хранители Грез. И дали отпор, хоть и было поздно.

— Откуда пришли?

— От... Нет, я выразился не совсем верно. Все глубже и дальше. В одном из миров, или в *немирье*, произошел конфликт между *коллегами*. То есть богами. Одна сторона — те, кто нарушил Устав — в отмщение сотворила Хмурь. Другая же бросилась спасать миры, но Устав сковывал их. Дабы не нарушать Равновесие, коллеги даровали знание. И теперь это знание несем мы — Хранители.

— Ого... А что пути?

— Они уже исчертили планету. Если присмотреться к ним свысока, можно узнать руны, прочесть которые могут только коллеги. И, может, кто-то из Старших Хранителей. С

помощью этих рун Хмурь призывает Едоков и открывает врата. Именно через железнодорожные пути она завоевывает наш мир. И именно поэтому на каждой станции есть Хранители.

— Как...

Туман дал время переварить информацию. *Вон оно как получается — Хранителей много. А я думал, что...*

— Расстроился, да? — усмехнулся хорек. — Думал, будешь спасать мир в одиночку?

— Не... Не знаю.

Я и вправду не знал. Конечно, когда ты не один такой особенный — это здорово, ведь и силам зла вы противостоите вместе. И поддержка, в случае чего. Но где-то там, на краешке сознания, тихий голос шептал, что сберечь мир собственной персоной было бы ПОЧЕТНЕЕ И СОЛИДНЕЕ.

Хотя о чем я? Врата миров в какой-то захудалой деревеньке? Вот уж чушь. О чем ты только думал, Оул...

— Сегодня ты выступишь против Едоков со мной, — сказал Туман.

Лицо вспыхнуло. Много шокирующей информации для такого короткого разговора.

— Не хочешь? А собирался мир спасать один!

— Да не в этом дело, — пробормотал я, не глядя на Тумана. Пробормотал, сам не зная, зачем. *Неужели я расстроился? На самом деле?!*

Хорек молчал. Взгляд его был опущен, но от меня не скрылась растянутая на морде улыбка. Я мысленно поблагодарил его за то, что он не стал развивать эту тему дальше, хоть и прекрасно умел читать мои мысли. Наверное.

— Ты готов, Оул? Сегодня, можно сказать, твой экзамен.

Метеорит, *тушение пожара*, *сражение с ящером*, *питомец* и *самолет*.

— Готов, — твердо ответил я. Осознание, что Туман будет рядом, вселяло уверенность. — Скажи, а почему они высаживаются только на станциях? Почему бы не напасть где-то между? И почему поезда? Они же какие-то... Призрачные, что ли. Не пойму.

— Так она тратит меньше сил. Железная дорога — это в первую очередь руны, портал, коридор. Называй как угодно. Оттуда же и удобнее нападать на людей и лишать их мечты. Не думай, что у Хранителей защищена только станция.

— Это я и хотел спросить.

— Вот уже несколько десятилетий вдоль путей еще Старшими Хранителями выстроены барьеры. Своего рода крышки, защищающие пути.

— А почему я не вижу их?

— Ты еще не до конца *причастен*. Скоро все увидишь.

ЧТО ЗА ВЕЧЕР ОТКРОВЕНИЙ БОЖЕ БОЖЕ КАК ЭТО УМЕСТИТЬ В ГОЛОВЕ АААААА!

— Барьеры… А! Так вот что он делал!

— Кто?

— Дядя Коля.

Ночь. Платформа. Дядя Коля, размахивающий руками. Что мы там с Тиномсчитали? Сошел с ума и танцует? Хех, нет. Руки как будто замазывают что-то. Будто стенку.

Хорек промолчал.

— А надо ли *мне* что-то делать с ними, Туман?

— Пока нет. Скоро. Я... Дядя Коля все укрепил.

— В смысле?

Туман проигнорировал мой вопрос.

— Узлы силы рун расположены на станциях. И нам, Хранителям, не тягаться с ними тем же методом. Все, что мы можем, это охранять бреши в барьере. Потому появились условные смотрители.

— Которые Хранители.

— Разницы никакой, — развел лапами Туман.

— Получается, мы — своего рода охранники.

— Да.

Я отпил остывший какао. Требовалось время, чтобы все это осмыслить. Когда меня назвали Хранителем Грез, я представлял совсем не это. Мне думалось, что все должно быть спокойнее и менее... Воинственно, что ли. Может, как работа библиотекаря или около того, но никак не сражение с Едоками...

— Они приходят в одно и то же время. После полуночи. Почти сразу, как проезжает последний поезд. В этот период рельсы в их распоряжении, и Хмурь пользуется этим. Атаки могут продолжаться до четырех утра. Именно в это время Хмурь использует руны для разрыва пространства. Утром же она бессильна.

— Значит, мне не спать до четырех утра?

— Да.

Я чуть не взвыл.

— Ограничение позволяет насладиться свободой еще сильнее. Зато потом, Оул, — Туман широко улыбнулся, — сон кажется настоящей наградой и богатством.

— Если я дойду до него живым.

— Не беспокойся. Тебя пока что прощупывают. Они не будут нападать толпами. Только *Пленусы*.

— О-о-о-о! — я закатил глаза. — А это еще кто такие?

— Едоки, сожравшие мечту. Бойся их. Они мощнее и злее. Помнишь, я говорил тебе, что Едоки отдают мечты, начиная со второй, Хмури? Так вот, это Пленусы. Они — главные поставщики ее могущества. И однажды она насытится так, что не сможет впитывать новые мечты и грезы. И тогда случится прорыв. Пленусы будут возвращаться на станции, покуда у них есть силы, дарованные мечтой.

— Отлично.

Хорек назидательно поднял лапу.

— Но зато это наш шанс спасти кого-то как можно быстрее.

Или как можно быстрее помереть, не дожидаясь...

— Вторжение! Туман, ты говорил про вторжение! Что это?

Хорек встал, поводил хвостом из стороны в сторону и издал тяжелый вздох.

— Это, Оул, ошибка дяди Коли, — произнес он невероятно грустно. — Он... Он сделал кое-что не так. Точнее, делал, много лет. Дымчатая стала слабым звеном в нашей обороне. Хмурь давно нацелила свой взгляд на эту станцию. И теперь, боюсь, слишком поздно, чтобы что-то предпринимать. Надо готовиться.

— И КОГДА ЭТО ПРОИЗОЙДЕТ?! — мой голос предательски сорвался. — Надеюсь, не сегодня вечером? Или меня ждет такая же судьба, как и его, а?!

По моим щекам текли слезы. Я оказался неготовым.

Не сейчас, когда видна и ясна реальная опасность. Не сейчас, когда ночью мне нужно выступить против Едоков. Не сейчас, когда бабушка с дедушкой — люди без мечты, равнодушные ко всему на свете. Даже к самим себе. А ведь они так любили друг друга... Им завидовали все. Я всегда хотел такую же семью. Найти ту, кого буду любить до конца. И вот они смотрят друг на друга пустыми глазами. Со мной будет так же?

Я плакал, не стесняясь. Я боялся, по-настоящему. За людей, за себя. За весь мир... Я плакал, потому что боялся. Потому что знал, что выхода нет.

Или я встану в один ряд с Хранителями и внесу свою лепту в защиту людей. И отражу атаку.

— Я справлюсь, — сказал я, утирая слезы. — Справлюсь.

Глаза хорька сверкнули янтарем.

— А я и не сомневаюсь.

Интерлюдия 3

Три года назад

Классификация Едоков достаточно скудна. Удивляюсь, почему за столько десятилетий Хмурь не придумала ничего более эффективного. Возможно, на то есть свои причины. Рассмотрим все разновидности.

1. Собственно, сами Едоки — сгустки тени, высокие, с длинными лапами, по форме напоминают помесь медведя и вытянутого валуна. Самые низшие и слабые особи в иерархии.
2. Пленусы — главные поставщики могущества для Хмури. Те же самые Едоки, которые впитали в себя мечту. Название им дал какой-то зазнайка в конце восемнадцатого века. Он изучал латынь, а когда стал причастным и столкнулся с Едоками, на ум сразу же пришло слово plenus — сытый. Достаточно спорное определение, ибо Пленусы, по сути своей, никогда не останавливаются и постоянно испытывают голод. Мечты дают им силу, улучшают характеристики. Пленусы заметно крупнее и мускулистее, что ли, хотя в их деле мускулы вряд ли на что-то влияют. Хмурь не разрешила иметь им больше одной мечты, дабы Пленусы не сошли с ума от переполненности силой. Остальные мечты передаются ей для накопления. Однажды она соберет достаточно сил, и тогда будет вторжение. Пленуса так просто не убить – после поглощения мечты его «кожа» (не сразу, конечно) прочнеет так, что не всякая фанталь прошибет; движения быстры, удары стремительнее. Уязвимое место находится в районе солнечного сплетения. Вопреки стереотипам, именно ТАМ расположен их «рот».
3. Пожиратели — главный козырь. И вместе с тем — ушедший в прошлое ужас. Элитная боевая единица армии Хмури, да простится мне этот милитаристический каламбур. Эти существа уже не обходятся своими лапищами или же порталами. Они снабжены массивными рогами и объемными крыльями. Высокую, гораздо выше даже Пленусов фигуру прикрывают не то доспехи, не то наросты — изломанные, рельефные и такие же непроницаемо черные. Есть предположение, что Хмури требуется долгое время, чтобы «вырастить» Пожирателей. Чтобы они смогли впитать мечту, в районе

солнечного сплетения доспехи имеют небольшую брешь. Туда-то и следует бить в первую очередь. Но вряд ли они когда-то появятся. Хотя кто его знает.

Что касается наносимого Хранителями урона, то все менее изощренно — фанталь для тварей Хмури подобна раскаленному металлу для голой кожи. Едоки боятся ее. Их можно ранить, им можно оторвать конечости, их можно душить и протыкать насквозь. Чем сильнее урон, тем большая вероятность, что Едок взорвется и испарится. Я так понимаю, что они тоже поддерживают некий контур, как Хранители поддерживают таковой у своих фанталей. Иногда можно ранить Пленуса и выудить мечту, но тварь при этом выживет. Случаи вариативны.

Едоки, «сытые», Пожиратели… Есть в этом какая-то извращенная концепция, но что поделать, если именно так и происходит? Как ни назови кирпич, он все равно потонет. Надеюсь, в преддверии Вторжения Хмурь не изобретет ничего страшнее. Боюсь, мне до него не дожить. А мой преемник… Он справится. Я в этом уверен.

Глава 4

Первое сражение

23 июня.

Эта ночь могла быть прекрасной. Дождь наконец-то закончился, ветер угомонился. Внезапное ночное потепление спровоцировало резкое испарение воды, и все погрузилось в Туман. Платформу будто набили ватой, слабенький свет фонарей (они горели все) едва пробивался сквозь густую белесую массу.

Мне хотелось спать. Почему-то после слез тянет в сон. Заплаканными глазами я всматривался в темные дали, виднеющиеся в окошке листьев американских кленов. Свет фонаря бил в глаза. Периодически казалось, что над рельсами, на высоте метров пяти, что-то отсвечивает. Какие-то контуры. Я протирал глаза, и мираж пропадал. Должно быть, почудилось спросонья.

Скрылся последний поезд, унесший нескольких сонных пассажиров до конечной станции Дружбино, и пришла тишина. Зловещая, предостерегающая тишина. Даже шумящая вдали Сливочная журчала как-то тревожно, словно предостерегая.

— Но ты же поможешь мне? — в третий раз спросил я.

— Ладно бы я не ответил, — с иронией в голосе сказал хорек. — Говорю еще раз, Оул, и повторю, сколько потребуется: да, помогу.

Эти слова разлились теплом, усмиряя нервную дрожь. Я переводил взгляд с Тумана на рельсы. Стояла высокая влажность, волосы так и липли ко лбу, а футболка насквозь пропиталась потом и приклеилась к телу.

— А с чего начинать?

Туман склонил голову, будто раздумывая над ответом.

— Хм. Как бы сказать покороче... — хорек посмотрел на меня и развел лапами. — Убивай.

Я сглотнул. В пятнадцать лет получать такую команду — весьма неожиданно. Стало не по себе, хоть и понимал, что убивать придется злых нечеловеческих существ во благо людей. *Пожалуй, не все так страшно.* Но в голове царил хаос. *Убивай... МНЕ?!*

Метеорит, сражение с ящером... Так, что там еще? ЗАБЫЛ! ЗАБЫЛ ЗАБЫЛ АААААА! Вот не записал — и не запомнил как следует!

Соберись, Оул! Не тот случай, чтобы забывать столь важные вещи. Жизненно важные.

Метеорит, сражение с ящером, самолет, вроде... А в какой последовательности? О Боже! Я ведь помню, что было что-то прямо сильное-сильное, а что-то — не очень.

Время давно перевалило за полночь. Возможно, мне показалось, но ухо зацепило едва уловимый звук бьющихся о рельсы колес.

Да как же там! МЕТЕОРИТ. Так, раскаленный. Ага! ТУШЕНИЕ ПОЖАРА С ТИНОМ! Я и Тин. Нас много. Отряд. Да! Как же я мог забыть?! Отряд, я, ловушка и СРАЖЕНИЕ С ЯЩЕРОМ.

— Ты в порядке, Оул?

Ящер... Хм. Ящер — животное. Животное... Ну точно — ПИТОМЕЦ! Тот, на котором можно летать, тот, который мог бы быть у меня вопреки запрету на собаку!

— Оул?

И, получается, САМОЛЕТ. Он ни в какую картинку не складывался, но при желании я легко смогу сконструировать отдельные обрывки фантазий в цельную. Теперь, когда все пять фантазий встали в ряд и выстроились в ассоциации, я не потеряюсь.

— Оул!

Я вздрогнул.

— А? Что?

Сидевший на ограждении хорек внимательно смотрел на меня.

— В чем дело?

— Все хорошо, Туман, — заверил я своего, пожалуй, друга. — Кажется, я готов.

— Хорошо. Скоро.

Он был напряжен и немногословен. Жаркая влажная тишина дурманила. Я беспрерывно утирал пот и отлеплял футболку от тела.

Дунул прохладный ветерок. Поежился.

— Это они, — ни с того ни с сего сказал я. Наверное, слишком напряженной была тишина.

Хорек не ответил.

Мои слова, казалось, задели что-то громоздкое. И оно обрушилось. Дрогнул фонарь, островок света сместился влево, а затем вернулся обратно. Ограждение платформы — вместе с хорьком — завибрировало, я услышал дребезжание. Американские клены,

ленивые и неподвижные, затряслись от ужаса и холода. С веток сорвалось несколько листьев.

Вместе со взявшимся из ниоткуда морозом ветер принес шум приближающегося поезда. Клубы тумана взвихрились.

Кулаки сжались. *Я готов встретить Едоков.*

— А с поездом что-то надо делать? — как бы я ни хотел произнести вопрос твердо, голос предательски дрожал, словно я вот-вот расплачусь.

— Нет. Это всего лишь отраженная от реальности проекция. Наша цель — Едоки.

Я с трудом услышал ответ. Шум все перекрывал.

— ПОЧЕМУ ВСЕ ТАК ТРЯСЕТСЯ?!

— Они разрывают ткань мира.

Мысли смешались, но я твердо держал в уме все пять фантазий в неизменной последовательности. И, за исключением *самолета*, я знал их в деталях. *Самолет* должен стать для меня пластичным ресурсом, и в соответствии с ситуацией придется решить, сколь сильной делать фанталь.

Справа от нас туман осветился ярко-голубым.

Разорвав густую пелену, на станцию ворвался поезд-призрак. Нас обдало ледяной волной, как если бы состав был целиком изо льда. Вспотевший, я поежился и обхватил плечи.

«НЕ ТЕРЯТЬ. ГЛАВНОЕ — НЕ ТЕРЯТЬ ФАНТАЗИИ», — бесперебойно твердил внутренний голос.

Это был странный поезд. Он имел всего два вагона, но каких-то удлиненных и без окон. В кабине никого. Туман велел мне встать недалеко от ступенек. Он нахмурился. Его глаза излучали колонны света, и те разбивались о призрачное сияние состава.

Сперва были крики. Такие же леденящие, как дыхание полупрозрачного поезда. Ожили кошмары, захотелось зарыться с головой под одеяло и отвернуться к стене. *Но нет. Вот они Едоки — вылетают из вагонов.*

Три, четыре, пять... СЕМЬ!

— Не стой, Оул! — крикнул Туман. — Фанталь! ДЕЙСТВУЙ!

— Д-да... — поспешно ответил я и прикрыл глаза.

Значит, они ТАК прощупывают?! Кажется, они, наоборот, поняли, что смотрителя больше нет, и решили действовать основательно!

ОУЛ! ТЫ НЕ О ТОМ ДУМАЕШЬ! НЕ ОТВЛЕКАЙСЯ!

Да, да, все. ИТАК.

Метеорит, город, я воспаряю и ударяю кулаком по раскаленному куску камня. Брызги крошки во все стороны. Восхищенные крики. Город спасен. Вытолкнуть счастливый город наружу, а то его заденут осколки.

Все случилось быстро и довольно легко. Фанталь зависла передо мной, переливаясь, будто мыльный пузырь. Она была практически ровной.

Краем глаза я видел, как хорек спрыгнул с ограждения и помчался навстречу яростно визжащим Едокам. Громкий вопль. Туман атаковал самого ближнего Едока. Его разорвало на куски. Запахло гарью.

Едоки. Туман. Черные пятна на фоне белого полотна. Невнятные силуэты с двумя ногами и парой рук с длинными когтями. Темный зев беззубого рта. И два омута тьмы вместо глаз.

«Не отвлекайся! — одернул я себя и погрузил ладони в фанталь. — Господи, хоть бы не сломалась...»

Руки мои сами собой смастерили нечто вроде длинного, около метра, лезвия. Размахнувшись, я отправил его в отвлекшегося на Тумана Едока. Увы, скорость вышла плачевной, и вместо того чтобы перерубить тварь пополам, мое импровизированное оружие только отвлекло, рассыпавшись сразу после соприкосновения.

Едок пронзил меня пустым взглядом и побежал в мою сторону.

— О нет....

Туман крутился средь оставшихся монстров, уворачиваясь от их атак. Я заграбастал себе остаток фантали и нервно мял в руках, не задумываясь, что могу сломать ее. И совершенно не представляя, что делать.

Бегущий ко мне Едок протянул лапу. Та удлинилась. Я видел, как когтистая ладонь приближается, пальцы растопырены, тьма бурлит между ними...

Я развел руками, словно вытягивая рулетку, и между ладонями возник щит. Ладонь Едока врезалась в мою защиту и с громким, породившим яркую вспышку хлопком отлетела в сторону. Ее оторвало.

ТАК ЛЕГКО!

Пасть Едока исказилась в кошмарном вопле, и он ускорил бег. Фантали больше не осталось. Для новой требовалось хотя бы пара секунд. Их у меня не было.

— Туман! — крикнул я, не в силах сдвинуться. — Тума-а-ан!

Хорек вынырнул из ниоткуда. Он подпрыгнул и передними лапами расцарапал спину Едока. Я воспользовался случаем и выудил следующую фанталь. Не знаю почему, но сознание подсказало (мнемоника — отличная штука; без нее ассоциативный ряд исчезающих начисто образов не имел бы никакого смысла), что это должен быть пожар, который мы с Тином тушим, уберегая деревенские поля. Может, существовала какая-то ассоциация... Ведь я прекрасно понимал, что после этого я должен буду использовать фантазию с отрядом и демоном-ящером.

Мы уже тушили огонь раньше. И я знал все детали. Фанталь появилась быстро, но даже за такое короткое время Туман успел расправиться с нападавшим на меня Едоком и вернулся в самую гущу.

Я изготовил несколько маленьких копий — *ОПЯТЬ КОПЬЯ! ПОРА БЫ ПЕРЕСМОТРЕТЬ СВОЙ АРСЕНАЛ И ВДОХНОВИТЬСЯ КНИЖКАМИ ПРО ОРУЖИЕ!* — и вонзил их все в спину ближайшего. Когда Едок обернулся, я не растерялся и создал еще одно, покрупнее, и отправил его прямо в грудь. Этого он явно не ожидал, за что и поплатился.

От сильного запаха гари и стоявшего поезда мне показалось, что мы на вокзале.

Внезапно мое внимание привлекло то, чего я опасался — от двух Едоков в сторону деревни протянулись темно-серые жгуты, похожие на пепельные «ручьи».

— Руби! — пропыхтел хорек, увернувшись от здоровой лапы Едока.

Я хотел было использовать имеющуюся фанталь, но вместо этого вобрал ее в себя и создал новую, куда крупнее предыдущей. Именно ей и воспользовался, соорудив себе диск и отправив его в жгуты. Хватило одного снаряда. «Ручьи» испарились.

Осознав, что от меня исходит реальная опасность, Едоки оставили Тумана и повернулись ко мне. И теперь мне выпало дать отпор сразу двум. В таких условиях держать в уме ряд фантазий, да еще и вобранную фанталь, оказалось слишком тяжело. Я с ужасом понял, что остаток вобранной фантали исчез. Я больше не чувствовал его. Но думать об этом было некогда.

Впав в панику, я потратил всю фанталь на создание огромного меча, который завис параллельно земле. Как следует размахнувшись, я отправил его вперед. Едоки отпрыгнули, но мой меч вышел действительно крупным и достал их — тварей перерубило пополам. Издав предсмертный вопль-всхлип, они истаяли.

Меня била дрожь. Пот заливал глаза, футболку хоть выжимай. Казалось, что тело покрыла ледяная корка, а от запаха гари и появившегося после атак аромата мяты и кедрового ореха начинало подташнивать... Кружилась голова.

— ПОМОГАЙ!

Крик Тумана вернул меня к реальности. Он тоже не терял времени и сражался против двух. И если первого я отвлек криком, а Туман быстро добил его, то с последним вышло гораздо тяжелее. В отличие от остальных, он был особенным. Внутри него переливалось радужное облако. Чья-то мечта.

Значит, самый сильный из шайки. Так называемый *Пленус*.

Питомец. Как давно я хотел тебя. Мне никогда не разрешали завести собаку. Но теперь у меня есть ты. Мы будем дружить. Будем летать над миром и станем лучшими друзьями. Я буду показывать тебя в классе, а ты будешь защищать меня. Но когда-нибудь потом. Прости. Не хочу с тобой расставаться. Пожалуйста, прости… Давай будем считать, что ты помог мне?

Пока Туман устало отражал атаки Едока, создавая на его пути щиты и барьеры, я смастерил копье — длинное и толстое. Испытывая небывалый приступ ненависти, запустил орудие в монстра, но то погрузилось всего на одну четверть, после чего распалось. Хорек набрасывал на Едока нечто вроде веревки, вьющейся словно бы из тумана. С каждым мгновением движения твари были все менее резкими.

— В живот, Оул!

Собрав остатки фантали, я изготовил россыпь перламутровых... Наверное, это можно было назвать гвоздями.

— Готов! — оповестил я Тумана.

Тот увернулся от атаки Пленуса и отскочил в сторону так, чтобы тот открылся. Не сводя взгляда с радужного комка, я запустил россыпь гвоздей. Они прошли по касательной и распороли брюхо.

Едок заорал. Удивительно, что никто из дымчатых так ничего и не услышал. Истошные вопли могли бы и мертвого пробудить. *Или для этого тоже надо быть причастным?* Я стиснул зубы и молил, чтобы сражение поскорее закончилось. Не было сил выносить крики. Эти поганые запахи. Справиться с головокружением...

Пот тек ручьями. Протирая слезящиеся глаза, я увидел, как вырвавшаяся наружу мечта лентой умчала за пределы Дымчатой, оставив после себя разноцветную вспышку. Хорек издал крик, и обвившие Едока путы стянулись, насквозь прорезая тело.

Крики стали еще громче. Терпеть было невозможно. Я закрыл уши и сел на корточки, понимая, что толку от меня больше не будет.

Наконец, Едок осыпался вниз крупными темными кусками.

Наступила тишина.

— Все, Оул, все прошло, — голос хорька был глухим, как будто туман скрадывал его. — Ты справился. Отлично. Я горжусь тобой.

МЕРЗКАЯ ГАРЬ.

Меня бил озноб. Нервный ли или из-за идущего от поезда холода — я не знал. Голубое свечение заливало платформу, подкрашивало туман, и все казалось нереальным. Трудно было поверить, что все происходит наяву. Я словно очутился на дьявольской дискотеке.

Где-то на горизонте мерцало радужное пятнышко.

— Куда... Куда она полетела? — заплетающимся языком спросил я.

— К тому, кто только что обрел счастье, — ровным голосом ответил Туман.

Поезд фыркнул, изрыгнув новую волну холода. Состав дрогнул и под оглушительный сигнал удалился с платформы.

Что было дальше — не помню. Кажется, я упал в обморок.

***

Придя в сознание, я обнаружил себя в сторожке, укутанный одеялом. За окном медленно наступало утро, но небо не сдавалось и светлело неохотно. В печке потрескивали поленья, сквозь чугунную решетку пламя отбрасывало на стены танцующие тени. Стояла жара, но я был ей несказанно рад — изнутри меня словно покрывал снежный наст. Однако он истаивал. Нехотя, но истаивал.

Я лениво повел головой и наткнулся на Тумана, калачиком свернувшегося подле меня на столе. Заметив движение, он молниеносно встал.

— Ты как, Оул? — его голос источал тревогу и усталость.

— Хорошо, вроде... Как я здесь оказался? Ничего не помню. Все хорошо, Туман? Мы победили?

— Все в порядке, не переживай. Спи. Время позднее.

— Сколько?

— Половина пятого.

Я вспомнил, как у меня не получилось лезвие. То самое, первое. И я не смог помочь Туману.

— Я подвел тебя...

Хорек навострил уши.

— О чем ты?

— Когда ты был окружен, я хотел помочь тебе. Мне всего-то и надо было, что ударить в спину. А не смог.

Глаза намокли. Я сделал вид, что почесал нос, при этом незаметно — надеюсь — вытер проступившие слезы.

— Все прошло как нельзя лучше. Ты даже не представляешь, насколько, Оул. Я не ожидал от тебя таких умений. Ты молодец.

— Но...

— А теперь спи.

И меня снова погрузило в сон.

Интерлюдия 4

Месяц назад

— Куда ты на этот раз?

— Далеко, Саш. В другую страну.

— С папой?

— Нет.

— Опять нет. Почему?

— Папа не может.

— Почему?

— Занят по работе.

— Раньше он не был так занят.

— Какая платформа?

— Третья. Поезд уже подали.

— Хорошо. Бабушке с дедушкой передавай от меня большущий привет, хорошо?

— Угу.

— Ну чего ты, милый?

— Ты даже не доедешь со мной.

— Ты уже взрослый мальчик. И потом — сегодня вечером у меня самолет.

— Мама? Так почему папа больше не отдыхает с тобой?

— Он отдыхает. Дома. И мысленно.

— Мам?

— Да?

— А может, у него... Ну... А может, у него кто-то есть?

— Сын! Что ты такое го...

— Или у тебя... Ах... Ой.

— Саша. Никогда, никогда не смей такое говорить, ты меня понял?

— Я всего лишь хочу, чтобы вы с папой были... Были, как бабушка с дедушкой.

— Да. Я тоже хочу. Нам сюда. Вон, наш поезд.

— Но вы же будете?

— Я на это надеюсь.

— Хоть бы я приехал потом, а вы хорошие!

— Да...

— Это было бы особенным летом! А может, оно особенное? Я почему-то чувствую так.

— Посмотрим, милый.

— Ой, что это?

— Гром. Видишь, какое небо черное. Гроза будет, наверное.

— А после грозы, между прочим, всегда пахнет Леной.

— Леной?

— Ну да.

— А, озоном, что ли?

— Да, наверное. Чего ты так улыбаешься?

— Ничего, родной. Иди, обниму тебя. Будь умницей и береги себя. Мы с папой очень любим тебя.

— И я вас очень люблю. Пока, мам!

— Пока, сын.

Глава 5

На старых фотоснимках

24 июня.

Наутро в сторожке никого не оказалось. Дрова прогорели, хотя печка была еще теплой. За окном только-только вставало солнце, но одно то, что не было дождя, несказанно обрадовало меня. Я включил чайник и выбежал на улицу, чтобы умыться.

Неожиданно задрожала земля. Тело налилось силой, сам мир стал восприниматься по-другому. Стук колес. Поезд. В три прыжка я оказался перед ступенями, ведущими на платформу, совершенно не беспокоясь, что в запасе только одна фантазия. *Самолет...*

Это был поезд. Всего лишь поезд, обычный, с зелеными вагонами и без всяких Едоков.

Успокойся, Оул. Чего так колотится сердце? Видишь, от состава не веет холодом? Видишь, что в вагонах преспокойно сидят люди? Расслабься. ВСЕ ПОЗАДИ.

У меня дрожали руки. Дыхание сбилось. Трясло. Я закрыл глаза, чтобы успокоиться. В темноте перед взором загорелось расписание. Из Сосновки. *Ну да, все правильно. Быть может, сейчас на платформе появится Лена? Было бы здорово...*

Но нет. В Дымчатой никто не вышел.

Вернувшись в сторожку, я налил себе большую кружку какао, достал взятые из дома пряники и раскрыл начатую книгу. Правда, в голове царила каша, взгляд перескакивал со строки на строку, буквы мешались. В голове витала странная мысль — *огонь, Тин, поле... К чему бы? Ну да, помню, как мы тушили с Мишкой пожар, и что с того?*

В глубине души все еще тлел стыд за то, что я плохо показал себя ночью. Что если похвала Тумана — не более чем ложь, чтобы не расстраивать меня? *Но если бы у меня было больше практики...*

— Теперь будет, — вслух сказал я и удивился хриплому голосу.

Отворилась дверь. В сторожку влетел свежий утренний воздух, а следом за ним — Тин. Его пальцы нервно бегали по висящим на поясе инструментам. Я невольно схватился за пружины.

— Оул! — мой друг был на удивление радостным. А если сказать точнее — не таким подавленным, как в последние дни.

— Мишка? — я склонил голову.

Визит друга удивил меня. Что такого могло произойти, что он явился ко мне *сам*, оставив дрезину. *Разве только...*

— Отец, да? — с надеждой спросил я, припоминая радужную ленту мечты, что улетела ночью к своему хозяину.

Тин замер и посмотрел на меня. От его настроения не осталось и следа. Я вновь укорил себя за то, что напомнил ему про несчастье.

— Отец? — непонимающе заморгал Мишка.

Я замешкался.

— Ну... Все хорошо? — я не знал, как выйти из ситуации. Сам же себя поставил в глупое положение. И зачем только торопился... А так — испортил настроение и себе, и Тину.

— С отцом — нет. Но есть хорошая новость.

— Какая?

— Собирайся.

Тин упорно отказывался говорить, в чем дело. От всех вопросов он отбивался и сохранял тайну до последнего. Мы пробирались сквозь деревню, мимо равнодушных жителей, которых стало еще больше. Тени на их лицах сгустились, и смотреть на дымчатых было по-настоящему страшно. Одно дело — когда лица сокрыты от источника света,

другое — когда их действительно окутывает темная пелена, будто Создатель до конца еще не определился с их внешностью. Я старательно отводил взгляд от знакомых. Зрелище вытягивало все хорошее, что было внутри, вселяя холодный страх и такое же равнодушие.

— Давай побежим хотя бы, Миш, — сказал я, не в силах терпеть происходящее. Слишком давило и угнетало.

Тин припустил бегом, я — следом. Не обменявшись ни словом, мы добежали до нашей штаб-квартиры. Мишка отодвинул простынь. После дождя с нее немного потекла краска.

— Ох... — вырвалось у меня.

На сиденье от комбайна сидел человек лет двадцати пяти, крупный, я бы даже сказал тучный, с сальными, цвета нефти, волосами, собранными в толстый хвост. Пухлые красные щеки покрывала неряшливая щетина, которую уместнее было бы назвать порослью. Доверчивые глаза. Неизменные кирзовые сапоги, камуфляжные штаны, черная майка и тонна всяких железяк на руках — от браслетов до перстней. Конечно же, собственного производства (лучший пример ходячей рекламы). Потому что ни один уважающий себя кузнец не будет носить покупные украшения, если в состоянии изготовить сам. А Иван мог.

— Саня! — кузнец поднялся с несвойственной для человека такой комплекции скоростью и протянул мне руку. — Восемьсот лет тебя не видел!

— Иван... — сказал я, ничего не понимая. Из ступора меня вывел хруст собственных пальцев. — Мне еще нужна рука!

— Прости, прости, — весело произнес кузнец мягким, немного детским голосом и высвободил мою ладонь.

Иван окончательно поселился в Дымчатой лет восемь назад. Его семья переехала в город в поисках лучшей жизни, но на лето все равно приезжала в родные края. Родители долго не могли завести ребенка, пока, наконец, не появился поздний сын Иван. К слову, мы всегда звали его полным именем, потому что ни по виду, ни по комплекции ни на какого Ваню он не походил. Как-то язык не поворачивался. Да и сами родители гордо звали его Иваном и предрекали сыну перспективное будущее тяжелоатлета. Но перед походом в школу врачи заключили, что Иван... Мягко сказать, не такой, как большинство, и учиться ему надо в коррекционной школе для детей с особенностями развития. Однако родители не спешили расстраиваться — Иван с детства тяготел ко всякого рода поделкам и всячески старался проявить физическую силу. Именно потому, с горем пополам окончив техникум, он перебрался обратно в Дымчатую, в старый дом родителей, и стал кузнецом. Он быстро

завоевал любовь и уважение страстью к кузнечному делу. Молва о нем ходила как о трудолюбивом человеке, который по-настоящему живет своим увлечением.

Теперь понятно мое удивление, когда узнал, что Иван уехал в город и забросил любимое хобби?

— Рад тебя видеть, — проскрипел я, все еще сбитый с толку. — А Мишка говорил, что ты уехал.

Кузнец расплылся в улыбке.

— А вот теперь вернулся. Как-то вот ночью проснулся, стрельнуло в голову, а утром купил билет на четырнадцатую электричку и примчал. Соскучился. Давно не брал в руки привычные инструменты.

И тут я осознал две вещи. Первая — как хорошо, что я не застал Ивана теневиком. Во всяком случае, для меня он остался таким, как прежде. И вторая — я понял, чью именно мечту я видел минувшей ночью. Удивительное совпадение обрадовало меня: захотелось обнять Ивана, словно именно он убил Едоков и вернул мечту, вселив надежду и веру в лучшее.

Помню, как однажды Туман сказал мне:

«Они будут возвращаться. Покуда у них есть сила, дарованная мечтой. Они будут мощнее и злее. Они станут выдаивать местность. Но это наш шанс спасти кого-то как можно быстрее».

И тогда, глядя на Ивана, я думал о папе Тина. *Что если в одну из ночей я убью того, кто сожрал мечту дяди Володи? ОХ, А ЕСЛИ ВЕРНУТСЯ И БАБУШКА С ДЕДУШКОЙ?..* Мысли о таком исходе захватили меня, и почему-то проблема ночных сражений перестала быть чем-то страшным, тяжелым и невозможным. В конце концов, когда видишь реальный результат, всегда приятнее работать. А я решил смотреть на Едоков как на работу. Неприятную, тяжелую, но вполне решаемую. К тому же с неплохими премиями в виде возвращенных людей, вновь обретших мечту.

Лишь бы с Леной ничего не случилось...

Когда ж она приедет?

— Я ж говорю, он чудным стал. И так все лето, — ехидно сказал Тин.

— Чего! — поспешил возразить я. — Все я слышал!

— Да? — ухмыльнулся Мишка, и его улыбка, столь редкая в последнее время, несказанно обрадовала меня. — И что ты про это думаешь?

Я решил блефовать.

— Ну. Да.

Ребята рассмеялись.

— Я же сказал! — смеясь, пропыхтел Тин.

— Да что?!

Весь этот цирк начинал раздражать.

— Мишка просто сказал, что ты такой, потому что влюбился, — торжественно объявил Иван. — И просил твоего подтверждения.

Рука моя нервно теребила висящие на поясе пружины. По правде сказать, хотелось сорвать их и запульнуть в друзей, чтобы не подтрунивали. Еще и Лену сюда приплели.

Перебросившись шутками, Тин с Иваном занялись дрезиной. Мишка был счастлив отвлечься на того, кто мог поддержать его помешательство на технике. Бренькая инструментами, они препарировали стоящий на платформе велосипед с серьезностью хирургов.

Наконец-то у Тина появилась компания! В свете последних событий времени у меня стало не так много. Даже чтение — любимое занятие, на минуточку! — превратилось в работу.

— Чего вы из него хотите сделать? — спросил я, устав смотреть, как они подкручивают там и тут, примеряются, обсуждают, используя длинные и зубодробительные термины.

— Теперь-то много чего! — довольно ответил Мишка, посмотрев на кузнеца. — Уж теперь точно размахнусь!

— Ага! — кивнул Иван.

— Поможете мне завтра с дровами? — спросил я.

— С какими дровами? — не понял кузнец.

Тин покачал головой.

— А, Саня у нас теперь самостоятельный. — Осознав, что он только что сказал, Мишка осекся. — Ну, точнее... В общем, он один живет, в сторожке. Смотритель-то того... Это, помер, в общем.

— Во дела. Да-а-а, многое изменилось, пока меня не было. А отсутствовал-то, вроде, всего двадцать месяцев.

Я пнул попавшийся под ногу болтик. Тин закатил глаза и украдкой ухмыльнулся. Одной из причуд Ивана была полная вражда с цифрами.

— Сейчас все может поменяться за один день, Иван. Тин не даст соврать.

Кажется, я только что отомстил другу за «самостоятельного». И, по-моему, это было не очень-то красиво. Но этот обоюдный выплеск был необходим. Я не понял, почему, но знал это. Будто такой поступок мог помочь нам с Тином закалиться, стать сильнее.

Мы посмотрели друг на друга.

— Так что, поможете? — я не отводил взгляд.

— О чем речь, Санек, — ответил Тин.

Мы продолжали смотреть друг другу в глаза, пока не поняли, что все улажено. Улыбнулся. Тин в ответ ударил отверткой по гаечному ключу и вернулся к работе. Я повернулся к Ивану.

— Ты про мою просьбу-то не забыл?

— Неа, Сань. Сделаю все, не переживай.

— Хорошо.

И я не переживал. Потому что Иван вернулся. Значит, мечты можно возвратить. А с ними — и людей. Ро-ро, дядю Володю и всю Дымчатую.

***

Оставив ребят корпеть над дрезиной, я пошел к себе. На Красной мне повстречалась незнакомая девушка-теневик, издали похожая на Лену. Чуть не потеряв сознание от ужаса, я свернул с улицы и направился к Людмиле Сергеевне — расспросить, как дела у Лены и когда она приедет. *Наверняка они созваниваются.*

Из дома Людмилы Сергеевны всегда пахло кондитерским магазином. К ней было интересно заходить — всякий раз совершенно новые запахи, которые только предстоит разгадать. Новые, но неизменно вкусные. Сладкоежка, переступив порог дома, сошел бы с ума.

Вопреки моим ожиданиям, Людмила Сергеевна отнюдь не хлопотала над плитой, не колдовала над коржами и не читала заклинания, смешивая ингредиенты для излюбленных «графских развалин». Вместо этого сидела на диване, а на коленях у нее лежал массивный фотоальбом. За то время, что я разувался и мыл руки, она успела полностью погрузиться в хронику прошлых времен. И понял я это по черно-белым снимкам, когда уселся рядом с ней. Но, кажется, так и остался незамеченным.

Меня удивило, как взгляд Людмилы Сергеевны из цепкого и пронзительного превратился в равнодушный. Словно вместо глаз ей вставили стеклянный муляж. На миг я

испугался, что и у нее похитили мечту, но, во-первых, я сам лично отбил атаку прошлой ночью, во-вторых, на ее лице не было никакой тени.

— Людмила Сергеевна, а скажите, Ленка-то приедет?

Женщина улыбнулась, но ничего не ответила.

— Людмила Сергеевна?

— Да, Саш, — ласково сказала она, не отрываясь от созерцания фотографий.

— Приедет? КОГДА?

Она снова улыбнулась.

— Хех... Последний раз я слышала эти интонации от своего младшего брата, когда он требовал вернуть ему любимую игрушку. Иногда он не хотел учить уроки, и я отнимала у него радиоуправляемый вертолет, чтобы как-то заставить взяться за учебу. И знаешь, он не столько хотел играться, сколько хотел заполучить свое, понимаешь?

Нет, не понимал.

— Наверное, это плохо... — сказал я, чувствуя, что оскорбил тетю Лены. Если она сравнила мой вопрос с братом и игрушкой, значит, все не очень хорошо. Наверное, я даже обидел ее. — Простите.

Людмила Сергеевна отняла взгляд от альбома и посмотрела на меня.

— Простите? Нет, Саша. Любая была бы признательна за это...

Она резко замолчала. Я ждал продолжения, но его так и не последовало. Решив, что эта тема ей не особо приятна, спросил:

— А что вы смотрите?

— Дымчатую, Саш. Какой она была раньше.

— И какой она была раньше?

Вопрос вырвался быстрее, чем я смог понять, что он неуместен. Людмила Сергеевна грустно улыбнулась и отложила альбом. Поднявшись, она неторопливо прошла к окну и отодвинула тюль.

— Все было лучше. Папа мой всегда говорил, что прошлое необходимо для воспоминаний хорошего. Сперва я этого не понимала, думала, что все самое лучшее у меня происходит в настоящем и будет происходить в будущем. Где-то так и было. Но теперь... Ты же сам понимаешь. Если прошлое создано для того, чтобы вспоминать хорошее, то не все так хорошо в настоящем. И получается, что прошлое приносит боль, тогда как изначально оно должно дарить радость и теплые воспоминания. Но когда видишь результат и сравниваешь его с теми годами, все тепло уходит на второй план.

Людмила Сергеевна шмыгнула носом.

— Какой-то странный парадокс, Саш…

Плачет... Она не спешила оборачиваться. Очень хотелось найти какие-нибудь слова поддержки, но из головы не выходили бабушка, дедушка, дядя Володя и многие знакомые, которые стали теневиками.

Я опустил взгляд и посмотрел на раскрытый альбом. Узнал мельницу, еще работающую, увидел те самые пути возле куста черемухи и груженые мукой вагоны. На фотографии пониже виднелась та же мельница и рельсы, но в темное время суток. Туман обступил снимок со всех сторон и обрамлял его. На другой фотографии запечатлели площадь перед зданием правления с целым городком из палаток. Ярмарка. Людей было очень, очень много.

— Ого… — вырвалось у меня.

— Что такое?

— Не думал, что здесь столько жило.

— В том-то и дело, — горько произнесла Людмила Сергеевна.

— А можно посмотреть? — робко спросил я, боясь новых слез расстроенной женщины.

На мгновение она повернулась.

— Да, конечно.

Показалось заплаканное лицо, раскрасневшееся, полное страданий, но в следующий миг Людмила Сергеевна вновь смотрела в окно.

Я взял тяжелый альбом и положил его себе на колени. Он с хрустом раскрылся, дохнуло запахом старины и пленки. Фотографии были вдеты уголками в красивые прорези, и при желании можно было вытащить тот или иной снимок и на оборотной стороне посмотреть год. Угадать в старых зернистых фотографиях знакомые и излюбленные места не составляло труда.

Совсем скоро Людмила Сергеевна успокоилась и села рядом со мной. Мы вместе увлеченно рассматривали фотографии. Иногда я чего-то не узнавал, и тогда Людмила Сергеевна доходчиво объясняла, что это и почему оно изменилось. Некоторые из снимков давно висели и у нас дома, например, фото станции с еще новым забором, но встречались и по-настоящему ценные кадры.

— Это что, с вертолета, что ли? — уточнил я, глядя на панорамный снимок, сделанный с высоты.

— Нет. Раньше здесь стояла радиовышка. Ты что, не узнал? Смотри, вон же карьеры!

— Не вижу.

— Ну, их начнут копать через год, когда будут строить железнодорожные пути. Так вот, про вышку. Был у нас один чудак, который не расставался с фотоаппаратом ни на секунду и любил залезть повыше, чтобы заснять деревню не так, как все остальные. Искал ракурсы поинтереснее. Вот, посмотри.

На следующем снимке виднелись американские клены. А немного левее — ферма. Шиферная крыша еще цела, двери не сняты, стены не разобраны, кирпичи не растасканы. А железную дорогу пока не проложили.

— О! Я знаю, откуда фотографировали! Водонапорная башня же?

Людмила Алексеевна кивнула.

Мы пролистали весь альбом от начала до конца. Все это время меня не покидало ощущение чего-то подозрительного. Я знал только одно — это было как-то связано с фотографиями. Пересмотрев альбом еще раз, я понял, что мне не давало покоя.

Дымчатая.

Она была не такой. Совсем не такой. И дело не в численности жителей, не в ее размерах. Речь о тумане. Которого не было. Ни на одной из фотографий по-настоящему старой Дымчатой, еще без железнодорожных путей, я не увидел ни намека на белесые клубы. Ни в утреннее, ни в вечернее время.

— Людмила Сергеевна!

— Что такое? — она была поражена моей буйной реакцией.

— А где туман? — я показал самые ранние фотографии Дымчатой. — Почему его нигде нет?

— А раньше… Ой. А раньше его и не было... — задумчиво произнесла Людмила Сергеевна. — Хм... Даже не знаю, почему. Никогда не замечала.

— Он что, просто так взялся, что ли? Посмотрите, вот в те времена, когда железная дорога уже построена, туман видно. Как это так?

Людмила Сергеевна листала альбом туда-сюда, сравнивая фотографии. Она что-то бубнила себе под нос и хмурила брови, становясь все мрачнее. Мы нашли с ней два похожих снимка с изображением мельницы. На первом никаких рельсов не было в помине, а вот на втором, помимо путей, куст черемухи был укутан туманом. И позади мельницы на подступах к лесу пробирались белесые облака.

— Поверить не могу... — сказала Людмила Сергеевна. — А ведь ты прав, Саш.

— Так... А дорогу давно проложили?

— Не вспомню. А, погоди!

Она быстро-быстро пролистала страницы альбома и вытащила исцарапанную фотографию. На ней были запечатлены несколько человек, с лопатами, граблями и тачками. Кто-то был голым по пояс, у кого-то на голове повязан белый платок. Повсюду горы песка, щебня и железяк.

— Вот, это первый год построения железной дороги. Жарища была, как мне отец рассказывал. Давай посмотрим. — Людмила Сергеевна перевернула фотографию. — Ага. Пятьдесят шестой, Саш.

Пятьдесят шестой... Любопытно.

— А дядя Коля тут давно? Ну... Был.

— Дядя Коля? Причем тут дядя Коля?

Я осознал, что сказал лишнего. Действительно, для женщины внезапный вопрос про смотрителя был слишком странным и неуместным.

— Да так просто. Сам не понял.

— Не знаю, Саш, у деда спроси. Или у Володьки. Точнее, папки Миши.

Я не стал говорить, что от них мало толку, но все-таки решил попробовать. Почему нет? Кажется, не зря я считал Дымчатую особым местом, полным тайн и волшебства. И чем дальше, тем больше убеждался, что это правда.

Интерлюдия 5

Четыре месяца назад

Я уже не тот. Меня нет. Есть только тело, оболочка. И мозг. Дешевый генератор мыслей. Когда-то я мог с гордостью заявить, что в моей голове расположена кладезь грез и мечтаний. Меня знали и помнили как прекрасного рассказчика и истинного мечтателя.

Что со мной стало…

Конечно, удивляться глупо. Встав на этот путь, ты заранее обрекаешь себя, если твой ум недостаточно гибкий. Мой оказался не таким, какой требуется. Но я держался достаточно долго. Могу смело сказать, что все эти годы я выполнял свою работу качественно и с полной самоотдачей. Во всяком случае, прорыв произойдет не здесь, а в Дымчатой.

Эх, Колька… Если уж я скоро убью себя, то что станется с тобой? Надеюсь, мальчик готов. Кстати, спасибо тебе за совет. Мы с ней хорошо ладим. Она способная и талантливая. Но еще рано.

Как же мучительно. Нет, я не боюсь смерти. Обидно терять себя. Это как вынужденно разбирать по бревнам выстроенный тобой дом. Противно и… Неуважительно. С другой стороны, если кому-то эти бревна помогут согреться и тем самым сохранят жизнь — в праве ли я сетовать на свою судьбу?

От моего внутреннего мира ничего не осталось. За столько лет все мечты выдохлись. Они еще способны дать отпор, но мои атаки слабеют так же, как и я сам. В зеркале больше не видно тех глаз, что покоряли десятки девушек. Теперь вместо них серые плоские эскизы. С неприятием узнаю в отражении Колю.

Хранители Грез…

Наше дело — это раковая болезнь Хранителей. Оно пожирает нас, как Пожиратели пожирают мечты. Тавтология тем нелепее, чем безжалостнее правда. Мы — самоубийцы. Неуклюжие, неприспособленные. Мы немолоды. Мы были обучены другим вещам. Новое поколение не такое. Они молоды и полны амбиций. Их силы бурлят, а фантазия бьет тысячами источников. Неиссякаемых или регулярно восполняемых. Они не мы. Они не трупы.

И я снова выуживаю мечту. И снова пустею, не помня ни себя, ни ее. Не помня, откуда это бревно. От кухни или от жилой избы? Или от сеней? Не знаю…

Этой фанталью можно было бы гордиться. Не будь она моим последним детищем.

Я ИСЧЕРПАЛ СЕБЯ. ВСЁ. НЕТ БОЛЬШЕ НИЧЕГО.

Она огромна. Я скармливаю ее Едокам и Пленусам поочередно. Скармливаю Пожирателям. Мне плевать. Я пичкаю их своей сокровенной мечтой, и они не могут переварить ее. Они распухают и лопаются, а я с жадностью возвращаю ее обратно. Берегу, как родное дитя. Дитя, имя которого не помню.

Дитя, которому суждено погибнуть.

Вместе с родителем.

Глава 6

В одном шаге от

24 июня.

— Дед! Дедушка! Бабуль!

Я вбежал в комнату. Ро-ро сидели напротив включенного телевизора и внимательно смотрели. МИМО НЕГО. Ужасное зрелище — как будто они были слепыми и могли ориентироваться только по звуку. На темных отрешенных лицах никаких эмоций.

— Эй! — я встал напротив них.

— А.

Это все, чего я добился от деда. Невзрачное «а»... Он лениво поднял голову и посмотрел на меня, как будто я был бродячим псом, в сотый раз перебегающим дорогу прямо перед дедушкой.

— Дед!

— Да, — ответил он. Его голос был хриплым из-за длительного молчания.

— Дядя Коля! Точнее, нет, не так... — я никак не мог отдышаться и был слишком возбужден. — До дяди Коли здесь был кто-нибудь?

— Что.

Я стиснул зубы, всеми силами стараясь подавить злость и раздражение. *Это неправильные эмоции, дедушка не заслужил их, ведь то была не его вина.*

— Сторожка. Рядом с домом. В ней жил дядя Коля. Помнишь такого?

— Помню. Колька.

— Да! — обрадовался я. — Колька, да, дедуль! Скажи мне, кто был до него?

Дед смотрел на меня так же, как смотрел до этого мимо телевизора. Это очень напрягало и вселяло страх. Точнее, даже не страх, а... Было неприятно, в общем.

— Нет.

— Почему?

— Нет. Никого.

Я посмотрел на бабушку. Она так и не подняла взгляда. Я пощелкал пальцами перед ее лицом. Даже не вздрогнула. Просто лениво посмотрела на меня.

— О, Саш.

— Да, бабуль, это я, — дрожащим голосом сказал я. Хотелось плакать. Как будто дедушка с бабушкой находились в плену, их пытали, а я просто стоял и смотрел, как из них медленно вытекает жизнь.

— Чего ты. — Это даже не было вопросом. Бабушка произнесла это бесцветным голосом, все еще буравя невидимую точки справа от телевизора.

— А до дяди Коли здесь кто-нибудь был?

— Где.

— В сторожке! Следил за путями! СМОТРИТЕЛЬ! — я кричал, прекрасно понимая, что не прав. Но мне было не остановиться. — Ну неужели вы не можете ответить?! ПОЖАЛУЙСТА!!!

— Никого, — сказала бабушка.

— Да, — подтвердил дед.

— СПАСИБО! — я выбежал из комнаты.

Сперва подумал было забраться на чердак, потом вспомнил, что у меня теперь новое место. Зашел в сторожку и включил чайник. Хотелось какао и плакать. В последнее время слезы наворачивались все чаще, и мне это не нравилось. В той же мере, в какой не нравилось и все происходящее вокруг. *Деревня полуживая, люди как зомби, мои самые близкие люди разговаривают со мной, как будто я вот-вот исчезну и со мной не надо считаться, лучшие друзья заняты дрезиной, Тин так вообще считает меня чудаком. А по ночам сражения с Едоками. И Туман куда-то запропастился. И где Лена? Вот бы сейчас взмыть в воздух и улететь в Сосновку. Чтобы просто повидаться с ней. ПОЧЕМУ ОНА НЕ МОЖЕТ ПРИЕХАТЬ?! Я ведь так по ней соскучился... Да где ж тут не плакать?*

И я разрыдался. В очередной раз. Сколько бы ни давал себе обещаний, что такого больше не повторится, а бестолку. Казалось, слезы притягивали все больше неприятностей. Я бы и рад перестать — в конце концов, мужчина я или нет? — но у меня не было понимания, как преодолеть это все.

Стой. Слезы — не выход. Они ничем не помогут и только усугубят ситуацию. А мне и без того страшно. Какой-то водоворот. Теперь к Едокам и похищенным грезам добавилось еще кое-что: загадка тумана. Во всей этой истории что-то кроется. Оно как будто лежит на поверхности, но все еще недоступно моему пониманию. Решу ли я хоть одну загадку или буду пребывать в подвешенном состоянии неведения — может показать только время.

Я вытер слезы, налил себе какао и взял пирог с вишневым вареньем. Как хорошо, что бабушка еще готовила. Я не знал, сколько это продлится, и надеялся, что как можно дольше. Если к моим проблемам прибавится еще и готовка — сойду с ума.

Растопив печку, я устроился поудобнее. Дров больше не осталось.

Под вечер явился хорек. Какой-то изнуренный.

— Фух... — выдохнул он и развалился на столе.

— Привет. Спрашивать, как дела — глупо?

— Пожалуй.

— Едоки?

— Как бы не хуже.

— Хуже?

— Пожиратели...

— А это кто?

— Давно ушедший миф. И лучше не знать о нем, пока я не подтвержу информацию.

Я сглотнул.

— А... А если о них быстрее узнаю *я*?

— Не узнаешь, поверь мне.

— Верю. Есть не хочешь?

— Нет, Оул.

Странный хорек. Изнуренный и...

— Туман, все хорошо?

Мне показалось, что он стал менее... Плотным, что ли? Как будто немного прозрачный. Словно истаивал.

— Да, Оул, — твердо ответил Туман. — А почему ты спросил?

Истаивал? *Как... КАК ТУМАН*.

— Ты никуда не денешься? — вырвалось у меня. Быстро и робко. Молниеносно, как рука воришки.

Хорек посмотрел на меня. По глазам ударило янтарным светом. По всему телу заструилось тепло, будто моя кровь стала жидким огнем.

— Никуда.

Я выдохнул. Мне были необходимы эти слова. Будь они правдой или ложью. Я нуждался хоть в какой-нибудь поддержке.

— Сегодня снова выходить, Оул. Ты подготовился?

Стол был завален книгами. Из многих торчали закладки. Книги напоминали проткнутых мечами солдат. Закладки вели к ценным страницам с интересными и *богатыми* эпизодами.

— Да, Туман.

Хорек склонил голову, оценивающе глядя на меня. Я не отвел взгляд. У меня было семь фантазий. Я был готов. Я не боялся.

***

Я много думал над системой управления фантали. Гадал, как лучше использовать ее, что можно придумать эффективного и действенного. В голове сконструировался план, состоящий из образов. Контуры и штрихи. Нет, не фантазий, а заклинаний. И сегодня мне предстояло проверить их в действии.

Ну ты как, справишься? — спросил у меня Туман незадолго до его ухода.

Должен, — ответил я, стараясь не думать, что будет ночью.

Справляйся. Я не смогу сегодня быть с тобой. Хмурь... Много дел, Оул.

Я понимаю, — отстраненно сказал я. — *Ничего страшного. Я смогу, вот увидишь.*

«Я смогу, вот увидишь». И мне предстояло доказать, что это не просто слова.

Казалось, в такую замечательную теплую ночь ничего плохого произойти не может. Ну какие Едоки, какой призрачный поезд или воровство грез?

Последний поезд проехал полчаса назад. Едоки задерживались. На секунду промелькнула обнадеживающая мысль, что сегодня нападения не будет. Но я не позволял себе расслабляться. По правде сказать, новый план обращения с фанталью заставлял быть аккуратным и предельно сосредоточенным. Держать в голове один образ, ощущать его в виде ледяного шара в районе ладони, помнить о шести других и еще оперативно думать, что и как применить... Не самая легкая задача. Но я вобрал в себя одну из фанталей и держал про запас. А вторую *явил*.

Затрясло. Не меня. МИР.

Платформу осветило голубым. Я повернул голову направо и увидел вдали приближающийся поезд. Подуло морозным ветром. Сердце забилось чаще. Задрожали колени.

— Спокойно, спокойно. Все ты справишься. Тебя оставили наедине с Едоками на следующий день после пробного сражения. Наверное, это что-то значит, — бубнил я себе под нос, вперившись в поезд. — Хватит. За дело.

Я закрыл глаза и довольно легко выудил фанталь. На сей раз я ждал Едоков вооруженным. Перламутровый шар висел подле меня. Изо рта пошел пар. Поезд подъезжал.

Они выпрыгнули на ходу. Пятеро Едоков. Я обрадовался, что их меньше, чем вчера, но тут же одернул себя, вспомнив, что вчера, вообще-то, я был не один, и основную массу нападающих отвлек Туман. Сегодня же мне предстояло одолеть пятерых. На удачу, ни одного Пленуса, правда, один из них заметно крупнее остальных — с двумя большими шишками на спине.

Первый ход был за мной. Видимо, я все-таки слишком перенервничал, и вместо половины фантали отправил в полет всю. Горевать по этому поводу времени не было, и за пару секунд полета фантали успел перекроить заклинание. Оно разорвалось крупными осколочными снарядами и полетело в Едоков. Мысленно я цеплялся к осколкам, которые успевал зацепить взглядом, и направлял их точечно. Этого хватало, чтобы наносить Едокам ощутимый ущерб. С темных силуэтов отлетали куски *кожи* и сгустки сумрака. Твари кричали и метались из стороны в сторону. В воздухе повис запах мяты и кедровых орехов.

Я спохватился, что упускаю вобранную фанталь, и переключил свое внимание на восстановление изначальной картинки. И пока сознание было занято этим, снаряды полетели мимо, а потом и вовсе истаяли. Зато я снова ощутил холодок вобранной фантали. Отлично.

Один из Едоков поднялся и, оттолкнувшись, прыгнул ко мне. Не ожидая столь быстрой реакции, я растерялся и вытянул руку вперед. Ладонь потеплела. Наружу вырвался шар фантали. Плохо соображая, я растянул его в тонкую леску, оставив примерно половину, и толкнул ее вперед. Нить разрубила Едока на удивление легко. Не поверив успеху, я внимательно следил за тварью. Но та не двигалась. Неловко вильнув, Едок упал на платформу и исчез.

Как можно быстрее вобрав в себя остаток фантали, я создал новую, потратив уже третью фантазию. По крайней мере, я пришел к такому выводу, пересчитав оставшиеся. И еще одна была в моей ладони. Неполная. Я мог бы ее растворить в себе, но она была нужна.

Двое Едоков мчали ко мне. Пододвинув фанталь вперед, чтобы видеть ее объем, я отщипнул примерно треть и создал на пути одного из Едоков перламутровую стену. Он врезался, раздался громкий хлопок. Едок упал.

— Ну же... — прошептал я, надеясь, что с ним покончено.

Но нет. Он так и не истаивал. Скорее всего, его просто оглушило.

Второй был совсем близко. Я взял еще одну треть фантали и быстро вытянул ее в подобие копья, чуть не вывихнув руку. Наконечник пронзил грудь Едока. Вскрикнув, тот опустил голову, лапы повисли плетьми, и через секунду он пропал.

Ноздри заполняли маслянистые запахи. Повсюду царил холод. Вырывающийся изо рта пар подсвечивало голубым. Висящие на поясе пружины охладились настолько, что обжигали кожу даже через штаны. Я нервничал, но не настолько, чтобы удариться в панику. Дела мои шли более-менее. Три Едока против четырех фантазий и одного меня.

Упавший Едок поднялся и хлестнул меня лапами. Вскрикнув, я создал из остатков фантали защитную пластину, которая поглотила удар. С чавкающим звуком удлиненная лапа Едока оторвалась, растворившись в ночи. Обезумевший монстр заверещал, глаза наполнились тьмой, разверзлась пасть. Он напоминал раздразненного в клетке животного.

В клетке... Хм.

Все произошло слишком быстро. Случившееся уместилось в какие-то доли секунды. Едок прыгнул на меня, растопырив оставшиеся лапы, и я, не думая, вытолкнул из ладони остаток фантали и заключил Едока в перламутровый куб с тонкими, будто слюдяными, стенками. Тварь упала и забилась в стенки. Судорожно и неистово.

Меня трясло. *Если эта тюрьма падет, он же просто разорвет меня на куски. Откуда у него столько ненависти? Почему?*

Я встряхнул головой и повернулся к оставшимся Едокам. От них в деревню уже протянулись пепельные отростки, которые двигались, словно ручей.

— Нет! — крикнул я и закрыл глаза.

Быстро, быстро, быстрее, фанталь... НУ ЖЕ, НУ!..

Я выудил ее. И не удержал. Обдав меня ароматом мяты и кедра, шар исчез. Я выругался и достал новую. Плененный Едок уже просачивался через стенки куба. Перламутровый кинжал возник в руке сам собой — наверняка этого хватит, чтобы убить тварь. С тихим хрустом вспарываемой ткани я погрузил лезвие в затылок Едока. Запах гари был свидетелем его смерти.

Посмотрев на двух последних Едоков, среди которых был и тот крупный, я допустил непростительную ошибку — испугался и не удержал фанталь. Ее не стало.

— Да что же это такое!

По одному из порталов ползло радужное пятно, которое приближалось к Едоку.

Сердце екнуло. *КОГО-ТО ОГРАБИЛИ. КТО-ТО СЕЙЧАС ЛИШИЛСЯ СМЫСЛА ЖИЗНИ!*

Нет, я не могу позволить этому произойти.

Фыркнул поезд. Он тихо тронулся с места и поехал в обратном направлении, прочь с Дымчатой. Едоки обернулись и что-то бросили друг другу, после чего сосредоточились на своих порталах.

У меня оставалось две фантали. Я пообещал себе быть предельно аккуратным и сосредоточенным. Последние фантазии были сильными, и я не сомневался, что все получится.

Я выудил фанталь и сделал себе меч — огромный, почти с меня ростом. Обхватив его двумя руками, неуклюже побежал к Едокам. От пепельных порталов исходил тихий шелест, словно поблизости пересыпали зерно. Я прыгнул и опустил меч на жгут, перерубая его. Возмущенный Едок распахнул пасть и огрел меня обрубком портала. Удар пришелся на солнечное сплетение. Грудную клетку сковало холодом. Я почувствовал, как что-то внутри меня разрушилось, испарилось. Будто взяли кусок плоти и стерли до состояния порошка. Стиснув зубы, я неуверенно взмахнул мечом, но Едок подставил лапу. Ценой собственной конечности, повисшей плетью, он уничтожил мой меч.

За его спиной крупный Едок восстанавливал портал — стенки с шелестом сращивались, соединяясь в единое целое.

Перед глазами появилось радужное пятно. Мечта. До того, как она впитается в тело этого здоровяка, оставались считанные сантиметры. Краем глаза я видел, как уцелевшая лапа монстра опускается мне на голову.

Что я наделал... Я проиграл. Сейчас меня убьют, сожрут мечту, а самого растерзают. И не останется от Оула ничего, кроме беспорядочной стопки книг на столе и не вымытой после какао кружки.

В глаза бил яркий свет. *Это мечта, красивая, переливистая, будто ручеек в солнечную погоду — искрится и весело сверкает. Так ярко...*

Нет, я не мог допустить этого. Не мог. Лапа все ближе. Мечта все ближе. *Нет, не дождетесь!*

Едва только последняя фанталь появилась в этом мире, я тут же схватил ее обеими руками и бросил под ноги. Раздался взрыв. Мир содрогнулся. Меня подбросило в воздух и потащило прочь с платформы. Прямо на рельсы. В полете я увидел, как Едоки разлетелись в стороны, как жгут оторвался и улетел в небо, будто воздушный змей.

Все перевернулось. Или это я летел вниз головой? Поезд почти ушел с платформы, и я увидел, как уцелевший Едок запрыгивает в вагон. Хотел было присмотреться, с собой ли у него мечта, но кто-то ускорил время. Я рухнул на шпалы, больно ударившись поясницей. Из груди вырвался протяжный «ы-ы-ых». Спину пронзила адская боль. Я попробовал подняться и не смог. На смену боли пришло онемение. Я пошевелил ногой и обрадовался, что конечности слушаются. Значит, перелома позвоночника нет.

Надеюсь, отделаюсь несколькими ушибами.

Как же больно...

Вспыхнуло голубым. Позабыв о боли, я приподнялся и увидел мчавшийся на меня поезд. Обдало холодом — снаружи и изнутри. Я судорожно сел на корточки и вскрикнул. Спину прострелило острой болью.

Деваться некуда. Платформа сделана из монолитного бетонного блока, и под нее не залезть. Прыгнуть и подтянуться я тоже не мог — не было сил, да и удар о шпалы давал о себе знать. Обернулся, надеясь увидеть позади себя что-нибудь, что могло бы спасти жизнь. Меня пошатнуло. Что-то лязгнуло. На бетонном блоке осталась царапина. Царапина, СДЕЛАННАЯ ПРУЖИНАМИ. Точно!

Мир погрузился в голубые краски. Меня словно запихнули в морозилку. Клубы пара от дыхания никак не развеивались. Все вокруг гудело. Я слышал, как изнутри вагона то ли от боли, то ли от радости верещит Едок. Непослушными пальцами я кое-как отцепил пружины. Сняв защитные скобы, я одним махом нацепил пружины на кроссовки и подпрыгнул. Напряг мышцы и постарался поймать равновесие. Соприкоснувшись с землей, пружины сделали свое — внутри сработал заключенный Тином механизм, и с громким тренькаем пружины разжались.

Меня выбросило на платформу. Я еле успел подставить руки, чтобы смягчить падение — пружины оказались неожиданно мощными.

Поезд пронесся совсем-совсем рядом, окатив ледяным облаком. Я долго смотрел ему вслед, а потом выдохнул и откинулся назад, облокотившись на ладони. Грудь тяжело вздымалась, руки дрожали. В какой-то момент они не выдержали, и в полубреду я обнаружил себя лежащим на холодной платформе. Глаза закрыты, спина ноет. Однако бетон, казалось, остужал боль, поглощал ее, даруя возможность позабыть о ней.

— Спасибо, Тин. Ты только что спас мне жизнь...

Я так и не понял, уснул или нет, но меня разбудил поезд.

Неужели настало утро, и я провалялся всю ночь? Не может быть...

Открыв глаза, с ужасом обнаружил, что еще ночь, а со стороны Дружбино мчится поезд-призрак. От страха меня чуть не вывернуло наизнанку. Горло сжало, легкие выжали, словно губку. Кто-то забрал весь воздух. Обхватив себя за плечи, я смог раскрыть рот и сделать вдох, впуская холод внутрь себя.

Как же быть? Неужели сейчас опять сражаться? Но у меня же ни одной фантазии! Так, ладно, попробуем. Что у нас? Машина? Нет, какая машина! Что-то с Луной... Магия, дом на острове, летающие острова? Давай же, соберись, придумай, вникни, расширь!

Лена... Лена?..

Нет! Нет, НЕ СМЕЙ! Причем здесь Лена?!

Поезд остановился. На платформу вышел уже знакомый Едок с двумя буграми на спине. И в его животе была мечта.

Внутри меня все оборвалось. Упустил. Не справился. И сейчас я расплачусь за свою бездарность. *Я плохой Хранитель. Я не помог им. Не смог. И лишил кого-то сокровенного... Боже мой, как это тяжело.*

Я должен убить тебя. Хоть ты и сильнее. Пусть в тебе мечта, я все равно справлюсь. Мне бы только подобрать фантазию получше...

Голова превратилась в калейдоскоп образов. Фрагменты прочитанных сцен кружили хороводы, играли в чехарду и тасовались, словно игральные карты. Но все образы были смутными, я не мог ни за что зацепиться.

Кажется, я что-то говорил. А может, и нет. Мои глаза были открыты, но я почти ничего не видел. Лишь темный Едок — *теперь уже Пленус* — и радужная мечта. И..

Вспышка слева.

Откуда она взялась? Почему зарычал Едок? Или это галлюцинации?

Повернув голову, я увидел только серебристое пятно, стремительное, точно вихрь. Пленус побежал на него, но отдернул лапу и, рыча, унесся в поезд. С резким толчком состав тронулся. От серебристого пятна отделилась перламутровая сфера и с громким треском врезалась в вагон. Вспыхнуло ярким серебром. Шум отправляющегося поезда перекрыл вопль Едока.

А через несколько мгновений уехал прочь. Я даже не успел оклематься. Платформа была пуста. Ни поезда, ни пятна... Ничего.

Неужели меня спасли? Но кто? Или мне все это показалось...

Держась за перила, я осторожно спустился с платформы, кое-как дошел до сторожки и повалился на диван, даже не сняв одежду.

Интерлюдия 6

Год назад

— Мам, а у папы есть мечта?

Хочется на платформу. Мама не отпускает, потому что боится моего общения с дядей Колей.

«Тогда пойдем со мной, мам, если переживаешь».

И она пошла.

— Не знаю... — Мама смотрит на рельсы. — Вряд ли. Он весь в работе. А что?

Тихо-тихо шелестят американские клены. Один из листочков срывается с ветки, и я слежу, как он медленно падает.

— Вот потому он такой. — Вспоминаю его лицо. Вечно прикрытое тенью. Хм. *Тенью*. — Ничего ему не интересно.

Я замечаю, как мама наблюдает за деревьями вместе со мной.

— Ничего, — продолжаю. — Успехи мои его не волнуют, отдыхать ты ездишь одна, а бабушка с дедушкой...

Листок падает на порог сторожки. Мама неодобрительно поджимает губы.

— Что? — спрашивает она.

В сторожке свет не горит. А у нас горит. Бабушка с дедушкой на кухне. Наверное, готовят стол к вечернему чаепитию.

А дядя Коля один.

— А бабушка с дедушкой выглядят гораздо счастливее вас.

Мама не отвечает.

— А знаешь, почему?

— Почему?

— Потому что у него нет мечты.

Глава 7

В Сосновку к Лене

25 июня.

ХОЛОДНО. Что ж так холодно? Я что, все еще лежу на платформе? Нет.

Пальцы сжали край покрывала. *Диван. Ага. Значит, я в сторожке.* Взмах руки. Стол справа. *Точно — сторожка. НО ПОЧЕМУ ТАК ХОЛОДНО? Наверное, температура. Бр-р-р! Что-то ночи стали слишком холодными. Наверное, призрачный поезд остужал целый мир, иначе как объяснить пар изо рта и жуткий мороз, идущий от вагонов?*

Я сел и набросил на себя покрывало. Хорош же — так и уснул в грязной одежде, пропахшей сажей. Я посмотрел на печку. Та ответила мне ледяным молчанием.

Мне нужны дрова, пока сторожка не стала такой же холодной, как бетонная платформа.

— Ой... — вырвалось у меня, когда я вспомнил, что всего несколько часов назад меня чуть не сбил поезд.

Хм. А если поезд призрачный, то как он меня собьет?

За окном стояло раннее утро. Я поставил кипятиться воду и посмотрел на книги. Пора бы навести порядок. Так неряшливо, что уже не отделаться творческим беспорядком. Это настоящий БАРДАК.

Я подошел к столу и поднял лежащую страницами вниз книгу. Что-то серое бросилось на меня.

— Господи!!! — крикнул я, отпрыгивая назад. С громким глухим стуком мой затылок впечатался в чугунный дымоход печки. — Ай!

Ноги подкосились, я сел на корточки и схватился за голову. Мир сместился и раздвоился.

— Оул! Ты что творишь?! С ума сошел? — гаркнул Туман. Потому что это был именно он — спящий среди книг хорек.

— Это я с ума сошел? Ты спишь у меня дома, зарытый в книгах, и спрашиваешь, не сошел ли я с ума?!

Туман хохотнул.

— Ну не я же с хорьками разговариваю.

Я рассмеялся.

— Подловил. Туман, что ты здесь делаешь? Откуда?

Хорек сел, обвив себя хвостом.

— Я пришел под утро. Ты спал без задних ног. Не стал уж тебя будить. Сам свалился сразу же. Ночка выдалась тяжелой.

— Понимаю...

Сказать ли ему, что я мог пропустить мечту? Нет, пока не следует.

— Как у тебя все прошло, Оул?

— Более... Более-менее... — как же не хотелось слышать этого вопроса. — Правда, одного из них я не смог убить. Он уехал на поезде обратно.

— ЧТО?! — всполошился Туман. — Как это?

Я потупил взор и покачал головой. Что я мог ему сказать? Что растерял две фантали? Что один из Едоков был здоровее обычного?

Все это отговорки. Я просто слаб...

— Туман, послушай. Мне нужна практика. Я... Мне не хватает занятий. Я делал все, что было в моих силах, честно. Но мне трудно. Они очень быстры. Я потерял две фантали. Пытался придумать что-то новое, и оно даже успешно действовало, но!..

Когда поднял голову, увидел хорька, который смотрел на меня с неодобрением. На автомате я продолжал лепетать целые вереницы оправданий, и чем больше я говорил, тем более жалким казался самому себе.

— Сколько их было? — прервал меня хорек.

— Пять... — смущенно ответил я.

— Пять?! Ты что, серьезно?

Еще никогда я не видел Тумана таким взбудораженным и возмущенным. Тем хуже стало мне. *И ПОЧЕМУ ОПЯТЬ СЛЕЗЫ? С КАКИХ ПОР Я СТАЛ ТАКИМ ПЛАКСОЙ?*

— Прости. — Все, что мне оставалось. Это слово упало в звенящей тишине подобно свалившейся с полки книги.

— Ты с ума сошел! ПЯТЬ! Оул, чудо, что ты остался жив!

Хорошо, что я сидел. Ударяться чем-нибудь еще было выше моих сил — и без того ныли спина и затылок.

— Как это?

— Это ТЫ меня прости. Я виноват. Я чуть было не убил тебя. Пять...

Хорек опустил голову. Он что-то бормотал под нос и водил мордой из стороны в сторону.

— Как ты справился?

— Очевидно, плохо. Один убежал. Он почти украл мечту. Я, вроде бы, помешал... — с долей смущения ответил я, хотя внутри начинала теплиться гордость за внезапно нахлынувшую похвалу. Точнее, никакой похвалы-то и не было, но реакция Тумана была весьма красноречива.

— Очень странно. Их не должно было быть столько. Оул, они усиливают отряды. Боюсь, подготовка ко Вторжению набирает обороты.

— И что нам делать?

Туман смешно пожал... Плечами?

— Готовиться.

— Практика, Туман! — чуть ли не взмолился я. — Мне очень нужна практика. А Хранители есть на всех станциях?

— На всех.

— А Едоки нападают только по ночам?

— Да.

Я улыбнулся.

— Хорошо.

— Будем считать, что я не раскрыл твой план.

— Будем считать, что я забыл, как ты умеешь читать мысли.

Хорек потянулся и лениво прошелся к краю стола, поближе ко мне.

— Кстати, однажды на одной из станций Хранитель проспал. Он просто забыл завести будильник.

— И что с ним стало?

— Едоки спокойно пробрались через станцию и пожрали мечты людей, полностью опустошив городок. Такое бывает. Ты наверняка знаешь о существовании всяких заброшенных и покинутых городов, где люди по каким-то необъяснимым причинам скоропостижно скончались или массово разъехались кто куда? В некоторых случаях это дело рук Едоков.

— Что они способны сделать с человеком?

— Ты уже увидел. Они не убивают, нет. Но делают много хуже. Лишают людей фантазий и грез. Превращают их в пустые сосуды. Им гораздо удобнее нападать на человека, чем использовать *порталы*, но кто же их так просто пустит к людям?

— А нас, Хранителей, они могут убить?

— Нет. Но они точно так же воздействуют на наши мечты, ломают их, жрут и от этого становятся только сильнее. А человечиной как таковой они не питаются. Прежний Хранитель Дружбино вообще попал под колеса их поезда.

Я вздрогнул.

— Что такое? — насторожился Туман.

— Н-нет, ничего. И что с ним стало?

— Превратился в куклу. Безвольную и бездушную. А вскоре умер.

— Но ты же сказал, что Едоки не убивают!

— Да. Но долго ли человек протянет без мечты?

Вскипел чайник. Я повернулся, чтобы взять кружку, и вздрогнул. В дверном проеме застыла высоченная фигура, сильно похожая на Едока. Я беспомощно посмотрел за спину, но хорька и след простыл. Книги так и остались лежать, дразня своими потаенными фантазиями.

Фигура сделала шаг вперед.

— БОЖЕ МОЙ! — в сердцах выпалил я, едва не рухнув от облегчения.

— И тебе привет, друг! — кузнец выглядел довольным собой. — Ну что там с дровами? С кем это ты разговаривал, кстати?

— А спросил у мира, повзрослеешь ты когда-нибудь или нет?

— Правда? А что мир?

Я скривил губы и показал на Ивана.

— Как видишь... А еще он, кажется, сказал, что ты безнадежен.

Иван расплылся в улыбке.

— Гы, я могу! Правильно Мишка сказал. Чудной ты стал.

— А где он, кстати?

— Дома остался. Я зашел за ним, а у него дела там какие-то с отцом.

Я кивнул. Наверное, решил побыть с дядей Володей, а уж Ивану ничего не сказал. Тоже правильно. Я понимал Тина и испытывал те же порывы, но, признаться, долго находиться в обществе бабушки и дедушки было тяжело. Да что там! Сама Дымчатая давила, будто нависший над головой камень, подпираемый гнилой балкой.

— Какао будешь? — предложил я.

С прошлого года в лесу, что окаймлял Дымчатую, лежало множество чурбаков и нераспиленных стволов деревьев. Что-то осталось после лесников, что-то кучковалось на местах делянок. Прихватив топор и пилу, мы с Иваном отправились на поиски тех самых мест, надеясь, что за год ничего не растащили. По лесу шла старая дорога, заросшая и едва угадывающаяся, но колея никуда не делась.

— Сложим все в несколько кучек вдоль колеи, а вечером проедемся на мотоцикле, подберем. Достану его из гаража ради такого. Тридцать восемь лет уж не заводил.

Я кивнул.

— Начал тебе вчера делать держатель, — сказал Иван. — Хороший получится, тяжеленький такой.

— О, спасибо большое!

— Не пойму только. Ты так много читаешь... И зачем это все?

С ответом не пришлось раздумывать.

— Вот ты умеешь летать? — в ответ на мой вопрос кузнец покачал головой. — А я умею. Я был в сотнях мест, общался с разными людьми, видел стольких монстров, что не счесть... Я знаю, как вести себя в той или иной ситуации и почти уверен, что смогу найти подход практически к любому человеку. Кто еще расскажет о себе лучше, если не сами люди? Да и вообще...

Я вспомнил, чем для меня стало чтение *сейчас*. Работа, вооружение, патроны. А сам же я был чем-то вроде пистолета и стрелка одновременно.

— А как по мне, лучше ни с кем не общаться и найти себе настоящих друзей! Таких, как вы с Мишкой. Хотя вот он сегодня ответил мне так... Ну, не знаю. Но ты бы да, ты бы понял, почему. Ты ж книги читаешь.

До сих пор гадаю, было ли последнее предложение поддевкой или нет.

— Да просто Мишке сейчас тяжело. У него отец тоже того... Как и почти все дымчатые.

— А что с ними?

— То же, что было с тобой. Пропало желание чего-либо. О! Иван! Ты помнишь, что с тобой было? Ощущения и прочее.

Кузнец пожал массивными плечами и отогнал мошкару.

— Да что вспоминать? И вспоминать нечего. Когда ты пуст и в голове ни мыслишки, что тебе вспоминать? Самое яркое — это когда меня будто разбудили. Ну, когда сорвался в деревню. Оно как нахлынуло, вот. Странно и необычно. Неужели так со всеми дымчатыми?

— Как видишь. У них похитили мечты. Они существуют, сами не зная зачем. Таким же стал и дядя Володя. Не вини Тина — ему и так трудно. И знаешь... Я верю, что мечты вернутся, — добавил я, потому что знал, что в покое это все я не оставлю.

Иван покосился на меня, но ничего не ответил. Наверное, теперь я казался ему еще страннее. На фоне имеющихся проблем это было мелочью.

Под ногами шуршали листья клена и дуба. То и дело мы натыкались на паутину, что противно облепляла лицо. Как будто это была одна и та же нить, что старалась обогнать нас и врезаться еще раз, дабы создать новые неудобства. Тут и там подобно не успевшему растаять снегу лежали клочья тумана. Они неторопливо плавали по лесному покрову, словно корабли.

— Классно, а? — Иван вертел головой, пристально вглядываясь в дрейфующий туман.

— Сказочно... — пролепетал я и чуть было не споткнулся о выглядывающий из-под земли корень. — А раньше, говорят, не было тумана. Видел старые фотки, и ничего нет.

— Да. Как-то он неожиданно возник, словно по щелчку.

Словно по щелчку... Иван значит, тоже заметил. Что же за всем этим кроется? Разгадка так и не найдена. Но я отыщу ответ.

Мы переходили от делянки к делянке, складывали в кучку дрова или перетаскивали поближе к дороге те, которые так и не забрали. Я с ужасом смотрел на все новые горы чурбаков, пугаясь будущей работы. *Эдак я и книги читать не поспею!*

— А где Ленка-то? — тяжело спросил Иван, переводя дух после распиливания толстого ствола липы. — Обычно ж в это время она тут. Тебе, наверное, совсем грустно, да, Сань?

— Да, в обычное, — кисло заметил я, сам не зная почему — разозленный. Последнюю фразу кузнеца я проигнорировал.

Он округлил глаза.

— Что, ее тоже шарахнуло?

— ЗАТКНИСЬ!

Это слово вырвалось из меня подобно арбалетному болту, запущенному ребенком. Так же внезапно и неожиданно. И, подобно арбалетному болту, оно ранило. Иван сдвинул брови и посмотрел мне прямо в глаза.

Я не отвел взгляд. Слышал, как тяжело дышу, и дыхание мое вырывалось с тихим рычанием.

— НЕ СМЕЙ, ПОНЯЛ МЕНЯ?! — добавил я не своим голосом.

Иван сделал шаг вперед. Кулаки сжаты. *Сейчас будет драка? Да пожалуйста! Я готов. ПОТОМУ ЧТО НЕ НАДО ГОВОРИТЬ ГЛУПОСТЕЙ!*

Я тоже шагнул навстречу Ивану. Повисла тишина. Наши ноги опускались тихо-тихо, но даже они казались сейчас громче пролетающего над самой головой вертолета. Иногда к этим звукам примешивалось дыхание, вальсирующее на грани хрипа и рыка.

Иван поднял руку и незаметным движением опустил на мое плечо, крепко стиснув пальцы.

— Прости.

Сколько вины, сколько расстройства было в его глазах!

Я стоял и не мог пошевелиться. Тело одеревенело. Лицо горело — это «прости» было звонче и обиднее пощечины.

— Прости, Саша, — напряженным до предела голосом сказал Иван.

В его тоне было что-то, что сорвало мои оковы. Я понял, что снова могу шевелиться. И я крепко обнял кузнеца.

— Прости, Ваня...

***

После той ситуации я понял, что больше не могу.

Поеду в Сосновку. Я должен увидеться с Леной и познакомиться с Хранителем. Туман, как всегда, пропал. До ночи времени полно. Книжку возьму с собой, по пути наберусь всяких фантазий. А на обратном пути их заучу. Делов-то.

Я заскочил домой проведать бабушку с дедушкой. Они сидели перед телевизором, неопрятные, помятые, словно расправленные из мятого куска бумаги фигурки оригами. День ото дня ничего не менялось. Желания готовить и выглядеть опрятно у них почти не осталось. На полу в кухне крошки, из кастрюль пахло не так вкусно, как раньше. О выпечке пора забыть. Конечно, в кукол, каким стал тот Хранитель с Дружбино, они не

превратились. В конце концов, ро-ро — те же самые люди, что и раньше, просто без мечты внутри. Насколько же они жили мечтой, что, лишившись ее, стали безвольными оболочками?.. И что это были за мечты?

Но долго ли человек протянет без мечты?

— Бабуль, дедуль, вам что-нибудь надо? — спросил я самым обычным тоном, словно не было на их лицах густой тени, а в глазах — пустоты.

— Нет, — нескладно ответили они.

— Ну хорошо. Я до Сосновки доеду. Лену повидать.

— Да, — сказала бабушка.

— Хорошо, — сказал дед.

Проглотив ком в горле, я все же улыбнулся и поцеловал каждого в щеку, после чего попрощался и помчал на вокзал. Я знал расписание наизусть. Что до Сосновки, что обратно. Почему? Потому что каждый день ждал ее. А она не появлялась.

На платформу я вбежал вовремя — в моей сторожке электрички и поезда были слышны издалека. Опоздать нереально. Однако я с неприятностью осознал, что звук приближающегося состава нервирует меня и злит, настраивает на боевой лад и заставляет быть предельно сосредоточенным. Я вошел в вагон и долго не понимал, почему на меня косятся немногочисленные пассажиры. Ответ пришел не сразу — нахмуренные брови и стиснутые до скрипа зубы. Ну и видок, должно быть, у меня.

Расслабившись, я натянул улыбку и сел к окну с солнечной стороны. Из рюкзака, который всегда сопровождал меня в поездках, я выудил пухлый томик «Омута радуги». За этой книгой я охотился с третьего класса. Гуляя с родителями или друзьями по городу, я непременно заглядывал в попадающиеся на пути книжные или всякие развалы в надежде найти увесистый фолиант с переливчатой обложкой. Под разным углом она приобретала совершенно иной цвет, при этом за, казалось бы, однотонной пеленой скрывалась та или иная сцена из книги. Удивительный труд — хитросплетения фантастического калейдоскопа, порожденного авторской мыслью, витки сюжетных линий и невероятные пейзажи с детальной проработкой мира. Это была моя настольная Библия. Мое сокровище. Мой склад и ориентир. Бесценок. Сколько раз я ее перечитывал? Не ответят даже потрепанные уголки страниц и видавший виды корешок.

Покидать Дымчатую было удивительно. Это лето стало таким насыщенным, что я напрочь забыл о существовании чего-либо вне туманных границ нашей деревушки. Поезд

словно вошел в новое пространство, широкое и просторное. На мгновение меня даже охватили паника с беспокойством — до того я привык к тесному мирку Дымчатой.

До Сосновки не больше двадцати минут езды, и это время я решил посвятить «Омуту радуги». Совершенно неважно, сколько тебе отведено на чтение — эта книга изобиловала фантазиями и была неисчерпаема.

Я бегло пролистывал страницы, пробуждая те или иные воспоминания. Пересказать книгу было трудно, но как только я прочитывал одно—два предложения, эпизоды оживали, а с ними — и мои воспоминания.

Теперь же на лице обосновалась неподдельная улыбка.

За неполных двадцать минут я вооружился пятью крепкими фантазиями. И я бы не хотел распрощаться с ними так просто. Больше никаких ошибок. Главный герой «Омута» умел передвигаться по радуге. Это было его мостом, его подвесными дорожками и просто местом уединения. Мне не составило труда адаптировать эту фантазию под себя. Правда, я долго колебался, поскольку расставаться с ней совсем не хотелось — она была невероятной красоты. Я понимал, что впечатлить этот эпизод меня больше не сможет... Но мне надо было вооружиться. Чем-то проверенным и сильным. *Радуга* стала первым донором.

Следующие фантазии были столь же проверенными, сколь и любимыми — сдвиг земной орбиты во избежание столкновения с метеором, умение делать тело невесомым на несколько секунд, путешествие по глубинам океана в сферическом аппарате и умение видеть потоки ветра и при помощи них управлять движением лодки — нужно лишь потянуть за воздушные канаты.

Радуга, *орбита*, *я-невесомый*, *океан* и *потоки ветра*. Мое новое оружие. И, надеюсь, куда более надежное.

Сосновка представляла собой поселок городского типа, почти все население которого работало на небольшом рыбном заводе, построенном недалеко от Верного водохранилища. Что удивительно — над ним никогда не было тумана, только в редкие-редкие дни. Это еще раз подтверждало мое предположение, что Дымчатое — место странное, и тамошний туман далеко не так прост, как кажется.

Сосновку обступали густые — СЮРПРИЗ! — сосны, которые также любили выращивать местные жители у себя во дворах, отчего каждая улица пахла хвоей, смолой и новым годом. В самом центре стояло несколько пятиэтажек (и никаких сосен!), в одной из

которых, кстати говоря, Лена и жила. Вообще-то после Дымчатой здесь было слишком многолюдно и цивилизованно, потому что у нас в деревне и машины-то практически не встретить, а уж дом выше двух этажей — и подавно. Пятиэтажки соседствовали с центральной аллеей, по которой в праздники маршировали кадеты. Из достопримечательностей поблизости — площадь и большой красивый храм. Лена часто жаловалась, что ей мешает колокольный звон, и дни, проведенные в Дымчатой, были для нее настоящим счастьем. Именно потому меня и заботил вопрос: почему же она все еще не приехала?

Из электрички я выбежал счастливый. Проигнорировав ступеньки, я спрыгнул на платформу и помчал прочь с вокзала, а люди оборачивались и смотрели на меня, как на дурака. Нужно было всего-то перейти дорогу и бежать прямо по аллее, ориентируясь на золотой купол храма.

Привет, Лена! Это я, Саша.

Привет, Ле! Чего давно не приезжаешь?

Эй, Ленка, совсем занятой стала?

Лена, когда приедешь?

Вот, сам приехал. Сюрприз, что ли...

Лена, я скучал.

В голове роились тысячи вариаций приветствия. Впервые в жизни я нервничал и не до конца понимал своей мотивации. Хм, и нервов тоже. С Леной никогда не возникало проблем, она была, что называется, моим человеком, но почему я так нервничал и переживал?

Как она воспримет мой приезд? Никогда еще я к ней не приезжал один. А если она больше не хочет со мной дружить? Если Дымчатая ей больше не интересна? Нет, глупости!

Осталось пробежать два дома, и я сбавил ход, чтобы восстановить дыхание. Еще не хватало явиться к ней раскрасневшимся и мокрым от пота! Не сказать, что я устал — выложенную плиткой аллею укрывали высокие каштаны и туи (ну, это если не считать сосен), журчали мелкие фонтанчики, и вообще все было умиротворенно и дружелюбно.

Я поймал себя на мысли, что иду и улыбаюсь. Встречным людям, кадетам, детишкам в песочницах или таким же, как и я, отдыхающим от школы. И все улыбались в ответ. Не то что в Дымчатой. Да хоть где! По-моему, Сосновка была самым дружелюбным местом. Мне всегда казалось, что Лена живет в особом мире, где нет зла и негатива: ведущие в подъезд двери распахнуты, окна настежь, во дворах сушится белье, все чисто и аккуратно, никакого

мусора, никто не повышает тон... Своя маленькая идеальность, которая вращалась вокруг Лены. Вселенная чистоты и добра. *Ее* Вселенная.

Наверх. По истертым ступеням на четвертый этаж. Каждая ступень — фраза приветствия. Каждый шаг — растаптывание фразы.

Почему так нервно? Почему колотит? Это же Лена... Да что со мной?

Казалось, прошел год, прежде чем я замер перед ее дверью.

Раз царапина, два царапина, три, четыре, пять...

Пришел я в себя, когда счет дошел до трехсот тридцати семи. Тогда я понял, что это уже слишком. *Хватит трусить. Пора звонить.*

— Импровизируй, — шепнул я себе и положил палец на кнопку звонка.

Обычно вместе со звонком слышался быстрый топот, который становился все ближе. А потом резко раскрывалась дверь, и широко улыбающаяся Ленка начинала кричать, и успокоить ее могли лишь мои крепкие объятия — я частенько не рассчитывал сил и неумышленно делал ей больно. По словам Лены, я мог сломать ей позвоночник больше десяти раз. Как бы то ни было, я всегда обосновывал это крепкой дружбой. И тем, что сама Лена — невероятно хрупкая и тонкая, как тростиночка.

Я улыбнулся и нажал на кнопку. Раздались птичьи трели. В преддверии совсем скорой встречи сердце заколотилось. Стало очень холодно. Не так, как перед поездом с Едоками. Холоднее.

И когда я услышал шаги, мне поплохело. Это не были быстрые шаги моей подруги. Медленная тяжелая поступь. Ноги шаркали по скрипучему полу, и все это сопровождало недовольное кряхтение.

Что-то не припомню, чтобы у Лены тут была бабушка. Или дедушка. Они жили далеко, а сама Лена делила квартиру со своей старшей сестрой. Но та не была настолько старшей, чтобы кряхтеть и еле поднимать ноги.

ОНА НЕ МОГЛА СТАТЬ ТЕНЕВИКОМ!

Щелкнули замки, медленно отворилась дверь. В проеме возникла тучная женщина с седыми нечесаными волосами, несколькими слоями подбородка и тремя длинными черными волосами, что торчали из него, словно антенны.

— З-з-здравствуйте... — я замешкался.

— Драсьть, — лениво бросила женщина, поправляя грязный халат.

— А Лена? Где Лена?

— Какая Лена?

— Здесь живет Лена... — неуверенно сказал я.

Может, ошибся? Да нет — вон же разрисованные ей стены, вон сова и кенгурёнок, вон пейзаж с радугой, на котором сидели парень и девушка. Это точно ее квартира.

— А-а-а! Та девчонка странная?

— Да!

— Ну, она съехала. Не живет тут больше.

— Как? А... А где она теперь?

— Не знаю. Не докладывала.

— А...

— НУ ЧТО ЕЩЕ? — нетерпеливо спросила она, обдав нещадной дозой перегара.

— Н-ничего.

Дверь захлопнулась с такой скоростью, что меня чуть было не снесло. Из-за двери донеслось приглушенное «до свидания».

Я постоял, посмотрел, посчитал царапины, сбился на девяносто седьмой, и только потом до меня дошло.

ЛЕНЫ НЕТ.

И где ее искать — непонятно. Радость, волнение, предвкушение... Все рассыпалось.

Лена тут больше не живет...

Интерлюдия 7

Два дня назад

Как же часто ему не хватало мамы. Он так мало успевал! Особенно теперь, когда отец стал *не таким*. С тех пор как мама ушла, их обоюдное увлечение техникой превратилось в поддержку друг друга. Постоянное общение, обсуждения, совместные проекты и грандиозные планы на будущее — все это отвлекало и не позволяло им углубиться в горе.

Со временем боль утихла. А ноющее в груди чувство осталось. Папа был прекрасен, но ни один отец не заменит маму. Дело не в умениях. Скорее, важна духовная связь. Зато ему никто больше не запрещал отращивать волосы. Тин старался найти плюс везде, даже в самой страшной ситуации.

Он повзрослел очень рано. Научился готовить и быть самостоятельным. Независимым и, как он любил говорить, автономным. Правда, последние дни очень плохо спал. После того как отец отвез запчасти Винтика, Мишка не на шутку перепугался, что останется один. Навсегда. После смерти мамы это стало его фобией. Жуткой, изъедающей. Сашка говорит, что все наладится, но он такой странный теперь, что воспринимать его слова за чистую монету нерационально.

А можно ли объяснить рациональностью и наукой то, что они видели тогда на платформе? Тин убегал от этих размышлений. Он ничего не понимал и не мог понять, а вот Сашка... Он как будто что-то знал. И стал еще более загадочным.

Тин как раз домывал посуду, когда услышал в комнате глухой звук.

«Отец», — обреченно подумал Мишка и вышел из кухни...

...Чтобы обнаружить лежащего на ковре человека с пустыми глазами и темным лицом. Этот человек когда-то был его отцом.

Мишка стиснул зубы и резким движением поставил отца на ноги.

— Ну, ты чего пап?

— Ничего.

— Все хорошо? Не ушибся?

— Нет.

— Поможешь мне с велодрезиной?

— Не хочу.

— Ладно. Я пойду скоро.

Он забыл смыть средство для мытья посуды и вытер мокрые глаза.

«Ого, оно щиплется», — подумал мальчик перед тем как разрыдаться.

***

Он закончит велодрезину. Во что бы то ни стало. Ему не нравится скептический взгляд Оула. Он докажет. И потом, когда папка вернется, Тин похвастается ему. Как хорошо, что вернулся Иван. С ним общаться намного проще, пусть он и не восприимчив к элементарной арифметике.

***

Ему снился странный сон. Он был на заводе, в тени куста черемухи, который почему-то был увит туманом. Повсюду груды металла — велодрезина (разобранная), пружины, какие-то мечи и металлические части тела. Они принадлежали Винтику.

Во сне было очень холодно. Туман превратился в клубы синего дыма с запахом гари. А Тин стоял и беспомощно озирался. Внезапно дымка завихрилась и...

— Папа! — выкрикнул Мишка. — Папа!..

Его лицо было плоским. Глаз не было. Губы что-то шептали, но Тин не мог ничего разобрать.

— Папа, вернись! Мне плохо без тебя!

Лицо папы расплылось в кошмарной улыбке. Рот распахнулся, и оттуда показался язык. Черный. Нет, серый. Он издавал странный шелестящий звук. Язык рос, пока не стал размером с трубу двух метров в диаметре.

У Мишки пропал дар речи. Чудовищная пародия на отца пригвоздила его к месту. Он не мог сделать ничего.

Гигантский хобот поглощал в себя то, что было вокруг Тина. Все железки, каждая полезная мелочь, банки с гайками, ключи, Винтик, велодрезина — все исчезало в клокочущем нутре серого *тоннеля*.

Очередь дошла до Мишки. Труба приблизилась к нему, и мальчик почувствовал, как лицо пронзает иглами. Его оторвало от земли, закружило. Мир стал удивительно серым и плоским.

***

А потом все исчезло. Он проснулся и понял, что не хочет ничего. Достало. Надоело. Дрезина? Да плевать. Зачем куда-то идти?

Утром раздался звонок в дверь. Иван.

— А, привет.

— Здорова, Ты чего смурной такой?

— Да нормальный я, ты чего?

Иван замешкался.

— Так это... К Саньку пойдем?

— Я, наверное, нет. Не хочу. Точнее, дела. С отцом надо... Ну, надо.

Как хорошо, что это устроило Ивана и он ушел.

Он хотел покоя и безмятежности.

Покой и безмятежность — это когда ничего не хочешь.

И Тин не хотел. Больше ничего не хотел.

Глава 8

Хранители Грез

25 июня.

Я сидел на ступенях, обхватив голову руками. *Лена исчезла. И что делать — непонятно. Куда она делась? Почему? Помнится, прошлым летом она заявила, что ей кое-кто нравится. А что, если... Ну нет! Как так? НЕ МОЖЕТ БЫТЬ. Но ведь она так хитро мне улыбнулась! Я должен был понять. Получается, что...*

Страшно было признаться в том, что я осознал. Отказываясь верить в это, я ударил кулаком по стене и побежал вниз. Мир больше не казался таким дружелюбным. Я видел обшарпанные фасады и прилипшую между плитками серую жвачку, трещины на бордюрном камне, брошенные мимо урны фантики. Мир изменился. За одно короткое мгновение. И та женщина в халате была родоначальником изменений. Она испортила *все*.

Во мне кипели злоба и несправедливость. Была ли эта злость на Лену или на саму ситуацию — так и не понял. Остался только осадок, что меня обманули. Исчезнув, Лена забрала с собой ТОТ мир. И никто больше не улыбался. Вот не хватало только пойти дождю, чтобы уж совсем наверняка усугубить ситуацию.

Ритмичным шагом я направлялся к вокзалу. Лежащая в рюкзаке книга била по пояснице. Издалека было видно табло вокзала, и я прикинул, что до приезда электрички в сторону Дымчатой оставалось двадцать пять минут. Где-то к четырем вечера я должен буду приехать к себе. Не хотелось ни к местному Хранителю, ни домой. Никуда. Как будто все потеряло смысл. *Найду еще здешнего смотрителя. Потом.*

На вокзале купил мороженое в вафельном стаканчике и сел на лавку в ожидании поезда. Пахло углем и легкой гарью. Не так, как после смерти Едоков. Повсюду сновали люди, бабушки сверяли часы и готовили тележки с пирожками и холодными напитками. Здесь проходили не только пригородные электрички, но и поезда дальнего следования, отчего и путей тут было не две пары, как в Дымчатой, а гораздо больше.

Вытянув ноги, я смотрел на пути, ничего, в общем-то, и не замечая. Даже вкус мороженого почти не ощущался. Рюкзак я положил на колени, чувствуя, как «Омут радуги» давит на них. Как будто обилие вложенной в книгу фантазии делало ее еще тяжелее.

Я хмурился. Хмурилось и небо.

Может, оно реагирует на меня?

Большой переход через пути напоминал опрокинутую букву «П». Странно, но мороженое совсем не лезло. Мне было некомфортно. *Слишком громко. Много людей. Что толку от них, если это ДРУГОЙ мир?*

Внезапно мои глаза накрыли ладони. Нет, ладошки. Именно ладошки. Прохладные и аккуратные. Дружелюбные. Их прикосновение к моему пылающему лицу вызвало внутри настоящий снежный буран. Но я не дрогнул. Запахло озоном. *Тот самый запах.*

— Какие мы стали серьезные, — прошептали на ухо.

Я знал этот голос, таящий в себе добрую смешинку. Я знал это дыхание. Оно всегда пахло родниковой водой. И не надо было убирать ладошки, чтобы взглянуть на мир и понять, что он снова изменился. Он *вернулся*.

— Лена...

Я хотел было схватить ее ладошки, но забыл, что держал мороженое. Лена оказалась проворнее — она успела убрать руки, и я попал себе в глаз.

— Саша! — Лена залилась чистым искрящимся смехом.

Вскочив, я с напускной злостью выбросил мороженое в урну и посмотрел на Лену. Она была в джинсовой юбке до колен и фиолетовой тунике, а вместо привычных кроссовок — изящные сандалии, сделанные как будто из лозы. Ее длинные темные волосы свободно падали на спину, укрывая под собой тонкие плечики, и просторная туника лишь подчеркивала изящность и точеность фигуры Лены. Она напоминала эльфийку. У нее были очень маленькие и аккуратные черты лица. И ОГРОМНЫЕ ГЛАЗА. Они были особенными. Какого они цвета? Пожалуй, подошло бы слово «многослойные». Цвета расходились подобно концентрическим кругам — серые, зеленые, карие, голубоватые... Это были удивительные глаза. Впрочем, как и сама Лена.

Взор затуманило что-то белое.

— Ой! — я не сразу понял, что это салфетка, которую протянула Лена.

— Держи, дурачок, — сказала она, широко улыбаясь.

— Спасибо... Что-то я...

— Засмотрелся? — хмыкнула Лена.

— Да! — вырвалось у меня. Я чуть было язык не проглотил. — Точнее... Ну...

Лена обернулась. Встрепенулась копна темных волос. В них как будто плясали золотистые искорки. А Лена уже вновь повернулась ко мне, порождая новый темно-золотистый шлейф, от которого исходили волны озона.

— Да, — наконец, заключила она. — Мне тоже нравится, как отреставрировали здание. Заглядение!

И только сейчас до меня дошло то, чего я не заметил ни по приезду, ни когда возвращался к вокзалу и ходил по нему — новый облик главного здания, свежий, аккуратный, заделанный под старину.

— Ничего себе... — пробормотал я.

Лена улыбалась. Широко-широко и очень по-доброму. В этой улыбке было что-то превосходное. Превосходное в том плане, что такое бывает у матери, когда она смотрит на своего ребенка. Меня удивило это сравнение, ведь Лена была всего на два года старше меня.

А еще на ее красивом лице не было ни намека на тень.

— Ну, здравствуй, вообще-то? — нетерпеливо произнесла она и развела руками.

Молча, без всяких слов, я прильнул к ней и заключил в объятия. Я обнял слишком жадно — Лена чуть вскрикнула. Я испугался, что сломаю ее худое тело.

Лена обхватила меня за шею и положила голову на плечо. Меня обдало запахом свежести и грозы. Как она это делала? Настоящая фея...

— Я соскучилась... — прошептала она.

— Я тоже, Лена.

Странно.

Мы никогда так не здоровались. Скорее, это всегда было чем-то вроде ребяческих дурашливых объятий с последующими шутками. Мог ли я сказать, что сейчас все было точно так же? Вряд ли.

Немного неряшливо и топорно я высвободился из объятий и посмотрел ей в глаза.

— Ой... Ты чего нахмурился?

— Почему ты больше там не живешь?!

Это вышло громче, чем я думал. Злее, чем я думал. Ревнивее, чем я... Ревнивее? Но ведь она сама говорила, что ей кто-то нравится!

— Саша, все не так просто... — Лена запнулась.

— Ага, — безучастно сказал я и опустил взгляд.

— Ну что вот «ага»? Ты же даже не знаешь!

— Лучше бы и не знал.

— Да, Саша, лучше! — импульсивно сказала она, заставив почувствовать меня виноватым. Сам не знаю, за что.

— Все ясно.

Значит, я прав. И у Лены кто-то появился. Надо ли винить ее за это? Но на каком основании? Но и желание общаться дальше у меня странным образом испарилось. Я чувствовал себя оставленным. Покинутым. Брошенным. Сперва бабушка с дедушкой, потом Тин, ушедший в себя, не знающий ничего, кроме дрезины. Теперь вот Лена...

— Да ничего тебе не ясно! — обиженно выкрикнула она.

Я с удивлением увидел в ее глазах слезы. Мне почему-то стало стыдно, хотя чувствовал я себя ничуть не лучше Лены.

— Где ты живешь.

Я не столько спросил, сколько произнес, просто чтобы сказать хоть что-то. Не уверен, что меня интересовал ответ. Я сидел на скамейке, обхватив «Омут радуги» прямо через рюкзак, будто меня бросили в океан, а книга была единственным плотом, способным сохранить мне жизнь. Лена стояла рядом и смотрела на меня полным горечи взглядом. Мы молчали.

— Са-а-аш...

Я не ответил.

— Саша! — настойчивее повторила Лена.

— Что? — не сразу отозвался я.

— Пойдем.

Лена подошла ко мне. Легко и *свободно*, будто по воздуху. Она схватила меня за руку и потянула. Конечно, в ней не было столько силы, чтобы поднять меня, равно как и я не находил в себе сил сопротивляться. Я встал и посмотрел на Лену сверху вниз — она сдвинула бровки к переносице и выглядела, мягко скажем, обиженно. При этом она вздернула нос и повела меня к вокзалу. С таким отчаянием, с таким упорством, что я едва поспевал. И в то время как рюкзак стучал по спине, у Лены ни один волос на голове не шелохнулся. Опутанный ароматом свежести, я шел за ней.

— Куда ты меня тащишь? — выдохнул я, когда мы вошли в здание вокзала.

— Тихо.

Вряд ли в ее интонациях сквозила злость. Скорее, обида и нетерпение. Все еще держа за руку, Лена повела меня через весь зал, мимо скамеек и клюющих носом пассажиров.

Перед кассами она свернула налево, как раз туда, где возле ведущей на второй этаж лестницы за столом сидел охранник. Когда мы приблизились, он поднял голову и приветливо посмотрел на Лену, потом взглянул на меня и нахмурился.

— Брат приехал в гости! — бегло сказала Лена и шмыгнула мимо охранника вверх по лестничному пролету.

— Не понял... — сказал я.

АХ БРАТ?!

— Не понял он! — совершенно беззлобно сказала Лена. — Поймешь.

Здесь я никогда не был. Вообще-то это место отведено администрации и охране для ночевки. Также я слышал, что здесь располагались гостиничные привокзальные номера для тех, кому надо переждать ночь или пробыть в Сосновке несколько дней.

Лестница привела нас на площадку с высокими окнами и целым лесом растений. На полу, подоконнике и полках стояли горшки с рослыми пальмами, кактусами и папоротниками, пустившими длиннющие лозы. С площадки вели два коридора: один в сторону гостиничных номеров, второй — в административную часть. И свернули мы именно туда.

— Что ты творишь? — громким шепотом спросил я.

— Увидишь!

Мы проходили мимо закрытых дверей с табличками «бухгалтерия», «справочная», «хозблок», «завхоз», «кладовая», «столовая» и еще несколько, пока не дошли до последней. В этом месте коридор изгибался и делал небольшой крюк — к запасному выходу. Мы с Леной застыли в немом ожидании перед дверью, на которой было написано вот что: «Перелесов Антон Степанович».

— Хм.

Я был уверен, что уже слышал это имя. По крайней мере, в памяти что-то шевельнулось. *Но что и от кого?*

— Кто это, Лен?

И только сейчас она отпустила мою руку, оставив на коже ощущение прохлады. Я посмотрел на Лену — довольная улыбка и частое дыхание, на щеках появился легкий румянец. Она достала из маленького кармашка юбки ключ и открыла дверь.

— Пойдем.

За дверью оказалась... Настоящая квартира! Просторная прихожая, слева — небольшая, но уютно обставленная комната, справа — кухня, а между ними была еще одна дверь, ведущая, видимо, в ванну.

Пахло лавандой. Это был один из любимых запахов Лены.

— Это что значит? — спросил я. Не то потрясенный, не то возмущенный.

— Это мой новый дом! — радостно сообщила она.

Она скинула сандалии и побежала в ванную мыть руки. Я проследовал за ней машинально, хотя и куда медленнее — Лена уже выбежала оттуда.

— Проходи, не стесняйся!

Я вымыл руки и вошел в комнату. На стенах — многочисленные рисунки. Кое-какие я узнал, потому что читал те же книги, что и автор картин, вдохновившийся ими. Собственно, я-то эти книги и советовал.

Лена стояла в центре, возле сложенного дивана, и держала руки за спиной. И нетерпеливо переминалась с ноги на ногу. Она едва ли не светилась от переполнявшей ее радости.

— Что? — я не мог не улыбнуться, глядя на нее.

— Держи, это тебе! — воскликнула она и протянула два скрученных ватмана.

Я бережно взял листы.

— Ой, Ленка... Спасибо!

— Здесь много часов моего внимания, сосредоточенности, фантазии, здесь мириады мыслей о тебе и твоих книгах. А еще здесь лунный свет, при котором эти картины и писались. Думаю, они пахнут луной, как думаешь?

Я собрался было развернуть картины, как делал это обычно, но... Но я положил их на диван и крепко обнял Лену. Озон и свежесть. Мне хотелось вдохнуть эти запахи. Вдыхать снова и снова. Хотелось чувствовать, какая она хрупкая. Лена приподнялась на цыпочках и обвила мне шею. Снова. Какая радость.

— Спасибо, спасибо... — шептал я, даже не подозревая, каким казался дураком. Запах озона опьянил меня, и не было на свете ничего другого...

Пока я не вспомнил, что мне тоже необходимо что-то подарить. Этой традиции было уже много лет, и мы с Леной неизменно обменивались подарками каждую встречу. Столько раз, столько лет... И я взял и нарушил традицию. Я так хотел увидеть Лену, что ПОЗАБЫЛ ОБО ВСЕМ. Мне не нужны были оправдания. Но... Разве мог я объяснить ей, что мне не надо *ничего* — ни подарков от нее, ни поиска подарка для Лены? Разве мог я сказать, что

увидеться с ней — уже подарок? Нет. Именно потому меня так ошарашила собственная оплошность.

— Ай... Больно.

По-видимому, в припадке паники я сжал Лену крепче дозволенного. Она отстранилась и посмотрела на меня с выжиданием. Честное слово, я не мог сказать, о чем было ее ожидание: о врученном ей подарке и моей реакции на него или о том, что подарю ей я.

А у меня... Я стоял как дурак и смотрел то на Лену, то на два рулона ватмана. И молчал. Однако решение нашлось быстро.

— Я сейчас!

Вышмыгнув из комнаты, я подбежал к рюкзаку и одним движением раскрыл его. Пальцы вцепились в книгу так, как мог вцепиться в протянутую руку помощи зависший над пропастью человек. И я в очередной раз осознал, что эта книга для меня — больше, чем просто роман. Это мой спасательный круг.

— Ты снова выручил меня, дружище. Спасибо тебе! — шепнул я, в последний раз проводя ладонью по яркой обложке «Омута радуги».

Лена стояла на том же месте. Ее глаза искрились любопытством, когда она увидела меня, сжимающего за спиной книгу.

Я подошел к ней и, вдохнув, протянул подарок.

— Держи. Это настоящий склад миров и фантазии. Это сундук с эмоциями, это мой спутник, который помогал мне и выручал. Каждая страница пропитана моим внутренним миром и переживаниями. — Лена с вожделением взяла толстый томик «Омута радуги». Я обратил внимание на помятые уголки, несколько царапин на обложке и гуляющий корешок. Сам книжный блок в некоторых местах был испачкан. — Я... Я, можно сказать, обжил его для тебя, приручил, вот...

Лена смотрела на книгу, вертела ее так и сяк, и, клянусь, не было в ее взгляде ни намека на недовольство внешним видом «Омута».

— Ну... Почти что сделан своими руками, — как бы в оправдание сказал я.

— Должно быть, он многое значит для тебя...

— Очень, Лена. — *Но еще больше значишь для меня ты.* — Просто знай, что в этой книге есть и кусочек моей души. Хорошо?

Она посмотрела на меня очень серьезно.

— Конечно, Саша. Я очень ценю это.

Я с грустью отметил, что Лена меня не обняла. Мне оставалось только надеяться, что я не расстроил ее таким ПОДАРКОМ. В глубине души я должен был жалеть, что лишился такой кладези фантазий, но разве это стоило восторженных глаз Лены и ее реакции? Разве это стоило ее тонких пальчиков, которые бегали по обложке и бережно листали страницы книги? Мама всегда говорила, что ни о чем не надо жалеть. Если что-то сделано или подарено с чистым умыслом без задней мысли — тебе вернется стократ. Я же не думал ни о каком возвращении. Просто смотрел на реакцию Лены и радовался.

— Я... Я пойду сделаю чай... — сбивчиво сказала она и прошла мимо меня.

От этого запаха свежести меня пошатнуло.

— Лена! — бросил я ей вслед, так и не осмелившись взять за руку.

Она обернулась.

— Да?

Ее вид показался мне встревоженным. Как будто... Как будто она что-то скрывала.

— Лена. — Сказал я и замолк.

— Что такое?

Мы смотрели друг на друга. Она — испуганно, я — хмуро. В глубине меня бесновалась злость. И страх. За тот ответ, который мог услышать.

— Ты... Ты... Ну. В общем, ты живешь? Одна? Или как?

Мне было стыдно за эту топорность. За эти грубые рубленые фразы и сквозившую в этих интонациях злость. Лена молчала.

— ОТВЕЧАЙ! Что ты от меня скрываешь?! — требовательно сказал я, отмечая, что почти перехожу на крик.

— Да, — Лена потупила взор. На ее лице отражались мука и желание высказаться, но она сдерживала себя.

— Что?

— Одна, Саша.

Сказав, она ушла на кухню. Я не стал окликать ее и сел на диван, стараясь унять дрожь. *Почему Лена что-то скрывает? Что все это значит? Почему она так изменилась?! Неужели я сделал что-то не так? Наверное, не стоило ей дарить «Омут». Она уже взрослая, ей наверняка это неинтересно. Сейчас уже другие увлечения, и...*

Я обратил внимание на подарки Лены. Я набросился на них с жадностью голодного человека, попавшего на пир. Ватманы были перетянуты ленточками лавандового цвета.

На первом рисунке Лена изобразила водную гладь, на которой плавали дома со стеклянными крышами. Дома соединялись между собой узкими веревочными лесенками, дощатыми переходами, что держались на плаву, либо красивыми арочными мостами. Повсюду в воздух били фонтаны, ярко светило солнце, и Лена просто мастерски отразила игру света. Как будто... Как будто она выудила этот город из моей головы. Зачастую наши представления совпадали.

Я припомнил, что когда-то читал нечто подобное, но, если честно, сцена с городом меня не очень впечатлила. В своих работах Лена всегда старалась поместить меня в тот мир, о котором прочитала по моему совету. Так и здесь — я стоял, облокотившись на перила моста, и смотрел за горизонт, по-совиному склонив голову. А на искрящейся крыше одного из домов сидела сова. Это было неизменным атрибутом всех картин, которые Лена писала для меня. И я был счастлив.

На второй картине снова оказался я. Темные тона, силуэты, неясные формы и очертания предметов — то, что меня окружало. Я же стоял в тени высокого здания, лицо мое освещалось неровным светом факела. Моя фигура отбрасывала тень, которая, однако, стояла практически плечом к плечу, самодовольно скрестив руки на груди.

Кажется, об этом тоже упоминалось в одном из романов, но почему Лена выбрала именно этот эпизод? Удивительно... Ведь раньше ее рисунки были более, хм, меткими, что ли. Или изменилась не только она?

— Не нравится, да? — Лена стояла в проема, держа две кружки с чаем, и вид ее был как никогда расстроенным.

— Нет, что ты! — поспешил возразить я и зачем-то снова раскрыл листы ватмана, чтобы взглянуть на рисунки. А затем понюхал их. — А ведь и вправду пахнут луной, Ле!

Она тихо поставила кружки на прикроватную тумбочку и бесшумно прошла к раскрытому окну. Ни с того ни с сего комнату наполнило громким звуком приближающегося поезда. Лена высунулась в окно. Такое ощущение, что она во что-то всматривалась — то и дело вертела головой и прислушивалась.

И тогда я все понял. Сам не знаю, как.

— Ха!

Лена повернулась ко мне.

— А?

Я улыбнулся.

— Говорю, хранение — это важно!

— О чем ты? — Лена нахмурила брови и посмотрела на меня, как на уравнение в учебнике.

— А еще — нельзя давать много кушать. А то будет плохо. Ох уж эти едоки...

Она сощурилась, но ничего не сказала. Уголок ее рта дрогнул. Я улыбнулся еще шире.

— И откуда только у тебя фантазии столько... Рисовать это все. Знаешь, Лен, мне кажется, твои фантазии — это оружие. И они меня, ну, сразили, — заявил я, как никогда довольный собой. А потом добавил совершенно серьезным тоном: — Хоть я и не Едок.

— КАК?!

На нетвердых ногах Лена прошла к дивану и села рядом со мной. Сказать по правде, я сам до конца не мог поверить в случившееся. Слишком неожиданно.

— Правда ведь, что это единственная причина, почему ты теперь живешь здесь? — не давая Лене передышки спросил я. Это было первое, что волновало по-настоящему.

— Да, Саша. Но… Но как ты понял?

Я хмыкнул.

— А-а-а! Вот оно что! — Лена хлопнула в ладоши и повернулась ко мне. — Неужели… А ведь… А ведь да. ТОЧНО! Теперь понимаю.

— Что? — я не удержался и рассмеялся.

— Мои рисунки!

Я кивнул.

— Да, они прекрасны.

Настал черед Лены смеяться.

— Нет, глупыш! Точнее, да, но ты… Дай догадаюсь — ты начинал с книг? Фантазии, да? Читал же? И, сдается мне, я нарисовала очень метко.

— Ты хочешь сказать, что…

— Наверняка. Ты же знаешь, они стираются. Я проверяла.

— Я тоже. — Мне было не очень хорошо. Изъедал стыд, что Лена догадалась о моем впечатлении от рисунков. — Прости меня, пожалуйста.

— За что-о-о?

— За такую реакцию на подарки. Я…

— Успокойся, Саша. Все хорошо, честно. Зато мы с тобой Хранители!

Почему-то я не разделял ее радости. Совсем.

— Рассказывай давай.

Интерлюдия 8

Полгода назад

И до чего ж странный февраль!

Раз — и она уже Хранитель Грез. Так внезапно. Волнующе! Но ей очень-очень понравилось. Вот прям сразу. Красиво так — перламутровые шарики. Антон Степанович чего-то делал все неаккуратно, Лена бы даже сказала БЕЗВКУСНО. Но и он не художник, чего уж.

А началось ее приключение как-то и вовсе неожиданно. Она стояла на платформе и была снежинкой. Так всегда. Зимой она снежинка, весной — пушинка одуванчика, летом — теплый ветер, осенью — капелька дождя. Только красивая капелька, маленькая! Как она сама.

В общем, она была среди своей семьи. Смотрела и считала. И улыбалась. Иногда прерывалась. Потом продолжала, правда, прибавляя несколько тысяч. Но она предполагала, что за короткие промежутки выпадало куда меньше, потому лишние пару тысяч — это ничего, не страшно. Поезд должен был вот-вот подойти. Она любила поезда зимой, потому что в них тепло. И они такие как… Как… Как камин, вот! Только на колесах. Лена давно не была у тети. Соскучилась. И, честно говоря, по торту тоже. И по Сашке…

— Лена?

Она услышала свое имя и не обернулась только потому, что раздумывала, с какого числа продолжить отсчет снежинок.

— Лена!

Да мало ли Лен на платформе!

Она посмотрела. И вправду мало. Скорее всего, ни одной. Хм. Должно быть, зовут именно ее.

Лена припомнила звук, мысленно прочертила направление коротким быстрым штрихом и обернулась. Не ошиблась. Это был очень старый мужчина в короткой дубленке. С маленькой бородкой и удивительно серыми глазами. Ей тут же захотелось раскрасить их.

Но вместо этого она отошла в сторону.

— Лена.

Она занервничала. Ей стало неуютно. Да еще и забыла цифру. И как вот ей считать снежинки? Ведь…

— Я от дяди Коли.

— О… — Лена все-таки решила обернуться. Вряд ли он мог представлять опасность. Сейчас такой красивый снег! Никто не мог причинить зло. — Что-то случилось?

Ага, случилось.

— Меня зовут Перелесов Антон Степанович, и я…

Старый друг дяди Коли.

— Кажется, я вас видела. Я художник, и у меня очень хорошая память на лица. Идеальная, если быть точнее.

Перелесов улыбнулся. Тепло, по-доброму.

— Я здешний смотритель, — он погладил бороду, стряхивая с нее снег.

— Хм…

— Колька… Дядя Коля сказал, что я могу на тебя рассчитывать.

Да, он мог. Собственно, Антон Степанович это и сделал. И Лена познала новый мир — волшебный и таинственный. Опасный и завораживающий. Мир Хранителей Грез, Едоков и Хмури. А еще Антон Степанович предупредил, что скоро уедет. Срочно и надолго.

— Ну, как тебе это все? — однажды днем спросил Перелесов, кивая на фантали. Лена сидела по-турецки на полу и жонглировала перламутровыми мячиками.

— Класс! — восторженно сказала она.

— Тогда и заменишь меня.

— Легко!

И ей были переданы обязанности.

— Но почему именно я? — нехотя спросила Лена. Вдруг на ее месте мог оказаться любой, и она всего-то оказалась в нужное время в нужном месте?

— Я доверяю своему другу. Он никогда меня не подводил. — Антон Степанович опустил взгляд. — А больше у него никого и нет.

— Неправда! Сашка с ним дружит!

Смотритель (или Хранитель?) улыбнулся.

— Сашка… Да.

Как истинный художник, Лена заметила в его взгляде хитринку. Но ничего не сказала, потому что надо было ловить фанталь.

Обучение шло до середины апреля. Лена смеялась и радовалась. С охотой шла в школу, чтобы потом прибежать на станцию и снова погрузиться в мир чудес. Она собиралась стать крутой. Жаль, что Сашка не увидит, какая она клевая!

А потом Антон Степанович исчез. Вот просто взял и пропал. В квартире при вокзале Лена нашла записку.

«Прощай, Лена. Это было прекрасное время. Ты замечательная. Уверен, такая умница как ты прекрасно со всем справится. Извини, что покидаю тебя без предупреждения. Но так нужно. К моему прискорбию, мы никогда больше не увидимся. И мне очень жаль. Ты только не плачь. В нашем деле замены нужны и правильны. Береги себя и будь осторожна. Ты умница.

С любовью и уважением,
Антон Степанович П.

П. С. Можешь переехать сюда. Администрация в курсе.

П. П. С. Прости меня».

Она шмыгнула носом и утерла слезы. Не послушалась его...

Значит, теперь жизнь поменяется еще сильнее.

И она переехала в квартиру Антона Степановича и каждый день следила за порядком, совершенствуясь в том, чтобы быть крутой и защищать жителей Сосновки.

Правда, еле поспевала с уроками, но это не помешало ей с отличием закончить школу и полностью посвятить себя борьбе с Едоками.

Глава 9

Новый подход

25 июня.

— Ну, иногда выдаются спокойные ночи, хотя последнее время гости что-то зачастили… — пожаловалась Лена.

— Ого! Мне они вообще покоя не дают. Сначала я по-настоящему испугался, что мне не хватит фантазий, пока не… — я вовремя успел замолкнуть, чтобы не упомянуть про «Омут радуги», которого я лишился.

— Пока не что?

— Пока не понял, что вокруг полно книг, которые способны мне помочь.

— Книг?!

— Да.

— О, Господи… Ты все еще используешь их?

Я пожал плечами.

— Ну простите.

Лена хотела что-то добавить, но я опередил.

— Послушай, а почему так? Почему атаки на Сосновку не такие частые?

— А тебе разве не говорили? Прорыв. Он будет в Дымчатой.

— Но почему?! — возмутился я. — Ведь здесь гораздо больше людей! Чем выгодно Хмури нападать именно там?

— А здесь она и не нападет, — довольно сказала Лена. — Здесь все под надежной защитой.

— Вот как…

Лена смущенно опустила взгляд.

— Прости, я не хотела тебя обидеть. Просто правда. Тебе еще предстоит научиться.

— Я уже разок научился, — буркнул я, вспомнив ту ночь, когда упал на рельсы и чуть было не попал под колеса призрачного поезда.

— Дымчатая — брешь в цепи обороны. Слабое звено. А атаки происходят всюду. Не думай, что ты такой один несчастный.

— Откуда ты знаешь?

— Говорят…

— Кто?

— Старшие Хранители.

Я покачал головой. Сложно. Много информации. Едва я свыкся с одним сюрпризом, тут же пришел второй. И третий, и четвертый. *СКОЛЬКО ИХ ЕЩЕ БУДЕТ*?

— Ну и что? — в конце концов заговорил я. — Все дружно ждут, когда на меня нападут и поработят дымчатых?

— Нет, не ждут! — возразила Лена. — Еще рано. Полно других дел.

— А если не рано? Погибнуть по ошибке Хранителей? Ой, извините, *Старших* Хранителей?

— Этого не будет.

— Почему?

— Потому что они не ошибаются.

Я ухмыльнулся.

— Раз в год и палка… ОШИБАЕТСЯ!

Вот на такой ноте мы и закончили. Как-то все сразу угасло. И радость от встречи с Леной, и трепет от врученных подарков, и шок от того, что она тоже Хранитель. Я сидел и рассматривал ее рисунки. А Лена, в свою очередь, листала «Омут радуги» и почему-то улыбалась. Напряжение висело подобно выуженной фантали. Еще чуть-чуть, и его можно будет взять в руки и почувствовать тепло. Хотя *эта* фанталь отдавала бы холодком.

Неужели я правда фантазировал о том, как брожу по этому городу? Неужели он когда-то помог мне в борьбе против Едоков? Понятно только одно — этого уже не узнать. Никогда. Да и надо ли?

— Ну чего ты расстроился, Саш? — Лена легонько ткнула меня локтем в бок.

— Совсем ничего, — ответил я, не отрываясь от созерцания рисунка.

— Не беспокойся. Я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось.

— Спасибо… — вымученно произнес я.

— Серьезно! — Лена вскочила с диван. — Нет, правда! Смотри. Вставай.

Я отложил лист ватмана.

— Зачем?

— Вставай, говорю!

Пришлось подчиниться.

— Ты ведь все еще используешь книжные сцены, да?

— Да.

— Этого мало, Саша. Надо… Надо не так. Скажи мне, у тебя есть мечты?

Я посмотрел на нее и смутился. Может быть, даже покраснел.

— А ты как думаешь?

Лена понимающе кивнула.

— Расскажи мне, как ты борешься с Едоками?

И я рассказал. О своих нововведениях, о незримом списке фантастических эпизодов, о копьях и щитах, о взрывах. Обо всем. Слушая, Лена становилась все смурнее. Она часто качала головой и неодобрительно цокала.

— Что, совсем все плохо? — спросил я, закончив рассказ.

— Да как сказать… Сколько, говоришь, ты уже Хранитель?

— Пару недель.

— В иных ситуациях это очень хорошие результаты. Но не в твоем случае. Этого мало, — повторила она. — Мне Едоки не доставляют неприятностей. Потому что я использую мечты.

Меня как током ударило. *МЕЧТЫ*. Лена использовала мечты. Я вспомнил дядю Колю, его пустые глаза, залегшее на их дне несчастье, снедаемое равнодушием, и испугался. *Не приведи судьба увидеть такой же взгляд у Лены.* Хорек говорил мне не использовать мечты и рассказывал, что сам дядя Коля никогда не одобрял подобного.

— Нельзя, Лена.

— Почему же?

— Их можно лишиться…

— Значит, не такие уж и сильные у тебя мечты, раз их так легко лишиться.

— Просто я недостаточно умело орудую с фанталями…

— Ты делаешь много лишних движений. Смотри.

Лена закрыла глаза на пару мгновений, а после взмахнула руками, и перед ней зависла фанталь. Только это не было той фанталью, которую привык видеть я. Она отличалась: ровная, гладкая, с переливчатой молочно-перламутровой поверхностью. И выглядела она… Надежно. Изделие казалось гораздо крепче моих аналогов, бугристых и шишковатых.

— Какая красивая, — пролепетал я, завороженный зрелищем.

Лена довольно улыбнулась и повела ладонью. Фанталь трансформировалась в гибкую ленту. Она поплыла прямо ко мне. Я не успел даже осознать происходящее, а лента уже обвилась вокруг моей талии и приподняла в воздух на несколько сантиметров.

— Эй! — крикнул я, не зная, то ли смеяться, то ли возмущаться.

Лена выбрала первое.

— Ну все, все, я тебе верю! — продолжал верещать я. — Честно-о-о!

Я высвободился и приземлился на пол. Меня пошатнуло, но лента была тут как тут — мягко коснулась плеча и помогла найти равновесие.

— Видимо, другого способа продемонстрировать свои способности у тебя не нашлось?

— Даже не рассматривала ничего иного!

На всякий случай мы закрыли окно, проверили, заперта ли дверь, убрали со стола все, что могло упасть, и вынесли на кухню все самое хрупкое. Место для тренировок было готово. Правда, сперва Лена накормила меня вкусными пирожными собственного приготовления и напоила чаем. Признаться, после такого заниматься какими-то там тренировками нисколько не хотелось.

— Твоя проблема в том, что ты тратишь время на лишнюю визуализацию. Мечи, щиты… Зачем тебе это все?

— Так я больше верю. Когда вижу.

— Фанталь внушает недостаточно веры? Вот уж не думала. Запомни, это готовый материал. Готовое оружие. Едоки боятся не острых наконечников, а нашей силы. Наших фанталей, понимаешь? И этим нужно пользоваться. Мы не на рыцарском турнире.

Лена показала мне несколько впечатляющих приемов и уловок. Теперь я понял, почему нападения Едоков ее особо не пугали — с фанталью она управлялась просто играючи. Я представил, как в ярком голубом свечении поезда стоит вся такая из себя изящная Лена и плавными выверенными движениями расшвыривает тварей, а с губ ее не сходит улыбка. Почему-то была уверенность, что все так и происходит.

— Попробуй сам, — сказала Лена, гладя фанталь, словно та была каким-то котенком. Она не убирала сферу, и фанталь, подобно спутнику, всегда плавала за моей подругой.

— Почему ты ее не убираешь? — спросил я, робко прикасаясь к фантали пальцами.

— А не знаю, — Лена пожала плечами. — Так спокойнее. Какая-то опора, уверенность.

— Что-то вроде бронежилета?

Лена рассмеялась.

— Вроде того. И даже не надейся заговорить мне зубы! Приступай.

— Потренируюсь на фантазиях, — растерянно заявил я, перебирая свой арсенал.

Радуга, орбита, я-невесомый, океан и *потоки ветра.* То, что я успел придумать по пути в Сосновку. Жаль, что придется потратить их не на настоящий бой, а на тренировку. Впрочем, любая тренировка — инвестиция в успешный исход будущего сражения.

Я так сильно нервничал, что создание фантали далось мне с четвертого раза. К тому времени вся квартира пропахла мятой и кедровыми орехами, а я покраснел как конфорка. Мне было неловко перед Леной за свою неуклюжесть, но я ничего не мог поделать. Когда же удалось справиться с собой, я опробовал новые приемы и понял, что методика Лены действительно оказалась выигрышнее. Не только экономилось время, но еще и голова оставалась чистой и не забитой ненужными вещами навроде визуализации и ее поддержания. Если не считать сосредоточенности на фантали. Я довольно шустро освоил основной принцип управления общей массой фантали и был взбудоражен. Поймал себя на мысли, что захотелось скорее ночи, чтобы проявить себя в бою.

Жаль, что Лена не увидит. Думаю, я смог бы ее впечатлить. Хотя…

— Лена. Мечты… Разве надо их использовать?

— Я только их и использую.

— И как?

Она развела руками.

— Как видишь. Жива-здорова. Отвечаю на твой вопрос, который ты сейчас задал бы: нет, мечты ни разу не лишалась.

— Откуда ты знаешь?

— А я веду список. Саша, мечты гораздо, гораздо действеннее! Верь мне. Только в них кроется настоящая сила, которая нам сейчас необходима. *Тебе* необходима.

Я не знал, что сказать. Терзался между выбором. *Действительно ли мне так необходимо менять тактику? Готов ли я пойти на то, чтобы рано или поздно лишиться самого сокровенного?* Страшнее всего то, что у меня были мечты. И лишаться их, становясь все более аморфным, превращаясь в робота или типичного теневика с Дымчатой, я не хотел. Слишком многое ставится на кон. Новые способности могут дорого мне обойтись. Непозволительно дорого.

— Мой друг Спойлер тоже использует этот прием.

Я напрягся.

— Какой еще друг Спойлер?

— Сосед твой. Он со станции Дружбино. Многие Хранители, в особенности Старшие, не очень-то жалуют мечты. Но гораздо больше Хранителей пользуется ими. Ну, они, правда, много лет практикуются, но считай, что у нас ускоренная программа. Особенно у тебя.

— Здорово. И почему я не чувствую себя вундеркиндом?

Лена предпочла не реагировать.

— Но есть важное отличие между мечтой и фантазией: мечту можно подобрать. Это не яйцо, которое при падении разобьется на тысячи мелких скорлупок. Это монолит, с которым не будет ничего, покуда ты верен своей мечте. Может, все-таки попробуешь?

— Боюсь, я пока не готов...

— Это не так страшно, как ты думаешь.

— Ты не знаешь, — сказал я, вспоминая дядю Колю, вспоминая лица дымчатых.

Лена вздохнула.

— Скажи мне — ты думаешь о том, что ты дышишь?

— Нет.

— А думаешь ли ты о том, что тебе скоро нужно ехать обратно?

— К сожалению.

— И если ты забудешь о том, что надо дышать, ты разве задохнешься? Вряд ли. А вот если не удержишь в голове то, что пора в Дымчатую — можно и забыться.

— Я совсем не против!

— Едоки… — с досадой в голосе напомнила Лена.

— Будет повод ненавидеть их еще сильнее, — в тон ей ответил я.

Лена улыбнулась. Впрочем, грусти в этой улыбке было больше, чем остального.

— Думая слишком много, мы, порой, забываем о действиях.

— Боязно.

— Почему? У тебя есть мечта?

— Есть.

— Так в чем проблема?

Я внимательно посмотрел на нее.

— Потому и боязно.

***

Как же мне не хотелось уезжать. Я готов был прямо сейчас выпрыгнуть из окна и помчаться обратно. Если бы не обязанности. Став Хранителем, я осознал всю силу ответственности, легшей на мои плечи. Уже не годилось быть беззаботным пятнадцатилетним сорванцом и вместе с Тином изобретать всякие поделки и дурачиться целыми сутками. Наверное, именно так люди и взрослеют. Жутко признавать, что ты больше не можешь позволить себе того, что раньше. Даже если это еще вписывается в сферу твоих интересов и присуще возрасту. Но я не стал взрослым парнем. Я стал юным Хранителем.

На соседнем сидении лежали скрученные в трубочку рисунки Лены. Книга осталась у нее, читать в поезде было нечего. Это была моя первая поездка без книги за последние лет десять.

А если подумать — так ли надо читать, чтобы выудить новые порции фантазий? Ведь грядет ночь, грядет новый бой, и я должен быть готов. Просто так выйти против Едоков сразу с мечтой — нельзя. Это чревато. И я сделал единственно возможный выбор: использовать фантазии, но по-новому. Так, как показала Лена. А там и посмотрим.

Я понимал, что боюсь затрагивать мечты, но старательно уходил от этой темы. Они были слишком личными и ценными, чтобы с их помощью сражать Едоков. Случиться могло все, что угодно.

В начале одиннадцатого я сошел на платформу Дымчатой и побежал к своим. Свет в доме уже не горел, но серо-голубые отсветы говорили о работающем телевизоре. Я вбежал в комнату и включил свет. Такое ощущение, что с последнего раза дедушка с бабушкой даже не пошевелились. По-прежнему сидели у телевизора с ничего не выражающими лицами, все так же не обращали на меня внимание, а то и вовсе не заметили, что в комнату кто-то вошел.

— Привет! Как дела? — нарочито дружелюбным тоном сказал я, хотя ни к какому дружелюбию их вид не располагал.

Ответом мне было молчание. Сквозь пелену тени не пробивался даже яркий свет телевизора, отчего казалось, что лица скрывала маска.

— Я приехал вообще-то!

— Да, — едва слышно сказал дед.

— Бабуль, а покушать есть чего?

Бабушка любила эту фразу. Более того, она всегда ждала ее. Если растение нужно было поливать, чтобы оно продолжало жить, то бабушке, казалось, хватало этой фразы, после которой устраивалась целая пиршественная церемония.

— Там, — бабушка кивнула в сторону кухни.

Я покинул комнату, чтобы подкрепиться. На испачканной плите стояла кастрюля с жутким варевом — мутного коричневого цвета. И в этой жиже плавали крупно порезанные овощи: морковь, лук, кабачок, огурец...

— Ясно... — буркнул я и полез в шкаф.

Там я обнаружил покрытый плесенью хлеб и несколько обгрызанных печений. *Время переходить на автономное питание. Интересно, а сами они едят что-нибудь?* Рядом с кастрюлей сиротливо пристроились две грязные тарелки, на дне которых, покрытые пленкой, блистали лужицы супа.

— Ушел! — крикнул я и отправился в сторожку.

Ушел, чтобы присмирить злость.

Запасы еды подходили к концу, и пора было начинать готовить самому. На бабушку больше надежды нет. Благо, на сегодня у меня еще имелись пряники и кусочек вафельного торта. *Завтра надо идти в магазин. Жаль, Лены нет.* Людмила Сергеевна научила ее готовить так, что трудно было вылезти из-за стола, покуда не кончатся блюда. Хотя сама Лена ела как цыпленок. Я с грустью вспомнил, как она накормила меня днем, и включил чайник. Живот неугомонно урчал.

Я бережно взял рисунки Лены и развернул их. Красивый город на воде и я-тень. Прекрасно и... Пусто.

Как бы то ни было, я взял несколько мелких гвоздиков и молоток, и вскоре к уже имеющимся картинам добавились новые. Я улыбнулся и провел по ним ладонью. Пускай это не те рисунки, которые по обыкновению западали мне в душу, но их рисовала Лена. Для меня. И этого достаточно.

Меж тем время перевалило за одиннадцать. Скоро последняя электричка. И Едоки. Не сказать, что я перестал бояться. Скорее, после сегодняшней тренировки стал ощущать себя немного увереннее. И все же использование мечты не входило в мои планы. *Пока*. Поэтому я подготовил семь фантастических эпизодов. Возможно, мне хватит и одного, но лучше не рисковать.

Испытывая что-то вроде предвкушения и азарта, я вышел на платформу и проводил последнюю электричку. Возможно, мне показалось, но над путями как будто что-то светилось. Едва-едва. Так переливчато и знакомо. Как будто продолговатый купол.

Я моргнул. Мерцание исчезло. Наверное, это был шлейф от электрички.

Или барьеры.

Фантазии перебирались как четки. Больше не было нужды планировать, какое оружие и какой формы эффективнее создать. Настал черед работать с чистой силой.

Одну из фанталей я сразу же выудил и вобрал в себя, держа в голове образы. Все, что мне останется, это при необходимости вытолкнуть ее. Вторая фанталь зависла рядом со мной перламутровым шаром, от которого исходило приятное тепло. После показанного Леной мое творение выглядело топорным, слепленным на скорую руку. Стенки фантали были такими же, как и в тот день, когда Туман похвалил их прочность. А клубящееся, слегка белесое содержимое будто просилось наружу — оно клубилось и пульсировало.

И как все удивительно связано! Туман, Дымчатая, хорек по имени Туман, фантали, внутри которых был туман... Дядя Коля. Уверенность в причастности дяди Коли к туману все еще не покидала меня. *Кстати, что-то давно не было Тумана. Интересно, куда он пропал? Может, у Старших Хранителей Грез? Кто они? Увижу ли я их когда-нибудь?*

Зато со мной был другой туман. Густой, влажный, такой знакомый. С ним было спокойнее и уютнее. Иногда я ощущал, будто на мои плечи наброшен плащ — огромный, полы которого простирались над верхушками американских кленов, над лесом, над крышами домов, над водозаборной вышкой... Без тумана было бы хуже.

Это было совершенно по-иному. Необычно. Совсем не так, как раньше. Я прочувствовал все преимущество нового способа сражения. Эйфория охватила меня как никогда. Впору было пожалеть, что Лена не рядом — уверен, ей бы понравилось.

Не успел поезд остановиться на платформе, как я уже стоял наизготовку: руки подняты, фанталь рядом, внутри правой ладони перекатывается еще одна. Ждать, когда выйдут все Едоки, я не стал и атаковал первого сразу же, как только он появился на платформе. Поток фантали сбил его с ног. А затем меня ждало двойное удивление: мало того что Едок не умер, так еще и фанталь рассыпалась на мелкие части. Вобрать их я не мог — у меня уже имелась запасная фанталь. В голове раздался тревожный сигнал.

Не долго думая, я обрушил оставшуюся часть фантали на лежащего Едока и придавил его. Того сплющило. Громкий вскрик, и тело Едока лопнуло.

А из вагонов выплывали новые. Я не понял, сколько их было, но Едоки толпились, встали в ряд друг за другом и спешили поскорее покинуть поезд и напасть на меня. Времени не было. Впрочем, как и страха.

Я выбросил руку вперед, резко провернул кисть, и с нее сорвалась мощная фанталь, что стремительно разрасталась. Успев придать ей форму тарана, я отправил снаряд в самый проход ближайшего вагона. Завоняло гарью, посыпались яростные вопли. Поток перламутра смял грудь первого Едока и вдавил его вглубь вагона. Остальных придавило к противоположной стене. Часть из них попадала. От криков я сам чуть было не заверещал со страху — до того они были жуткими.

И пока Едоки пытались вырваться из клубка сплетенных лап и туловищ, я сделал еще одну фанталь и бросил в самую гущу. Раздались крики. Еще двое Едоков истаяли, и оставшимся подняться уже было проще. Я отбежал на безопасное расстояние и на скорую руку выудил пару фанталей, одну из которых сразу вобрал в себя.

«Почему они одноразовые?» — бегло подумал я, глядя, как Едоки неуклюже выходят из вагона. Они хромали и выглядели неважно. К ним присоединились еще несколько из вагонов по соседству. Сегодня они не были такими зловещими, как раньше, и я в очередной раз пожалел, что Лена не видит этот бой. Хотя, уверен, она справилась бы куда быстрее. Во всяком случае, она управляла одной фанталью столько, сколько хотела, а потом и вовсе возвращала ее обратно. При этом рядом с ней висела еще одна.

Их осталось пятеро. Пятеро — против моих четырех фанталей.

Зависшую передо мной перламутровую сферу я преобразил в дугообразный фрагмент стены и отделил четырех Едоков от пятого. Он рванул ко мне, но я был готов — из моей руки вытекла фанталь и, подобно воде из под крана, вылилась на голову Едока, заползая в рот и глаза. Темное нутро твари осветилось бледным перламутром. Едок замер, непонимающе заморгал и начал остервенело царапать себе живот. Летели клочья теней, он пытался пробурить дырку в собственном туловище, но было слишком поздно. Едок лопнул.

И пока оставшиеся бесновались за сооруженной мной преградой, я создал еще две фантали. Последние. У меня не оставалось ничего. Но, по моим соображениям, большего мне и не потребуется.

На создание этих фанталей ушло около двух минут. Я очень переживал, что твари разрушат стену раньше, чем я закончу. Но мне удалось отбросить прочь посторонние мысли и страх. У меня не было права позволить одной из фанталей лопнуть. Ведь на кону стояла моя жизнь.

Они зависли передо мной. Нужда представлять их размером не больше мяча давно отпала. Две сферы, относительно ровные и большие. *Этого должно хватить*. В стене уже зияли бреши, из которых высовывались когтистые лапы. Поверхность фантали пошла трещинами.

Я выпрямил руки и растопырил пальцы. С легким морозным зудом фантали взмыли вверх и зависли над четверкой Едоков.

«Лишь бы хватило...» — взмолился я, ощущая, как трясутся коленки, а ночной ветерок обдувает взмокшие ладони.

— Хватит! — крикнул я и резко опустил руки.

Две сферы рухнули вниз подобно бомбам. ОР. БЕЗУМНЫЙ ОР. Как будто что-то взорвалось. Взвихрилась перламутровая пыль. Стена лопнула, обдав меня мощным запахом... Гари. Все стихло.

Я стоял и молил Бога, чтобы Едоки погибли. Голова была пуста. Наверное, я сейчас не смог бы придумать ничего, кроме мягкой теплой кровати, на которой забудусь крепким сном...

Пыль осела. Все Едоки погибли.

Интерлюдия 9

Шестьсот лет назад

Сладкий мир. Безумно сладкий и богатый мир. Она так долго ждала, пока ей принесут достаточно сил, что набросилась на него с необычайным остервенением. Она летела над материками и оставляла после себя серый цвет. Остальные цвета перешли к ней.

Ей нравилось, что никто не кричал. То был мрачный ритуал абсолютно молчаливого уничтожения. Ей также нравилось, что они не умирали. Точнее, не падали трупами. В этом было что-то двойственное — убивать людей, оставляя их в живых.

Это был маленький мир. И ему было суждено погибнуть. Ради больших целей. Ее аппетиты росли. Она должна успевать удовлетворять их. Нужен мир больше. Но для этого требуются силы. И Хмурь получит их.

В скором времени здесь все вымрут. Не останется никого живого и мыслящего. Они срастутся с землей, мебелью и стенами. Станут частью окружающего мира. Общим, несамостоятельным организмом. Безвольным и несамостоятельным.

А она потратит собранный урожай на следующее перемещение. У нее возник план, как укорениться в новом мире и не отдавать свои владения. Она обманет всех. И станет терпеливой. Очень. Нужно просто прогрызть *пространство* и впиться, как в спелое яблоко.

Хмурь собрала достаточно сил.

Глава 10

Случилось страшное

26 июня.

Давно мне не спалось так легко. Никакого гнета, никаких переживаний. Все еще теплилась радость от встречи с Леной. А еще изнутри бил триумф за довольно скорую расправу аж с семью Едоками. Это было моим рекордом как по количеству, так и по скорости. Стоило благодарить Лену за рассказанный секрет использования фанталей. Точнее, вряд ли это было таким уж секретом. Скорее, никто не собирался давать мне более глубокие знания. Туман куда-то запропастился, оставил меня на попечение самому себе. Пришлось искать пути совершенствования. И Лена была тем самым путем.

Первым делом хотелось рвануть к ней. Увидеть ее... Точнее, я хотел узнать что-нибудь новое и... Ладно, самое главное выяснилось: с Леной все хорошо, она в безопасности и рядом. И еще кое-что о главном: *мечты*. То, что надо использовать и как-то не бояться пускать в расход. Я дал себе обещание подумать над ними и составить примерный список, чтобы оценить масштаб бедствия. Но только после того, как схожу в магазин и приготовлю себе что-нибудь поесть.

Проспал я долго — солнце вовсю пекло и приближалось к зениту. Вода в умывальнике нагрелась до комфортной температуры. Почистив зубы и приведя себя в порядок, я достал из потайного кармана рюкзака деньги и пошел в магазин.

Дымчатая выглядела жутко: ни души. Проходя мимо домов я слышал, как из распахнутых окон доносились звуки работающего телевизора. Удалось даже рассмотреть молодую пару, которая сидела на креслах и буравила стену пустым взглядом. Не знай я о Хмури и Едоках, подумал бы, что людей гипнотизирует телевизор.

В сараях мычали коровы, гуси гоготали, требуя еды, куры недовольно квохтали. Пара цыплят увязалась за мной в надежде, что у меня найдется для них что-нибудь вкусненькое. Вскоре к цыплятам присоединились две собаки. Еще одна выла где-то неподалеку. Не в силах терпеть, я сорвался на бег, чтобы поскорее пройти это жуткое место и избавиться от навязчивых преследователей. Хотелось плакать, жалость к дымчатым и обездоленным животным переполняла меня.

По дороге я решил забежать к Тину. Закупиться планировал основательно, и мне требовалась его помощь. *Заодно хоть развею его, а то торчит себе на заводе вместе с Иваном и носу не высовывает. Кстати, у него же как раз возьму плитку, чтобы готовить — помнится, у дяди Володи было несколько рабочих, собранных из всяких запчастей.*

На заводе никого не было. С Иваном понятно — у него могло найтись какое-нибудь дело по своей специальности (тут он непредсказуем), но Мишка... Инструменты лежали в беспорядке, листы металла на земле загнуты и съехали, велодрезина завалилась на бок. Как будто здесь прошелся ураган. Вот так в беспорядке оставить все ключи, ножовки и отвертки? Нет, это не похоже на Тина.

В груди поселилось волнение, но я понимал, что ничего случиться не может. *Может, убежал куда-то с Иваном? Или вспомнил, что забыл выключить плиту и умчался домой?* Я отправился к нему.

Во дворе царило все то же запустение. Да и надежды на то, что дядя Володя станет нормальным, не было никакой. В конце концов, Пленуса накануне я не убивал. *Может, кто-то другой? Или определенные монстры атакуют определенные станции?*

Гараж был закрыт. Участок выглядел покинуто, из-под каждой травинки, из-за каждого угла на меня смотрело безмолвие, которое, казалось, поглощало звук шагов, пока я шел к дому.

Постучал в дверь. Никакой реакции. Ни через минуту, ни через две. Я было подумал, что они куда-нибудь уехали, но сквозь небольшую щелку гаража увидел, что автомобиль на месте. Да и на крыльце, вообще-то, стояли Мишкины кроссовки. Значит...

Я открыл дверь и вошел.

— Здравствуйте! Миш, дядь Володь! Это Сашка!

Тихо.

В первой же комнате обнаружился отец Тина — он сидел спиной ко входу, напротив стены, усеянной фотографиями его жены. У меня сжало сердце. Тетю Наташу я знал, она мне очень нравилась, и ее уход...

На глаза навернулись слезы. Видеть взрослого мужчину, который, сгорбившись, не отрывает взгляда от фотографий своей умершей супруги, было трудно.

— Дядя Володя, — прошептал я, боясь помешать ему.

Я не раз видел его здесь. Иногда на него находила тоска, и он часами сидел напротив стены и плакал. Рядом с ним можно было заметить бутылку спиртного, а иногда дядя Володя разговаривал с тетей Наташей и снова пускался в рыдания. *Неужели он вернулся?*

Влекомый неясными мотивами, я бесшумно приблизился к дяде Володе. Моя рука легла ему на плечо. Мишкин папа не шелохнулся. Я сделал еще пару шагов и наклонился, чтобы посмотреть ему в глаза.

И отшатнулся.

Дядя Володя смотрел прямо перед собой, и фотографии тети Наташи волновали его не больше, чем пространство между ним и стеной. Сокрытый тенью, он сидел себе в кресле и как будто спал с открытыми глазами.

Да, глупо было надеяться, что он изменился. С чего бы? Но почему всякий раз ты надеешься, что произойдет чудо, которому нет поводов случаться, и когда его не происходит — расстраиваешься?! Почему в очередной раз мне портило настроение неизменное состояние дяди Володи, бабушки с дедушкой и всей деревни? Кажется, вдобавок ко всему я осознал, что начинаю винить в том числе и себя — как плохого Хранителя Грез.

— Что делаешь?

Во второй раз за столь короткое время я вздрогнул и повернулся. В темном коридоре стоял Тин. Как всегда, лицо его было мрачным, губы поджаты, а зубы крепко стиснуты. Таким он был всегда, когда находился дома. Таким он был всегда, когда речь шла о его отце.

И все же я испытал облегчение.

— Здорова, Миш! — я подошел к другу. Он не протянул руки. Я выждал паузу, но Тин даже не поздоровался. — Ты чего не на заводе-то?

Мишка скользнул по мне взглядом, обернулся и зашаркал по коридору.

— Тин?

Должно быть, он слишком расстроился. Или ему не понравилось, что я был рядом с его отцом. Тину требовалось время, чтобы прийти в себя. Я понимал его, потому и не злился.

— Не хочу, — бросил он, не повернувшись. Пояса с инструментами на нем не было. Это странно.

— Не хочу?! — переспросил я. — Миш, да что с тобой такое?

Он свернул в свою комнату. Я догнал его и повернул к себе.

— Что вообще с тобой... О...

ОНА. Тень. На лице моего друга.

— Что? — спросил Мишка, не проявляя никакой заинтересованности.

Я молчал. Сжало горло. Изнутри как будто разлили чан с ледяной водой. Ноги подкосились, я еле дошел до кровати.

Не верю. Не верю, НЕ ВЕРЮ…

— Дай фонарь, Тин.

Может, игра света? Может, излишне накручиваю себя? Да, наверняка.

Мишка открыл комод и достал из ящика мощный фонарь. Я буквально вырвал его из рук и включил, направив луч в лицо друга.

— С ума сошел? — возмутился он, пытаясь отойти подальше. Я схватил его за шею.

— Стой! — неожиданно для самого себя гаркнул я.

Больше Тин не вырывался. Он стоял с закрытыми глазами. В свете фонаря его веки были красными. Это было видно так же отчетливо, как и темную печать, наложенную на его лицо. И никакой свет не мог ее прогнать. Все сошлось.

Мой друг лишился мечты.

Нет, этого не может быть. Как? КАК?!

Я бросил фонарь на кровать и схватился за голову. Не было ничего, кроме злости. Ни досады, ни обиды, ни разочарования. Только злость. *Когда это могло произойти? Что я сделал не так? Вчера же все Едоки были уничтожены! Я же внимательно следил за всем!*

ВЧЕРА!

А как же позавчера? Серебристое нечто, что пришло мне на помощь. Но оно победило! Ударило в Едока, тот вскрикнул и... И я не видел, чтобы мечта вернулась обратно в Дымчатую. *Господи! Неужели это была мечта Тина? Нет, такого не может быть.*

— Тин, пошли на завод?

Он стоял возле окна и смотрел на улицу.

— Зачем?

— Как это зачем? Дрезину будем собирать! Я посмотрел, ты неплохо так усовершенствовал ее, — я говорил нарочито бодрым и заинтересованным тоном, чтобы завлечь друга, чтобы развеять миф, чтобы вернуть его.

— Не хочу. Мне это больше не интересно. Не знаю, зачем тратил на это время. Как дурак, блин. Вон, лучше уж в него поиграю, — Тин кивнул на стоявший в углу компьютер. Который он включал только для того, чтобы сделать чертеж для своего нового безумства. В последний раз это были чертежи велодрезины.

Все рухнуло. Как подвесной мост. В ушах стоял грохот. Наверное, это упавший мост.

— Я тогда пойду, — не своим голосом сказал я.

— Хорошо. Пока.

Мой лучший друг даже не повернулся ко мне.

Трудно поверить, что с тобой или твоим близким другом может произойти что-нибудь нехорошее. Жить уверенным в собственной неуязвимости — замечательно. Разве не стремится каждый из нас окружить себя и своих родных защитным коконом, сотканным из чистейшей веры в то, что все невзгоды обойдут стороной? Все мы думаем о том, что «с кем угодно, но не со мной». А потом ты оказываешься лицом к лицу со смертью. Она смотрит в твои глаза и рушит бастионы непоколебимости, что так любовно были выстроены тобой на протяжении всей жизни. И ты понимаешь, насколько ничтожен. Но потом ты выживаешь, и вера, что ты неуязвим, становится еще крепче. Потому что остаешься в живых. И начинаешь осознавать сильнее, что твой мир — он другой, он более стойкий.

И я стал пленником этих заблуждений. Ситуация с бабушкой и дедушкой не смогла отрезвить меня. Я продолжал жить и не сомневаться, что все будет хорошо, что все, связанное со мной, имеет непрошибаемый иммунитет к любым неприятностям.

И вот теперь мой лучший друг стал одним из теневиков. На моих глазах у него взяли и отобрали мечту. И все ради того, чтобы какой-то чертов монстр был сильнее, смог отобрать еще несколько грез и отдать их Хмури, которая совсем скоро поглотит весь мир, чтобы утолить голод. А потом переключится на другие.

Почему это произошло? Почему Тина так легко сломило? Неужели это означает, что у него не было ничего более сокровенного? Более… Возвышенного, что ли? Получается, вся его мечта — это сделать велодрезину и все? Так мало? Или нет?

Но в праве ли я судить другие мечты? И если у меня был целый список, то обязаны ли другие иметь точно такой же? За двумя зайцами погонишься… Тин всегда имел цель и шел к ней. Добивался, выполнял, радовался и ставил новую задачу. А что я? Мечтал летать? Мечтал быть как бабушка с дедушкой и прожить долгую счастливую жизнь? Так хорошо ли это?

Я потянулся к чайнику, но вспомнил, что пить какао не с чем. Да и самого какао оставалось на донышке. Словно в насмешку надо мной прогрохотала электричка. Я угрюмо бросил взгляд на расписание. Из Сосновки. Я подвинулся к окну и в надежде выглянул в окно. Но Лены на платформе не появилось.

— Ну ничего.

И я снова уставился на чайник.

Сидеть бестолку. Продукты сами не появятся. Не будь как теневики, Оул, не загнивай в себе.

Не испытывая никакого желания выходить из дома и сталкиваться с умирающей деревней, я все же встал с дивана и покинул каморку.

В магазин пришлось идти дважды. Список покупок оказался непомерно большим. Я набил холодильник до отказа и собрался было приступить к готовке, пока не вспомнил, что забыл взять у дяди Володи электрическую плитку. Однако возвращаться туда не было СИЛЫ ВОЛИ, и я решил обойтись парой бутербродов.

На столе все так же лежал листочек с расписанием поездов до Сосновки и обратно. Однако я поймал себя на мысли, что не помню, когда заглядывал в него последний раз. Все давно выучено наизусть.

— Вот сейчас, — буркнул я, и как по команде на станцию приехала электричка.

Я знал, откуда она. Выглянул в окно. Из поезда никто не вышел.

— Ну ничего.

Электричка уехала. И стало как-то тихо. Удивительно тихо. Я распахнул окно, и вместе с теплым воздухом в сторожку влетело далекое журчание Сливочной. Солнечные лучи рассеивал собравшийся над Дымчатой туман. Странное дело — в такую погоду и туман… Я, конечно, не был знатоком, но в середине жаркого летнего дня туман — это странно.

Слишком, слишком странно.

Сам не понимая, что делаю, я выбежал из сторожки и взял направление в сторону кладбища. Туман как будто следовал за мной. От влажного воздуха я быстро взмок.

В голове крутилась кое-какая догадка, но спешить с выводами не хотелось. *По крайней мере, пока я не буду полностью уверенным.*

Воротами кладбища служили четыре поперечные жерди, концы которых лежали на вбитых в столбы гвоздях. Я перемахнул через невысокую преграду и помчался туда, куда

после всех эмоциональных потрясений возвращаться в ближайшее время не планировал. К могиле дяди Коли.

Здесь все еще была утоптана трава и разбросана земля. Все еще висело молчаливое напряжение, которое было на похоронах. Трава влажно поблескивала, как будто на ней до сих пор не высохли слезы, пролитые теми немногочисленными людьми, кто еще мог плакать.

Мне нужен был крест. Дата. Ради нее я примчался сюда, ради нее же подвергаю себя неприятным воспоминаниям. Я должен понять, сколько лет было дяде Коле.

Его знакомые не подвели. Крест таки поставили. Но когда осмотрел его, я испытал глубокое разочарование и, если честно, шок. Никаких дат на нем не было. Даже дня смерти. Никакой фамилии. На массивном деревянном кресте вырезали два слова:

ДЯДЯ КОЛЯ.

Неужели у него не нашлось ни родни, ни хороших друзей, которые могли бы дать информацию? Как же он вообще работал? А документы? А паспорт, в конце концов? Куда это все подевалось?

Я осмотрелся. Туман словно застрял среди стволов деревьев. Он мягко покачивался, словно пожимал плечами, отвечая на мои вопросы. Тишина не развеивалась. Я стоял и смотрел на небольшой холмик, вспоминая смотрителя.

Так странно: теперь его работу выполняю я. Кажется, я понял, что крылось в его должности. Смотритель. Вместе с тем и охранник. Но почему же никто не прислал замену? Почему почти всех жителей Дымчатой лишили мечты? Почему дядя Коля молчал и не просил помощи?

— Эх, дядя Коля... — обратился я к кресту. — На кого же ты все оставил. Теперь и мой друг стал одним из них... И все из-за меня. Я не справился. Почему же ты не начал учить меня раньше? Почему все произошло так неожиданно? Мне надоели вопросы. Их очень, очень много. Что мне делать?

Я замолк, словно надеясь, что мне ответят.

— Зато повсюду туман. Ты любил туманы, я помню. Может, потому и поселился здесь... Хотя до тебя туманов не было. Я не знаю, что думать. Дымчатая стала удивительным и таинственным местом. И я уже не могу сказать, что мне это нравится.

Интерлюдия 10

Однажды

Звезды пульсировали и бились, подобно сердцам. Галактики водили хороводы, а Вселенные исполняли танец покорности. Миры сжимались и разворачивались, подобно раскатываемому тесту. *Пространство* жило и *подчинялось*. Им.

— Иногда задаюсь вопросом, коллега, а правильно ли мы сделали, разработав концепцию подмиров?

Именующий с тревогой глянул на Созидающего. Доселе тот никогда не сомневался в своих деяниях. Что с ним?

— Почему вы спрашиваете, коллега?

Созидающий по привычке стоял возле стеклянной стены и следил. За чем? Именующему всегда казалось, что за всем сразу. Он мог.

— Это же самые настоящие лазейки. Карманы, которые можно забить не только сладостями, но и капсулами с ядом.

— Вы о Хмури…

— Конечно. Она беспокоит меня. Учитывая, что она поселилась в пресловутом подмирье, во мне начинает назревать чувство вины.

— Это вы зря, коллега. — Именующий подошел к собеседнику. — Не мы создали Хмурь. И хочу заметить, что именно *подмирье* поможет Хранителям Грез противостоять. Разве нет?

Созидающий не показывал эмоций. Хотя Именующий догадывался, что в глубине — *души? сознания?* — коллега испытывает дискомфорт.

— Она прочно обосновалась там, — с металлом в голосе проговорил Созидающий. — Так просто ее не достать. Только когда будет Вторжение. Его-то я и опасаюсь.

— Вы думаете, у них не получится?

— Должно. Это способный мальчик. Со своими *изъянами*, но они лишь обостряют его способности. Он молодец.

— Грядет Вторжение… — тихо произнес Именующий, словно пробуя фразу на вкус. — Почему одним позволено больше, чем другим? Почему Темный Фрактал так легко нарушил равновесие, а мы, как дураки, стоим здесь и наблюдаем?! Где справедливость?

— А справедливость, коллега, в том, что Темный Фрактал сейчас сидит запертым в мире. Они лишены сил и былого могущества. А мы — нет. Вот где справедливость.

— Надоело разгребать их ПОСЛАНИЯ.

Созидающий улыбнулся.

— Вы должны быть им благодарны. Что бы мы сейчас делали?

Вопрос был риторическим. Конечно, Именующий несколько лукавил, но ему и вправду не нравилось играть роль мусорщика. Тем более, когда действовать приходится не напрямую. Впрочем, на то они и коллеги. И никто в их дела не вмешивается. Они на хорошем счету, им доверяют. Это тоже дорогого стоило.

— Меня беспокоит, что мы не сможем вмешаться, если что-то пойдет не так, — признался Именующий.

— Понимаю, — Созидающий кивнул. — Еще одного опустошенного мира я не переживу. Он слишком ценен и перспективен.

— У нас полно проектов для него.

— Именно. Мы и так сделали много, разрешив создать аватар. Для Хранителей это воистину уникальный опыт. И когда они узнают, могут возникнуть вопросы.

Именующий погладил выбритый подбородок. Его губы тронула усмешка.

— Разве в творчестве могут быть вопросы?

— А вы молодец, коллега.

— В том наша задача, коллега. — Внезапно Именующий посерьезнел. — Хмурь становится сильнее. Ей по зубам сожрать этот мир.

— Если он не встанет поперек горла.

— Можно ли считать это шуткой, коллега?

Созидающий снова воззрился в *пространство*. В его зрачках отражалась вечность.

Глава 11

На порядок сильнее

03 июля.

Я остался один. Ни друзей, ни родных. Дошло до того, что мне приходилось готовить бабушке с дедушкой. Они стали совсем плохи. В баню ходить бросили, и я вынужден был обтирать их влажными тряпками. На бабушку я старался не смотреть — извечно аккуратная, она сидела со спутанными волосами, на губах — крошки, а халат испачкан так, будто...

Да, будто его не меняли недели.

Почти все свободное время уходило на кухонные дела и хозяйственные нужды — магазин, дрова, уборка. Иногда помогал Иван. Слава Богу, он оставался нормальным. После того как к нему вернулась мечта, он набросился на кузницу с удвоенной силой. Но, увы, подаренная закладка в виде драконьей лапы счастливее меня не сделала. Зато Иван научил меня готовить, поскольку давно жил один.

Тин еще проявлял какую-никакую активность, но день ото дня становился все более квелым. Тень на его лице сгущалась, фразы были все короче, настроение — хуже. Он начинал грубить и в одночасье забыл, что мы с ним лучшие друзья. Мишка не вылезал из компьютера, а визиты на завод прекратились в тот самый день, когда я впервые увидел друга с тенью на лице.

Прошла неделя. Из семи ночей две выдались спокойными. Я все еще боялся использовать мечты. Мне хотелось вырваться в Сосновку, но времени не было. Я нуждался в практике. Было боязно использовать самое сокровенное, что у меня имелось.

А потом, в одну из ночей, меня снова чуть не убили. Вернее, чуть было не *опустошили*. И я понял: без мечты не обойтись. Если хочу побеждать и быть уверенным в том, что больше никто из дымчатых не потеряет свои мечты, я должен поступиться принципами и отринуть страх. И забыть о фантазиях.

Случилось и еще кое-что неприятное — Едоки изменили тактику. Они решили взять меня физическим измором. Они хлестали меня порталами, и я вынужденно тратил фантали на то, чтобы защититься. Все тело было в синяках, ребра болели, и это лишь помогло мне укрепиться в мысли, что пора использовать мечты.

К середине дня я разделался со всеми бытовыми делами: сходил в магазин, убрался в доме (ро-ро оставляли на кухне много мусора и грязи), обтер их влажной тряпкой и причесал бабушку. Скорее всего, я придумывал, но от тени исходил неприятный холод, и всякий раз, когда я проводил тряпкой по лицу бабушки или дедушки, мою ладонь словно облачали в ледяную перчатку.

Я сильно промерз. Хотелось в сторожку и растопить печку. Я бежал из дома ро-ро как испуганный пес. Уединившись, закинул в печку дрова и поджег. Налил какао. Трясло. Летнее тепло не помогало. Я пил какао большими глотками и придвинулся поближе к печке. На столе поверх листа бумаги лежала ручка. Я поставил себе цель сделать список. Список с мечтами.

И тотчас же столкнулся с первой проблемой. *Является ли мечта по-настоящему мечтой или не более чем фантазией?* Скажем, я знал крепко и совершенно точно, что желание научиться летать и прожить как бабушка с дедушкой — самые настоящие мечты. Я грезил этим с самого детства. Когда мне снилось, что я летаю над миром, я просыпался в слезах — реальность и сон жестоко разнились.

Пусть это будет первым пунктом.

Бабушка же с дедушкой всегда восхищали меня своей любовью и сплоченностью. Мама ставила их в пример, как образец всего самого чистого, искреннего и родного.

А это — вторым.

На третьем пункте я споткнулся. Я просто поставил цифру «3» и пририсовал стрелочку, ведущую ко второму пункту, и занялся четвертым. И застопорился. Оказывается, не так-то легко выуживать мечты и понимать, что из них по-настоящему важно и ценно, а что — блажь пятнадцатилетнего мальчика.

Я бился над четвертым пунктом долго, очень долго. Пока не осознал, что не осталось ничего, что вынашивал бы с самого детства и искренне мечтал, не считая первых трех пунктов. Мне никогда не думалось, что мечты — слишком ограниченные штуки, которые, однако, необычайно мощны. А научившись разбираться, где фантазия, а где самые искренние грезы, понимаешь, насколько в действительности мало настоящих мечт. Выходило так, что я был не лучше тех теневиков, что успел повидать. *Избавь меня от мечты, и жизнь моя урежется на треть. Впрочем, считается ли, что я не стану теневиком, пока из меня не вытянут все мечты? Не об этом ли говорил дядя Коля, приводя пример с макаронинами?*

Да, у меня была фора в виде еще двух ЖИЗНЕЙ. В отличие от бабушки, в отличие от дедушки, в отличие от Тина. Тина... *Меня лишили друга. Самым наглым образом. Можно сказать, что я вместе с Едоками сломал его жизнь. Смогу ли я вернуть ее? Как бы мне хотелось, чтобы повторилась история, случившаяся с Иваном...*

Я долго смотрел на лист и, наконец, крупными буквами возле четвертого пункта написал:

«ЧТОБЫ К ТИНУ ВЕРНУЛАСЬ ЕГО МЕЧТА».

Изучив список, я кивнул. Теперь все было правильно.

Но я не понимал, чем готов рискнуть, а что лучше отложить на потом. На всякий пожарный. *Есть мечты — значит, не пропаду* — так звучал мой сиюминутный девиз.

Я откинулся на спинку дивана. Повсюду лежали книги. Они напоминали маленький сказочный народец, забредший в гости к одинокому жильцу. Часть из них по-прежнему ютилась на столе, часть — на диване, еще пара томиков лежали на полу, одна подпирала полочку с печеньями. Книги разбрелись кто куда, но все смотрели на меня, словно ожидая, когда я начну рассказывать им что-нибудь интересное. И я с грустью понял важную и одновременно жуткую вещь: книги больше мне не понадобятся. В том плане, в каком я их использовал.

Меня охватило странное чувство — как будто я предал их. Предал нашу дружбу, и теперь ничего не будет как прежде. Я заморгал и помассировал голову, стараясь прогнать эти ненужные мысли.

Простите, книги. Я не могу переводить вас. Половины из ваших соратников я уже лишился, и мне никогда не прочитать их с былым восхищением, какое испытывал на каждой странице, в каждом эпизоде. Мне уже не удается перечитывать вас, потому что я не вижу ничего интересного и захватывающего. Это моя вина. Но я делаю так не по собственной воле. Пожалуйста, не вините меня.

Я подошел к тумбочке, чтобы налить себе еще немного какао, и встретился взглядом с совой, что смотрела на меня со стеклянной крыши построенного на воде города. Я протянул руку и погладил рисунок. Пальцы ощутили дощатую стену и легкие бугорки красочных мазков. На губах появилась улыбка.

— Кое-чего не хватает.

Я вернулся к списку и возле третьего пункта написал четыре буквы.

— Не подведи, — и спрятал лист за спинку дивана.

***

— Иван, я не знаю, что делать. Все плохо. Все очень плохо, — сетовал я, глядя, как работает кузнец. Он раздувал меха, дожидался, пока металл накалится добела, а после с уханьем стучал по заготовке огромным молотом. — Понимаешь, они уже не люди, и…

— Не говори так! — оборвал меня Иван. — Нельзя говорить так ни при каких обстоятельствах, Саша.

— А кем был *ты*, когда уехал из Дымчатой?

Иван не ответил.

— Жутко это. Они лишены мечты.

— Но почему? — спросил запыхавшийся кузнец, поправляя повязку на голове так, чтобы волосы не лезли в глаза. — Откуда ты знаешь?

— Поговорил с Мишкой, — солгал я. Так или иначе, но правда была мне известна, а признаваться, что я Хранитель Грез и воюю с Едоками — не лучший способ донести истину. — Он больше не хочет заниматься велодрезиной.

— Перегорел?

— Нет. Его… *ПЕРЕГОРЕЛИ*.

— То есть это наподобие болезни?

— Практически. Только вирусы сами приходят к тебе…

Иван сел на скамейку рядом со мной.

— То есть как это, Саш? Я не совсем понимаю тебя.

— Вань, ну… Ну вот так и происходит. Просто поверь.

Кузнец почему-то улыбнулся — грустно и как-то осуждающе.

— Ладно, поверю.

Он встал и прошел обратно к рабочему месту. Я последовал за ним.

— Что это?

На подставке лежало нечто продолговатое и заостренное.

— Это что, МЕЧ?! — удивился я.

— Да нет… Это кочерга! — выпалил Иван.

— И зачем она тебе?

— Ну, — пожал он плечами. — Пусть будет. Я уже около двухсот штук сделал. Все равно я ничего толкового не умею. К несчастью…

«К несчастью»… Он добавил это так горько, что мне стало жаль его. Действительно, все, что оставалось бедному Ивану, это делать то, что он умел лучше всего.

— И все-таки это меч, — я с прищуром посмотрел ему в глаза.

— Да я загну потом! — отмахнулся кузнец, и мы оба сделали вид, что не заметили красивой рукоятки с мощным эфесом.

Когда я пришел к Тину в следующий раз, то обнаружил его сидящим рядом с отцом. На кухне. В тарелках перед ними лежали грязные клубни плохо очищенной картошки, обгрызанные с нескольких сторон, как яблоки…

Испытывая странное и доселе неведомое чувство отвращения, я выбросил картошку, достал новую и поставил вариться. Пока закипала вода, я прошел в комнату Тина. В ней царил бардак — кровать не убрана, на полу чернеют следы от кроссовок, корзина из-под несвежего белья опустошена, а вместо футболок и носков в ней лежат бесчисленные горы болтов, саморезов, гаек, шайб, магнитов, отверток и всего того, что некогда было так любовно сложено у Мишки в отдельном шкафчике или висело на поясе.

— Мишка! Миш!

Я услышал громкие равнодушные шаги безвольного человека. Он зашел в комнату и уставился на меня ничего не выражающими глазами. Тень скрывала его, как если бы кто-то невидимый держал перед ним кусочек тонированного стекла.

— Чего тебе?

— Это что такое?! — сдерживая ярость, спросил я и указал на корзину.

Медленно, скорее даже лениво, Тин перевел взгляд на корзину, полную инструментов.

— Фигня какая-то.

— Да?!

Несмотря на то что он был выше меня почти на голову, я схватил Мишку за грудки и впечатал в стену. Его затылок крепко ударился о стену, но это волновало меня меньше всего.

— ФИГНЯ, ГОВОРИШЬ? — прошипел я, приблизившись к нему так близко, что наши носы практически соприкоснулись. — Ты соображаешь вообще, что несешь, ты, идиот?!

Это дело твоей жизни! Каждая отверточка, каждая шайба — это то, чем ты всегда занимался. Ты понимаешь меня?!

Моя вспышка гнева никак не отразилась на лице Тина.

— Не понимаю.

— Ты обожал конструировать!

— Теперь нет. Не понимаю, зачем я это делал.

Тень была близко. Я хотел коснуться ее пальцем, ощутить холод, познать, что она такое, но чем ближе я был, тем теснее тень прижималась к лицу Тина. В конце концов, дошло до того, что потемнела его кожа, и я поспешил отойти. Руки мои обвисли, словно их лишили костей. Голова показалась слишком тяжелой, чтобы держать ее прямо.

— Ты же мечтал…

— Не знаю, — механически ответил Мишка.

— О чем ты мечтаешь! — крикнул я, глядя на него. — О ЧЕМ!

— Не знаю.

— О ЧЕМ ТВОЯ МЕЧТА?!

— Что это такое?

— Я НЕ ВЕРЮ ТЕБЕ! ВСЕ ЛЮДИ О ЧЕМ-ТО МЕЧТАЮТ! СКАЖИ МНЕ!

— Мне сложно понять тебя.

— Да ты!..

Мое внимание привлек возникший в дверном проеме дядя Володя. Он баюкал правую кисть, положив ее на локтевой сгиб левой руки.

— Дядя Володя? Что случилось?

Он поднял руку, и я увидел ярко-красный росчерк. Кожа вокруг него уже покрылась волдырями.

— Картошка, — сказал он.

Я прислушался и уловил слабое шипение. На кухне стоял пар и пахло горелым. Я переборщил с водой. Справившись, я убавил огонь и вернулся в комнату. Тин сидел за компьютером и пялился на рабочий стол. Удивительно пустой.

— Тин?

Ни иконок, ни папок с проектами, ни папок с чертежами и фотографиями готовых конструкций и изделий. Ничего. Ни-че-го…

— Тин!

Я метнулся к нему и, вцепившись в кресло на колесиках, отшвырнул его в сторону. Кресло врезалось в стену. Ничего не ожидавший Мишка упал на пол, словно мешок. Яркое, колкое чувство вины стегануло меня по лицу подобно пощечине. На глаза навернулись слезы, но я судорожно вцепился в мышку и проверил файлы компьютера. Все было стерто. Все труды, все плоды его интеллектуальной мысли были уничтожены.

Я повернулся к Тину. Он все еще лежал на полу.

— Что ты наделал…

По моему лицу текли слезы.

Вернувшись в сторожку, первое, что я сделал, это достал листок с мечтами и подчеркнул четвертый пункт. Несколько раз. Сомнений у меня больше не осталось. *Этой ночью я сделаю то, на что не мог решиться. Мечта? Хорошо. Будет мечта. Что мне терять?*

Словно в ответ на мой незаданный вопрос порыв ветра подхватил и сдул листок со стола. Я успел поймать. Крепко сжимая в пальцах, я посмотрел в него. На меня таращился третий пункт, угрюмо и с укором. Сердце екнуло.

— Оул.

Я подпрыгнул на месте и спрятал листок в карман.

— Туман! Ты не мог бы являться более… Обычно!

Я сразу же захотел рассказать ему про Тина.

Зверек запрыгнул на диван, а оттуда на стол.

— Обычнее не бывает, — он пожал плечами.

— Ты понял, о чем я! — огрызнулся я и закрыл дверь, перекрывая доступ сквозняку. Листок с мечтами спрятал в кармане. — Где ты пропадал?!

Туман изменился. Он как будто похудел, а шерсть обесцветилась. И глаза.

— Дела, Оул.

Туман, по моей вине Мишку лишили мечты.

— И это все? Дела? Серьезно? Ты отсутствовал больше недели, и все, что я заслужил, это какое-то «дела»?

— Нет. Еще я рад, что ты пребываешь в здравии. Значит, научился.

ЭТО ТЫ НЕ ВИДЕЛ МОИХ СИНЯКОВ!

— Не без помощи Лены! — язвительно сказал я.

— О, стало быть, знаешь. Отлично.

— И о Старших Хранителях тоже.

Я порывался выложить ему все сразу, скопом. Но не мог. Боялся.

— Тем лучше. Что-то еще?

— Да. Нападение. Ты тоже будешь ждать сложа руки? Лапы.

Хорек вздернул, э-э-э, бровь.

— Разве ты заметил, чтобы я за последнее время сидел сложа руки? *ЛАПЫ*, — он передразнил меня и ухмыльнулся. — Я делаю все, что в моих силах, поверь. Происходит небывалое. Атаки проводятся почти на каждой станции. Хранители в недоумении. На некоторых узлах подключаются еще и Старшие Хранители.

— Старшие Хранители, СТАРШИЕ ХРАНИТЕЛИ... Где они?! Почему бездействуют?

— Старшие Хранители делают больше, чем ты думаешь, Оул.

Я заскрипел зубами.

— И что же они делают?

— Я ведь только что сказал.

— Подключаются, говоришь? — Туман кивнул. — А нельзя ли подключить кого-нибудь и СЮДА?

— Пока нет. Есть точки… Поважнее.

ЭТО Я СДЕЛАЛ ТИНА ТЕНЕВИКОМ.

— Поважнее?!

— Там больше людей и угроза опасности сильнее.

— Но ты же сам говорил про Дымчатую, про слабое звено!

— В ближайшее время ничего не будет. Все силы брошены за ее пределы. Уж не знаю, почему. Может, хотят отвлечь, ослабить или разрознить.

— Здорово…

Хорек покачал головой.

— Понимаю, как тебе трудно. Но представь, что пять—шесть Едоков — это ничто. В тех местах, о которых я тебе говорю, нападают сотнями. Многие погибают.

— Погибают?

— Да.

— Лена!..

— Успокойся, с ней все в порядке. Но да, Едоки могут убивать Хранителей. Если вырвут мечты слишком резко и все разом. Но на это способны либо несколько Едоков

одновременно, либо Пленусы. А их там много. Очень много. Еще мы дважды видели Пожирателей. И все Хранители надеются, что им это померещилось.

Мне стало не по себе. Когда я поднял руку, заметил, как она трясется. Когда начал говорить, услышал, как дрожит голос.

— Кто. Такие. Пожиратели.

Говорить долго и связно я не мог. Сковало горло.

— Худшие из, — так же коротко ответил хорек.

— И что с такими делать?

Янтарные глаза сверкнули особенно ярко.

— *Убивать.*

Опять убивать. И никого не заботило, что мне было пятнадцать. Убивать — и все. Кто такие Пожиратели? Те, кого надо убивать. Все просто.

А потом я все-таки не выдержал и рассказал ему, что случилось с Тином и ПОЧЕМУ это произошло. И расплакался. Туман положил свою удивительно мягкую и теплую лапу мне на ладонь.

— Посмотри на меня.

Я посмотрел. Сияние его глаз напитало меня теплом и спокойствием. Я перестал всхлипывать и утер нос.

— Ты справишься. Я думаю, *новое* знакомство с Леной пошло тебе на пользу. — Он лукаво ухмыльнулся. — Ты парень смышленый и точно не пропадешь. Используй с умом, Оул.

Он не сказал, что я должен использовать. Но объяснения никому не требовалось.

***

И я использовал.

Новая сила, новые возможности. Эта была феерия, буйство, всемогущество. Крепчайшая фанталь, которая по размерам превосходила меня вдвое. Я лупил Едоков так, что они отлетали подобно пущенным из рогатки снарядам. Они не выдерживали ударов и лопались. Я окружал себя стенами и разрубал монстров пополам. Мне было нестрашно. Впервые в бою с Едоками мне было нестрашно. Я ощущал комфорт и превосходство.

Из интереса попробовал использовать фанталь из фантазии (вобрав ту, из мечты), но быстро понял, что это УЖЕ НЕ ТО. Даже не стал собирать лопнувшую на крупицы сферу.

Зато заметил кое-что интересное — в том месте, где висела фанталь, Едоки двигались как будто медленнее. Словно перламутровая пыль удерживала их. Я создал и распылил сразу несколько таких фанталей и — о чудо! — Едоки и вправду замедлились. Теперь я мог уворачиваться от порталов.

Крики, холод и запахи кедра, мяты и гари. Белесый туман, черные силуэты и голубоватые отсветы. Я выудил фанталь, сделанную из мечты, и посмотрел на Едоков.

— Так гораздо интереснее, — сказал я и побежал к вагонам.

Фанталь не лопалась и никуда не исчезала. Гладкая, аккуратная. Как у Лены. Она всегда была рядом, под рукой, в моем распоряжении. И когда все закончилось, а поезд уехал, я собрал раздробленные фрагменты фантали в единое целое и вобрал в себя. Ладонь ощутила приятную тяжесть перекатывающейся мечты, и я позволил ей раствориться.

Сознание наполнилось сценами полетов. Над городом и над туманной Дымчатой, над рельсами, наперегонки с поездом, и над бескрайним океаном. Я соревновался с соколами и самолетами.

Я стал сильнее.

Вот только летать уже хотелось не с такой силой…

Интерлюдия 11

04 июля

Людмила Сергеевна стояла на веранде и улыбалась. *Пыталась* улыбаться. Позади нее клубился сладкий запах выпечки. Он — единственное, что не вписывалось в серость Дымчатой

Стоял прекрасный день. Если отринуть мысли о случившейся с Дымчатой напасти, то и вовсе идеальный. Солнце щедро одаривало теплом каждый участок, каждую травинку и листочек. Ночной туман еще лежал в темных закоулках, но потихоньку истаивал.

Женщина повернулась к калитке. Настроение испортилось.

Куры вперемешку с гусями и собаками толпились перед входом и требовательно смотрели на нее. Отощавшие псы поскуливали.

— Иду, иду… — устало проговорила женщина и направилась в пристройку.

Взяла ведро, зачерпнула из большой железной кадки пшена и пошла обратно. Сняла со стены пластиковый совок и захлопнула за собой дверь.

Куры чуть не съели ее. Они были голодными. Женщина не успевала. Поддерживало то, что кроме нее этим занималась и Дашка. Но ей было тяжелее.

Рассыпав первую порцию, Людмила Сергеевна сходила за водой и развела в другом ведре хлебные корки, картофельные очистки, мясные консервы и кости. Надо, чтобы и собаки ели, пока не начали пожирать друг друга. Их она кормила в другой стороне, чтобы никакая курица не залезла в миску и не нарвалась на неприятность.

В самом разгаре кормления ее и застал Сашка.

— Здравствуйте! — громко сказал он, отчего-то обрадованный. Людмила Сергеевна улыбнулась в ответ.

— Привет, Сашка! Проходи. А я вот тут кормлю бедолаг. Совсем о них позабыли…

Она немного смутилась. Ее еще никто не видел в таком виде — красную, взмокшую, с каплями пота на лице. Усталую. С прилипшей к телу блузкой, с растрепанными волосами. Ужасно…

Чтобы отвлечься, она зачерпнула совком пшено и широким взмахом отправила на дорогу. Куры жадно набросились на еду, а собаки требовательно залаяли.

— Сейчас, сейчас, погодите. Я не могу сразу всем!

Женщина еле сдерживала слезы. Она привыкла трудиться и это ее не смущало. Куда сложнее оказалось привыкнуть к этой безнадежной атмосфере какой-то всеобщей погибели. Очень тяжело.

— Давайте я вам помогу, — сказал Сашка и заозирался. — Чем их покормить?

— Собак? А возле бани, глянь, пара ведер, — женщина поправила слипшуюся челку. — Там вода, молоко, немного хлеба и всякие овощные обрезки. Я теперь вообще ничего не выбрасываю, все в ход идет.

Мальчик быстро справился с задачей. Собаки замолкли и, благодарно виляя хвостами, сгрудились возле еды.

— Да уж. Вот задачка вам...

Саша тоже вспотел и старался дышать потише, чтобы не показывать, как выдохся.

— Ничего, — Людмила Сергеевна утерла лоб. В который раз. — Вон, Дашка целыми днями пасет коров и коз. Застоялись. Никому ж нет дела до них, сам видишь...

— Ага...

— А ей еще и доить. Нельзя их так оставлять.

Мимо прошаркал какой-то мужчина. Неопрятный, понурый, с чернеющей печатью на лице. Людмила Сергеевна поежилась.

— Бр-р... Никак не привыкну.

— Лучше бы и не привыкать, — отозвался Сашка.

Людмила Сергеевна следила за удаляющимся человеком. Он почти исчез в дали, растворяясь в тумане.

— Туман. Хех, — проговорила она.

— Да-а, туман. Туман. — Сашка стоял как загипнотизированный. — Что же он скрывает… Я должен разгадать тайну.

Женщина поежилась. Кожа покрылась мурашками. Она испугалась, что Сашу тоже одолело… *Нечто*.

— Саша? — усмиряя дрожь в голосе, спросила Людмила Сергеевна.

— А? Что?

— Все хорошо? Ты что-то странное говорил.

Сашка тряхнул головой и склонил ее набок.

— Людмила Сергеевна, скажите, пожалуйста, вы не знаете, кто ставил крест дяде Коле?

— Не-а, — она наморщила лоб. — Кто-то из его знакомых. А что?

Саша пожал плечами.

— Да ну. Ни даты, ничего. Написали просто «Дядя Коля» и все.

— Ну, он же особо ни с кем не общался. А тебе зачем, Саш?

— Хотел узнать, сколько ему ле... Сколько ему *было* лет.

— Зачем?

— Туманы…

— Не поняла?

— Так просто. Чтобы быть в курсе.

Людмила Сергеевна покачала головой.

— Не знаю, Саш. Да и кто тебе что сейчас скажет? — она кивнула вслед уходящему человеку. — Сам видишь... Может, документы какие остались?

— Не-а. Ничего.

— Странно. Ай, ладно! Пойдем, я тебя тортом угощу. Голоден?

— От вашего торта точно не откажусь!

Они устроились на веранде. Людмила Сергеевна предвкушала, как Сашка будет есть торт. Вроде бы, она достигла идеального рецепта.

— Тебе чай простой или с мятой?

Мальчик вздрогнул.

— Не-не-не, никакой мяты!

Людмила Сергеевна приподняла бровь.

— Ты чего это?

— Да что-то... Многовато мяты последнее время.

Чай пили в удрученном молчании. Несмотря на безоблачное небо и тихий теплый ветерок говорить не хотелось. Светлые мысли просто не лезли в голову. Наверное, озадаченное и уставшее лицо Людмилы Сергеевны нашло отражение в лице Саши.

— Чего-то давно Мишка не заходил. Где он?

Ложка с тортом застыла на полпути ко рту. Саша положил ее на блюдо и опустил взгляд. Кашлянул. Шмыгнул. Снова кашлянул.

Людмила Сергеевна все поняла.

— Что, он тоже?

Саша виновато кивнул.

— Блин... — Людмила Сергеевна сникла. — И давно?

— Не очень.

— Какой кошмар...

— Ничего, — Саша отпил чаю. — Все будет хорошо. Вот увидите.

Он говорил так уверенно, что никаких сомнений не было.

— Да, Саш. Все будет хорошо.

Она встала и достала из шкафа небольшую плоскую тарелку.

— Я положу ему все-таки... Передашь, ладно?

— Конечно, Людмила Сергеевна.

Вскоре он ушел.

Людмила Сергеевна смотрела, как Сашка решительно идет к своему другу. И плакала.

Глава 12

Отомстить

04 июля.

Забвение. Мрак и мгла. Два лица — мрак и мгла. Отец и сын. Дядя Володя и Мишка.

— Здравствуйте, дядь Володь! Привет, Тин!

Я знал, что никакого ответа мне не будет, но продолжал здороваться. Независимо от того, что тебя окружает, надо оставаться человеком до последнего.

— Я вам тут торт принес. Людмила Сергеевна принесла. Вот, поешьте.

Сделал им чай, и под абсолютное молчание они УПОТРЕБИЛИ (на иной глагол это не было похоже) весь торт. То было иное молчание — не чета нашему с Людмилой Сергеевной. ЭТО давило безысходностью, расплющивало и выворачивало наизнанку. Оно отравляло. Шедший от теней холод остужал кровь. Меня потряхивало.

— Оставляйте, я помою, — сказал я, когда чай был допит, а торт УПОТРЕБЛЕН.

Они и не собирались ничего мыть. И бардак, царящий вокруг, лишь подтверждал мои предположения.

Полчаса ушло на небольшую уборку. Я не хотел, чтобы мой лучший друг обитал в таком бардаке. Когда с делами было покончено, я пошел в комнату Тина, где обнаружил его сидящим перед компьютером. Он бесцельно водил мышкой по экрану и даже не следил взглядом за курсором.

— Миш?

— А.

— Ну ты как?

— Нормально.

— Торт вкусный?

— Нормальный.

— Ты какие-нибудь другие слова знаешь, Тин?!

Тихо, тихо, не психуй. Он не виноват.

— Наверное. Не знаю.

— Может, погуляем хоть?

— Не хочу.

— Почему?

— Что там делать?

— Собирать дрезину.

— Да пошла она.

Я пересек комнату и отодвинул Тина от компьютера. Взяв его под мышки, приподнял. Мишка не сопротивлялся. Он смотрел на меня пустым взглядом, теряющимся во тьме тени.

— Вернись, Миш. Пожалуйста, вернись. Ты же тут. У тебя же есть мечта! Вернись, слышишь?

— Да.

— Пойдем. Ну пойдем же! Дрезина ждет.

— Да пошла она.

Я стиснул зубы.

— Кстати! Ленка приехала!

— Да пош...

— ЗАТКНИСЬ!!!

Я поднял руку, зная, что не сделаю этого. Прежний Тин тоже знал. Этот — нет. Проворный и длиннорукий, он, казалось, сам того не понимая, ударил меня в скулу. Волна шока окатила меня. А мой друг стоял и смотрел на меня как ни в чем не бывало.

Я не дал сдачи. Через мгновение меня и след простыл. Я не мог ответить Тину. Он не виноват. Как можно поднять руку на лучшего друга? Но я знал, кто ответит.

— И ответит очень скоро, — сказал я, улыбаясь заходящему солнцу.

Мне не терпелось дождаться ночи. Я жаждал встречи с Едоками.

***

Снова шел дождь.

Раскаты грома сотрясали Дымчатую, и за шумом падающих капель не было слышно приближающегося поезда. Зато мир трясся, как мука в сите. Видимость была очень низкая, и все, что различал, это невнятное сине-голубое пятно.

Я промок до нитки сразу же, как вышел из сторожки. Но меня это не заботило. Еще никогда я не был столь решителен, как сегодня. Не обращал внимание на дождь даже тогда,

когда поезд подъехал, и капли стали совсем ледяными, а изо рта повалил пар. Некоторые капли (самые близкие к поезду) превращались в град.

Мне не доводилось орудовать фаналями в такую погоду, и на секунду закралось сомнение, что контуры сферы могут не выдержать падающих сверху кусочков льда, но я быстро отбросил эти мысли прочь.

Они мои. Я им хозяин. С ними ничего не случится.

Для боя было выбрано единственно верное и правильное оружие, сильнее которого в настоящий период времени не сыскать. Тин. Его возвращение. То, чего я желал столь же сильно, сколько и уничтожения Едоков.

Я сам пошел к ним навстречу. Утопая в лужах и громко хлюпая ботинками, полными воды. Я шел к ним, вытирая лицо, чтобы через несколько секунд ледяные капли вновь застили обзор. Я шел во имя своего друга.

Их было двенадцать.

Я распылил в воздухе одну фанталь, чтобы замедлить движения Едоков, и пошел мстить.

Первого огрел перламутровой плетью сразу же, как только он показался на платформе. Хлесткий удар рассек его плоть-тень. Едок лопнул. Выбежавшая следом пара оказалась проворнее. Одного я смог подсечь, но другой увернулся от удара, и мне пришлось отступать, чтобы не быть прижатым к ограде.

Пока я совершал маневр, оставшиеся Едоки покинули вагоны. Дождь мог быть сколь угодно сильным, пусть бы и не различить ничего, кроме силуэтов, но я узнал *его*. А он узнал меня. *Пленус*. Огромный, на две головы выше остальных, стоял и смотрел мне в глаза. И пусть его лицо было неразличимо — я ВИДЕЛ эту улыбку. *Чувствовал*. Эту мерзкую улыбку. Он смотрел мне в глаза, а я смотрел на то, что было внутри него. То, что принадлежало Тину. Его мечта.

Наросты на спине стали еще больше. Словно воспаленные шишки. Я поблагодарил судьбу за то, что она свела нас именно сегодня. Очень своевременно.

Это было что-то вроде копья. Оно прошло сквозь грудь ближайшего из Едоков и завязло среди монстров. Пленус поднял лапу, и трое его прихвостней ринулись на меня, а за ними — еще двое. Троицу я сразу заключил в кольцо и туго стянул. Разобраться с ними не успел — подбежавшие Едоки замахали лапами, так что я ретировался, освобождая побольше пространства между мной и нападающими. И немного распылил фанталь.

В моих руках возникли длинные перламутровые посохи. Гибкие и проворные, подобно змеям. Не имея никакого опыта рукопашных схваток, я кое-как отбивался от напирающих Едоков. По моему приказу посохи оживали и жалили в ответ на попытки тварей исполосовать меня. Так, в скором времени у одного не было двух лап, второй лопнул после того, как я ловко ткнул посохом в морду и облако перламутра влетело в раскрытую пасть монстра. Голова его распухла и с противным хлюпающим звуком лопнула, а я поспешил собрать мириады перламутровых частиц в единую сферу. Ее и запустил в увечного Едока. Этого хватило, чтобы он умер.

Меж тем наброшенное на троицу Едоков кольцо ослабло. Те разорвали его, и у меня уже не было времени, чтобы собрать крупицы. В отличие от фантазий, фанталь, сделанная из мечты, так просто не исчезала и не лопалась. Я отщипнул от перламутровой сферы увесистый кусок и бросил под ноги тройке Едоков. Взрывом их отбросило в разные стороны. Один свалился на рельсы. И никто не погиб.

ПРОКЛЯТЬЕ!

А на меня уже мчала следующая двойка. За их плечами я увидел то, с чем просто ненавидел сталкиваться: жгуты. Порталы. Два пепельных ручья протянулись вглубь Дымчатой. Потоки пепла неслышимо журчали, но в том интенсивном движении мне слышалось зловещее шипение. Высившийся над двумя Едоками Пленус охранял их. Он внимательно следил за мной, но не вмешивался, лишь подгонял своих, хм, *коллег*?..

Отвратительные жгуты. Ненавижу.

Меня как кипятком ошпарило.

Это что же получается? Из нормальных жителей остались считанные единицы, да и те — мои знакомые. Значит, сейчас под удар попали или Иван, или Людмила Сергеевна, или тетя Даши.

Может, кто-то еще, кого я не увидел без тени.

Нет. Я не дам этому случиться.

С остервенелым рычанием я побежал навстречу двум Едокам, заставив фанталь двигаться со мной. Я отщипнул от нее пару фрагментов и развел руками по сторонам. Едоки восприняли жест по-своему — наверное, подумали, что я сдаюсь. Они сбавили темп и, победно перекрикиваясь, приблизились ко мне. Я хлопнул ладошами. Едоков поразило с боков. Перламутровые шипы пронзили их головы. Платформу обдало гарью.

Казалось, копоть облепила мое лицо. Как тень, что покоились на лицах дымчатых. Я обтер лицо и приблизился к оставшимся трем Едокам, не сводя глаз с главного соперника.

Что-то сильно ударило в спину. Больно. Обжигающе больно. Я полетел вперед, потерял равновесие и упал на платформу, распластавшись в огромной луже. Брызги плюнули в лицо. Я заморгал в попытках прозреть. Это не был удар порталом.

Что за мечта была у меня только что в голове? Куда она делось? Вернись! Эй, вернись! Так, фанталь рядом. Не исчезла. Мечта? Вернуть Тина. Еще?

...

Пустота. Что это было? Что случилось? Где мечта? Едок! Поганый Едок обокрал меня!

Уловил звук шагов. С трудом понимая, что делаю, я использовал оставшуюся фанталь на создание барьера. Перламутровая стена взмыла вертикально вверх. Истошный вопль в буквальном смысле испугал меня и взбодрил. Я перекатился на спину и успел заметить, как одного из Едоков располовинило — контур моего барьера прошелся аккурат сквозь монстра. Из него вырвался радужный ручеек и полетел ко мне.

У МЕНЯ ТОЛЬКО ЧТО УКРАЛИ МЕЧТУ!!!

С мягким теплым касанием мечта растворилась во мне.

ЛЕТАТЬ.

ЛЕТАТЬ!

МОЯ МЕЧТА. ТЫ СНОВА СО МНОЙ.

А потом барьер лопнул — огромный Пленус рубанул по перламутровой завесе и разбил ее. Часть фантали исчезла, а часть повисла в воздухе подобно пыли, что осталась висеть в жарком воздухе после проехавшего по дороге автомобиля.

Я не сразу осознал, что лишился кусочка мечты. Правда, какой — я понятия не имел. Оставалось надеяться, что…

Что? Что она была не так важна? Что же это за мечты, которые НЕ ТАК ВАЖНЫ? Может, это и не мечты вовсе?

Дав слабину, я позволил нескольким шарикам фантали лопнуть. Испугавшись, я спешно вобрал в себя то, что осталось, и интуитивно отпрыгнул в сторону. Не зря. Оглушенные взрывом Едоки пришли в себя и жаждали мести. А с другой стороны меня ждал тот, кого предстояло убить. Выбор был сделан.

Сперва я хотел прощупать его. Посланный слабый снаряд был разломан пополам одним взмахом когтистой лапы. И тогда я понял, что так просто мне с ним не сладить. Даже несмотря на использование мечты. Сомнений не осталось.

Как ты там говорил? Летать? Над городами и океанами? Выше облаков и быстрее самолетов? Чувствовать ветер, чувствовать развевающиеся волосы и

штанины? Вытирать глаза от проступивших слез и ежиться от низкой температуры на высоте нескольких километров? Разве не прекрасно? ЕЩЕ КАК ПРЕКРАСНО! Этого ты хотел? Так вот, Оул, — ЗАБУДЬ.

Я отправил жалкие остатки фантали в Пленуса.

Будь крепкой, пожалуйста. Ты нужна мне. Я твой создатель. Служи мне. Служи и помогай!

Пленус выставил лапы, желая разрубить сферу так же, как и предыдущую. Но его конечности завязли в перламутре. Он дернулся, однако его лапы засели намертво. Что есть мочи я вытолкнул из себя новую фанталь. Она оказалась заметно меньше предыдущей. Пока я осматривал ее, мой взгляд привлекло постороннее движение.

Мечты. Два радужных сгустка плыли по серым порталам навстречу Едокам. Сзади наступали. Рядом со мной дергался здоровяк.

Что я должен делать?

Все.

Но разве это возможно?

Перебарывая желание мести, я схватил фанталь и вытянул ее наподобие гильотины. Она обрушилась на жгуты и развалилась на части. Однако, к моей скоротечной радости, жгуты успело перерезать, а мечты поплыли обратно в Дымчатую. Обозленные Едоки заверещали и повернулись ко мне.

Я не обращал на них внимания. Никакого. Мне было плевать. У меня еще оставалось…

Нет. Не они. Я не буду трогать те мечты. Я лучше погибну, будучи верным им, нежели лишусь навсегда самого сокровенного.

Остались куски предыдущей фантали. Я протянул руку к двум осколкам. Один из них разделил и вонзил в спины тех, кому обрубил порталы. Едоки лопнули. Я с трудом удержал спазм. От концентрированного запаха гари рвотные позывы были невероятно сильны…

…До тех пор, пока к ним не примешался запах мяты и кедра. Я так резко повернул голову, что чуть было не свернул себе шею. И оказался прав в своих предположениях — Пленус высвободился из моих оков.

Но у меня оставался последний осколок фантали.

Наверное, я слишком яро хотел его смерти. Слишком сильно, чтобы убить его незаметно. Он видел движение руки. Видел и понял. И отбил.

Еще больше мяты. Еще больше кедровых орехов.

Еще меньше мечты.

Никаких результатов. Кажется, он всего-то поранил лапу, и ничего более.

Приближалась выжившая двойка Едоков. Те, которых я некогда связал. Они разорвали путы и…

И я не успел собрать оставшуюся фанталь!

Жадно склеив то, что так и парило в воздухе, я отправил перламутровую ленту в Пленуса. Я сам стал лентой. Плоской, гибкой и юркой. Где-то далеко в холодную лужу упало тело юного мальчика. Капли дождя стекали по его лицу, но мальчик оставался безмятежным, лишь только брови нахмурились пуще обычного.

Крупный Едок стал единственной целью. Меня не тревожила моя смерть. Меня тревожила *его* смерть. Пленус взмахнул раз, другой, третий. Не попал.

Потому что я был гибелью.

И я не перестану быть ей, пока не добьюсь своего.

Уклоняться было легко. Оказывается, когда есть точная цель и сильнейшее желание достичь ее, результат выходит удивительно действенным. Я осознал это однажды, когда ощутил разницу между фанталью, построенной на мечте, против такой же, сделанной из фантазии.

Я осознал это и сейчас.

Мое тело было легким и светилось перламутром. Капли проходили сквозь меня. Сотканные из тени когти распарывали воздух совсем рядом — в считанных миллиметрах. Но я был сильнее. Тянуло к мечте. Была только она. И Едок. Я поравнялся достаточно близко, чтобы меня не достало лапами. Он хотел отойти назад, но я приближался к нему, не желая отпускать, как лучший друг перед долгой разлукой. Я не позволил ему повернуться и убежать прочь.

Внутри Едока было темно и холодно. И страшно. Зыбко и беспробудно. Но меня манила мечта, и я шел к ней. Она светила. Робко, еле-еле, но светила. Звала.

Тело Едока сотрясала крупная дрожь. Я как будто попал в эпицентр землетрясения. Голова кружилась, тошнило, но я упорно продвигался вперед. Мечта была все ближе.

Чувствуя, что слабею, я совершил рывок, и меня окатило ярким цветным светом. Наполнило силой и… Надеждой?

Я все еще был лентой, но у меня появилось плечо, которым я выбил дверь, ведущую наружу. Широкая брешь в теле Едока выпустила меня наружу и с громким хлопком исчезла. Вместе с Едоком.

Я увидел себя, жалкого и убогого, лежащего в луже, дрожащего, с пустыми глазами. И двух Едоков позади, которым оставался последний шаг, прежде чем они растерзают бедного мальчика.

Нельзя. Я не могу позволить себе умереть. За мной — Дымчатая. В моих силах защитить ее. В моих намерениях защитить ее.

В МОИХ МЕЧТАХ ЗАЩИТИТЬ ЕЕ.

Мир гас. Стремительно и безвозвратно. Капли падали все медленнее, а звуки становились все дальше.

Мир гас. Вместе с моим сознанием.

Я стану клеткой. Я не пущу вас. Вам никуда не деться.

Я не отдам Дымчатую...

Эпилог

Вода. Холодная вода повсюду. Лед. Мои пальцы — лед. Мои конечности — лед. Сам я — ледяная глыба. Боже, как ломит. Пожалуйста, отрежьте мне руки. Очень больно. Просто отрежьте. Я не вынесу этого.

Я открыл глаза. Им больно.

ХОЛОДНО!

Что за странные звуки? Это звери? Кто может так верещать?

Проморгавшись, я понял, что сплю. Потому что на меня смотрел Тин.

— Совсем с ума сошел, — буркнул я и попытался подняться.

Мишка подхватил меня и помог встать на ноги. На поясе звякнули инструменты.

— Тин? — недоверчиво спросил я.

— Это я, Оул, — удивительно мягко ответил мой друг.

Я чуть было не расплакался.

— Правда — ты?

Он кивнул. Мне показалось, что со смущением.

Дождь кончился. Небо начинало светлеть. Из-за горизонта выплывало солнце. Меня трясло. Кажется, температура.

Громкий глухой звук.

Я повернулся и всмотрелся в полусумерки. В это время суток мир казался удивительно серым и плоским, будто нарисованный пеплом. Даже фонарь светил как-то тускло, будто из последних сил. Прямо на платформе, скрестив ноги по-турецки, сидел необычайно высокий парень. Настолько высокий, что даже сидя мог бы потягаться в росте со мной или Мишкой. Или мне так показалось. Длинные белые волосы стояли дыбом, отчего голова напоминала подушечку, утыканную миллионами иголок. *И почему только волосы не намокли?*

Он сидел ко мне спиной, а перед ним замерли два Едока. Удивительно понурые, с опущенными головами. Они словно раскаивались за содеянное. Едоки находились внутри клетки — тонкой, едва виднеющейся. Ее реальность балансировала с вымыслом и скорее походила на морок.

— Крепкая, зараза. Очнулся. Давай. А то что, — сказал парень в серебристом плаще.

Странный какой... Как будто светится.

Он повернул голову, и я увидел его профиль: длинный тонкий нос, острый подбородок, выступающие скулы и глубоко посаженные глаза. В свете фонаря его кожа искрилась, как будто ее посыпали блестками.

— Ты зачем вымазался флюоресцентной краской? — спросил я.

Парень лишь хитро улыбнулся.

С ума схожу...

Сколько бы я ни моргал, свечение от плаща не уходило.

— Ну. Долго будешь? Устал сторожить.

— Что... Что я должен сделать?

Говоривший повернулся к Едокам.

— Прикончи их! Через аквариум твой. Не пробраться. Силен.

Его речь была отрывистой, словно ему не хватало дыхания. Резкий тон и до странности мелодичный голос, такой же переливчатый, как игра света на его лице.

Я стоял и смотрел то на него, то на Едоков. Внезапно вся моя одежда отяжелела, а между ней и телом будто исчез барьер — на меня обрушился весь холод промокшей от дождя футболки и джинсов. Затрясло. Я обхватил себя руками и смог сладить с собой только когда услышал стук зубов.

— Понятно. Не рассчитываю. Отвори маленькое окошко. Не больше кулака.

Странный человек — *ХРАНИТЕЛЬ* — поднялся и согнул руку в локте. Над его пальцами возникла перламутровая сфера. Такая же изящная и гладкая, как у Лены. Она угрожающе покачивалась и вращалась вокруг своей оси. Это впечатляло.

— Приоткрой карман. Закину туда. Достало.

Честно говоря, я думал, что не получится. Но не мог же я опозориться?

Я подошел поближе. В ботинках громко захлюпало.

Как в болоте.

С трудом, с дрожащими руками, но все-таки справился. Я очень боялся, что не совладаю с собой и клетка исчезнет, но все прошло благополучно. Чудаковатый парень незамедлительно бросил в клетку сферу, и та внезапно разрослась и вдавила Едоков в стенки. Те прогнулись, но выдержали. В конце концов, распухшая фанталь раздавила тварей. Они лопнули. Вместе с моей клеткой, кусочек который я успел вобрать.

Сгусток маслянистой гари впился в меня, слился в поцелуе. Я дышал гарью и выдыхал ее же. Меня хватило на пару вдохов. А потом вырвало. Я перегнулся через старую ограду и исторгнул из себя крохи вчерашнего ужина.

Когда я смог оторваться от ограды, серебристого и след простыл. На платформе остался только Тин. Мой растерянный друг Тин. Без следа тени на лице. Сейчас, с наступлением рассвета, это было отчетливо видно. Он хмурился и был явно ошарашен. И я не меньше его.

— Тин?

— Оул. — Голос его дрожал. Из-за Едоков он явно нервничал.

— Как ты... Постой-ка. Что это?

Я подошел к нему и легонько отставил в сторону. На рельсах стояла велодрезина. Не до конца собранная, перекошенная, с недостающими досками на платформе... И тем не менее она стояла и как будто бросала вызов моему неверию.

— Однако... — только и сказал я.

— Прорвало, — Тин пожал плечами.

— Прорвало? Как ты вообще здесь оказался? И кто это такой?

— Понятия не имею! Лежал я себе, лежал, а потом ка-а-ак вдарило в голову! Вот не поверишь — приспичило! — он говорил восторженно, его глаза горели азартом и возбуждением. Да, это был Мишка. — Внезапно захотелось на завод, к дрезине. Хотелось проверить ее. Вынь да положь! Давно хотел испытать.

Я вспомнил Пленуса. Как прорвался через его живот, как он взорвался... И как, должно быть, освобожденная мечта, подобно вырвавшейся на свободу бабочке, полетела обратно. К Тину.

— На часах три ночи, Сань! А мне взбрело в голову... Кое-как нашел фонарь. Я, дурак, зачем-то запихал его вместе со всеми инструментами в корзину для белья. Ну вот, рванул на завод. А оттуда прямиком на рельсы. Ночью поезда не ездят. Поехал в сторону Дружбино, сворачиваю, а мне навстречу летит этот шизик.

— Шизик?

— Да.

— Летит?

— Да.

— Точно? Ты ничего не путаешь?

— А что, после увиденного я еще могу что-то напутать?

Я, наверное, смог бы ему ответить, если бы не захохотал. Вряд ли мне было так уж смешно. Скорее, нервное. Тин немного поколебался и в итоге поддержал меня.

Так мы и стояли — два подростка в предрассветном часу на пустынной платформе — и смеялись.

— Погоди, — я еле перевел дыхание. — Ну встретил ты его… Фух… И что дальше?

— Этот дурень шмякнулся на шпалы и чуть не расквасил себе лицо! А потом запрыгнул ко мне на платформу. — Тут Мишка скорчил гримасу — вытянул подбородок, опустил голову, взглянул исподлобья и пробасил: — Мчи. Обратно. Быстрее!

И мы снова рассмеялись. Как же было здорово смеяться вот так искренне, беззаботно и громко. Только тогда я понял, до чего не хватало этих моментов. Дымчатая погрязла во мраке и равнодушии. Я погряз в делах и заботах, постоянных сражениях и переживаниях. Так нельзя.

— Подъехали, а ты лежишь в луже, как выброшенный щенок. Рядом — непонятная штуковина, в которой две тени… Или не тени… В общем, что-то жуткое, — голос Тина дрогнул. Я мог только догадываться, как он испугался. — Как тогда, когда дядя Коля... Ну а дальше сам знаешь — начал тормошить тебя. Ох и долго же ты приходил в себя.

— Да…

— Оул, — Тин перешел на шепот, будто боялся, что кто-то мог его услышать.

— Что?

— Так ты, получается, волшебник?! То есть, я имею в виду… Ну, короче… Блин! Ты можешь что-нибудь сделать?

И вновь его глаза горели азартом и ожиданием. Нет, даже *требованием*. Я покачал головой.

— Нет, Миш. Слишком дорога цена. Я не волшебник. Я — Хранитель.

И я тот, кто вернул тебе мечту.

Я тот, кто достиг мечты.

И я тот, кто лишился ее.

Мне не было известно об этом. Я просто радовался, радовался от чистого сердца, что мой друг обрел то, чего был лишен. И я был счастлив, что поспособствовал этому.

Тин проводил меня до дома и чуть ли не насильно заставил лечь спать. Он укрыл меня одеялами и велел провалиться в сон «для моего же блага». Я был признателен другу, потому что видел, скольких усилий ему стоило погасить свое любопытство и не терроризировать меня. Мишка был на взводе, его резкие и отрывистые движения напоминали речь того чудака, но никаких вопросов он больше не задавал.

***

Проснулся я из-за голосов. Приоткрыв один глаз, я увидел бледного Тина, разговаривающего с Туманом.

— Познакомились? — прохрипел я и улыбнулся.

— Саня, да что тут творится вообще! — выкрикнул Мишка, будто обвинял. — Как такое возможно? Я до сих пор отойти не могу! Интересно, что еще ты скрыл от меня?

Я вспомнил свои две мечты.

— Вряд ли что-то более шокирующее, чем говорящий хорек.

— Не просто говорящий хорек, — поправил Туман, — а говорящий хорек, довольный тобой. Хорек с чувством гордости. Где еще такое увидишь?

— Да уж… — пролепетал Тин. — Как-то это все… Туманно!

— О, не то слово. — Хорек широко улыбнулся.

Тин посмотрел на меня.

— Я теперь причастный, Оул.

— Причастный? — ничего не понимая, переспросил я.

— Посвященный в дела, если можно так сказать, — ответил Туман. — И… В мир. С Едоками и всем прочим.

Меня прошиб пот.

— Он тоже Хранитель?!

— Нет, конечно нет. Но твой друг теперь в курсе дел.

Я отбросил одеяло и сел. Перебарывая головокружение, посмотрел на зверька.

— Туман, сколько лет дяде Коле?

Хорек распахнул глаза и не ответил.

— Туман! Почему ты молчишь?

— Я… — на моей памяти это был первый раз, когда хорек смутился. — Я не знаю, Оул…

— Да почему никто не знает?! Что это значит?

— Многое, — серьезно ответил он.

Но меня было не остановить.

— И куда ты пропадал? Почему ты постоянно куда-то пропадаешь? Разве ты не знаешь, что мне нужна помощь?! Кстати, для справочки — сегодня ночью я снова мог погибнуть. В какой там раз — третий или четвертый? Может, пора ставить засечки?

— Остынь. Я скажу тебе, куда я пропадал. Ты знаешь про Вторжение.

— Вторжение?! — вмешался Тин.

— Погоди! — резко оборвал его Туман. — Ты даже не представляешь, на скольких станциях мне пришлось побывать. Я предупреждал Хранителей. Не все осведомлены. Есть области, где все тихо и спокойно, но с каждой ночью их остается все меньше. Я говорил с Хранителями. И просил их быть готовыми. Сказал про Дымчатую. Они знают, что тебе нужна будет помощь. Ну и надо было донести весть о новом Хранителе Дымчатой. Не все, знаешь ли, в курсе. Точнее, кроме Лены — больше никто. Теперь еще и Спойлер. Так что ты больше не одинок.

Спойлер? Я слышал про такого. О нем говорила Лена.

— Я сделал все ради всеобщей безопасности. Ради *твоей*, Оул, безопасности. Я не бездействовал. Разве ты замечаешь вращение планеты вокруг Солнца или вокруг своей оси? Нет. Но это происходит. Понимаешь меня?

— Да. Прости меня. Оказалось тяжеловато…

Туман посмотрел в мои глаза. Меня ослепило. Янтарный свет затопил мир, и на этот раз он не был теплым и успокаивающим. Он предостерегал.

— Будь готов, Оул. Вторжение ближе, чем ты думаешь.

Наступало время сражений. За жизни всех дымчатых.

И я знал, что должен выстоять. Знал, что другого права у меня просто нет. На мне лежала ответственность, масштаб которой был слишком велик, чтобы сдаться и потерпеть поражение.

Справлюсь ли я один? Не знаю. Но МЫ дадим отпор.

Скрипнула дверь. В сторожку вошли двое.

— Лена?

— Привет! — бросила она, взмахнув рукой. С ней был тот самый парень в серебряном плаще и странной прической. — Вот, знакомьтесь. Это Спойлер.

Я улыбнулся.

И все, что мне остается, это надеяться, что мои новеллизированные записи помогут хоть кому-то.

Я не поучаю. Я предостерегаю.

Однажды на работе моя коллега произнесла тост: «Мечтайте подробно!»

О, она сама не понимала, какие великолепные и правильные слова тогда произнесла.

Мечтайте. Не бойтесь мечтать. Мечтать необходимо.

Иначе конец.

Часть 3

Решающая битва

Пролог

Пожиратель. Был только он. Остальные его не волновали.

Слишком легко. Фантали все могут сами. Они справятся. С Едоками — да. Но с Пожирателем надо повозиться. Совсем немного.

Он не волновался.

Для него такие ночи были чем-то вроде зарядки. Удобно. Круговая платформа конечной станции. Ветерок. Легкий плащ. Или мантия. Он так и не определился.

И не волновался.

Сферы летали вокруг него. Красивые. Он любил, чтобы те вращались вокруг своей оси. Как планеты. Это впечатляло. Он знал. И видел по их реакции.

В графитовой ночи возник угольный силуэт монстра. Огромная рогатая туша с крыльями-парусами, закованная в броню. Он слышал тихое порыкивание, полное угрозы.

Плевать.

Он побежал, чтобы поддразнить. Его могли ударить. Его могли ударить?

Бред!

Он прыгнул и взлетел в воздух. Плащ за спиной взвился. Одна из сфер обвилась вокруг него перламутровым поясом и не позволила упасть. Теперь их лица были на одном уровне. Но он все равно ничего не видел, кроме тьмы и двух островков еще более глубокой тьмы. Глаза.

Рядом кружила сфера. Аккуратная и красивая. Жалко тратить на него, но придется.

Пожиратель отмахнулся от фантали. Соприкоснувшись с рельефным доспехом, сфера лопнула. Он не растерялся. Зависшее в воздухе облако перламутровой пыльцы дрогнуло и потянулось к его ладони тонкой змейкой. Взмах — и та метнулась к шее Пожирателя перламутровой удавкой. Существо склонило голову, позволив фантали обвиться вокруг рога. Когтистая лапа сорвала снаряд.

Забавно.

В небе сверкнула молния. Его кожа засверкала серебристыми искрами. Мелькнула улыбка.

Он перелетел через Пожирателя, позволив себе чуть помедлить, чтобы разозлить тварь. Ему было спокойно — фанталь держала крепко.

Существо взлетело за ним, но тот уже был совсем в другой стороне. Ветер взъерошил его шевелюру. Он азартно ухмыльнулся и поманил Пожирателя рукой.

Вызов принят.

Они встретились далеко над землей. Существо било, а он уклонялся. Раз за разом. Он любил воздух. Любил уходить от удара в самый последний момент. Это бодрило и придавало вкус жизни. Хоть какое-то развлечение.

Он не волновался. Ему было откровенно скучно.

Сейчас он убьет Пожирателя, и поезд уедет. Как только…

Фанталь лопнула. Он полетел вниз. На рельсы.

Взор заслонили полы плаща. Желудок подскочил к горлу. Он закрыл глаза и вытянул руку, молясь, что фанталь вернется прежде, чем он врежется в бетонную платформу.

Рука ощутила мягкое тепло. Он вытянул комок в подобие ручки и схватился за него. Тело потащило вперед. За спиной со свистом приземлился Пожиратель. Мигом ранее он должен был стать трупом. Но не стал.

Он не волновался.

Оценил высоту. Не разобьется.

Разжал ладонь и сделал сальто. Просто так. Находясь головой книзу, он отправил фанталь в брешь. Он устал. Пора заканчивать.

Перламутровая стрела кольнула броню. Пожиратель был быстр. Ничего. Это была его любимая фанталь — умная, оптимизированная. И опытная. Она отыщет путь и без него.

Раздался дикий рев. Пространство вокруг задрожало.

Приземлившись, он медленно оправил плащ, стряхнул с них надуманную им самим пыль и медленно выпрямился. Сделал шаг назад.

Запах гари.

К его ногам упало тело. Всего-то в паре сантиметров. Мгновение — и мертвый Пожиратель истаял.

Он хмыкнул.

Глава 1

Правильные советы

12 июля.

Меня никогда не удивляло, что погода в Сосновке отличалась и была заметно лучше. И если в Дымчатой над головой висело пасмурное небо и лил дождик, то здесь, в каких-то пятнадцати минутах, мягко грело солнце. Как будто купол, сквозь который не прорваться ничему темному, холодному и негативному, отгораживал Сосновку от остальных. И я знал, что это за купол.

Лена. Я уже писал, что она словно *притягивала* к себе все хорошее и делала мир лучше. Так вот, кажется, Лена на самом деле была *генератором* всего самого хорошего, яркого и теплого.

Мы сидели у нее в квартире. В раскрытые окна робко заглядывал теплый ветерок, ему аккомпанировали птички, которых давно уже не пугали гигантские шумные громадины, ползущие по рельсам. Поезда могли как угодно фырчать, пыхтеть и скрежетать — сюда эти звуки добирались приглушенно, и птичьи трели перекрикивали их. Магия? Нет. Лена.

— Не могу там больше. Как будто надо мной зависла каменная глыба и вот-вот упадет. Такое ощущение, что я скоро буду как они. Ни настроения, ни желания. Гляньте, а? Может, у меня и тень появилась уже?

— А ты что, перестал мечтать, Оул?

Лена приютилась рядом со мной на диване; над ней — фанталь. Туман гордо восседал на столе, а Спойлер, скрестив ноги, разместился на полу. В своем серебристом одеянии, что раскинулось вокруг него ореолом, он напоминал снеговика, и блестки на лице, похожие на снег, делали мое сравнение более чем уместным. *Похоже, он опять измазался светящейся краской. Чудак.*

— Нет, не перестал. Разве я могу?

— Конечно нет! — возмутился хорек.

— Ну вот. Просто иногда находит, знаешь... Тяжеловато.

Я замолк, отметив, что мой тон, мягко говоря, звучит довольно жалко. И, судя по всему, отметил это не только я. Глаза Тумана вспыхнули, шерсть на холке встрепенулась.

— Может, рассказать тебе, что вижу *я* и как тяжело приходится *МНЕ*? Когда на глазах гибнут товарищи, когда эти твари убивают Хранителей, выпивают из них все мечты, а потом истязают душу?

Лена подалась вперед и робко махнула рукой.

— Туман... — робко сказала она. — Пожалуйста, не...

— Что не надо? Мы не имеем право на слабость!

— Но мы имеем право быть друзьями и делиться своими переживаниями, — заявила Лена.

Тогда меня больше всего удивили не ее слова, а реакция Тумана. Он разом осунулся, опустил взгляд и уже не выглядел так враждебно и грозно. Я демонстративно отвернулся. Лицо горело, руки тряслись. Дыхание вырывалось громким сопением, и я не спешил присмирять себя.

— Я не соревнуюсь с тобой в том, кому хуже! — злобно сказал я. — Если этим не делиться — совсем с ума сойдешь. И не надо воспринимать это как жалобу, ясно?

Туман не ответил.

— И так несладко, а еще ты шпыняешь! — продолжал я. — Тоже мне, соратник.

— Сам виноват. Фанталь у тебя. Ну. Сам неправильно делаешь.

Спойлер говорил редко, но, в основном, по делу. И чаще всего особой мягкостью его слова не отличались. Я, как обычно, растерялся. Но еще больше я растерялся, когда неожиданно заговорил Туман.

— Ты молодец, Оул. Нет, действительно молодец. Я горжусь тем, как ты подходишь к делу. Если ругаешься, то так, что хочется сбежать. Если хочешь защитить — так Едоки всю ночь просидят в клетке, пока ты валяешься без сознания. И это заслуживает уважения. Если бы ты только не был таким бестолковым.

— Не понял.

— Ты сосредотачиваешься на одном. Теряя из поля внимания остальное. Потому ты можешь удерживать только одну фанталь. Потому ты постоянно теряешься в сражениях с Едоками. Твоя защита слишком сегментарна. Равно как и атаки.

— Клетка, — дополнил Спойлер. — Вспомни.

— Точечность тебе дается лучше, заметно лучше, — заявил Туман. — Но фанталь, даже фанталь на мечте, нестабильна. Какой бы сильной она ни была. Но из-за своей оплошности ты можешь лишиться и мечты. И я переживаю за это. Знаю, о чем говорю, и, думаю, ты не очень обрадуешься такой потере.

Теперь в разговор вступила и Лена.

— Саш, Туман... Ну, прав. В некоторых местах ты непрошибаем, зато в других даешь слабину.

— Ты сейчас про фанталь или про меня? — резко спросил я. Лена удивилась моей реакции и отстранилась. — Прости...

Повисло молчание. И Туман, и Спойлер смотрели на меня, будто ждали какого-то объяснения или признания.

— Ну что смотрите? Да, есть такое. Не умею работать сразу с несколькими вещами. И пока остальные парни учатся у своих отцов вождению, я читаю книги, потому что знаю, что не справлюсь. Мне куда проще создать что-то... Массового поражения, — почему-то я стеснялся использовать при них слово «заклинание». Глядя на хорька и Спойлера мне казалось, что в контексте разговора оно выглядит по-детски. — Да, массовое. Чтобы уж всех скопом.

— Иначе паника. — Я кивнул. Спойлер был жестоко прав. — Знакомо. Так же было.

— Я всегда путался в педалях, — признался я. — Не понимал, когда включать следующую передачу, когда выжимать сцепление, когда... Ох, в общем, я к тому, что машина — не для меня.

— А что, с фанталью разве проще?

— Конечно!

— Ага. Создать образ, сосредоточиться, взять его, держать в голове, вытолкнуть наружу, оставаться сконцентрированным... Что, это правда проще? — в тоне хорька сквозила насмешка. — Проще, чем три педали и рычаг переключения передач? Лукавишь.

Я задумался. Сейчас понимаю, что взаимодействовать с фанталью тяжелее, чем с автомобилем. А в те года мой нрав был консервативен в некоторых моментах. Определенные тезисы я просто не желал рассматривать с другой стороны, равно как не желал прислушиваться к иным точкам зрения.

— Но ведь с фанталью все поэтапно! — возразил я.

— А в машине? — спросила Лена. Кстати говоря, она неплохо справлялась с вождением. — Вся суть в восприятии! Переключил скорость и едешь себе. Разница в том, что ничего не надо держать в голове, в отличие от.

— Ну... Не знаю. Просто надо защитить — вот я и защищаю.

— Невзирая на количество процессов? — уточнил Туман.

— Выходит, что так.

Спойлер щелкнул пальцами. Они с хорьком переглянулись, и Спойлер одним движением — резким, как и его речь, — сел на корточки.

— Все решено. С фанталью так же. Надо победить. Всех. А не защитить. Или убить одного. Или всех. Не так. Выиграть. Во что бы то ни стало!

— Кажется, начинаю понимать...

— Те же самые мысли, — начал Туман.

— Но выше уровнем! — торжественно продолжил я и осекся. — Ведь да?..

— Примерно так. Подходи так же комплексно, но узконаправленно.

— Звучит абсурдно.

— А так и есть, — вставил Спойлер.

Нет, в самом деле — что мешало мне делать кропотливо и четко, но в разрезе всей битвы, а не отдельно взятого Едока или какой-то там ситуации? Тогда, увы, я не знал, что такое психология, и действовал сугубо на интуитивном уровне. Благо, направление было выбрано верно.

— Оно понятно. Но я скажу честно: у меня есть страх. Боюсь лишиться мечты. И этот страх не дает мне... Не дает...

— Раскрепоститься? — помогла Лена.

— Да, спасибо, — я улыбнулся ей. — Не могу я раскрепоститься! Страшно. Стану как они...

И только один единственный раз я не испытывал этого страха и даже не думал о чем-то подобном. Когда сражался за мечту Тина.

Туман понимающе кивнул.

— Вспомни историю про Сарпия. Он ни разу не задумался, чтобы бросить все, испугаться или действовать вполсилы. И ты можешь. И ты *сможешь*.

Откуда он знает про Сарпия? Неужели дядя Коля рассказывал свои истории и хорьку?

— Не так уж это и страшно, Саш, — осторожно заметила Лена. — Разве ты не уверен в своей мечте?

Я смотрел на нее, и в горле у меня пересохло. Лена загорела и стала еще немного смуглее. Прямые темные волосы. Прямо-таки не по-настоящему прямые. Она очень напоминала куклу. Ожившую. И красивую.

— У-уверен.

Спойлер неизменно резко встал на ноги.

— Так не блокируй. Действуй. Не сдерживай. А я поеду. Всем пока. Оул, приезжай завтра. Встречу.

Он не дождался моего ответа. Стоило только мне сообразить, что, в общем-то, надо согласиться, как громко хлопнула дверь.

— Это будет интересно, — прокомментировал Туман.

— Это будет невыносимо! — поправил я.

Лена засмеялась.

— Ну скажешь тоже! Между прочим, Спойлер самый опытный из нас. И лучше бы тебе прислушаться к его советам. А советы он будет давать, можешь не сомневаться.

И я не сомневался. Как и не сомневался в том, что пора переходить на мечты целиком и полностью. Максимально открыто и безбоязненно. В конце концов, какова цена мечты, если ты в ней не уверен?

Мечты — это правильный выбор. Быть как Сарпий? Возможно. Он сделал для людей все. И я сделаю для них все, что смогу. Без сомнений. Чего бы мне это ни стоило.

— Кстати, а чего там Мишка с Иваном? — спросила Лена.

Я махнул рукой.

— А вновь засели над чем-то.

Туман хмыкнул, но ничего не сказал.

— Чего-то там вытворяют. Даже не лезу к ним. Тин вообще шныряет по всей деревне, разнюхивает что-то. Ищет какие-то подшипники. Иногда пропадает. А куда — не говорит. Иван тоже погряз в бурной деятельности. Ну, пусть себе конструируют. В тот раз их поделка спасла мне жизнь. Ну, я не хочу, чтобы мне вновь угрожала опасность, а Тин с Иваном спасли бы меня, просто...

Просто их мечта была направлена на вполне себе мирное и безобидное занятие, а моя мечта служила оружием. Средством убийства. Средством защиты. В любом случае, она уже не была такой, как раньше. И отличалась от любой из мечт, живущих в голове остальных людей. Но чем же она являлась? Было ли это нечто меньшее или нечто большее? Наверное, как посмотреть.

Я понимал одно — ни мечтам, ни мне не стать такими, как прежде. Никогда.

Интерлюдия 1

Восемь лет назад

Дедушка с бабушкой ждут нас у ворот. Они стоят в обнимку и выглядят счастливыми.

Раньше я думал, что их улыбки связаны с нашим приездом, пока не увидел их совместных фотографий. Какими же они были счастливыми! Как они любили друг друга! Казалось, они связаны, и не было ни одной фотографии, где бы они не держались за руки или не обнимались.

Я тоже бегу обнимать их. От бабушки пахнет выпечкой. И отлипать от нее не хочется. Она такая… Ну… Открытая, что ли. И как будто немножко стеснительная. Даже ее морщинки вокруг глаз выглядят робко.

Наверное, поэтому они и не были так заметны.

— Ну, пойдемте! — говорит бабушка. — Пироги остывают.

Позади нас хлопает дверь.

— Ого-о-о, ну ничего себе, кто приехал!

Из сторожки, дряхлой, но заботливо подлатанной, выходит дядя Коля. Излюбленный пинжачок, усы, бешено горящие глаза. Я вижу в них плеск новых историй.

— Здравствуй, дядя Коля! — я прошмыгиваю через родителей и несусь к смотрителю, чтобы пожать ему руку.

— Привет, Санька! Ух как вымахал! Пальцы не сломай мне, — смеется дядя Коля.

Я смеюсь вместе с ним, но, как и любой в моем возрасте, в глубине души верю словам взрослого и ослабляю хватку.

— Привет, Коль! — кричит отец. — Ты чего, опять кваску выпил?

Честно сказать, мне никогда не нравилось, что папа подшучивал над смотрителем. Да, может быть, он был немного чудаковат, но с ним хоть было интересно. И он знал много историй. И не заставлял меня водить автомобиль.

Дядя Коля подмигивает мне.

— Ага! Угостить?

— Не-е-е, потом как-нибудь.

— А то, знаешь, тяжеловато, когда вот так под ухом проезжают. Ох уж эти руны...

— Руны? — переспрашивает мама.

— Пойдем, — говорит ей папа. — Увидимся, Коль!

— Обязательно, — смотритель взмахивает рукой.

— Саш, идем, — зовет отец.

— Секунду, па!

Смотритель дожидается, когда мои скроются в доме.

— Как хорошо, что ты приехал! У меня как раз есть для тебя несколько историй!

Его глаза удивительны, и часто, когда дядя Коля забывается или погружается в рассказ с головой, я всматриваюсь в них и ищу ответы на вопрос: а как это так? Они меняют цвет, они как палитра, что ли... Как будто зрачок плавает в жидкой радуге. Иногда глаза слепят, как два прожектора. Особенно часто я замечаю это по вечерам. Правда, в основном, это отсвет от проезжающих электричек... Удивительные глаза.

— Я еще не рассказывал тебе историю про Сарпия?

— Не-а.

— Тогда... О, нет, не буду. Рановато еще.

Глава 2

Верьте в чудо

12 июля.

«Дорогой Дневник!

С бабушкой и дедушкой я уже не разговариваю. Бестолку. Они перестали реагировать на мои слова и теперь походят на кукол. Сидят себе без движений и ничего их не волнует. Есть им готовлю я, пить приношу тоже я. И вообще, слежу не только за питанием, но и за всем необходимым – приберусь, проветрю окна, умою. Баню топлю дважды в неделю (иногда ро-ро умудряются там помыться, если, конечно, быть внимательным к звукам изнутри и вовремя открывать дверь, чтобы они не угорели). Дров не хватает. Мы с Иваном и Тином периодически совершаем набеги на лес, чтобы хоть как-то выкроить мне время для себя самого. Его катастрофически не хватает. Хорошо, что у меня есть друзья. Один бы я ни с чем не справился…

И уже был бы мертв.

И Тин, и Иван заметили глубокие тени на лицах ро-ро и всех. И если Мишка, будучи в курсе происходящего, наконец-то поверил мне, то от наводящих вопросов Ивана приходится уклоняться. Еще неизвестно, как бы он воспринял новости о Едоках, мечтах и пожирающей их Хмури. Мне не нравится юлить, но ничего лучше придумать не могу. На удивление, Ивана даже устроила версия про кожную эпидемию, поразившую Дымчатую.

Сейчас я в сторожке. Один. После очередной сессии, посвященной собиранию дров и укладке в дровниках – возле сторожки и у дома – мы разошлись. Иван доводит до ума свои изделия, а Мишка хитро улыбается. Как-то раз он обмолвился о новом чертеже для будущего проекта.

– Надеюсь, это мечта? – спросил я, почувствовав себя дядей Колей.

– Да. Пожалуй, да.

– Ты давай мечтай. И побольше!

– Конечно, Саш.

Тин смотрел мне в глаза, и я верил ему. После того как я пересказал ему все события, начиная с момента кражи его мечты и возврата, он стал относиться ко мне более... Важно, что ли. Редко удавалось видеть Мишку настолько серьезным, но теперь он будто повзрослел. И я вместе с ним.

Я спас его.

Какая удивительная мысль! Спас. Вернул ему мечту. Я много размышлял над этим. Не раз и не два возвращался к ситуации с Мишкой и все не мог понять, как же все вышло.

Так странно… Получается, что мечтой Тина была дрезина. А как же спасение отца? Неужели Едокам достаточно одной мечты, чтобы омертвить человека? Или… Или Мишка больше ни о чем и не мечтал. Даже о ВЫЗДОРОВЛЕНИИ отца... Интересно, почему? Назвать его плохим сыном я не мог. Да и в праве ли? Отца он любил как никого другого и, несмотря на периодические затворничества дяди Володи, был привязан к нему. Возможно, мой друг считал, что все настолько безнадежно, что полностью переключился на дрезину. Нашел способ отвлечься, чтобы совсем не сойти с ума. Сперва мама, потом отец… Так могу ли я

винить его за то, что все его мечты занимала дрезина?

Вряд ли».

Дневник исчез. Он никуда не денется. Как и то, что он таит.

Я попробовал почитать, но не вышло. Сознание занимали иные мысли и намерения. Когда я столкнулся с проблемой хозяйства, приоритеты резко сменились. После заботы о бабушке с дедушкой, после готовки, дров, уборки и походов в магазин такие вещи как чтение рассматривались мной как нечто малозначащее. Я испугался этих мыслей, ведь вспомнил мечту, что возникла, когда мне было девять и мы сидели на кухне у Людмилы Сергеевны. Я хотел прочитать все книги! Так что же? Где эта мечта? Неужели она ослабла? Может, я успел использовать ее и растерял?

Нет. Такого не было. Мечта осталась. Просто...

Просто я не умею переключаться и дробить сознание. То, о чем мне неоднократно говорили. То, что и сам знаю. Нет, мечта — слишком ценная вещь, чтобы ее утрачивать. В моем случае это вообще непозволительно. К тому же аппетит приходит во время еды.

Остановившись на этой мысли, я взял книгу и силком заставил себя прочесть десять страниц, а после уже втянулся и с головой ушел в новый мир. По привычке я обращал особое внимание на самые безумные и фантастические сцены, пока не напомнил себе, что теперь мои фантали выстроены на мечтах. Это облегчало процесс чтения и приносило гораздо больше наслаждения, однако самые сильные и яркие моменты все-таки запоминал, чтобы потом огранить их в фанталь. А то и построить на базе них новую мечту.

Незаметно для себя я прочитал половину романа. Деятель внутри меня недовольно проворчал, что это время можно было потратить на что-то более полезное. Я не придал этому значения, ведь что может быть важнее поддержания мечты? Я не мог расхотеть читать. Ни за что!

Но пора было готовить. Как же не хотелось… В плане еды я почти ничего не умел, потому зачастую готовил практически одно и то же: овощной суп, картошка, котлеты. Иногда запеченная в духовке курица. Иногда макароны. Пельмени. Ро-ро было все равно, что есть, но это не означало, что я могу скармливать им любую дрянь.

Я вышел из сторожки и посмотрел на станцию. Неизменные три фонаря, неизменные ступеньки, неизменный косой заборчик, неизменный бурьян возле основания платформы, напротив сторожки.

Нет. Что-то не то. Что-то не так.

Привычная картина, которую я видел каждый день, изменилась. И сегодня, обратив внимание и вглядевшись, понял, что все не совсем так. Я подошел ближе.

Трава. Она потемнела и обломилась. Широкие лопухи напоминали растрескавшуюся слюду, листья крапивы походили на осколки бутылочного стекла. Некогда зеленые побеги зачахли и выглядели не очень здоровыми.

Пару лет назад одно лето выдалось особенно холодным. Дошло до того, что в ночь ударили морозы. Утром меня встретила озадаченная бабушка и повела на огород — показать, что случилось с саженцами и всходами. Я очень хорошо запомнил эту жуткую угрюмую картину. И сейчас наблюдал то же самое.

Растительность рядом с платформой убило морозом.

Я недолго гадал над тем, что послужило причиной. Все было ясно и так. Достаточно вспомнить клубы пара изо рта и пронзающий тело холод, когда злосчастный поезд останавливается на станции.

Едоки.

Я пнул ногой поникшую крапиву. Она надломилась, и стебель сложился пополам, образовав букву «л».

— Сегодня она, завтра — бабушка с дедушкой… — пробормотал я и только потом осознал, что сказал.

А ведь правда.

Больше я не колебался. И наконец-то решился.

Первым делом я приготовил поесть. Поел сам и накормил бабушку с дедушкой, а после привел их в порядок. Кое-как надел на них свежую одежду. Было очень жарко, и ро-ро, похоже, притомились.

Не глядя на платформу и погибшую растительность, я вернулся в сторожку, чтобы дочитать книгу.

Пока читаю — мечта жива.

Чтение стало лакмусовой бумажкой и свидетелем того, что как минимум одна мечта находится при мне. И это прекрасно — знать, что тебе есть, чем угостить Едоков.

Наконец, я закрыл книгу и глубоко вздохнул.

— Пора.

«Это ужас, Дневник. Дымчатая напоминает декорацию к фильму ужасов. Или к фильму о конце света. Пустынные улицы, равнодушно открытые двери в дома, гуляющие на ветру калитки, одинокая живность, оставшаяся без присмотра... Тетя Даша и Людмила Сергеевна не успевают следить за всеми.

Мне кажется, тень нависла над самой деревней. Низкие тучи застыли, словно купол. Они угнетают и не сулят ничего хорошего. Дурацкое ощущение. Как будто тебя вот-вот ударят. И ты идешь себе такой, весь сжавшийся, ожидаешь удара, и каждый шаг дается с трудом. Но хорошо, что есть ты. Потому что я могу отвлечься на тебя и немного отгородиться от страшной Дымчатой. Я не боюсь. Мне неприятно и не по себе.

Как назло, дом тети Даши находится на другой стороне деревни. Мало того что мне приходится идти через мертвые улочки и зловещие дома, в окнах которых периодически можно заметить темные бездушные лица, так сейчас еще и дождик пойдет. Даже грома нет. Все делает тихо-тихо, будто в тайне. Бр-р!

Ой, все. Ливень. Я побежал. До встречи!»

Когда я стучал в дверь, моя одежда была мокрой насквозь. Я шмыгал носом и дрожал. Сквозь ливень послышалось торопливое бряцанье. Открылась дверь.

— О, Сашка, привет! Проходи давай! — тетя Даша высилась новогодней елкой. Под глазами темные круги, лицо усталое и плохо напудренное — какими-то островками. Но главное, что никакой тени.

— Здравствуйте! — я прошмыгнул в теплый дом.

— Чай будешь? Ай, конечно будешь! Сейчас еще свитер принесу. Ты сбрось пока футболку, я повешу.

Немного смущаясь, я стянул с себя мокрую тряпку. С нее капало, и я, испытывая неловкость, завертел головой.

— Давай мне. Держи.

Тетя Даша взяла футболку и вышла в коридор. Я надел теплый шерстяной свитер, что сразу отозвался покалыванием по всему телу, и блаженно вздохнул.

Дом тети Даши был странным и больше всего напоминал музей или ювелирный магазин. Тонны бижутерии любовно расставлены на полочках, шкафах и стеллажах, аккуратно выстроены на всех поверхностях. Коробочки, шкатулки, гирлянды из бус, банки, полные разноцветных камней. И ни одной фотографии. Дело в том, что у тети Даши было к ним особое отношение: снимкам она предпочитала украшения и сувениры и привязывала к ним то или иное событие. Каждая ее вещь рассказывала о времени и месте, в котором она побывала. Это были такие же «несгораемые» воспоминания, как у меня с дневником.

— А, рассматриваешь, — довольно сказала тетя Даша. — Да, смотри, у меня пополнение в коллекции. Глянь. — Она подвела меня к столику, на котором лежали сережки в форме Анубиса — человека с головой волка. — Это мы были в Египте и попали в бурю. Спрятались в одном магазинчике и, представляешь, там продавалось это очарование! А здесь вот, — тетя Даша протянула руку к оленьим рогам, на которых висели медные кольца, — мы с мужем отдыхали в Бразилии. Завтракали у одной гостеприимной семьи. Лешку тогда укусила какая-то змея, и его лицо обсыпало красными пятнами. Так забавно!

Опыт показал, что лучше соглашаться. В такие моменты тетя Даша входила в состояние «мемориального экстаза», как однажды сказал мой папа. Правда, когда я сделал шаг вперед, чтобы рассмотреть эти кольца, мокрые носки чавкнули, и тетя Даша спохватилась.

— Ой! Совсем забылась, дуреха! Иди надень тапки, Саш. Розовые… Просто больше никаких нет. И на кухню давай!

Находясь в таком доме с экстравагантной хозяйкой смущаться от своего внешнего вида не приходилось. Мокрые шорты, серый свитер ее мужа и розовые тапочки — разве это хуже десятков сережек, браслетов, подвесок и брошек, что украшали тетю Дашу? Вряд ли.

— Первый гость за последние недели. Даже страшно произносить такое вслух, Саш. Где это видано?

— Сам удивляюсь…

— Что вообще с ними произошло? Сидят себе по домам и знать никого не хотят. Их как подменили. А мне паси их коров да за козами следи! Сил уже нет. Так ведь еще и доить приходится… Ну, так надо. А молоко кто пьет? Да никто. Ну, нальешь — пьют. Людка берет для своей выпечки. И все. Но что же мне теперь, заходить в каждый дом и кормить

их? Так, едят что-то. А молоко выливаю. Куда девать его? Все равно испортится. Кстати, может, тебе надо?

Я не сразу понял, что она наконец-то закончила.

— Да, почему бы и нет. Небольшую баночку, если можно.

— Да без проблем вообще, Саш. Ты заходи тогда, я буду оставлять для тебя.

— Хорошо, спасибо.

— Так что произошло-то? Ты не в курсе?

— Какая-то эпидемия, должно быть.

— Не знаю… Некоторые становятся как прежде, некоторые нет. Ничего не пойму. Я ж им ничего не сделала!

— Да дело не в этом, теть Даш. Все еще может вернуться.

— Правда? И как?

— Есть способ…

Ну как я мог сообщить ей правду? Как можно рассказать взрослой женщине про Едоков, фантали и украденные мечты?

— Я сейчас работаю в этом направлении, — признался я, лишь бы подбодрить совсем угасшую тетю Дашу. Да и от правды это было недалеко. — Кое-что анализирую и провожу эксперименты. Скажу вам по секрету: Мишка тоже приболел пару недель. Но мне удалось его вылечить.

— Да? И как же?

— Как бы вам сказать… Пришлось, хм, поговорить с ним. Привести в чувство. Напомнить о жизни. А то это странное заболевание. Психологическое в некотором роде. Оно как будто подавляет желания.

— Я тоже заметила это! А ты можешь спасти остальных?

Впервые в жизни взрослый человек смотрел на меня глазами ребенка. Ребенка, который смотрит на старшего и просит его помочь. Никогда в жизни я не испытывал такого. Наверное, я мог бы назвать это приятным ощущением, если бы в тот момент не понял, что и вправду повзрослел. Когда ты, по сути, остаешься последней надеждой большой группы людей, а взрослый человек смотри на тебя с ожиданием, ты не можешь подвести. В таком положении уже не остаться обычным пятнадцатилетним мальчиком. *Все поменялось.*

— Да, смогу.

Я не мог ответить ничего иного. Эти слова стоило произнести хотя бы ради преображения тети Даши — она просияла и широко улыбнулась. Мне показалось, что она сейчас ринется меня обнимать.

Кажется, подходящий момент. Давай.

— А я к вам как раз по делу…

— О, что такое?

— Нельзя ли, чтобы бабушка с дедушкой… Ну… Пожили у вас? Совсем немного. Может, с недельку. Я продукты и прочее куплю. Могу денежку дать... Просто мне сейчас очень тяжело. Надо работать над… В общем, это поможет мне с решением проблемы дымчатых.

Тетя Даша улыбнулась еще шире.

— Конечно! О чем речь!

Я поджал губы.

— Только они тоже как все. Это ничего?

— Да мне уж не привыкать. Даже не сомневайся, Саш!

— Спасибо вам.

Тетя Даша хитро посмотрела на меня.

— Так что это за способ такой?

— А вы верите в магию?

— В магию? Не знаю… А что? В чудеса верю.

— Тогда верьте в чудо.

***

Со мной была мечта. Теперь я чувствовал себя увереннее. Возвращаться к фантазиям больше не хотелось.

Толстый перламутровый кнут хлестал Едоков. Сегодня их было мало — всего четыре. Один из них — Пленус. Сквозь темное тело едва виднелась мечта. Я не припомню, чтобы кто-то на моих глазах утаскивал грезы Дымчатых, а стало быть, мечта принадлежала кому-то другому. Как бы то ни было, а моя обязанность не только устоять, но и убить Едока, чтобы освободить мечту.

Наверное, вместе с силой мечты давали Едокам и сообразительность. Иначе как объяснить выбранную тактику, когда трое, в том числе и Пленус, нападали на меня, всячески отрезая путь к четвертому, который уже протянул портал в центр Дымчатой.

Это подействовало на меня, как красная тряпка на быка. Я сам ринулся в атаку во имя тех, кто остался нетронутым — а ведь почти каждый из них был моим другом и знакомым. *Я не позволю отобрать у них мечту. ХВАТИТ ИХ ИСТЯЗАТЬ!*

Изо рта шел пар. Тело била мелкая дрожь. *Что это — адреналин или холод?*

В моих руках оказался длинный перламутровый кнут. Я хлестнул. Первую тварь отбросило назад; на груди остался разрез. Едок с визгом упал и схватился за рану. Двое других набросились на меня необычайно проворно, особенно Пленус. Я ожидал этого и был готов. Отступил. Раненый Едок поднялся и присоединился к остальным. Трое против одного.

Верьте в чудо, тетя Даша.

Я посмотрел на кнут. Слишком длинно и бестолково. Его конец отделился, подлетел к моей руке и трансформировался в широкий щит. Я ухватился за него и почувствовал себя увереннее. Решение было верным — оно спасло мне жизнь. Уходить от ударов трех Едоков — дело невозможное. Половина ударов попадала в щит. Лапы гулко били по его поверхности, но особого вреда не причиняли. Чтобы повысить шансы на уклон, я распылил немного фантали. Едоки замедлились, но не настолько, насколько этого хотелось бы мне.

В ночи блеснуло цветным. Ныряя под лапу Едока, я посмотрел на портал. Внутри него плыла мечта. Мечта Тина, или тети Даши, или Людмилы Сергеевны, или Ивана...

— Ни за что! — крикнул я и побежал на Едоков.

Ни о чем не думать. Как Сарпий.

Первым досталось раненому — я проломил ему голову щитом, и меня тут же обдало гарью. На его месте возник Пленус и попытался распороть мне живот, но я стеганул кнутом по лапе. Однако тот задел лишь самые кончики когтей, срезав их подобно бритве. Едок зарычал. Мечта внутри взвихрилась. Я бросил в тварь щит. Пленус потерял равновесие, а я тем временем переключился на третьего. Взмах, удар — и кнут обвился вокруг его шеи. Что есть сил рванул на себя. Кнут почти не заметил преграды. К моим ногам подкатилась темная голова. Мгновение — и она растворилась в морозном воздухе.

Содрогаясь, я повернулся к последнему Едоку и обомлел. Рядом с ним стоял еще один. *Но как, если...* Возле жгута никого не было. Мечта перевалила за середину, но Едок

оставил портал и встал против меня. *Как так? Им же надо поддерживать его, чтобы он не исчез!*

Я сглотнул и приготовился. Пленус медленно обошел меня. Теперь они стояли с двух сторон. Поколебавшись, я «отщипнул» от кнута еще немного и сделал новый щит — размером с большую тарелку.

Сейчас будет жарко, Оул.

Они напали разом. С двух сторон. И если от одного я хоть как-то умудрялся отбиваться, размахивая обрубком кнута и не подпуская к себе, то против второго я не мог ничего сделать. Усиленные мечтой удары обрушивались на щит, словно молоты. Меня сотрясало, рука болела, но мне как-то удавалось прикрывать себя, не давая ранить.

Не знаю, сколько это длилось. Битва превратилась в монотонность, и я потерял бдительность. Обманным движением Пленус приблизился ко мне и ударил в грудь. Я чудом успел подставить щит. Удар был такой силы, что фанталь впечаталась в меня. Я почувствовал, как ноги отрываются от земли.

Все произошло внезапно.

Я был готов перелететь через ограду и больно удариться о землю, но этого не произошло. Подо мной были платформа и ограждение. Я врезался спиной во что-то мягкое и аккуратно покатился вниз, словно по горке. Коснувшись платформы, быстро обернулся, чтобы заметить что-то наподобие стены. Там, куда я врезался, зияла дыра, а во все стороны уже пошла сеть трещин. Миг — и я увидел то, чего не видел раньше, но о чем догадывался: барьер, ограждающий станцию. И выглядел он слабовато и хлипко.

Я изрядно выдохся, но снова вступил в бой. Мой щит стал вдвое меньше изначального. Я громко дышал и все чаще спотыкался. Пленус двигался заметно быстрее подуставшего Едока. Ситуация начинала меня не только тревожить, но и нервировать. А потом осознал, что происходит, и меня охватил ужас.

МОЮ МЕЧТУ УНИЧТОЖАЮТ!!!

Уйдя от удара немыслимым пируэтом, я растянулся в воздухе и хлестнул по спине Едока, тем самым ранив его. Пленус неустанно молотил по щиту, делая его все меньше. Я не мог рискнуть и подпитать его, иначе бы остался без оружия. В образовавшейся паузе всмотрелся в Пленуса и обомлел — вокруг него летала разноцветная пыль, словно подвешенные в воздухе осколки самоцветов.

Удар, блок, и когти Едока высекли еще несколько частиц, надломив щит. *Моя мечта! И эта тварь впитывает ее по крупицам, становясь сильнее! Так вот почему его удары не ослабевают.*

Так больше продолжаться не может. Я укорил себя — в который раз! — что не обладаю гибким мышлением. Когда Пленус ударил, я блокировал удар и преобразил щит в короткое лезвие-шип. Взмах — и оно вошло в горло Едока. Тот с хрипами упал на платформу и задрыгал ногами. В последний попытке дотянуться до меня он замер с разведенными лапами и лопнул. Вырвавшаяся на свободу мечта умчалась прочь. На месте Едока остались кружиться разноцветные частички. Как только я посмотрел на них, они дрогнули, взвились спиралью и *впитались* в меня.

ЧИТАТЬ! ЧИТАТЬ КНИГИ! МНОГО КНИГ. ХОЧУ ПРОЧЕСТЬ ВСЕ КНИГИ НА СВЕТЕ! ПИШИТЕ БОЛЬШЕ!

Сознание вопило мечтой. *Вот что чувствовали Тин и Иван, когда мечты возвращались к ним! Это... невероятно здорово.*

Я хотел скорее покончить с делом и умчаться в сторожку. К книгам. Мечта звала. Я так спешил, что использовал все полученные ресурсы против последнего Едока. Мечта почти вышла из портала, и следовало торопиться.

Верьте в чудо.

Я ударил себе под ноги. Тварь взмыла в воздух и полетела назад. За ней — град камней и отколовшиеся куски бетонной платформы. Несколько из них с глухим стуком ударили в портал и отлетели.

Отлетели? От портала? Настоящие предметы?

Я не стал задумываться и обрушил бесформенную массу фантали на упавшего Едока. С делом было покончено.

Интерлюдия 2

Семь лет назад

Дядя Коля подкрашивает забор сам. Может, не очень умело, не так тщательно, но он всегда говорит, что главное не подарок, а внимание. *Признаюсь, я понимал смотрителя через раз, но многие его слова откликались в будущем, словно дошедшее эхо.*

И вот мы прогуливаемся по платформе, ярко освещенной тремя фонарями — их только-только заменили, света хватает. Тихо шелестят американские клены, будто вопрошая, что у меня нового. С ветки срывается птица и улетает в сторону Дружбино.

— Чего загляделся? — спрашивает меня дядя Коля.

— Летать мечтаю, — отвечаю я, завороженно наблюдая за грациозном полетом птицы. Точнее, грациозный полет придумал я сам. Ну что можно увидеть в темноте?

— Мечтаешь летать? Это интересно…

— А ты разве не мечтаешь, дядь Коль?

Смотритель протяжно вздыхает.

— Мечтаю… Наверное. Пожалуй, мечтаю, да. Ведь знаешь, зачем оно все без мечтаний, да? Мечты — это защита и энергия. Движимая сила. То, что заставляет человека работать и жить. Ведь без них он пуст.

— А если мечта исполнится? Человек опустеет?

— Человек, который умеет мечтать, никогда не остановится. И мечты у него не закончатся. Рано или поздно он поймет, что достиг всего, и цель как-то потеряется. И тогда появятся два выхода: завянуть и жить механически, довольствуясь тем, чего ты достиг, или же проявить новые мечты. Пусть и неосуществимые, зато неисчерпаемые. Или трудноосуществимые. Знаешь, Саш, ты, может, еще маленький, чтобы тебе такое говорить или понять меня, но это как религия. Бог нужен, чтобы было к кому обратиться в трудную минуту. Чтобы был тот, перед кем ты можешь высказаться откровенно. Чтобы был тот, кто сможет тебя простить. Чтобы ты знал, что не один.

— Наверное, я понимаю… Я как-то придумал себе нескольких друзей и разговаривал с ними. Потому что в классе все не такие, как Мишка или Ленка.

Дядя Коля кивает.

— Тебе повезло с ними. Радуйся, что они есть, Сашка.

— Так я очень радуюсь!

К платформе приближается электричка.

— Вот бы так было всегда, — молвит дядя Коля, глядя не то на электричку, не то на рельсы.

— Как?

— Нетронуто. Руны красивые, когда написаны аккуратно и четко. Без клякс. На ровной бумаге. И без… Лишних телодвижений.

Не первый раз я слышу от него про какие-то руны. Мне кажется, я могу спросить у смотрителя, о чем он. Что я и делаю.

— Рельсы, руны… Впрочем, какая разница? Лишь бы все были счастливы и мечтали. И не останавливались на одной мечте. Ты же найдешь, о чем еще мечтать?

Этот вопрос возмущает меня.

— Конечно найду!

Как же не найти? Я столько всего хочу, что в голове не укладывается!

Из электрички выходит несколько человек. Я склоняю голову и рассматриваю прибывших. Кто-то знает дядю Колю и здоровается с ним, другие просто улыбаются и аккуратно сходят по видавшим виды ступенькам. Одна из женщин, бряцая какими-то железками, идет в нашу сторону. Ее шаги сопровождаются лязгом, как будто она робот.

— Здравствуй, Коль!

— Славный вечер, Дарья.

Тетю Дашу я почти не помню. Раньше мама очень дружила с ней и они проводили вместе много времени. И до того, как мама вышла замуж, они были чуть ли не лучшими подругами. В ее отсутствие тетя Даша навещает бабушку с дедушкой и справляется об их здоровье. А те, бывало, приходят к ней, чтобы поговорить с нами по телефону — у нас в доме он все еще не стоит.

— О, Санька, привет! Совсем взрослый уже! Ты один или с родителями?

— С родителями… Здравствуйте.

— Заскочу к вам завтра. Пока!

Женщина неуклюже спускается со ступеней, порождая настоящий перезвон, и проскакивает мимо нашего дома. И хоть в окнах никого нет, тетя Даша машет дому и растворяется в наступающих сумерках. Дядя Коля пристально смотрит ей вслед, а потом ухмыляется и качает головой.

— Ну вот. А они все дружно считают странным *меня*.

— А я не считаю! — возразил я.

— Может, ты такой же странный, Саньк?

— Не знаю.

Глава 3

Спойлер

13 июля.

Меня разбудил разговор. Сперва думал, что это просто сон, но когда разлепил глаза, увидел сидящего рядом со мной Тина, а на столе напротив него пристроился Туман. Мозг еще не разделял потоки речи на отдельные слова, и я не понимал, о чем они говорят.

Мое пробуждение заметили не сразу. Хорек скосил на меня глаза и поздоровался. И тогда сон как рукой сняло. Я не стал выяснять, о чем они беседовали, и сразу накинулся на Тумана. Его появления были достаточно редки, чтобы пренебрегать ими и разменяться на пустую болтовню. Он выслушал мой рассказ о ночных событиях, в том числе о барьере.

— Да, Оул. Пора укреплять их. Защита дяди Коли почти ослабла. Теперь и это входит в твои обязанности.

— Обязанности, обязанности… И как я это сделаю?

Туман склонил голову, передразнивая меня.

— Что, учить тебя, как обращаться с фанталями?

— Нет, но…

— Вот и отлично! Это то же самое. Просто делай стенки плотнее. *Утрамбовывай*.

Внезапно заговорил Тин.

— Как снежную крепость! Чтобы толщина была хорошей. Заполненной. Помнишь, мы когда-то строили?

Я помнил.

Мне не очень понравилось, что Тин оказался сообразительнее. Куда сильнее мне не понравилось то, что я злился на него, когда надо бы на себя.

Затем я рассказал о том портале, в который врезались камни, и в конце задал вопрос:

— Что все это значит? Я думал, они работают только на жертву.

Туман удивленно посмотрел на меня.

— О, ты только заметил...

— Что? Я уже две недели хожу с синяками. Что я должен был заметить?

— Что они взаимодействуют СО ВСЕМ миром.

— Ну, знаешь ли, почему-то Едоки сочли меня опаснее забора! Интересно, почему.

— Порталы бывают двух видов. Контролируемые и нет. В первом случае важно, чтобы все внимание Едока концентрировалось именно на нем. Такие Едоки уязвимы, зато процесс кражи мечты происходит значительно быстрее. Второй же вид — материальный. Я заметил, что он становится все предпочтительнее. Такой портал не надо держать в голове и полностью отвлекаться на него. Как, например, с фанталью. Знакомо, да? Достаточно создать маршрут и можно заниматься своими делами. Мечта будет идти к Едоку независимо от его контроля, правда, не так шустро. Для нас есть еще один плюс — эти порталы становятся уязвимыми для внешних факторов.

Тин оживился.

— И им можно нанести вред?

— Да.

— Чем угодно?

— По структуре своей они похожи на толстое стекло или около того.

— И их можно разбить? — уточнил Тин.

— Да, — кивнул Туман.

Непонятно почему, но Мишка хитро улыбнулся. Я слабо понимал, что могла означать эта улыбка, но в душе как будто подул ледяной ветерок.

Чувство тревоги.

***

— Я на какое-то время исчезну, — сообщает Туман.

— Даже не сомневался.

— Я, пожалуй, тоже. Надо кое над чем поработать, — загадочно говорит Мишка.

— Ну тогда и я в Дружбино, раз вы все такие занятые, — не остаюсь в долгу я.

Электричка убаюкивала.

Наши отношения стали удивительно деловыми. Что с Туманом, что с Мишкой. Да тот же Иван выглядел необычайно важным и все время был чем-то занят. А чем — не сознавался. Ну и ладно. В конце концов, я тоже не рассказал ему о своей деятельности.

Дружбино было небольшим селом. Никогда не понимал, почему конечную разместили именно здесь. Даже депо не было — все поезда уходили на круг и уезжали обратно в город,

где и ждали наступления следующего дня. Любой, кто хоть раз бывал в Дружбино, называл этот круг «ухом». Наверное, из-за похожей формы. Над путями высились два длинных перехода — поближе и подальше. А здание смотрителя располагалось в, хм, самом центре ушной раковины. С одной стороны была платформа, с другой — рельсы, огороженные забором с колючей проволокой.

На платформе среди ожидающих пассажиров стоял Спойлер. И ЛЕНА.

КАКОГО ДЬЯВОЛА!

Я нахмурился и, проигнорировав ступеньки, спрыгнул с вагона. Спойлер протянул мне руку, и я пожал ее нарочито сильно. Сильнее, чем хотел бы. Но на лице Хранителя не дрогнуло ни мускула.

— Здравствуй, Саш! — обняла меня Лена.

Я положил ладони ей на спину, почувствовав лопатки. Закрыл глаза и... И хотел, чтобы так продолжалось вечно. Этот запах, это тепло. Лена. Но все закончилось слишком быстро. Меня уже отпустили, и мои руки соскользнули с ее спины. Лена выглядела смущенно. Я, наверное, тоже.

— Привет. — *Надо же, никогда не слышал столько холода в своем голосе.* — А что ТЫ здесь делаешь?

— Ну вот... Приехала, потому что знала, что ТЫ будешь, — взволнованно сказала Лена.

— Почему вчера не сказала? Вместе бы поехали.

Я говорил достаточно резко. И меня это не заботило. Я был зол на Лену.

— Саш, ну ты чего?..

— Ничего. Я не помешал вам, случаем?!

Я резко повернулся к Спойлеру. Того и след простыл. Всмотревшись, я обнаружил его, снующим среди людей. Он подбегал то к одному, то к другому, то носился вприпрыжку и что-то напевал, а серебряный плащ вился за ним следом. Среди серых лиц жителей Дружбино покрытое сияющей краской лицо Спойлера выделялось и было подобно солнечному зайчику на грязной стене.

— Вот и думай, кому и в чем ты помешал, дурачок, — с улыбкой произнесла Лена.

— Откуда мне знать, — пробурчал я, впрочем, испытывая какое-никакое облегчение.

Мы ждали, пока Спойлер набегается и наговорится вдоволь. Здесь было гораздо меньше теневиков. Почему-то этот факт кольнул личной обидой, хоть я прекрасно понимал, что *моей* вины в этом нет. *Просто дядя Коля…*

Наконец, Спойлер припрыгал к нам. Он запыхался и взмок. Его волосы торчали дыбом, а лицо, помимо блесток, лоснилось от пота. Мне даже показалось, что оно светится.

Народ забрался в электричку, и на платформе, кроме нас, никого не осталось.

— Ты чего за представление устроил? — спросил я.

Спойлер самодовольно улыбнулся.

— А что? Мне выгодно. Считают дураком. Пусть считают. Это наша защита. Самая надежная.

Я вспомнил дядю Колю. *Интересно, он тоже придерживался этой тактики? Все его слова про руны, мечты, Едоков — все оказалось правдой. Может, и Спойлер не такой уж и чудак, каким кажется на первый взгляд? Нет, вряд ли...*

Потому что Спойлер уже бежал к себе в...

— Да они что, все живут около станций?

— Тебе ли удивляться, Саш? — засмеялась Лена. — Как ты вообще представляешь иную ситуацию. Это же дежурство, как на посту.

— Ну да, СМОТРИТЕЛЬ все-таки.

— Думаешь, для чего придумали эту странную должность? Что входит в обязанности? Вроде бы и есть смотрители, но что они делают?

— Догадываюсь.

— Пойдем в... — Лена замялась.

— Да! Я тоже не знаю, как это назвать.

— Ну, а как ты называешь свое обиталище?

— Сторожка.

— Ну тогда и это тоже сторожка.

— Да ты что! Ты мою видела? Какая ж это, — я кивнул на одноэтажное здание из белого кирпича, больше похожее на гараж, — сторожка? Пусть лучше будет обиталище.

Лена пожала плечами.

— Я не против.

В обиталище Спойлера царили темнота и запах погреба. Я почти не удивился, когда в одном из закутков, скрытых во мраке, обнаружил гору клубней с ростками. Спойлер включил свет, и я увидел, что здание и вправду походит скорее гараж — просторное помещение с высоким потолком и достаточно строгой обстановкой. На столе возле стены высились стопки бумаг, на кресле, подобно коту, свернулся клубочком свитер или что-то наподобие. Спойлер по-хозяйски сел за стол и указал нам на старенький диван.

— А где тут можно помыть руки? — спросила Лена.

Спойлер кивнул на раковину в углу.

— К делу, — ни с того ни с сего начал он. — Создай фанталь.

— О...

Я так сразу не умел. Давно уже не практиковал создание фантали в мирной обстановке. Как-то не хотелось лишний раз трогать мечту. Книги... И так мало стал читать. *Но Лена здесь. Нет, моя мечта сильна, а значит, что и за фанталь можно не беспокоиться.*

— Ну, попробую.

Читать. Перечитать все книги. Много книг. Пишите больше. Я хочу прочитать их все!

— Воу! Не так активно! — прогудел Спойлер.

Фанталь и вправду вырвалась как-то яростно, подобно брошенному катапультой камню. И размер ее никак не был сравним с футбольным мячом. Нет, им фантали давно не ограничивались.

Я скосил глаза, чтобы заметить восхищенный взгляд Лены. Но никакого восхищения не увидел. Она смотрела на фанталь с удивлением и... ГРУСТЬЮ*?*

— Что? — не удержался я, расстроенный такой реакцией.

— Саша...

— Что, *ЛЕНА*?! — я произнес ее имя с нажимом, кажется, вкладывая туда всю досаду от неудачного впечатления.

Лена не успела ответить.

— Фанталь твоя. Комковата. Как манная каша. В детском саду.

— Да почему?! — возопил я, разгневанный таким наглым враньем. Спойлер сидел за столом и кривил лицо. *Специально, что ли?*

— Лен. Создай.

Она с досадой взмахнула рукой, и с кончиков ее пальцев слетела великолепно исполненная перламутровая сфера. Она поравнялась с моей, и только тогда я увидел все недостатки своей фантали, как будто она только-только трансформировалась, став чем-то несуразным. На фоне гладкой и как будто полированной фантали Лены моя и вправду выглядела неважно: оказалось, что она даже не овальная, а… Как если бы скруглили многоугольник. Поверхность ее была, скорее, шершава, грубовата и с небольшими бугорками.

— Да как так-то?! — недоумевал я. — Не было такого!

— Повод задуматься! — жестко сказал Хранитель.

Я не отводил взгляд от фантали, чувствуя, что кривлю лицо не хуже самого Спойлера.

— КАКАЯ ЖЕ ОНА УРОДИНА!

Лена робко сделала шаг назад.

— Не говори так, Саша...

— Ты видишь ее? ВИДИШЬ?!

С моих уст срывались крики. Я обвинял Лену. Она понимала это. И принимала. Она выглядела виноватой, потому что осознала, что так или иначе причинила мне боль. Увы, и это я понял не сразу. Далеко не сразу.

— Прости... — осторожно сказала она. — Я уберу сейчас.

— Нет! — Спойлер ударил кулаком по столу. — Никаких УБЕРУ.

Он поднял руку, и по другую сторону от моей фантали возникла его. Такая же гладкая и аккуратная, но, в отличие от той, что создала Лена, фанталь Спойлера еще и вращалась вокруг своей оси. Кажется, я даже слышал свист или шорох бушующего подле фантали воздуха. Моя бедная сфера оказалась зажатой между двумя другими и смотрелась тщедушным мутантом. Или как покалеченный солдат, которого под руки несут двое здоровых.

— Сравни.

— Сравнил уж, — кисло ответил я. — Что могу сказать? Вы молодцы.

— Не факт, что виноват. Может быть старой. Потрепанной. Пора заменить.

— То есть?

— Посмотри. — Спойлер преобразил фанталь в подобие стакана, но края шли с неровным верхом — будто кардиограммой. Как ни возьмись за него, а если начнешь пить — обязательно обольешься. Спойлер подтвердил мои догадки. — Это исходный инструмент. Он направляет воду. Но ты обольешься. Хотя форма и принцип те же.

Я закатил глаза.

— Лен, пожалуйста, давай переведешь на русский?

— Он говорит о том, что твоя фанталь... Потрепалась. Она как затупившийся нож. Или ржавый меч. Понимаешь, мечты должны отдыхать, нарастать. И желательно, чтобы их никто не трогал. Если же постоянно пользоваться одной мечтой, она, грубо говоря, обветшает.

— Значит, это не я криворукий, а моя мечта просто-напросто *устала*? — я не разобрался, надо ли радоваться, грустить или возмущаться.

— Да, — кивнула Лена.

— Не факт, — возразил Спойлер.

Я посмотрел на него и стиснул зубы.

— И что делать? — спросил я, демонстративно обращаясь к Лене.

— Дай этой мечте восстановиться. Как с фантазией, помнишь? Если вбирать их обратно, неполными, они летают в сознании осколками. До тех пор, пока не обрастут и не встретятся вместе, тем самым вновь формируя исходную фантазию.

— Еще одна мечта? Непозволительная роскошь, — отрезал я. — Уж лучше домучить эту.

— Почему?

— Да потому что я боюсь лишиться остальных! Я... — Лена смотрела прямо на меня. Я смутился. — Слишком дорожу ими! Кем я стану? Они ж мне... Они для меня — все.

— Так тем более, Саш! Тебе нечего бояться. Если они так сильны, если у тебя к ним такое отношение, то никакой Едок им не страшен.

— Едок-то может и нет. А вот я...

— Что ты имеешь в виду?

Я вспомнил, как терял фанталь. Как не мог справиться. Как паниковал и совершал необдуманные или радикальные поступки. Перегибал там, где этого не требовалось. Не действовал с полной отдачей тогда, когда требовались все силы.

— Сама знаешь. Дробление. Вождение. Отупение...

— Не говори так, прошу тебя!

— Зато знаешь. Почему прорыв будет. На Дымчатой.

Я нахмурился.

— Но дядя Коля говорил про баланс! Про макаронины и...

Спойлер издал странный рыкающий звук и поднялся на ноги. Стул отъехал к стене позади и врезался в нее.

— Говорил! Чтобы намотал на ус. И не повторил его ошибку! Он не смог справиться. Не наступай на те же грабли! На тебя устремлены взгляды всех Хранителей!

Я не слушал его. Последние предложения потонули в моем крике.

— Заткнись! Заткнись! Заткнись!

Незаметно я оказался возле Спойлера. Мой кулак врезался ему в подбородок. Голова откинулась назад. Следующий удар пришелся в солнечное сплетение, и Хранитель отступил к стене.

— Не смей! — проревел я и побежал на него.

И был отброшен назад. Попытался подняться, но меня как плитой придавило.

Этот запах мяты и кедровых орехов.

Я с трудом повернул голову и еле различил сквозь слезы перламутровое облако. И ехидно ухмыляющегося Спойлера.

— Баланс, говоришь? — спросил он.

Придавило сильнее. Я не сдержался и вскрикнул.

— Что такое? Если ныть, то со всей силой? А терпеть? Где баланс? А?

— Спойлер!.. — взмолилась Лена.

— ТИШЕ!

Фанталь Спойлера весила тонну. Может, две. В тот момент мне казалось, что мое тело расплющило, а кости превратились в тонкие пластины. Я не мог вдохнуть и от нехватки дыхания начал паниковать. Пальцы заскребли по бетонному полу.

— ЕМУ ПЛОХО! ПРЕКРАТИ! — не унималась Лена.

— Еще одна такая выходка, и с балансом не справлюсь *я*!

Фанталь лопнула. Взрывная волна отбросила меня назад, и я, обдирая колени и локти, проскользил к самому выходу. Частички фантали стаей мелких насекомых полетели к ладони Спойлера.

Сейчас прогремит «Убирайся!». И тогда я уйду. Опозоренный и побежденный. Опозоренный и побежденный ПЕРЕД ЛЕНОЙ.

Но этого не произошло. Я встал, не обращая внимания на жгучую боль ободранной кожи. Стараясь не смотреть ни на Лену, ни на Спойлера, принялся отряхиваться.

— Я кое-что знаю об этом. Не первый год в деле. Нечего думать, что крутой. Когда не такой. Умей слушать старших.

После непривычно длинных — *быть может, от гнева?* — предложений его речь снова звучала рублено и нервно.

— Каких еще старших, ты!..

— Саш, Спойлер Хранитель уже больше десяти лет.

— Не понял.

— Мне почти сорок!

Сначала я подумал, что упала моя челюсть. Потом Спойлер недовольно склонил голову, и я понял, что это стул. Впрочем, удивления и шока от этой новости не убавилось.

— Люблю эти моменты, — радостно сообщил Спойлер, потирая подбородок. — Их реакция. Очаровательно.

Спойлеру сорок лет... Но ведь он максимум на пять лет старше меня! И то — когда не чудит. Как же так? Столько лет быть Хранителем Грез и... И не выглядеть как дядя Коля? Не иметь бесцветных глаз? Пустого взора? Почему? КАК?!

Так вышло, что я задал эти вопросы вслух. Если, конечно, Лена и Спойлер не обладали даром читать мысли.

— Мы не лишаем себя самих себя, — объяснила Лена. — Ой, как-то я странно выразилась...

— Дядя Коля кормил. Собой. Фантазии, мечты. Ничего себе не оставил. И в себе. Возраст не тот. И опыт. Не всякий справится. Возраст препятствует мечтам.

— То есть? — я с трудом составлял его отрывки фраз во что-то осмысленное.

— Саша, удел каждого Хранителя — перегорать. Как это случилось с дядей Колей. С его другом, Антоном Степановичем, произошло то же самое. Только он вообще кормил Едоков целыми пучками своих мечт, да так, что тех буквально разрывало. Да, остатки фанталей он впитывал, но со временем выдохлись и они. И сам Антон Степанович...

Лена шмыгнула носом.

— Мы будем другими. — Заявил Спойлер. — Сильнее. Осторожнее. Любишь баланс? Балансируй.

— То есть вы хотите сказать, что используете разные мечты? Меняете их?

— Я меняю, да, — созналась Лена.

— Эх ты, мечтательница...

— А Спойлер вообще одновременно орудует двумя-тремя! У него они даже не успевают истрепаться.

— Ого...

ЗАЧЕМ! Зачем оно вырвалось? Дурацкое ОГО. Я же все еще злюсь на него! Я не должен был позволять себе эту нотку восхищения.

— Опыт, — просто ответил Спойлер и поднял стул. — Есть иные фантали. Твердые. Они здесь. В этой реальности.

— Ага, мне рассказывали. И показывали.

Лена хмыкнула.

— Чем-то фантали схожи с порталами Едоков, а? — спросил я. — Это совпадение или что-то большее?

— Неясно. Фанталями взаимодействуешь. С миром.

Я вспомнил пересказ Тина про встречу со Спойлером.

— И именно так ты летал?

Разговоры с Хранителем давались трудно. Выслушать его больше десяти секунд и не испытать раздражения было подвигом.

— Да. Заставляю их работать. На меня. Потому что могу.

Он создал фанталь — маленькую сферу, которая протянулась нитью через все помещение до выключателя. Свет погас. В темноте светилась тонкая, будто леска, фанталь Спойлера. И его кожа.

Неужели этот идиот каждое утро мажется фосфоресцирующей краской?

— Видишь? — хмыкнул Спойлер, не спеша включать свет.

— И ради этого ты тоже используешь мечту?

— Да.

— Ну и болван.

***

А потом была долгая тренировка. Как заставить фанталь проявиться в нашем мире? Это тоже требовало определенных усилий — нужно укрепить стенки и как бы еще раз вытолкнуть фанталь, но уже не из головы, а из одного слоя в другой. Я не стеснялся использовать фантазии. Таков был мой принцип: ни на что новое мечты потрачено не будет.

Лена практиковалась вместе со мной. Наверное, это было не лучшее чувство, но когда я видел, что у нее что-то не получается, мне становилось чуточку легче... Ободранные колени все еще ныли, и это мешало сосредоточиться. Я пару раз терял фанталь, психовал, из принципа не вбирал обратно и позволял рассеиваться.

— Ты что творишь? — возмущался Спойлер. Он злился — не только в силу своего нрава и особого отношения ко мне. После моего удара его подбородок немного опух и выделялся на продолговатом лице.

— Да запах тут не очень, — осклабился я и назло ему лопнул небольшой шарик, выпуская наружу мяту и кедровые орехи. — Исправляю ситуацию вот.

Однако боль прошла сразу же, как только Лена сказала:

— Ой, времени уже много. Саш, поедем?

— Конечно!

— Ты! Опять! — верещал Спойлер.

Потому что мои три фантали, зависшие перед лицом, лопнули. Меня это не взволновало.

— Через пять минут электричка, — сообщила Лена.

— Пошли, — сказал я, желая поскорее уйти отсюда. Неприятный осадок болтался внутри меня подобно привязанному камню. И бил, бил, бил, не давая покоя. — Счастливо.

— Пока, Спойлер!

— Пока, Лен.

На лице у меня возникла победная улыбка. Я развернулся и пошел к двери. У самого выхода бросил, не оборачиваясь:

— Предсказуемо. Такой взрослый, а хуже ребенка.

— Судя по твоему удару, ребенок тут только ты.

— Судя по твоему подбородку, ребенок оказался сильным.

И почему так мало ехать? Почему всего двадцать минут? Это неправильно! Может, сегодня поезд поедет медленнее?

— А знаешь, Саш, я тоже решила использовать фантазии. Ну, для тренировок.

— Почему?

— Да ни к чему эта расточительность. Я ж не Спойлер.

— А что он? — резко спросил я.

— Он-то может себе такое позволить. А я не хочу. Мне нравится твоя предусмотрительность.

— Надеюсь, это не синоним трусости в моем случае?

— Ты что-о-о!

Мне было грустно. Я молчал. И настроение совсем не располагало к улыбкам и веселому тону. Я ехал обратно в Дымчатую, чтобы окунуться в болото человеческой отчужденности. Уже виднелся туман над макушками деревьев.

— Ты чего такой грустный?

Окунусь в него и пропаду. Как мечты дымчатых.

— Саш?

— Да... А чего веселиться, Лен?

— Все же хорошо, правда?

Я посмотрел в ее доверчивые и искренние глаза. Она улыбалась открыто и невероятно красиво.

— Что такое? — Лена заморгала, смутившись моего взгляда.

— Однажды я скажу тебе спасибо.

— За что?

— Ты поймешь.

И почему-то она загрустила. Может быть, это был неверный свет ламп, но мне показалось, что... *Нет, ну откуда там взяться слезам?*

— Спасибо тебе за «Омут радуги». Сумасшедшая книга. Как только фантазия работает у автора... Я сегодня поняла, какой великий подарок ты мне сделал.

Я ничего не ответил. Лишь улыбнулся.

— Саша, — очень серьезно сказала Лена, — я никогда не использую эту книгу для фантали. Мне очень дорог твой подарок.

— Надеюсь, у тебя не будет поводов использовать фанталь *в принципе*.

Поезд подъезжал к платформе. Я неохотно встал.

— Эх... Не хочу.

— Понимаю. Тяжело тебе здесь.

— Ничего ты не понимаешь... — еле слышно пробубнил я.

— Что?

— Я говорю, береги себя, Лена.

— И ты. Пожалуйста, береги.

Интерлюдия 3

Пять лет назад

— Иван, держи.

Людмила Сергеевна протягивает ему сахарницу.

Удивительно, что полным именем Ивана стали называть с самого детства. Хоть он и был старше нас, мы всегда росли вместе и считали его ровесником. Во многом благодаря его особенностям развития, из-за которых Иван не мог учиться со всеми. Друзей в школе не было, но мы никогда не бросали его.

— Спасибо! — говорит Иван.

— А это я! — на кухню вбегает Ленка. В руках она держит полотенце.

— Так, это который уже по счету раз? — обращаюсь я к Мишке.

Тот хмурит брови и чешет затылок.

— Это-о… Нет, я уже сбился со счету. Скоро тут вода закончится!

— Лен, а ты в курсе, что микробы еще и в воздухе летают?

Я любил подшучивать над ней. Особенно на тему мытья рук. Учитывая, что Лена делала это и с поводом, и без, смолчать было невозможно.

— Не смешно! — говорит она и замахивается на меня полотенцем.

Людмила Сергеевна качает головой.

— Садитесь давайте. Иван, тебе сколько ложек сахара?

— Семь.

— Сколько? — переспрашивает Людмила Сергеевна.

— Ну ладно, девять.

— Ты уверен?

— Точно!

— Ну смотри.

Людмила Сергеевна кладет одну ложку, вторую, третью...

— Стоп!

— А сам говоришь — девять, — мягко упрекает его тетя Лены.

— Так девять же, — невозмутимо заявляет Иван.

Со счетом у него всегда были проблемы. Но мы привыкли и перестали делать замечания в силу невозможности что-либо изменить. Попытки исправить Ивана лишь раздражали его.

Людмила Сергеевна, полненькая, похожая на хомяка, ставит на стол широкую вазу с печеньями, вафлями и пряниками и садится с нами. Вид у нее расстроенный.

— У тебя все хорошо? — спрашивает Лена, макая печеньку в чай.

— Да, вполне... Надоело угощать вас этими покупными штуками. Всякий раз ставлю на стол и аж сердце ломит.

— А мне казалось, что я чую что-то вкусненькое, — Тин указывает пальцем на духовку. Внутри светит лампочка, там что-то готовится.

— Не знаю насчет вкусненького, Миш, — Людмила Сергеевна раздосадована, и я вижу ее такой впервые.

— А почему? — задаю я вполне себе логичный вопрос.

— Учусь только... Не знаю, как получится. Переживаю.

— Но вы же стараетесь, Людмила Сергеевна! Разве можно из-за этого расстраиваться?

— Конечно нет, Саш. А ты говоришь очень хорошие вещи.

— Я буду пять кусков! — оповещает Иван и смеется.

— Вот видите, Иван знает, чего хочет. Я тоже знаю — хочу научиться вкусно готовить какой-нибудь торт, чтоб не покупать всякую ерунду. Никогда не думала, что меня потянет на такое. Я ведь была таким же сорванцем, как Ленка. А тут что-то вдруг потянуло...

— А какой торт? — серьезно спрашивает Лена.

— А пока не решила, — Людмила Сергеевна разводит руками. — Зато знаю, что хочу быть в этом деле настоящим чемпионом!

— Это правильно, — кивает Мишка. Кивает так, как не кивнул бы ни один профессор.

Людмила Сергеевна улыбается и смотрит на каждого из нас.

— Ну, а вы чего хотите?

— Хочу торт! — выкрикивает Иван.

— Нет, так не пойдет. Это сиюминутное желание. А что ты хочешь по-настоящему?

— Хочу быть кузнецом! И делать в день по миллиону поделок! Буду продавать и стану богатым.

— Тебе только продавать, — поддевает его Тин.

— Ну нет. Ты будешь у меня этим, как им. Бубликом. Букатером... Хуб...

— Бухгалтером, — помогает ему Людмила Сергеевна.

— Вот, да. Будешь бухгалтером!

— Не-е-ет, — возражает Тин. — Я хочу быть изобретателем. Почти как кузнецом, но хитрее: электроника, радио, всякие штуковины... Учебник у меня уже есть. Правда, он вчера наругал меня за то, что поздно лег. А я осваивал черчение на компьютере. Хочу когда-нибудь сделать велодрезину!

Людмила Сергеевна смотрит на Мишку с восхищением.

— Значит, сделаешь. А ты, Лен?

Лена отставляет кружку, выпрямляется, расправляет плечики и невероятно важно говорит:

— Я хочу стать художницей.

— А ты не устанешь мыть руки? — зачем-то говорю *(зачем-то говорил)* я.

Лена морщится, но ничего не отвечает.

— Мечтаю творить миры, показывать людям нечто новое. Пока что тренируюсь на идеях других — Сашка мне советует книги хорошие. Там тако-о-е крутое! Я тебе показывала, помнишь? — Людмила Сергеевна кивает. — Вот. Подарила их Саше.

— Видимо, ему очень понравились рисунки?

Я склоняю голову.

— Это почему вы так решили?

— А по тебе видно! Знаешь, если бы я хотела рисовать и встречала такую же реакцию, как у тебя, наверное, никогда бы не бросила это дело. Даже если бы реагировал так только один человек.

Лена улыбается и опускает взгляд.

— Наверное, радовать людей — это тоже можно назвать мечтой, да? — осторожно спрашивает она.

— Да. И это прекрасно, Леночка. Саша?

— М?

— А ты что скажешь?

Как хорошо, что я успеваю набить рот пряниками. Пока прожевываю, у меня есть время подумать.

Но, к сожалению, я не мог похвастаться стремлением стать кем-то, как Тин или Иван, у меня не было желания что-то творить, как Лена... И меня смущало это. Точнее, смущало то, что на фоне сказанного моя мечта может прозвучать слишком по-детски и наивно, несерьезно.

И все-таки...

— Я мечтаю научиться летать.

Смотрю на стену. Слышу, что ребята смеются. Все, но не Людмила Сергеевна.

— Но почему?

— Потому что это неисчерпаемое стремление, — отвечаю я, вспомнив фразу дяди Коли. — Вот добьются они всего, — я указал на друзей, — и что дальше?

— Но твои друзья оказались хитрее. Они выбрали мечты, которые так быстро не закончатся. Изобретать, рисовать и ковать можно всегда. Не так ли?

— О... — тут я не подумал. И действительно, мечты ребят имеют задел к чему-то большему, чем просто галочка напротив очередного пункта.

Тогда-то у меня родилась еще одна мечта.

— В таком случае я хочу прочитать ВСЕ книги.

— Так уж все?

— Да. Писателей много. В отличие от ребят, мои мечты будут продлевать другие.

Тин поворачивается ко мне.

— Ну ты и хитер... Оул!

— Оул?

— А кто же? Не я ведь склоняю голову как сова?

Перед тем как спросить, почему он назвал меня именно так, я обнаруживаю себя в том самом положении: глаза распахнуты, голова наклонена.

А потом настает время торта. Людмила Сергеевна вооружается деревянным прутиком и открывает духовку, чтобы проверить готовность коржей.

— Скоро будем знакомиться с моей мечтой! — объявляет Людмила Сергеевна.

По кухне плывут ароматы шоколада, хлеба и ванили. Пока коржи остужаются, тетя Лены занята приготовлением крема. Завороженные, мы молча и с предвкушением наблюдаем за ловкими движениями Людмилы Сергеевны. Руки сами собой перестают тянуться к вазе с покупными вкусностями. Все ждут торт.

— Так, ну все, готово!

— Ой, я побежала руки мыть, — выпаливает Ленка и убегает во двор.

Людмила Сергеевна ставит перед нами по блюдцу с огромным куском торта. Коржи смазаны кремом, причем, в середине шоколадным, а сверху — каким-то сливочным, что ли. Я разглядываю торт с восхищением и удивляюсь, что это сделала Людмила Сергеевна.

— Как здорово! — не удерживаюсь я. — Вы большая молодец. Чувствую, ваша мечта очень вкусная!

О блюдце звенькает ложка. Это Иван уже вовсю уминает доставшийся кусок, а Тин подробно изучает свою порцию, что-то вынюхивает, пробует кончиком языка, как будто перед ним не торт, а какая-то диковина, по которой надо сделать подробный отчет. Мне не очень нравится его поведение.

Взгляд падает на соседнее блюдо. Блюдо Лены. Я замечаю, что крема у ее куска не так много, как у меня, и пока Людмила Сергеевна переставляет посуду, я быстро меняю наши блюда.

Внутренний голос произносит:

— Умница.

Тогда я не придал значения тому, что внутренний голос был очень похож на голос Людмилы Сергеевны.

Глава 4

Просьба

14 июля.

«И ты. Пожалуйста, береги», — сказала Лена.

Что она имела в виду? Кого беречь? Себя или ее? Почему она сказала именно ТАК? Быть может, неспроста. Или же само собой вышло. Боюсь, мне этого никогда не узнать. Но Лена попросила, и я не собирался пропускать эти слова мимо ушей. И никакая уставшая или невосстановившаяся мечта не помешала мне уничтожить восьмерых Едоков минувшей ночью. Я справился и уберег остальные мечты. Отдать их — перестать существовать.

Спрятанный список с мечтами все еще лежал за спинкой дивана. Я боялся взять его. Ведь там, помимо того, что я помнил, записаны мечты, которых больше нет. *Сколько их? Не помню... Лишь знаю, что их больше нет. ОНИ МЕРТВЫ. А что если я потерял слишком много из них и уже перестаю быть нормальным человеком? Вдруг мои глаза тоже...*

Я подбежал к зеркалу и чуть было не впечатался в него носом. *Нет, все те же темно-карие глаза, не посветлевшие и не блеклые. Живые глаза подростка. Испуганного и замученного.*

— Фух, — выдохнул я и плюхнулся на диван.

«Полшестого утра, Дневник. Не спится. Не из-за адреналина и жаркой ночи. Заснуть мне не дает встревоженное сознание. Я понимаю, что на одной мечте далеко не уедешь, но и никак не придумаю новые вот так вот на пустом месте. В конце концов, это не просто фантазии. Мечты – вещь иного порядка и гораздо выше уровнем. Они не рождаются по мановению руки. Сесть и сгенерировать их не получится.

Но и возвращаться к фантазиям – тоже не выход. Пожалуй, придется попробовать вторую мечту.

Бабушка с дедушкой. Не стану ли я равнодушным к своей судьбе, как стал равнодушным к книгам? Нет, конечно, огонь желания тлеет в моей душе, и я знаю, что мечта никуда не делась. Просто... Просто, может, ей действительно стоит отдохнуть?»

А потом я взял первую попавшуюся книгу, раскрыл ее и на форзаце записал крупными печатными буквами:

«ФАНТАЗИИ ЖИВУТ В СОЗНАНИИ. МЕЧТЫ — В ДУШЕ».

И уснул.

***

Днем я сходил к тете Даше. Хоть я и не убивал Пленусов и не видел, чтобы радужные ленты чьих-то мечт возвращались в Дымчатую, каждый визит я надеялся, что ро-ро вернутся. Но неизменно натыкался на одну и ту же картину: пустой взгляд, утраченная воля к жизни, тень на лице и тотальное нежелание чего-либо.

И неизменно расстраивался.

Тетя Даша выглядела встревоженно и устало. Она потеряла свой извечный блестящий облик — постоянные дела отнимали все ее время. Дома тети Даши не оказалось, и я сбегал за продуктами. К моему возвращению она уже появилась.

— Как знала, что ты зайдешь, Саш. Принесла тебе банку молока.

— Здравствуйте, спасибо.

Тетя Даша взмахнула рукой.

— Ой, привет, да. Фух, что-то я замаялась совсем.

— Какие вести?

— Да никаких… Если ты про… — тетя Даша кивнула в сторону комнаты, где сидели бабушка с дедушкой.

Сколько в этой женщине было страха и разочарования, сколько боли... Ее аура как будто кричала, молила о помощи и ревела о безысходности. Это было чересчур. *Неважно, справлюсь я или нет, выживу или нет, украдут у нее мечту или нет. Ничего не важно. Кроме необходимости сказать.*

— Скоро все исправится. Верьте.

Я не дождался ее реакции — решительно повернулся и твердым шагом пошел на завод. Благо, теперь была уверенность, что Тин там. Мечта с ним, поводов для беспокойства нет. Хотя бы в ближайшие несколько часов.

Жизнь с постоянными проблемами и нуждами научила ценить спокойное время. Я никогда не умел жить по принципу «здесь и сейчас», всегда что-то планировал, о чем-то грезил, но это быстро забывалось, и на смену одним планам приходили другие. Сейчас же любая свободная — и спокойная — минута служила наградой. Можно было отдохнуть в дороге из пункта А в пункт Б. В дороге мало что может приключиться. А значит, это следовало ценить.

Бредя сквозь заросли крапивы, я уже слышал Ивана и Тина. Радостно отодвинул полог. Здесь работа кипела вовсю — ребята погрязли в груде металлолома, примеряли детали, оценивали каркасы и выглядели важнее ученых.

— Что, опять? — спросил я, счастливый, что все хорошо.

— Как всегда! — не отрываясь от дел сказал Тин.

— Мишка говорит, нам надо еще сто семьдесят деталей сделать.

Я захлопал ресницами и склонил голову.

— Почти, — хихикнул Тин, брынча инструментами на поясе. — Всего две. Но сто семьдесят — масштабнее! Под стать нашему Ивану.

Кузнец зарделся и на радостях согнул тонкую металлическую трубу.

— Ох ты, — удивился Мишка. — Надо почаще тебя хвалить. Получается эффективно.

— Так чего вы делаете на сей раз? — не унимался я.

— Важные вещи, Саня! — таинственно ответил Тин. — Я, как настоящий безумный ученый, не должен раскрывать всех своих замыслов. Ты ж у нас читать любишь? Слышал про понятие «вау-эффект»? Так вот, не отбирай его у меня!

Я понимающе кивнул.

— У меня тоже есть для тебя вау-эффект.

— Да? Какой?

— Мне кажется, что появление тумана в Дымчатой связано с дядей Колей.

— Вау! И почему же?

Я развел руками.

— А вот тут у меня вау-эффекта нет.

— А что есть?

— Предположения.

— Эх, Оул. Ты как всегда. А я летать умею. Правда, у меня только предположения.

— Что за глупости, Тин.

— Вот и я о том же. И вообще — с каких пор для тебя полеты это глупость?

— А что же?

— Ну как...

— Как?

Тин смотрел на меня так, будто напротив него стоял не я, а, скажем, Петр Первый. Мишка почесал голову, взлохматил волосы и покачал головой.

— Хм, — вздохнул он. — Наверное, я понимаю.

— Что?

— Что ты... Что я ошибся!

Иван что-то прорычал и, покраснев, согнул еще одну трубу. По его лицу текли ручьи пота, он тяжело дышал и устал, но был жутко доволен собой.

— Иван, ты чего? — Тин даже снял свои очки. — Выглядишь как настоящий гладиатор. Тебе бы еще меч в руку или топор.

Кузнец вздрогнул, как будто его ударило током, и засуетился.

— Так, вы как хотите, а я пойду. Надо помыться и привести себя в порядок. Завтра еду в город.

— Чего это ты вдруг так резко? — спросил я.

— Да вот, вспомнил, дел много... — отмахнулся Иван. — Надо прикупить всякого для моих дел. Дел!

— Дела — это хорошо, — проговорил Тин, пристально глядя на Ивана.

— Давайте, до завтра! Надеюсь, миллиона мне хватит.

— Должно хватить, — успокоил его Мишка.

Иван тяжелой походкой покинул завод.

— Понятия не имею, как он будет покупать, — покачал головой Тин.

— Да как обычно, как. Покупал же всегда. Мир не без добрых людей и... Ой, погоди!

Я помчался за кузнецом, пролетел через занавес, неаккуратно вошел в поворот в протоптанном лабиринте и обжег о крапиву локоть, но таки догнал.

— Иван!

— А? — он обернулся, испуганный и настороженный.

— Уф... Иван. У меня к тебе... К тебе просьба будет.

— Конечно! Какая, Саш?

— Привези мне, пожалуйста, цветы. Хорошие, красивые. Фиолетовые. Ладно?

Кузнец понимающе кивнул и улыбнулся.

— Хорошие красивые фиолетовые цветы, — повторил Иван. Я кивнул. — Трех тысяч хватит?

— Денег или цветов?

— Цветов, само собой.

— Многовато будет, боюсь.

— Ну тогда возьму пять тысяч.

— Годится, — сказал я. Все равно спорить с ним было бесполезно. — Ты попроси продавца дать тебе чек. Только у меня с собой денег нет... Найдешь?

— Не беспокойся. У меня их много.

— Не сомневаюсь.

— Тогда пока?

Я пожал ему руку.

— Пока, Иван. И это... Не говори Мишке, хорошо?

Иван расплылся в улыбке.

— Мог и не просить.

Интерлюдия 4

Когда-то

— Кто вы?

Коллеги переглянулись.

— А интересный вопрос. Даже не знаю. Коллега, кто мы?

— Уравнители, блюстители равновесия, Орден Справедливости, Следящие-за-Балансом или…

— Просто боги.

Горстка людей никак не отреагировала. Они медленно плыли в тумане по неторопливой речке. Видимости почти никакой. Огромный плот напоминал жилую платформу. На одном ее конце несколько палаток, пара перекладин для сушки одежды, какие-то тюки, каменный очаг с тлеющими угольями и подвешенный над ними котелок. На другом конце — весла, удочки и пара сетей. Пятеро людей жили так уже несколько лет, медленно сплавляясь вниз по реке и не имея за душой ничего, кроме затяжного путешествия. Нечесаные, с красными воспаленными глазами, с кожей, похожей на известняк, они напоминали древние статуи, но никак не живых.

— Ну ладно, — пожал плечами бородатый. — Хоть боги, хоть духи реки. Все одно. Да, парни?

Трое кивнули. Четвертый лежал возле палаток на боку и смотрел в туман немигающим взглядом. С ним явно было что-то не так. Он казался загорелым. На самом же деле его лицо прикрыла тень.

Коллеги шли рядом с плотом. По воде.

— А с ним что? — кивнул на хворого Именующий.

— А кто его знает, — ответил бородатый. — Захирел и все тут.

— Ну все, да не все, — возразил Созидающий.

Его тело изломилось. Оно стало плоским и вытянутым. Как длинная травинка. Назвавший себя богом замерцал, побледнел и исчез, а когда появился снова, в руке у него был...

— А, видали мы таких, — отозвались жители плота. — Кружили тут тамошней ночью. Да и не токмо тамошней.

— И чего вы? — с любопытством спросил Именующий, изучая темную тварь в руке коллеги. Та билась и трепыхалась, словно пойманная рыба.

— А чего мы? Мы ничего. Какие только твари ни померещатся. Эвон кругом хмарь какая. Вот вы идете по воде. Ну и идите себе. А мы проморгаемся, и все станет как обычно.

Коллеги переглянулись.

— А он? — спросил Созидающий, указывая на лежащего.

— А наш-то хлопец — он испугался. Нервный он. Сперва удочку потерял, когда прогонял их. Бубнил потом: *удочка, удочка, нужна удочка, не могу без удочки*. Мы уж ему свои предлагали, и новые хотели сделать, а он ни в какую. Думать, говорит, только о ней могу. А давеча эти как вылезли разок, а он беззащитный, — так и вовсе замолк и слег со страху.

— Значит, не померещилось?

Бородатый задумался.

— А река бы их знала. Уже сам не поймешь.

— Со страху, говоришь? Нет, не со страху. Он, — Созидающий кивнул на темную тварь в руке, что бешено извивалась и молотила лапами воздух, — украл у вашего товарища мечту и опустошил его. Хотите ему помочь?

Бородатый незамедлительно схватился за острогу. Остальные сделали то же самое.

— Нет, не так быстро! — предостерег Созидающий.

— Вот еще! Давай гада сюда!

— Этим его не взять, господа, — сказал Именующий. — Здесь надо проявить смекалку.

Мужчины потупились.

— Какую такую смекалку? Что надо-то? — спросили они.

— Чьим лучшим другом он был? — улыбнулся Созидающий.

Вперед вышел косматый верзила.

— Ну... Ну моим, — несколько виновато ответил он.

— А грустишь, потому что скучаешь? — прищурился Именующий.

Косматый кивнул.

— Хочешь помочь ему? Хочешь ВЕРНУТЬ своего друга.

— Хочу.

— Ты мечтаешь об этом?

— Пожалуй.

— Тогда прояви свою мечту! Пусть она станет твоим оружием!

Верзила вздрогнул. В его руке появился перламутровый кинжал. Созидающий одобрительно кивнул и вытянул руку. Темная тварь зашипела и принялась дергаться.

Мужчина вонзил кинжал в брюхо твари, будто делал так сотни раз. Запахло гарью. Темная тварь лопнула. Вместо нее осталась разноцветная лента. Она проплыла по воздуху прямо к лежащему человеку. Описав вираж, скрылась внутри него. Тот поежился и вскочил на ноги. Лицо чистое и светлое.

— Гилеон! — вскрикнул косматый. — Ты очнулся!

— Конечно! — возбужденно ответил Гилеон. — Чего разлеживаться-то!

— Я убил ее, — еле слышно сказал здоровяк, обращаясь к коллегам.

— А теперь давайте смотреть в реку. Мне нужна крепкая ветка. Удочку хочу — не могу! Такую же, как ту.

— Во, опять про удочку заладил, — сказал бородатый. — Стало быть, все в порядке.

Назвавшиеся богами довольно улыбнулись.

— Мы дадим вам удочку. И землю, если вы ее ищете. И много чего еще, если на то будет ваша воля. Вы остановитесь и найдете приют. В ответ на это вы должны стать нашими друзьями.

— Какими еще друзьями? — насупился косматый, почувствовав смелость.

— Тебе было сложно делать то, что ты сейчас сделал? — спросил Созидающий.

— Нет.

— Готов делать это регулярно?

— В обмен на что?

— На славную жизнь. Вы станете основателями. Теми, кого в будущем будут звать Хранителями Грез.

— И что мы будем охранять? — недоуменно спросил бородатый.

— Мечты. Людей. Мир.

На плоту повисло молчание. Туман подобрался к ним поближе, словно хотел подслушать. Жители плота стояли, ничего не понимая.

— Садитесь. Время познавать себя. Мы расскажем вам о мечтах.

***

— От имени совета Старших Хранителей. От имени всех причастных. Слушайте же! За последнюю неделю погибло пятнадцать Хранителей, трое из которых — Старшие. Во всех случаях имело место столкновение с Пожирателями. Увы, вынужденно сообщаю, что они снова появились. Нападения проходят в усиленном режиме и затрагивают все станции. Особенно — область центрального региона. В непосредственной близости городов атаки отличаются заметно увеличившимся числом. По всему выходит, что Хмурь сконцентрирована именно на тех участках. Что касается Дымчатой, то, по словам нашего коллеги, новый Хранитель с задачей справляется. Если не считать одного пропуска мечты, работу он выполняет исправно. Мы совещались на предмет отправки к нему подкрепления, но на данный момент это нецелесообразно. Мы не знаем, что задумала Хмурь и что она предпримет. По состоянию на сегодняшнюю дату Дымчатая — статистически самая слабая станция, если соотносить количество жителей к количеству украденных мечт. Многие склоняются к тому, что прорыв будет именно там. И постепенно, приближаясь к городу и наращивая свою мощность, Хмурь поглотит город за городом. До тех пор, пока не опустошит весь мир. Некоторые из моих коллег склоняются к мысли, что вторжение будет не там, а в районах усиленного нападения. Кто-то предлагал сымитировать на одной из станций слабое звено и позволить Едокам украсть столько мечт, сколько нужно, чтобы привлечь внимание Хмури к новому, стратегически более выгодному для нас расположению. Однако большинство проголосовало против.

В любой момент мы должны быть готовы к тому, чтобы мобилизовать наши силы и направить их в Дымчатую на помощь юному Хранителю. Понимаю, что сейчас непростые времена. Никогда еще Хранители не были так вовлечены в каждодневные сражения, но это война. На войне не обходится без жертв. Впрочем, как не обходится и без героев. Многие погибнут. Но помните, кто мы. Старшие Хранители встанут с вами плечом к плечу. Теперь на кону не просто защита грез. Сегодня мы охраняем сам мир.

Вперед, Хранители!

Глава 5

Последняя тренировка

15 июля.

Мне повезло. Никаких Едоков ночью не было. Даже сперва не поверил своей удаче. Я посчитал это добрым знаком. С другой стороны — если повезло мне, кому-то могло и не повезти. Например, если Хмурь направила свой удар куда-то в другое место. Так что радость моя была очень сомнительной и условной.

Невзирая на это, я порадовался. Моя книжная мечта как раз требовала отдыха. Жаль, забыл спросить, сколько времени необходимо на восстановление. *Зато можно заняться обороной. И на это вполне хватит фантазии.*

Я посмотрел на брешь в барьере. Будто осколки. Такие, ломкие и эластичные. Барьер походил на подобие пенала или туннеля метро — он шел полуаркой. Я закрыл глаза и вслушался в свой внутренний мир.

...Который говорит о Луне. Огромный безмолвный бассейн со своими кратерами и подземными (подлунными?) ходами. Странная фантазия. Но такая притягательная. На Луне тихо и спокойно. Ты запрыгиваешь в один кратер, а выпрыгиваешь из другого. На той стороне Луны. Классно.

Я без труда выудил фанталь, действительно похожую на Луну, и *раскрыл* ее, словно ком бумаги.

— Со своей сестрой тебе будет комфортнее, — обратился я к ней и отправил в полет.

Перламутровый лист мягко вклинился в брешь, будто долгожданная деталька паззла. Я поднял руки и НАДАВИЛ. Края фантали *впаялись* в оголенные стены обломанного барьера и залатали дыру.

Не знаю откуда, но появилась уверенность, что без меня она не исчезнет. *Она теперь собственность барьера.*

***

Этот день я решил посвятить тренировке с фанталями, о чем заранее предупредил Тина. Мишке все равно было мало толку, пока Иван был в отъезде — для их изобретений нужна была силовая работа.

Я зашел за Тином и застал его за готовкой.

— Каша, — пожал плечами мой друг. — Не думал, что так быстро научусь ее готовить. Вообще не думал, что научусь в свои пятнадцать делать так много вещей.

— Опыт, Миш, — сказал я, не найдя ничего лучше.

— Не та ситуация для получения опыта.

— Я уже спас тебя. Спас Ивана. Спасу и твоего отца. И всю Дымчатую.

Тин кивнул.

А ведь ты не первый раз даешь обещание, в котором сам не уверен, Оул. Это что, обман? Или трусость? Думаю, пока все не завершится, я так и не пойму. Стало быть, в моем праве давать обещания, лишь бы подарить надежду на то, что все будет лучше. Потому что видеть лица Тина или тети Даши и не говорить ни слова — невыносимо. Уж лучше так...

— Пойдем на завод, — сказал Тин тоном, не терпящим возражений.

— Хорошо, но...

— Увидишь!

Как обычно, мой друг был не в духе. Точнее, он был на пике своего худшего настроения. Близость с отцом, постоянное напоминание, в кого он превратился, выбивало Мишку из колеи, и это продолжалось до тех пор, пока он не покинет дом.

Стало привычным, что маршрут между участком Тина и заводом проходил в молчании. Но этого расстояния как раз хватало, чтобы мой друг пришел в норму. На заводе он заметно расслабился и позволил себе улыбку. Смущенную. Он отодвинул сиденье от комбайна. Под ним обнаружился старый железный ящик для инструментов, поцарапанный и испачканный в солидоле.

— Вот, Оул, смотри. У меня кое-что есть. — Он сел на корточки и приоткрыл ящик. Я опустился следом. — Я взвел твои пружины. И немного улучшил механизм. Теперь они не будут одноразовыми, и ты всегда сможешь натянуть их сам. Вот специальный ключ. Его нужно вдеть вот в эту проушину. Услышишь щелчок — начинай крутить по часовой стрелке.

— Спасибо большое, Тин! Без них я чувствовал себя не до конца экипированным.

Я так и носил ремень, который стал частью моего гардероба. И с удовольствием прицепил на него пружины, а ключ вставил в два отверстия в ремне.

— Это еще не все. Пока ты не спал ночами и охранял наши мечты, я тоже не бездействовал. И раз уж магом суждено стать именно ТЕБЕ... — *мне показалось, или я сейчас услышал нотки обиды?* — Моя задача — максимально помочь. А то вся слава достанется тебе, и ты зазнаешься. Я помогу разделить это бремя!

— Скажешь тоже, Тин!

Мы рассмеялись.

— В общем, — он опустил руку в ящик. С металлическим лязгом и звоном на свет появились какие-то браслеты с коробочками. — Я назвал это Рукой Помощи.

— Самоотверженно, — хмыкнул я.

— Ну хоть не самодовольно — уже хорошо!

— А что это, Тин?

— Надевай.

Я вдел руку в кожаный браслет и пристегнул его с помощью липучек и двух пар металлических заклепок. Сверху крепилась металлическая коробочка с двумя маленькими кнопками, втопленными в корпус. Такой же браслет надел и на другую руку. Они оказались достаточно тяжелыми, но смотрелись круто — несколько футуристично, но при этом было в них что-то от средневековых воинов, которые надевали наручи. Я сразу почувствовал себя бойцом, за спиной которого прикреплен меч.

— Смотрю, они тебе понравились.

— Еще бы! Как настоящие украшения. Но что это?

— А самые что ни на есть Руки Помощи. Смотри: вот здесь, — он указал на коробочку, — спрятан механизм. Чтобы не было случайных срабатываний, я установил две кнопки. Жать надо одновременно.

— И что произойдет?

— Внутри имеется пусковой механизм. Это барабанчик с тросом, у которого на конце грузик. Барабан установлен на прочной втулке, идущей через весь каркас. Так что не слетит и не оторвется. Главное — покрепче зацепить браслет.

— И зачем... И зачем мне это?

Тин вскинул брови и поджал губы.

— Ты знаешь, Саш, а я надеюсь, что низачем. Я дарю тебе их и желаю, чтобы они никогда не пригодились. Но ты носи их, хорошо? Мало ли что.

— Я буду. А какая длина у троса?

— Метров шесть.

— Солидно.

— Да. Я проверял — браслет не разойдется, кисть не вывихнется.

Я вытянул руки перед собой и прямо чувствовал, как раздуваются мышцы. Мне показалось, что я стал больше и сильнее. Появилась уверенность в собственной мощи. Что ни говори, а надетые на нас вещи часто влияют на то, как мы себя ощущаем.

— Тебе идет, кстати.

— Да я вообще скоро на рыцаря буду похож! Или на какого-нибудь солдата из будущего.

— Ну, учитывая твои способности, эффект ты будешь производить колоссальный!

— По поводу эффектов... Неплохо бы потренироваться. Должен же я соответствовать такому обмундированию. Главное, чтобы я не стал, как Спойлер.

— Украшать лицо блестками и носить серебряные плащи я тебе точно не позволю. На то я твой друг. Да и головой ты еще не бился так сильно, чтобы походить на этого дурака.

— Он уверяет, что это маскировка.

— А я уверяю, что это маскировка маскировки.

— Я сейчас запутаюсь.

— Я тоже. Пойдем лучше делать из тебя крутого мага.

— Я не маг!

— Для на-а-а-с, простых сме-ертных, вы все ма-а-ги-и-и, — жалобно проблеял Тин и, не выдержав, рассмеялся.

Мы пошли через наш лабиринт, по секретным тропам и тайным путанным ходам. Мимо зарослей крапивы, подныривая под огромные лопухи, перепрыгивая через корни плакучих ив, забираясь на дубовый пень и перелетая через овражек с вечно мутной и дурно пахнущей водой, мы наконец-то вышли к еще одному месту из списка наших любимых. К Берегу. Вот так просто и незатейливо звался отрезок суши между небольшим лесом, прячущим Дымчатую, и речкой. Здесь течение было довольно быстрым. Оно скрывало посторонние звуки и отвлекало на себя. Казалось, можно кричать во все горло, а тебя все равно не услышат. Противоположный берег терялся в тумане. Сливочная исторгала невообразимое количество тумана.

— Словно очутились на краю мира... — сказал я.

— Будто ластиком стерли, — вторил мне Тин.

На желтом песке лежали сухие листья и мелкие палочки, упавшие с ив над нашими головами или же принесенные ветром из недр леса. Тут практически никто не бывал, так что мы вполне могли чувствовать себя в безопасности и не тревожиться по поводу лишних глаз.

— Так, — сказал я, не зная, с чего начать. — Давай попробуем вот что. Сейчас я создам фанталь, а ты скажешь, видно ее или нет.

Использовав фантазию из свежепрочитанного романа, я сделал фанталь.

— Видно?

— Нет.

— Хм. — Я лопнул фанталь. — А теперь что скажешь?

— Чувствую мяту и... Не хвою, нет, но...

— Кедровые орехи, наверное?

Тин щелкнул пальцами.

— Да!

— Это запах фантали. Блин, как же сделать-то? Спойлер говорил, что стенки надо толще. Но разве в этом дело?

Я сделал еще одну фанталь, сосредоточившись на ее стенках. Усилив контур, я надеялся, что добьюсь успеха, но, как оно часто бывает, добиться успеха так быстро невозможно.

— Неа? — без всякой надежды спросил я, не веря в свой успех.

Тин покачал головой.

— Да почему...

— Тут уж я не знаю, извини. Ты у нас маг.

— Да что ты заладил со своим магом?! Думаешь, я выбирал себе судьбу или что? Будь моя воля, отдал бы эти обязанности любому другому. Ты даже не представляешь, что это такое! А за день раз десять, наверное, сказал про мага. Думаешь, это красивые сказочки? Что такое, Миш? Завидуешь? Если я твой друг, то можешь поверить — завидовать НЕЧЕМУ!

Он молчал. Стоял и молчал. Лицо его не выражало никаких эмоций. Он как будто спал с открытыми глазами. Это разозлило меня еще больше.

— Я домой.

Тин скривил лицо.

— А тренировка?

— Потренировался, спасибо.

Я в два прыжка вскарабкался по склону берега и нырнул в лес. По звукам определил, что Тин идет за мной. Я шел нарочито быстро, давя под ногами каждую ветку. Во мне клокотала злость. *Почему мой лучший друг ко мне так несправедлив? Хранитель Грез — это профессия. Скорее всего такая же тяжелая, как и остальные. Вот только не во всех профессиях на кону стоит твоя жизнь.*

Наверное, я обжигался крапивой. Наверное, меня кусали комары. Наверное, паутина облепила мое лицо. Но мне было плевать. Еще никогда прежде я не сталкивался с такой несправедливостью, граничащей с предательством. Как можно было так себя вести со мной? *Что плохого я сделал? И это лучший друг!*

— Саш! — Тин догнал меня и положил руку на плечо. — Саш!

— Что еще? Я усвоил, что плохой, потому что защищаю мечты дымчатых.

— Нет! Я... Извини меня. Мне не следовало...

— Тихо! — я прервал пылкую речь друга. — Там кто-то есть. Слышишь?

— Где?

— Слушай! — шикнул я и инстинктивно присел на корточки. Тин следом.

Из лесу доносились ритмичные звуки ударов. Как будто деревяшкой били о деревяшку. В промежутках между ударами слышалось тяжелое дыхание и УХИ, так хорошо знакомые мне по кузнечной мастерской Ивана.

— Думаешь, это он? — спросил Тин, стоило мне озвучить версию.

— Не уверен, но скорее всего.

— Пойдем поближе. Только не топай, как мамонт!

Я ткнул его в плечо, и на полусогнутых ногах мы двинулись вдоль тропы. Прямо на звуки ударов. Очень скоро наткнулись на следы. Кто-то другой подумал бы, что здесь прошел медведь. Или слон. Но никак не Иван. Пригнувшись еще ниже, мы продирались через бурьян, пока не увидели, что тропа перетекает в небольшую полянку и теряется в ней.

С виду здешним деревьям было больше нескольких веков. Да и деревья они напоминали с трудом — так, скорее гигантские зубочистки, случайным образом воткнутые в землю. Ни веточки, ни листочка — лишь голые стволы с изредка тянущимися, словно руки, сучьями. И среди них крутился кузнец. Он сжимал здоровенную дубину и ритмично охаживал дерево за деревом. Широченный, раскрасневшийся и мокрый, он был похож на облитый водой болгарский перец.

— Кхе-кхе! — громко кашлянул Тин, поднимаясь во весь рост и выходя на полянку.

— Апчхи! — я поддержал друга и последовал за ним.

Иван круто развернулся и чуть было не запустил в нас своим бревном. В последний момент он выкрутил руки, втыкая свое оружие концом вниз.

— Ну вы! И чего это шпионите? — возмутился кузнец.

— Мы не шпионим, а гуляем! — поправил его Мишка. — А ты чего тут дерешься?

— А я не дерусь, я худею, — заявил Иван. — Тебе бы тоже было полезно!

— Да я ж тоньше твоей дубины!

— И это не единственное ваше сходство.

Я рассмеялся.

— Все, Мишка, не пытайся. Тебя уделали!

Тин с уважением кивнул.

— Снимаю шляпу, Иван! — он приподнял очки-консервы. — Это было прекрасно.

— Идите давайте, не мешайте. Мне еще часов сорок тут тренироваться. И это только сегодня!

— Что ж, тебе предстоит воистину невыполнимая задача, — со знанием дела проговорил Тин. — Удачи!

— Да, кстати, Саш, я купил! У тебя в сторожке оставил.

— Ага, спасибо тебе большое, Иван. Я деньги завтра занесу.

— Что купил? — удивился Тин.

— Ничего особого, — отмахнулся я.

Мы оставили кузнеца и пошли обратной дорогой, через лабиринт и завод. Молча. И только потом, покинув наши тайные тропы, Мишка не удержался

— Оул, я подумал, может, еще потрени...

— Ладно, Мишк, я пойду! — поспешно сказал я, не дав ему закончить.

Неловко распрощавшись, мы пошли своими дорогами.

***

Букет был прекрасен. Маленькие фиолетовые розочки утопали в ярко-желтом море своих более крупных собратьев. Это было воплощение нежности. Словно кто-то украл букет из соседнего мира, полного ласки и тепла. Не цветы, а настоящие ангелы из мира

растений. Они были завернуты, будто младенцы, в фиолетовую гофрированную бумагу и перевязаны белой лентой.

Мне уже не терпелось дождаться завтрашнего дня, когда можно будет поехать в Сосновку и вручить букет Лене. *Вроде как это так делается... Во всяком случае, дедушка всегда приносил бабушке цветы и ничего зазорного в этом не было.* Вот только почему от одной только мысли о том, что я собираюсь подарить цветы, мне было тревожнее, чем перед схваткой с Едоками? Может, потому что к одному привык, а другое — в новинку?

Я налил себе какао.

«Пора возвращаться к тренировке, Дневник.

Как сделать твердую фанталь? Или материальную... Не суть.

Итак, выяснилось, что повышенная толщина стенок и укрепление контура фантали – не выход. С моей стороны было глупо надеяться, что это сработает, ведь я не раз пользовался усиленными фанталями. Но задавать вопросы этому зазнайке, да еще и в присутствии Лены, не собирался. Сам научусь.

Скорее всего, Спойлер выразился не совсем верно. Либо я понял иначе. Он назвал фантали «твердыми». Сказал, что они взаимодействуют с этим миром. Что бы это могло значить? Фантали же и так в этом мире. Хотя... Я же не видел их, когда наблюдал за дядей Колей.

Боже, как давно это было!

Не видел их и Тин, когда я создавал фантали при нем. Стало быть, существовал способ, который может облечь их в наш мир. Но что? Я создал фанталь и сейчас внимательно рассматриваю ее. Вот она сфера, перламутровая, немного неровная, похожа на мыльный пузырь. Висит передо мной в воздухе, чуть

подрагивая. Стенки обычные, фанталь не крупная. Что дальше?»

Я вытянул руку и вобрал в себя половину. Знакомое тепло в ладони. Осколки-вспышки от фантазии. Сфера уменьшилась вдвое. *Если попробовать ее наполнить?*

Из руки тонкой струйкой потек перламутр. Он аккуратно впился в фанталь, достиг центра и принялся наполнять ее. Та не раздувалась, но стала как будто густеть и терять прозрачность. В конечном счете передо мной завис мутный шар.

— И как я тебя проверю?

Сфера дрогнула, словно хотела пожать плечами. Я положил руки на стол и ощутил пальцами листок бумаги. Это оказался чек от букета.

— О!

Я привстал с дивана и приблизился к фантали. Взяв чек двумя пальцами, я поднес его к фантали и отпустил. Бумажка прошла сквозь сферу, не встретив препятствия.

— Да почему!

Фанталь моя? Моя. И я могу творить с ней все, что захочу? Да, могу. Значит, я хозяин положения. Так что прямо сейчас фанталь материальна как никогда!

И снова чек пролетел сквозь сферу. Я взревел.

— Так, тихо. Давай рассуждать логически. Чтобы появилась фанталь, ее надо придумать и смоделировать. А потом взять и вытолкнуть из головы наружу. Тогда она появляется здесь. Здесь, но не здесь. Существует на своей волне, как и Едоки. Но обычные люди ни тех, ни других не видят. Кстати, почему? Хотя Тин Едока видел. Тогда почему? Странно. Ладно, идем далее. Как сделать фанталь видимой? Надо ли так же вытолкнуть ее... Куда? КУДА ВОТ Я ЕЕ ВЫТОЛКНУ?! Сюда? И как это сделать?

Я закрыл глаза. *Вытолкнуть. Вот фантазия. Вот сфера. Созданного мной микромира. Вот я воспаряю над ним, он скругляется и готов упасть в мои подставленные ладони. Я держу в руках целый мир. Мне достаточно вытолкнуть его из головы. За пределы пространства. И он появится в виде фантали.*

Быть может, здесь и кроется ключевой момент, и мне всего-то и следует, что правильно выпустить фанталь наружу?

Я сидел с закрытыми глазами, предельно сосредоточенный. Мои гигантские руки держали живую теплую сферу, и я не знал, что мне делать. На первый взгляд не существовало никаких лазеек или вариаций. В самом процессе выпуска фантали не было

особых ухищрений. Я просто выбрасывал ее за пределы. Пускал на самотек. *А если сделать иначе?*

Не просто вытолкнуть. Раздвинуть завесы ее родного мира. Впустить в наш. Там, где все. Туман говорил, что фанталь зависит от визуализации и веры?

Что ж, я верю. И отодвигаю занавес, расслаиваю реальность и создаю брешь. Тебе туда, фанталь.

Я жду тебя здесь.

Руки вытолкнули сферу. Я почти что физически почувствовал, как фанталь протиснулась в щелку и скрылась из виду. Пришла пора открывать глаза.

Да. Она была передо мной. С виду — самая обычная. Разве что более четкая и блестящая. У меня пока что не было уверенности, что все получилось, но в глубине души я ликовал и радовался. Схватив чек, я опустил его на фанталь и, О ЧУДО, он остался на поверхности!

— Да! — крикнул я, ничуть не смущаясь, что сфера лопнула, обдав меня запахом мяты и кедровых орехов.

Цветы покачнулись, страницы раскрытой книги перелистнулись. Забыл, что это реальная фанталь. И последствия ее взрыва совсем иные и распространяются на все.

Потом я вспомнил про материальный портал Едоков и про камень, который в него врезался. Камень отправила в полет фанталь. *Но как так вышло, если фанталь не была материальной? Наверное, это получилось неосознанно и в спешке. Либо же... Нет. То была фанталь, сделанная из мечты, которую достаточно было создать один раз. Ничего нового я не делал. Значит, существует способ изменить структуру фантали в реальном времени. И я узнаю этот способ.*

Интерлюдия 5

15 июля

Буква «г» в зеркальном отражении. Пора.

Иван радовался своей находке. Теперь он может не сверять расположение стрелок часов с тем, что отпечаталось в памяти. Можно забыть о разноцветных засечках — их и без того слишком много. Он поставил часы так, чтобы те отражались в зеркале.

Г — город.

Он запрыгнул в кирзовые сапоги. Спал, как водится, в одежде. Мало ли что. Иногда среди ночи ему хотелось что-нибудь поделать. Но сегодня время подгоняло его на электричку. Привычный ритм походки для станции. Мимо Сашки. Иван не стал заглядывать в сторожку — его друг спал.

В ожидании поезда он похлопал себя по камуфляжным штанам. Ощупал карман на бедре. Деньги при нем. Сколько? Бог его знает. Много. Он не считал. Иван давно привык жить в мире без цифр. Они мало что значат для него.

Электричка прибыла как обычно. Как обычно — это когда ты идешь привычным шагом до станции и тебе хватает какого-то времени (миллиона секунд?) для того, чтобы перевести дух и собраться с мыслями. Ему предстоит ответственное, но привычное дело. Иван поднял руки перед собой и критично осмотрел перстни на руках и браслеты. Неплохо.

В вагоне его сегодняшней целью стал мужчина лет сорока. Длинные волосы, кожаные штаны и сапоги со шпорами. Ухоженная борода и браслет с названием какой-то рок-группы придали Ивану уверенности. Он подсел к мужчине и положил руки на колени.

Далее знакомый ритуал: почесать ухо, отвести руки в стороны, упереть голову в ладонь так, чтобы пассажиру слева были видны перстни. Незаметно расстегнуть один из браслетов и уронить, а затем поднять, демонстративно отряхнуть, подуть, потереть о штанину и застегнуть обратно.

Мужчина рядом не реагировал. Тогда следующий этап.

— Вы не знаете, где можно купить такие кольца? — спросил Иван, показывая свои ладони.

Пассажир смутился, пристально посмотрел на изделия и помотал головой.

— Смотрите, какой перстень! В форме черепа. Нравится?

— Да, ничего такой.

— Вот к нему браслет идет. У меня комплект. Тут череп, а там — косточки, и застежка в виде челюсти.

— Здоровски.

— Нравится?

— Очень даже ничего.

— Купили бы себе?

— Возможно… Не знаю. Может быть.

— Не знаете, где можно было бы купить что-то наподобие?

Мужчина помотал головой.

— Понятия не имею.

— А я знаю! — победоносно воскликнул Иван. — Станция Дымчатая, спросить Ивана! Всего хорошего!

С этими словами кузнец покинул вагон и перешел в следующий, чтобы там повторить мини-спектакль. Иногда это действовало, и на пороге дома появлялся клиент. Иногда — нет. Ну и ничего. Зато нескучно ехать.

***

Важно было запомнить следующее: «г» в городе означает «пора обратно». Ведь если смотреть на часы в зеркале, то это будет «г» наоборот. Все просто. За это время Иван успеет сделать дела.

Он направился к своему другу — Артуру, владельцу торговой точки на местном рынке выходного дня. Здесь Иван покупал необходимые для своих изделий вещи вот уже триста лет. Может, девятьсот пятьдесят. Он доверял Артуру, а Артур его никогда не обманывал. Во всяком случае, денег Ивану хватало всегда. Лишь один раз ему пришлось занимать у отца Мишки — и то когда решил купить себе пирожок, а он, оказывается, был очень-очень дорогим. Правда, тетя Даша сказала, что это продавец оказался слишком жадным, но Иван поспешил заверить, что пирожок действительно был очень вкусным. За такой не жалко отданных ста трех миллионов.

Через семь часов кузнец был на месте.

— Привет, Артур!

— Здравствуй, Иван, — ответил коренастый, похожий на старое ведро человек.

— Я за кожей. Для оплетки.

— Ого! Что-то новенькое?

— Ага. Буду воевать!

— С кем?

— А я найду. Главное, чтоб полезно было. А оно и будет.

Кожа у Артура нашлась.

— Сколько с меня?

— …

Иван все равно не понял.

— Вот, возьми, сколько надо, — кузнец протянул смятые купюры.

Глаза Артура жадно блеснули. Рука дернулась к деньгам быстрее, чем он успел придумать цену. Иван смотрел, как продавец берет одну купюру, вторую третью, четвертую. Раскрытые пальцы зависли над ладонью кузнеца, но Артур больше не взял. Он пристально смотрел на взятые деньги.

— Все? — спросил Иван.

— Д-да…

Артур нахмурился.

— Постой. — Он протянул одну купюру. — Вот, спутал. Это лишнее.

Иван обрадовался.

— Спасибо, друг!

Кузнец ушел по своим делам, довольный, что у него есть настоящий друг, который не обманет.

***

Скоро настанет пора ехать домой. На часах — острый угол. Скоро будет «г», которое не «г», а наоборот. То есть, «обратно». Вернее, «домой». Все просто. Но оставалось главное.

Палатку с цветами Иван нашел не сразу. Он никогда не покупал ничего подобного, а единственные цветы, которые он держал в руках, были из металла. Его собственного производства.

В пестром море душистого разнообразия купалось что-то среднее между взрослой женщиной, молодой бабушкой и лейкой — пузатая, в красном платье и с длинным носом.

— Чего тебе, милок?

— А мне бы цветы… — рассеянно ответил Иван, теряясь в обилии растений и ценников. Страшные цифры, как жуткие монстры. Такие некрасивые и непонятные…

— Какие?

— Фиолетовые.

— Эгей! Да ты знаешь толк!

Иван ухмыльнулся. Затем вспомнил, что придумал это, вообще-то, Сашка, и посерьезнел. Не надо приписывать себе чужие заслуги.

— Вот, смотри какие розы! Ей понравятся!

Взгляд кузнеца приковало чудесное иноземное пятно нежно-фиалкового цвета. Таких роз он еще не видел! Как здорово!

— Ого… — зачарованно выдохнул он.

— Да-а-а, это то, что нужно, милок! — подбодрила его продавщица.

Она начала нравиться Ивану. Хорошая. Хоть и похожа на лейку.

— Дайте, хм… Ай, можно самому?

Лейка улыбнулась.

— Конечно!

Кузнец протиснулся меж ведер, занял устойчивое положение и принялся хватать по одной розе. Он собрал тридцать восемь цветов. Ему показалось, что хватит.

— Возьми еще парочку. Упакую тебе красиво.

— Ну хорошо…

Наконец, все было готово. На часах — прямая линия. Надо поторапливаться.

— Сколько с меня?

— Три тысячи двести.

— Хорошо. Вот, возьмите сами, пожалуйста.

Глаза Лейки округлились. Она взяла. Еще. И еще. Гребла купюры и даже монеты. Иван терпеливо ждал, когда продавщица наберет нужную сумму.

— Кажется, вы несколько переоценили свои цветы, уважаемая.

Иван дернулся и обернулся. Монеты упали на асфальт.

— Людмила Сергеевна!

— Здравствуй, Иван.

Тетя Лены выглядела невероятно грозной.

— Не поняла, — сказала продавщица. — Что это значит?

— Сдается мне, вы не только взяли гораздо больше, но и цену умножили вдвое. Или у вас упаковочная бумага из золота?

— Нет! — рявкнула Лейка.

— Тогда восстановим справедливость, — Людмила Сергеевна подошла ближе и требовательно посмотрела на продавщицу.

Та почему-то сразу вернула излишне взятые деньги. Вся красная, она сдавленно пропищала «всего доброго» и демонстративно отвернулась. Казалось, из нее вот-вот пойдет пар.

Идя на станцию, Иван кое-что понял. Это не Лейка, а самый настоящий Чайник.

Глава 6

Дурацкая ссора

16 июля.

Я ехал в залитой утренним солнцем электричке, радостный вдвойне. Остаток вечера я потратил на упражнения с твердой фанталью. И, надо сказать, неплохо преуспел. Пока что брать предметы было сложно — мои попытки управиться с подъемом книги при помощи фантали напоминали попытки взять стакан онемевшей рукой. Все падало, не держалось, выходило как-то громоздко и неуклюже. Зато более массовые действия удались мне куда успешнее: если надо было что-то толкнуть или отбросить, я был готов. Никаких целей помогать себе фанталью в быту, как это делал Спойлер, я не ставил. Но хотелось освоить метод. Ведь если человеку один раз покажут, что можно, скажем, не только выпивать компот, но и съедать оставшиеся на дне кружки ягоды, — разве он откажется?

Второй радостью для меня была встреча с Леной. Необъяснимая пьянящая радость. Которая, к сожалению, омрачалась моими нервами. Ладошки нещадно потели. Бумага, в которую был обернут букет, взмокла. Однако я вцепился в цветы и не выпускал их. *Вдруг они упадут или их кто-нибудь украдет?*

Интересное дело — и что же я ей скажу, вручая букет? «Вот, держи». «Бабушке дед всегда приносил цветы». «Лена»...

Что? ВОТ ЧТО?!

Я не знал. Но тот же Сарпий не думал. Он действовал. И решал проблему только тогда, когда сталкивался с ней. *Вдруг не все так страшно и безвыходно? Ждать осталось недолго...* Я не предупреждал Лену о своем визите, но искренне надеялся, что найду ее на вокзале или поблизости.

«Думая слишком много, мы, порой, забываем о действиях», — кажется, Лена сказала тогда именно так. Припомню ей эту фразу, в случае чего.

Поезд подъезжал к Сосновке. На перроне было многолюдно. Небольшая группа пожилых людей стояла на углу здания вокзала и как будто боялась приблизиться к чему-то опасному.

Уже в тамбуре я принялся выискивать Лену среди зевак.

Заколотилось сердце.

Двери открылись, и первое, что я услышал, это ругань. Несколько мужских голосов перемежались между собой, и среди них робким мышонком пробрался тихий, но такой — *родной* — знакомый голос.

ЛЕНА!

Я спрыгнул с вагона и отбросил цветы. Со скоростью света я помчался к зданию вокзала, виляя между сонными и словно застывшими людьми. В самую толчею влетел подобно раскаленному метеору, помогая себе освободившимися руками. От меня отпрыгивали, а завидев издалека — отходили в сторону. Сердце колотилось уже под горлом. Меня трясло, но я не колебался и хотел только одного — бежать еще быстрее.

Оставив позади особо смелых и любопытных, я свернул за угол. И сразу же встретился с кадетами. Кажется, их было шестеро. Высокие, спортивные, на голову — а то и на две — выше меня. Между их фигурами виднелось фиолетовое пятнышко. Лена. В своей излюбленной тунике. Бледная, испуганная, она прижала руки к груди и смотрела на кадетов жалобным взглядом. На предплечье у нее темнел синяк.

Мой бег привлек их внимание. Я появился неожиданно и даже не собирался останавливаться. А далее произошло слишком много быстрых вещей.

— Я говорю, пойдешь с нами! — гаркнул один из кадетов.

— Да чего ты с ней церемонишься? Кому она что скажет-то? — вторил ему другой.

Я не собирался останавливаться.

Значит, нужно больше тренировок? Нет. Не тренировок. ВЫ НЕ СМЕЕТЕ ТРОГАТЬ ЛЕНУ!

Во мне бушевала ярость. В какой-то момент она возобладала, и я сдался.

Мы с Тином тушим пожар. И спасаем Дымчатую. Сберегаем поля и огороды. И все рады. И все счастливы. Я беру огонь, словно это сахарная вата, и делаю из него огромный ком. Он ничуть не обжигает. ОН МОЙ.

Фанталь сорвалась с моих пальцев и взорвалась позади кадетов. Четверых отбросило сразу, двое, пошатнувшись, остались на ногах. С озабоченными лицами они обернулись, чтобы узнать, что произошло. Но я не видел их.

Лена вертела головой, рассматривая упавших. Ее подбородок трясся. Волосы растрепались, а на предплечье темнел синяк. Вот что я видел.

— КТО!!!

Руки рванули вперед. Двоих снесло мощной волной. Одного впечатало в стену — он с глухим стуком ударился затылком. Второго уронило на асфальт и пронесло по грубому

асфальтовому покрытию. Прям как меня в Дружбино. Кадет обдирал руки и ноги. И даже лицо. Потому что его мотало из стороны в сторону, и я солгал бы, если б сказал, что не был к этому причастен.

— Саша? — охнула Лена. — Что ты? Как? Но... ЛЮДИ ЖЕ!

Я не видел Лену. Я видел синяк на ее руке. Такой чужеродный, ненужный и неуместный. Это темное пятно, оставленное кем-то извне, пачкало всю чистоту и белизну Лены. Я видел синяк. И этого было достаточно.

Где-то на другом конце света галдели люди. Я не разбирал речь. Почти не слышал их.

— Кто ее тронул?! — взревел я, не отдавая себе отчета.

Трое из четырех отброшенных кадетов поднялись. Один убегал, двое других крючились на асфальте — распластались в форме морской звезды.

— Ну я, — грубым басом ответил высокий и пошел ко мне.

— Ну молодец, — в тон ему ответил я и пошел навстречу.

Находясь на расстоянии вытянутой руки он сжал кулак и замахнулся, но я успел ударить его в живот открытой пятерней. Впрочем, моя ладонь едва-едва коснулась его — удар был усилен фанталью. Кадета будто оттянули назад незримыми нитями. Издав удивленный крик, он отлетел назад.

Фантали. Теперь я научился.

Где-то позади охал народ. Бабульки и особо впечатлительные женщины кричали, пищали и грозились вызвать полицию.

ПЛЕВАТЬ.

— Желающие? — я посмотрел на стоявших на ногах кадетов.

Они остервенело замотали головами.

— Молитесь, чтобы я вас тут больше не увидел. Ясно? — они не сказали ни слова. — Я спрашиваю: *ЯСНО*?!

Из моих рук протянулись два перламутровых щупальца и подсекли молчунов. Те рухнули, как подкошенные.

— МНЕ ПОВТОРИТЬ ТРЕТИЙ РАЗ?!

— Ясно! ЯСНО! — невпопад выкрикнули кадеты и умчались прочь, попутно растормошив своих товарищей и подхватив их под руки.

Они убежали. Толпа осмелела и подкралась ближе. Все смотрели на меня, как на восставшего из мертвых.

— Чего они?.. — буркнул я, смущенный столь пристальным вниманием.

— САША... Что же ты... Ты что? Ах, ладно! — внезапно Лена напустила на себя обворожительную улыбку, подпрыгнула на месте и бросилась на меня.

Запах. Ее запах. Тонкие шелковистые волосы и теплые руки. Теплая Лена. И ее ледяные ладошки, которые я чувствую через футболку. Не уходи. Гроза. Озон. Не уходите.

— Отлично получилось! Супер! Все будут довольны! — кричала Лена, а после обратилась к толпе: — Ну, как вам? Достоверно?

Бабульки в первых рядах переглянулись и забормотали.

— То есть как? Это чавой-то? Измываться вздумали?

Лена радостно кивнула.

— Да! Вернее, нет! Ну, мы просто сценку репетируем для театра. Понравилось?

Ответом ей были нахмуренные брови.

— Подыграй, — шепнула Лена, ущипнув меня за поясницу.

Лена.

— А!.. — я опомнился. — Да, вот, репетиция у нас. Просим прощения за неудобство.

Мы с Леной стали пробираться на перрон. Я думал, кто-то не удержится и огреет нас чем-нибудь тяжелым.

— Извините, если помешали и отвлекли… — торопливо бурчал я. — Ну, мы пойдем, всего доброго... Ой, разрешите… Еще раз извините… Можно пройти?.. До свидания!

— Никакой совести!

— Тоже мне, придумали!

— Хоть предупреждайте в следующий раз!

— Вот вызовем охрану!..

Недовольные выкрики преследовали нас всю дорогу, пока мы не покинули вокзал.

— Не хочу туда, — сказала Лена, кивнув на здание. — Сегодня такая прекрасная погода. Пойдем в аллею?

— Пойдем. Лена… Ты как?

Я даже не вспомнил о выброшенных цветах.

Она остановилась и посмотрела на меня. Ее губ коснулась улыбка.

Испуганное лицо и прижатые к груди руки не выходили у меня из головы. *Этот синяк. Этот страх в глазах…*

— Прекрасно, Саша. Спасибо тебе.

Я испытал два странных позыва: сокрушить все на свете и обнять Лену — крепко и успокаивающе.

— Я очень растерялась.

— Ага. Все-таки шесть идиотов — это не десяток Едоков.

— Но ты мог быть и осторожнее. И вообще! Ты когда успел научиться этому?

Я пожал плечами.

— Ну… Знаешь, некоторых учат плавать так: берут и бросают на глубину. Волей-неволей научишься плыть, правда?

Лена нахмурилась. Потом улыбнулась. В глазах ее плавало непонимание. Выражение лица менялось каждую секунду, и я не успевал уловить ничего, конкретного. Кажется, Лена пребывала в смятении. И я, наверное, тоже. Или…

— Саша? А почему ты… Ну, почему ты так сделал?

— Как? Помог тебе?

— Да. Почему именно фанталью? Ты же не умел никогда ей владеть. Да и люди кругом. И их было шестеро… Как же ты?

Что я мог сказать? *Я ни о чем не думал, кроме того, чтобы помочь тебе? Я думал только о тебе?* Очень бы хотел так сказать. Тогда почему я сказал иное?

— Ну а чего они? Тоже мне.

Да и я не умею драться, если не считать Едоков. Как же этих кадетов, если не фанталью?

— Саша, почему ты это сделал? — в голосе Лены слышались надрывные ноты.

Я испугался и покраснел.

— Ну… Это была прекрасная тренировка, — лицо вспыхнуло еще сильнее. У меня перехватило дыхание. Я опустил взгляд, потому что не мог говорить этого в глаза. — Как вот в воду кинуть. А круто я их, да?

Лена протяжно выдохнула. Я робко поднял взгляд, и мне показалось, что в ее глазах застыли слезы. С трудом борясь с дрожащими губами, Лена выговорила:

— Ты меня разочаровал, Саша.

Она развернулась и ушла. Быстрой и легкой походкой. Невесомой, будто плыла по воздуху. И я не стал догонять. Мне бы очень хотелось признаться себе, что я не понял, чем разочаровал ее. Я был готов к тому, что меня посчитают эгоистом и задирой.

Я был готов.

Но почему же так противно и неприятно?

***

Ужасные новости явились в самый неподходящий момент. Нет ничего хуже дурных вестей, когда у тебя плохое настроение. После ссоры с Леной все стало злобным и враждебным. Тёмным. Как будто Лена обозлилась и отобрала тепло, свет и саму радость со всего мира, желая проучить меня. Конечно, она никогда не была такой и вряд ли ей вообще присущи подобные мысли, но я понимал одно: было плохо.

Я лежал с закрытыми глазами и морщился, будто из натопленного уютного помещения, пропахшего книгами и какао, меня переместили в старый хлев. Драка с кадетами оставила горький осадок, и даже радость от того, что я научился управлять твердыми фанталями, удовольствия не приносила.

«Дневник, у меня вопрос. Если что-то достигается таким путем, как вышло у меня с Леной, то зачем оно вообще нужно с таким результатом? Лучше б я и не пытался. Но тогда мне было бы не спасти ее...

Жизнь становится все сложнее. Казалось бы, куда дальше? Однако я понимаю, что это еще не предел».

В момент очередного заполнения дневника появился Туман, против обыкновения запрыгнувший в окно.

— Привет, — я приподнял голову от подушки, но вставать не стал.

— Беда.

— Отличное приветствие. Многообещающее.

Туман прыгнул на стол, перевел дыхание и помотал головой.

— Ах, Оул... Не до этого, правда. Добрый вечер.

— Боюсь, ты ошибся с характеристикой вечера.

— И чего ты такой язвительный?

— Даже не знаю. Сам не пойму никак. — Я почувствовал раздражение и сел напротив хорька, скрестив руки. — Что произошло?

— Хмурь сошла с ума. Как с цепи сорвалась. Атаки не прекращаются всю ночь. Хранители погибают. Случилось... Случилось страшное.

— Разве может быть страшнее?

— К сожалению, да. — Туман выглядел взволнованным, он мотал головой и озирался, как будто опасаясь, что его услышат или схватят. — Пожиратели.

Вряд ли я удивился так, как мог бы ждать Туман. Уже не трогало. Разговоры о вторжении, постоянных нападках и смертях до того изъели всю душу, что я ждал этого ВТОРЖЕНИЯ. Лишь бы все побыстрее закончилось. *Пожиратели? Ну, значит, Пожиратели.*

— Кажется, ты когда-то их упоминал. И кто это? Старшие братья Едоков? — желчно спросил я.

Хорек серьезно кивнул.

— Можно сказать, их улучшенные версии. Мир не знал их пришествия со времен прошлого вторжения. И теперь они появились. Это уже все. Они — предвестники, Оул. Ты должен остерегаться их.

— Ты что, предлагаешь мне сбежать, или я чего-то не понял?

— Они гораздо серьезнее Едоков. И не такие уязвимые. Ты увидишь и поймешь. У них есть только одно слабое место — солнечное сплетение. Оно никак не защищено — через него Пожиратели впитывают украденные мечты. Учти это.

Я пожал плечами.

— Буду целиться туда, хорошо, спасибо.

— Все в порядке?

— В полном. Я тебя понял, Туман. Ты, видимо, сейчас опять исчезнешь?

— Дела. Ты же понимаешь.

— Понимаю.

— Я в тебе уверен, Оул.

— Да, спасибо.

Он посмотрел на браслеты на моих руках.

— Опять Тин?

— Да.

— И что это?

— Полезная вещь.

— Хорошо.

— Будь осторожен.

Туман пронзил меня взглядом. Он молчал долго. Его взгляд был оценивающим и удивленным.

— И ты тоже. Береги себя.

Интерлюдия 6

Некогда

Дарья Романовна Боева, в народе тетя Даша, путешествовала всю свою сознательную жизнь. В детстве, в юности, в замужестве. Благо, всегда позволяли средства.

Она купила специальную карту мира со стираемым покрытием. И после прилета из очередной страны с радостной и победной улыбкой соскабливала очередной кусочек. Она видела свою мечту воочию. И видела, как постепенно та истаивает. Конечно, стран и городов еще было предостаточно, но, по натуре своей пугливая женщина, Дарья всякий раз с дрожью в руках соскабливала защитный слой с очередного кусочка суши.

Тогда она задумалась. *А что будет после? Неужели моей мечте придет конец?*

Она испугалась. И, чтобы продлить свою мечту, перешла на внутренний туризм. Страна огромная, хватит на много лет. Ее мама, тоже большая любительница путешествовать, сказала, что в одном из разъездов наткнулась на живописную деревушку. Дымчатую. Именно красота оной в какой-то момент притормозила Дарью. Она поняла, что ей здесь хорошо. А жить с осознанием, что ничего твоей мечте не угрожает, еще лучше.

Так и было, пока не начались кошмары. Черный туман, сворачивающийся в странные силуэты призраков, жуткие отростки, которые тянулись к ней, словно хотели высосать ее стремления облететь земной шар. Дарья часто просыпалась в ночи от холода, стискивая рукой браслет, ожерелье или сережку. Ее фотографии. Памятки. Она хватала не ожерелье, а Париж. Не браслет, а Сиэтл. Это помогало ей. Как будто, крепко сжимая каждый из городов, она верила, что никто его не отнимет. Ни город, ни мечту. Ни прошлое, ни будущее.

Но вскоре пришлось снять и все украшения. Стало не до того. В деревне что-то приключилось, и Дымчатые как будто с ума сошли. Они ходили равнодушные и закрытые. Будто... *Будто с ними удалось сделать то, что не удалось со мной.*

Дарья понимала это на подсознании. То, что до нее все-таки добрались, она не запомнила. Это был короткий период, который не отложился в памяти. Сама не осознавая, женщина догадывалась, что творится внутри дымчатых. Она смотрела на них с болью и сочувствием. Смотрела и плакала.

А в какой-то момент перестала. Потому что было некогда. Деревня захворала, и Дарья вместе с Людой занялись ее поддержкой. И она даже приспособилась пасти коров и овец, нашла в этом утешение и, пожалуй, *пристанище*. Ей было тяжело смотреть на укрытые тенью лица.

Будто покойники.

А вскоре пришлось привыкать. Сын ее подруги, Сашка, попросил присмотреть за своими бабушкой и дедушкой. И тогда стало страшно. Но отказать мальчику она не могла. Тем более он сказал, что все изменится. У него есть средство. И Дарья верила.

Кормя стариков и возясь с ними, уставшая женщина старалась закрывать глаза. Смотреть на эти лица вблизи было жутко.

Дарья стояла возле стены с сувенирами.

— Эх... Теперь мои дни проходят иначе, — сказала она и положила к своим фигуркам новую. Камушек в форме клубящегося дыма.

Символ увядающей Дымчатой. Самое страшное из того, что когда-то бывало в этом шкафу.

Он пополнит коллекцию памятных вещей.

Глава 7

Столкновение с Пожирателем

17 июля.

«Интересно, Дневник. Насколько человек адаптируется к реалиям и постоянно совершенствуется? Когда большая проблема перекрывает меньшую, та перестает быть проблемой в принципе. Встретившись с проблемой посерьезнее, ты мечтаешь о том, чтобы все вернулось и стало как прежде. До наступления ухудшения. Странная и удивительная психология. Тем не менее, она подтверждает простоту и очевидность утверждения, что все познается в сравнении. Раньше я переживал, что вся Дымчатая и, в частности, бабушка с дедушкой стали теневиками, но когда таким же стал и Тин, я молил богов, чтобы он вернулся. И когда возвратил другу мечту, жизнь моя стала легче и проще, хотя ничего не изменилось. И до того, как у Мишки украли мечту, эта же ситуация выглядела плачевной. Потому что все познается в сравнении.

И каждый раз все как бы обнуляется. То, что было проблемой, перестает быть ей, становится привычным укладом. И когда что-то начинает усугубляться, хочется выбрать меньшее из зол. Прямо как тот пример с ракетой, который приводил дядя Коля. Ведь на фоне пришедшего кошмара прошлые проблемы кажутся ничем. Удивительно.

Кажется, я повторяюсь. Мне простительно».

Один из показательных примеров произошел на следующее утро после разговора с Туманом. Я проснулся счастливым. И вовсе не оттого, что ночью были Едоки. Точнее, *именно* оттого, что ночью были *только* Едоки. Поразительно. Никогда не думал, что смогу

радоваться им. Но живя с пониманием, что могло быть и хуже, начинаешь ценить любое щадящее явление. Как, например, отсутствие таинственных Пожирателей, которые уже начали пугать меня. Если такой отвлечет и перетянет все внимание на себя, я рискую не справиться с остальными, а это приведет к потере мечты у кого-нибудь из моих знакомых. Например...

— Людмила Сергеевна!

Крик вырвался из меня, будто несколько лет находился в плену и наконец-то перед ним отворили дверь. Это был крик отчаяния, столь пронзительный, что стоявшая на столе кружка из-под какао задребезжала.

Я вскочил с кровати (в то лето я, кажется, разучился по-человечески вставать и только и делал, что *вскакивал*) и, напуганный, бросился к выходу. На улице светило солнце, вода в умывальнике успела немного нагреться, и я ополоснул лицо.

Как можно было забыть о Людмиле Сергеевне? Когда я навещал ее последний раз? Надеюсь, с ней все в порядке...

Питаясь надеждой на лучшее, я помчал к тете Лены. Наступать на те же грабли, что и с Тином, не хотел: мир не крутился вокруг меня, в любой момент могло случиться все, что угодно, и уповать на безопасность своих родных и близких только потому, что они твои РОДНЫЕ и БЛИЗКИЕ — опрометчиво, наивно и, в конце концов, глупо.

Тем сильнее была моя радость, когда я обнаружил Людмилу Сергеевну на веранде собственного дома. Она пила чай и с видом профессора, ставящего опыт, ела торт. *Графские развалины*. Это словосочетание звучало из ее уст чаще прочего.

— Сашка?

— Здравствуйте!

Людмила Сергеевна встретила меня, и я с удовольствием обнял ее, поддавшись порыву радости и облегчения. От нее пахло шоколадом и ванилью. Да что там говорить — Людмила Сергеевна и сама напоминала пирожное. Добрая и понимающая, она всегда была рада видеть меня, ее светлые глаза и искренняя улыбка обезоруживали, и я, сдавшись перед ними, сразу, без прелюдий, рассказал ей о ссоре с Леной. Правда, использования фантали пришлось заменить на обычные кулаки.

— Да, Саш, я уже в курсе. Леночка рассказала мне вчера.

Как это так? Почему Лена сообщила тете о таком событии? Может, она тоже переживает? Неужели Лене небезразлично то, что произошло...

— О... А я и не думал. Извините, что повторился и заставил слушать одно и то же.

— Совсем не одно и то же, — улыбнулась Людмила Сергеевна. — Скажем, ты заведомо уменьшил число ребят. А Лена сказала.

— Приукрасила, наверное...

— Или ты поскромничал.

Я пожал плечами и ничего не ответил.

— Ой, что же я! Присаживайся! Я за кружкой и тарелкой.

Тетя Лены вернулась быстро. Она не могла позволить своему гостю ждать и считала своим долгом накормить его. Особенно тем, в чем она преуспела до филигранного уровня.

— Удивительно, — мечтательным тоном произнесла Людмила Сергеевна, пока я жадно ел торт и запивал чаем. *Завтрак удался.* — Насколько далеко готовы пойти люди, когда с их близкими что-то случается. Они прямо-таки голову теряют. К сожалению, часто это затягивается, что и приводит к таким вот последствиям. Ну зачем ты ей сказал то самое?..

— А как же еще? — я быстро откусил большой кусок, чтобы набить рот и не отвечать. Никогда прежде я не жевал торт так медленно.

— Я бы поняла от кого угодно, но не от того, кто всегда менялся с Леной тарелкой, если на ее кусочке торта крема было меньше.

Нельзя сказать, что я не догадывался об этом. Я был слишком уставшим и расстроенным, чтобы подать вид. И все-таки поднять взгляд не мог — неловко. Как хорошо, что чай был очень горячим, и я мог сосредоточиться на нем.

— Отбегу, Саш. Я там крем варю. Пойду помешаю.

— Да, конечно, — ответил я, не отрываясь от кружки.

Наверное, мне снова следовало благодарить Людмилу Сергеевну за то, что она деликатно оставила меня наедине с мыслями, не нарушая созданного мной защитного кокона. Однако я испытывал неловкость еще и потому, что заявился к ней как к психологу — высказал все и был таков. Это неправильно.

А что если Лена там, в доме, и рассказала все не по телефону, а лично, так же, как и я, ища поддержки в Людмиле Сергеевне? Эта мысль ужалила меня, будто удар тока. Я чуть было не разлил чай. *Конечно, это глупость. Когда бы она успела? Раннее утро, а я уже тут. Вчера? Но Лена должна охранять Сосновку. Интересно, а что эти кадеты? Надеюсь, больше не заявятся...*

Как только пришла Людмила Сергеевна, держа в руках фотоальбом, я спросил:

— А как вы? Все у вас хорошо?

Тетя Лены заморгала. Она положила фотоальбом себе на колени и вцепилась в него.

— Да, все прекрасно. А почему ты спрашиваешь?

— Волнуюсь.

Людмила Сергеевна поникла.

— Волнуюсь... Ну почему ты так ответил мне, а не ей?

— Кому?

— Саша.

— Не знаю, Людмила Сергеевна. Просто у Лены не может быть плохо. Мир вокруг нее совсем другой. И все там хорошо.

— А как же кадеты?

— Но ведь я пришел вовремя.

Людмила Сергеевна кивнула.

— А у вас... А у вас появились новые мечты? Ведь одной вы достигли, — я указал на торт.

— Не-ет, Саш, эту мечту я все еще настигаю. Пока рано. А вообще — да, появилась.

— Сильная?

— Да.

— Это хорошо, — сказал я хриплым тоном и напомнил себе дядю Колю.

Не стал спрашивать, что за мечта. Это личное дело каждого. Если бы Людмила Сергеевна захотела, она бы поделилась.

— Знаешь, какая? Мечтаю, чтобы у Ленки все было прекрасно. Чтобы не была, как я — вечно одна в компании тортов, а вот чтобы... Чтобы как твои бабушка с дедушкой!

— Они да. Я сам...

Сказав, я запнулся. Чуть было не проболтался.

— Ты сам?

— Я сам поражаюсь им! Такие они, ну, как одно.

— Да. И это — главное.

В доме кто-то зашипел.

— Ой, это что там у вас? — спросил я, прислушиваясь. — По-моему, на кухне.

— Крем!

Людмила Сергеевна умчалась в дом. В порыве паники она напрочь позабыла о лежащем на ее коленях фотоальбоме. Он упал и раскрылся. Я поднял его и отряхнул. Пока вертел так и эдак, из него выпала фотография и, планируя, опустилась на пол, «лицом»

вниз. Черным маркером на ней стояла дата — если верить ей, то снимок сделали два года назад, летом. Наклонившись, я схватил фотографию и перевернул ее.

Двое подростков. Парень и девушка. Сияют от счастья и смотрят друг на друга, радостные до невероятных пределов.

Я и Лена.

***

Страшно. Невыносимо. Невозможно. Страшно. Страшно-страшно-СТРАШНО.

Той же ночью я встретился с ним. Пожиратель. Я рассуждал о контрастах и сравнении? Да, рассуждал. Так вот: Едоки — ничтожества в сравнении с этими монстрами. И я смел жаловаться на тяжесть сражений? С *Едоками*?! Пф, вряд ли когда-нибудь еще посмею сказать что-то подобное.

Уже тогда Едоки стали для меня чем-то вроде пчел: вроде бы и насекомое, но может больно ужалить, а если нападут роем, то и вовсе убьют. Борьба с ними потихоньку трансформировалась в рутину, в работу, и я соблюдал свои обязанности как мог — ответственно и беспрекословно.

Даже когда из вагона показалась огромная голова с рогами, больше похожими на бивни мамонта. Даже когда вслед за головой выплыло огромное тело со сложенными на спине крыльями, сотканными из такого же мрака, что и само туловище. Оно было заковано в броню — угловатую, рельефную и матовую. Тьма выглядела полированной, но шершавой, и лишь в одном месте поблескивала влажно, зияя воронкой мрака, — в районе солнечного сплетения.

А потом Пожиратель выпрямился. Клянусь, штаны я не обмочил только потому, что вся жидкость из организма давно вышла с потом, а после — заледенела. Я понятия не имел, как эта тварь помещалась в вагоне, но еще большего понятия я не имел, как буду сражаться с ней.

Почувствовав защиту, Едоки вытянули свои порталы. Пепельные ручьи устремились в Дымчатую. Пожиратель заслонил их и не давал мне приблизиться. Я порывался обойти его и справа, и слева, но тварь не только была чудовищно массивна, но и значительно быстрее. Всерьез испугавшись за свою жизнь, я распылил фанталь, чтобы замедлить Едоков, и окружил себя толстым щитом. Вовремя.

Пожиратель атаковал.

Молниеносное движение. Едва заметное. Огромная когтистая лапа завязла в фантали. Я стеганул своим излюбленным кнутом по конечности, но Пожиратель перехватил кнут другой лапой и дернул. Как хорошо, что я вовремя разжал пальцы — он так сильно рванул на себя, что его тело чуть повело.

Не дожидаясь, пока с моей фанталью-кнутом что-то случится, я превратил его в пыль и притянул к ладони. Взмах — и перламутровая сфера отправилась в Пожирателя. Он подставил плечо, и фанталь отлетела в сторону. Я снова притянул ее и снова же бросил. Бестолку. А потом Пожиратель понял, что никакой серьезной опасности я не представляю. И атаковал сам.

Меня сотрясало и кидало из стороны в сторону. Платформа крошилась прямо на глазах. В воздухе стояла пыль, и от этого першило в горле. Я почти ничего не видел. Все, что мне осталось, это стоять, сжавшись в куполе, и надеяться, что он не лопнет, а меня не отбросит с платформы.

Очень скоро от частых ударов заболела голова. По порталам уже ползли мечты. Пожиратель с тихим рыком стачивал фанталь, и я испугался, что от моей мечты ничего не останется. Щит уменьшался.

В воздухе плавала серая крошка пыли. Среди них я различил крупицы фантали. Осторожно, чтобы не быть замеченным, я сделал небольшой шар и бросил в занятых порталами Едоков. Те вскрикнули. Пожиратель повернул голову.

Вот она — матовая мгла и влажно поблескивающая темень незащищенного участка. Моя цель.

Я переделал щит в копье и отправил его в полет, не отводя взгляда от солнечного сплетения. Темная вспышка — и Пожиратель исчез. Не успев испугаться, я протянул руки вперед, притягивая копье обратно. Лишаться мечты нельзя.

Радужные комочки были все ближе к Едокам. Они ползли быстро. Значит, порталы не материальные. Я решил напасть на Едоков и перерубить порталы, но меня отвлекло тихое хлопанье прямо надо мной. Я задрал голову. Пожиратель кружил над платформой.

О нет! Я же не доделал крышу! Ему ничего не стоит улететь отсюда и напасть на жителей!

Я боялся, что Пожиратель каким-нибудь образом прочитает мои мысли, и переключился на другое.

Бой.

Я стремительно кидал в Пожирателя мелкими сферами, но те попросту отлетали от него. Несколько снарядов он смял, и после каждого раза его лапа будто вмазывала остатки фантали в солнечное сплетение. Понимая, что теряю мечту, я тем не менее продолжал расстреливать Пожирателя. Пока мне не пришла в голову одна идея.

Если он не хочет отвлекаться на меня таким образом, придется испугать его по-настоящему.

И пока он парил в воздухе, всматриваясь в крыши домов и принюхиваясь, будто желая учуять мечту, я побежал к поглощенным транспортировкой грез Едокам, создал диск с заостренными краями и отправил его в полет. Сквозь жгуты.

Это не понравилось Едокам. Вскрикнув, они обратили на меня свое внимание и... Гнев. Их вопль подхватил Пожиратель. Меня накрыла черная тень. И только лишь инстинктивно я упал на колени и накрыл себя остатками фантали.

Столкновение. Рога Пожирателя пробили щит. А вот лапы словно приросли. Он был совсем близко. Я видел его черные воронки вместо глаз, чуял дыхание гари и невнятный шепот. Чудовище проклинало меня.

Он был непозволительно близко. Непозволительно для *себя*.

Секунда. Все, что у меня есть, это секунда.

Щит никуда не делся. Его верхняя кромка трансформировалась — от нее отделилась тонкая перламутровая лента, сформировалась в иглу и во мгновение ока пронзила Пожирателя. Тот издал стон и обмяк, но продолжал стоять на задних лапах. Дыхание твари участилось.

Я вдохнул побольше воздуха и позволил всему щиту перетечь в иглу. Она распухла, расширяя рану в груди Пожирателя.

Мне повезло вовремя унести ноги. Огромная туша рухнула и перегородила всю платформу. Две секунды, пять, десять, двадцать. Тварь не исчезала. *Но почему?* Едоки испарялись почти сразу же после смерти.

Мерцание. Грезы. Они зависли в порталах, которые также не исчезали, а болтались, оторванные от своих создателей, и медленно продвигались к платформе. Одна из них дрогнула и потекла вперед с заметно возросшей скоростью. Кто-то из Едоков вернулся к порталу!

Выругавшись, я снял пружины Тина и дрожащими руками нацепил их на ботинки. Оттолкнувшись, взмыл в воздух, держа наготове разрывные снаряды. Чутье меня не

обмануло — один из Едоков действительно стоял возле серого жгута, а двое других охраняли его.

Контрасты. Это по-настоящему удивительная вещь. После жуткого Пожирателя Едоки показались мне ничтожествами. Они умерли быстро.

Тело Пожирателя исчезло сразу же, как только мечты вернулись туда, где им и положено было быть.

Интерлюдия 7

Плевать на время

Какие-то картинки. Мерцание. Звуки. Рядом с ним — такое же, как и он. А кто он? Непонятно. Что-то прошлое. Эхо былого. Не все ли равно?

Кто-то копошится рядом. Лица знакомы. Он видит, но не узнает. Он не хочет смотреть. Зачем он встает перед ним? Что он несет? Какая-то каша. Отстаньте. Просто отстаньте. Нет дела.

Скорее бы все закончилось. Хотя забвение так сладко. Но его очень раздражает то, что рядом. Почему бы просто не отстать от него?! Что за назойливый мальчишка!

Он отвечает. Он понял, что так от него отстанут быстрее. Слова машинальны и интуитивны. Они возникают сами собой из ниоткуда. Или нет. Будто вытаскиваемые из старого чулана. Это помогает. Его оставляют в покое.

Прекрасно. То, чего он добивался.

Ему становится хорошо. Он прислушивается. И слышит. Он — малая часть чего-то большего. Грандиозного. Он — винтик. Незначительный, но важный.

Что! Почему ему опять мешают! Зачем тревожить?! К чему эта субстанция, которую запихивают ему в рот? ОН ДАЖЕ ВКУСА НЕ ЧУВСТВУЕТ! ЭТО ЧТО? ЧТОБЫ УТОЛИТЬ ГОЛОД?

Я НИЧЕГО НЕ ЧУВСТВУЮ ПРОСТО ОСТАВЬТЕ МЕНЯ В ПОКОЕ МНЕ НИЧЕГО БОЛЬШЕ НЕ НУЖНО.

Даже жизнь. Какой в ней смысл? Он ничего не хочет. Совсем. Даже убить себя. Точнее, ТО, чем он является.

Его голову поворачивают. Краем глаза он замечает ее. Она такая же. Но она теперь оно. Как и он. Что за каша? АААААА ЧТО ТАКОЕ.

Она не смотрит на него. Зачем? Ему тоже не надо смотреть. Ему все равно. Вокруг — ничто.

Внутри — тоже.

Сперва мальчишка, теперь эта тетка. Что им всем надо-то?!

Просто отстаньте.

Я ВСЕ РАВНО ВАС НЕ ВОСПРИНИМАЮ.

КАК И САМОГО СЕБЯ.

Глава 8

Вторжение начинается

18 июля.

«Я научился понимать людей. Следить за метаморфозами и выявлять закономерности. На одном простом примере – на своем. И следующее, что я узнал, это злость от беспомощности, вымещенная на другом. Не хотелось думать, будто победа над Пожирателем далась мне случайно (в конце концов, я изрядно попотел), но следует признать, что будь их там хотя бы двое – меня бы убили.

Черт возьми, как же я устал от всего этого. Как же надоело!»

За мои страхи, нервы, слабость и беспомощность ответил Туман.

— Я видел его!

Мой крик встретил пришедшего хорька сразу — без предисловий.

— Я видел, и это, черт возьми, страшно! Как ты предлагаешь мне защищать их? Я с одним-то кое-как справился! Какое вторжение? *Я умру!* А потом и все мы!

Туман так и замер. Он смотрел на меня снизу вверх, и почему-то его глаза больше меня не ослепляли. А еще зверь заметно похудел.

— Пожиратель?

Я кивнул.

— Как ты его победил?

— Как ты и говорил — пронзил его грудь. Пришлось подождать, пока он не уничтожит мою защиту и не сотрет мечту в порошок. Это все не смешно, Туман! Если сегодня ночью их будет больше, чем один, — прощай. Мне не выстоять. Это невозможно.

Хорек сел на пол. Он говорил тихо, я едва слышал его.

— Да, Оул. Все серьезно. Иначе бы ни ты, ни Лена не стали бы Хранителями Грез.

— Хочешь сказать, остальные еще слабее?

— Не перебивай, пожалуйста. За это время ты достиг многого, очень многого. Я видел, что могут другие. Поверь мне — считать себя слабым ты не имеешь права. Да, есть Спойлер, который настоящий виртуоз, но не все такие, как он. Собственно... — Туман замешкался. — Собственно, потому-то прорыв и произойдет здесь.

— Да что ты там говоришь! — не выдержал я. — Вообще ничего не слышу! Дался тебе этот пол. Давай сюда.

Я хлопнул ладонью по столу и раздвинул книги, освобождая место для хорька.

— Запрыгивай.

Туман покачал головой.

— Я... Я не могу.

— То есть?!

— Мне тяжело. Я очень выбился из сил.

Я не ответил. Захотелось разрыдаться. Все трещало по швам. Даже Туман, вечно сильный и не унывающий, дал слабину. *Что за несправедливость? Откуда столько жестокости?*

Уняв злость, я протер лицо, незаметно смахивая с глаз слезы.

— Давай помогу.

Я наклонился и аккуратно подхватил хорька. В моих руках неожиданно костлявое тело Тумана обмякло, и я поначалу решил не выпускать его. Пальцы чувствовали слабость хорька, хотелось прижать его к себе и дать тепло, но потом я вспомнил, что это не просто животное. Аккуратно положив его на стол, я спросил:

— Тебя, может, укрыть?

— Спасибо, но это будет лишним. Оул, ты не должен бояться.

— Как я сразу-то не догадался!

— Не язви.

— Не язвлю.

— Вот опять.

— Что?

Хорек глубоко вздохнул.

— Мечты. Тебе понадобятся все мечты, Оул. *ВСЕ*.

— Я... Я не могу.

— Почему?

— Победим — в кого я превращусь? Уж лучше умереть.

— Нет. Ты — Хранитель Грез, и...

— Которого не спросили, хочет он быть им или нет.

Мне показалось, что во взгляде Тумана проскользнула злость. Впервые.

— Ты разве против того, чтобы помогать людям? Ты не задумывался об этом? Или я ошибся в тебе?

Я помог Лене. Я помог Тину, сумев сделать желание спасти его своей мечтой. Так или иначе помог Ивану. Каждый день люди в Дымчатой оставались с мечтами только благодаря мне. Но было ли это моей мечтой — выручать их? Я всегда думал, что это обязанности, пока Туман не сделал на этом акцент.

— Хм... — промычал я.

Буду ли я кривить душой, если решу, что спасение дымчатых для меня менее желанно, чем в свое время спасение Тина? Буду, потому что это не так. И если я мечтал спасти друга, разве могу я не мечтать о спасении целой деревни?

— Хм... — промычал я и улыбнулся. — Так рождаются мечты.

— И это прекрасно. Пока мы можем мечтать, мы остаемся людьми. Сильными людьми, Оул.

— Я потому и боюсь.

— Верь своим мечтам. Доверяй им. И они поведут тебя.

— В бой?

— Если понадобится, то и в бой, — серьезно сказал Туман.

— Хорошо, — я кивнул. — Спасибо тебе. Огромное.

Туман выглядел слабым. Уставший зверек как будто пробежал марафон. Только сейчас я заметил, что дышал он тяжело, дыхание вырывалось со свистом, а глаза… Они становились как у дяди Коли — серыми, плоскими, безжизненными.

— Я чувствую что-то неладное. И мне это не нравится. Может…

Хорек не договорил. Он зажмурился, оскалил клыки, его тело вытянулось струной, а затем выгнулось. Несколько секунд молчания, а потом Туман издал страшный крик.

— Туман! Что с тобой, Туман?!

Крик оборвался. Хорек обмяк. Я испугался, что он умер, но увидел, что грудь его вздымается.

— Туман?

— Прорыв. Кажется, он…

— НАЧИНАЕТСЯ?! — выпалил я, пораженный и испуганный. — НО ВЕДЬ ДЕНЬ!

Туман поднялся на лапы. Он дрогнул, но устоял.

— Я за остальными. Предупрежу, чтобы были готовы.

Хорек потрусил к двери.

— Эй, а я?

— А ты готовься, Оул. И доверяй своим мечтам. И тем, кто тебя окружает.

Он покинул сторожку. Я метнулся следом, буквально через секунду, но на улице было пусто. Лишь серая раскуроченная платформа с одной стороны и угасший дом бабушки и дедушки — с другой. Он словно впал в спячку и выглядел жутковато. Заходить туда лишний раз не хотелось.

Вторжение…

Что нас ждет? Почему у Тумана такой плохой вид? Почему он ослаб? Надо еще раз перебрать все мечты и на всякий случай подготовить фантазии. На войну — так с оружием.

Сам не заметил, как подошел к дому тети Даши. Дома ее не оказалось. Я прошел в комнату, где «жили» бабушка с дедушкой. Пожалуй, именно тогда я увидел их такими, какими не видел никогда в жизни. Более того, я думал, что это невозможно.

— Боже мой.

Бабушка, которая всегда выглядела опрятно и следила за внешним видом, была чужой. На голове образовался хаотичный клубок спутанных грязных волос. Где-то они сбились в сальные сосульки, где-то топорщились седой паутиной. Грязный халат в пятнах от еды. На воротнике — засохший кусочек моркови. Лицо, некогда пышущее здоровьем и бодростью, осунулось и походило на плохой макет маски. Меня бросило в дрожь. *Такой* я бабушку не знал. У деда выросла борода — клочковатая, грязная, с крошками в волосах.

— Ро-ро... Мои дорогие ро-ро. Что же с вами стало...

Я стоял и смотрел на них. И с каждой секундой подмечал неприятные детали. Нестриженые ногти, углубившиеся морщины, все больше новых грязных пятен на одежде. Я не мог винить тетю Дашу — они с Людмилой Сергеевной стали няньками Дымчатой. То, что выпало на их долю, никак не лучше и ни на йоту не легче моих обязанностей.

— Ну что, — я подошел к ро-ро, встав между ними и телевизором. — Сегодня я, возможно, спасу вас. Возможно, и нет. Я не пришел прощаться. Так, проведать вас. Интересно, слышите ли вы меня?

Со стороны я напоминал себе персонажа фильмов, который приходит к родственнику, находящемуся в коме, и разговаривает с ним. Реакция была похожей.

— В общем, я люблю вас. Бабушка, дед, я всегда смотрел на вас. И не забуду при любом раскладе.

Сжало сердце.

— Ну… Пока, что ли?

Я подошел к ним и положил руки им на плечо.

— Пока.

Уже на крыльце я замер и повернулся к дому.

— Не знаю, теть Даш, увидимся или нет, но спасибо вам за помощь.

И ушел.

После визита к тете Даше я испытал странное желание обойти всех знакомых, зайти к Людмиле Сергеевне, к Тину, Ивану… А если совсем по-честному, то хотелось попрощаться. И в первую очередь — с Леной. Когда проехала электричка, идущая в сторону Сосновки, я с трудом переборол желание запрыгнуть в вагон.

Нет, так нельзя. Попрощаться — значит, признать свою несостоятельность. Смириться.

А мириться я не хотел. И не собирался.

***

Вечером похолодало. Я натопил сторожку жарче обычного, но так и не мог согреться. Сидел себе в свитере и трясся. Может, от нервов. Тревожно лаяли собаки. Стемнело тоже раньше обычного.

Я нервничал. После дневного заявления Тумана все казалось слишком подозрительным. Я притворил окно и задернул занавески, заметив, что над Дымчатой тяжелело свинцовое небо.

Одеяло не спасало, горячее какао — тоже. На книги словно поставили блок. Читать не хотелось. Чем же заниматься в деревне, если не читать? Вот так просто сидеть и ждать наступления следующего дня. Точнее, ночи. Таинственной и неизвестной. Внезапно дошло, что последнюю неделю я встречал ночь с мыслью, что она может стать последней. И почему-то не переживал.

После разговора с Туманом желание спасти Дымчатую, уберечь ее и сделать прежней плавно перетекло из обязанности в мечту. *Удивительно, что я не думал об этом в таком ключе. А казалось бы — чего стоило? Простой разговор подарил мне… Оружие? Нет, противно воспринимать попавших в беду людей именно так. Это неуважение. Интересно, нет ли у меня еще каких потаенных грез, которые я могу использовать как преимущество?*

А в голове было много всего. Настоящая каша. И третий пункт из того самого списка, который я боялся потерять больше всего на свете. От одной только мысли об утрате этой мечты по коже пробежал мороз.

— Что ж так холодно! — недовольно сказал я и обомлел.

Изо рта вырвалось облачко пара. Сердце заколотилось как сумасшедшее. Дыхание участилось. Вскоре вся сторожка заполнилась паром. Стало страшно. Очень.

Где-то несчастно завыла собака. Потом зарычала другая. И еще одна. И еще.

ШАГИ ПОД ОКНАМИ.

Я всмотрелся, но ничего не увидел. Огонь в печке почти погас. Рычали совсем близко. Вокруг сторожки кто-то неторопливо ходил.

На негнущихся ногах я прошел к печке и схватил кочергу, а потом приблизился к порогу и надел кроссовки. Как жаль, что в двери не было глазка. Он был нужен как никогда.

Я опустил ладонь на ручку, но тут же отдернул ее. Обожгло холодом. В полумраке я с трудом заметил, что дверная ручка покрылась ледяной коркой. Висящие на поясе пружины сковал иней. Металлические коробочки на браслетах Тина — тоже. Пальцы, сжимающие кочергу, начинало покалывать.

Нет, так нельзя.

Ступая как можно тише, я подошел к двери и…

Дверь отворилась сама. На пороге стоял Едок. Перед тем как он меня ударил, я успел заметить сгусток мечты внутри него.

Кочерга упала. До сих пор не знаю, как успел создать фанталь. Но удар пришелся точно по ней. Я пролетел через всю сторожку и врезался спиной в стену. Осел на пол с громким треском — браслет задел один из постеров, что нарисовала Лена, и разорвал его. Это подействовало на меня так же, как шестеро кадетов, окруживших Лену. Я поднялся и создал фанталь, вытолкнув ее сразу в Едока. Того выбросило с порога. С улицы повеяло холодом. Я выскочил наружу, глаза резануло ярким голубым светом.

Фанталь висела рядом. Шишковатая, неаккуратная. Ей осталось немного. *Совсем чуть-чуть, и я лишусь какой-то мечты.* Впрочем, она использовалась несколько раз. Думаю, я знал, на что иду.

На платформе стоял поезд. Стоп. Нет. На платформе стояло *два* поезда. Перрон был заполнен Едоками. Несколько из них спускались со ступеней, другие успели поравняться с нашим домом. Барьеры пали. То, что я так и не успел доделать, исчезло. А в небе… В небе завис силуэт Пожирателя. Прямо над сторожкой.

Цветы и листья на американских кленах заледенели. Вода в ведре под умывальником застыла. На бутонах люпинов появился иней, окна заиндевели.

Прорыв начался.

Меня не удивило, что твари прибыли раньше обычного. Больше не было никаких правил. Война стирает все рамки.

Спасение Дымчатой. Да, я хочу. Это сильная мечта. И ты поможешь мне.

Фанталь вышла огромной. Впервые. Я принялся растягивать ее, как эластичную ткань. Она поддавалась легко, но что удивительно — по мере увеличения не теряла в толщине.

Остановился я тогда, когда фанталь превратилась в плоский квадрат со сторонами в тридцать метров. Перевернув плашмя, я отправил его к своему дому, загораживая проход Едокам. Те вздрогнули и замотали головами. Высоты квадрата хватало, чтобы зацепить Пожирателя. Прямо над станцией я создал копье и оставил его висеть в воздухе. Резким движением рук слева направо я припечатал квадрат к платформе. Он увлек за собой и Едоков возле дома, и спускающихся со ступеней, и Пожирателя. Удар был такой силы, что трое Едоков умерли сразу, а Пожиратель, которого оглушило оставленное для него копье (жаль, что не убило), как подкошенный рухнул на станцию. В живых остался только Пленус. Быстро переделав квадратную фанталь, я создал купол, накрыв платформу и поезда, чтобы никто не смог выбраться за пределы станции. *По крайней мере, пока я жив.*

Я оставил себе кусочек фантали и притянул к себе. И вовремя. Пленус появился невероятно близко. Он замахнулся лапой. Я поднырнул под нее, оказываясь позади. Фанталь трансформировалась в лезвие и резанула было по Едоку, но тот отпрыгнул. Еще удар — снова мимо. И так дважды, пока он не разбил мою фанталь, оставив от нее половину. Пленус побежал на меня, но я сбил его оставшимся кусочком, сделав из него растяжку. Едок споткнулся и упал, а я преобразовал растяжку в кинжал и всадил в затылок твари. Бестолку. Фанталь рассыпалась.

Вот и всё, Саша. Нет у тебя больше мечты. Забудь.

В воздухе повисла перламутровая пыльца. Взмах — и невесомое облачко образовало радужную крупинку. Я впитал ее, надеясь, что когда-нибудь она перерастет в мечту, которой была изначально. Отщипнув немного от созданного мной барьера, я проткнул Пленуса. Мечта, подобно пугливой бабочке, упорхнула куда-то за пределы Дымчатой.

Холодно. ХОЛОДНО.

Две мечты. У меня осталось всего две мечты. Против такого полчища. Но это вторжение. Разве мог я поступить иначе?

Бабушка с дедушкой, вы всегда были примером для многих. Я мечтал видеть себя в будущем таким, как вы. Счастливая крепкая семья. Может, слишком рано думать о таком, но я рос с вами с малых лет. Вы олицетворяли то, какими должны быть два любящих человека. Спасибо за то, что показали мне. Надеюсь, однажды, глядя на вас, мечта стать как вы зародится во мне сама по себе.

Фанталь была со мной.

— Я убью вас.

Ощущая жуткую пустоту и отчужденность, я побежал к ступеням. Фантали хватило на то, чтобы создать себе доспехи и не опасаться, что один из ударов ранит меня. Я бросился в самую гущу.

Их было много. Наверное, десятка два. И я сосредоточился только на одной цели. Убивать. Я косил и резал. Пропускал удары, восстанавливал защиту и пропускал снова. Но моя фанталь была сильна, и я не опасался. Едоки падали, испарялись, из вагонов вылезали новые. Периодически я поглядывал в сторону Дымчатой и старался держаться поближе к ступеням. Едоки пытались пробить воздвигнутый мной заслон, но моя мечта была крепкой — стоило только взглянуть на фанталь. Сквозь ее стены не прошел ни один из порталов.

И лишь на высоте метров двадцати проклятый Пожиратель методично долбил по стене купола, разрушая ее. Я заключил себя в пузырь, свил лассо и запустил в увлеченную тварь. Фанталь обвилась вокруг задней лапы. Я потянул на себя. Тяжело. Пожирателя всего лишь слегка перекосило. Он заметил фанталь и повернулся, чтобы разорвать путы. Мне было не перетянуть его. Но зато я мог приказать фантали. Рев ветра, свист, и Пожирателя пригвоздило к платформе. Массивная туша подмяла под себя с полдюжины Едоков. Завоняло гарью. Кого-то раздавило насмерть.

Из поездов валили новые. И если раньше это были небольшие, на два—три вагона, составы, то теперь они разлеглись во всю длину платформы, и с двух сторон Едоки перли нескончаемым потоком.

Когда вы закончитесь?! Откуда вас столько? Я же не справлюсь. Это слишком даже для ВСЕХ моих грез. Мне не выстоять.

Повсюду сияло голубым. Не только на станции, но и дальше — деревья, обычно прячущиеся в темноте, освещались так мощно, что в небе над ними зависло пятно, похожее на замерзшее озеро. Я всмотрелся и чуть не упал в обморок со страха: все пути были забиты поездами. Они встали друг за другом, образовав целую вереницу. Караван поездов. Внутри вагонов копошились воины Хмури.

— Бабушка, дедушка, помогите мне, пожалуйста, — прошептал я и убрал купол.

«Все машинально, Дневник. Я сражаюсь с Едоками и Пленусами и умудряюсь писать сюда. Бортовой самописец падающего самолета.

Я устал. Очень устал. Они умирают, а на их место приходят новые. Никогда не думал, что смогу убить стольких. Едоки, Пленусы и Пожиратели. Я убил уже трех Пожирателей, представляешь? Тогда как прошлой ночью испугался и одного. Почему так?

Наверное, я просто не думаю. Страхов нет. Нет ничего, кроме желания защитить дымчатых. Спасти их, помочь, остановить вторжение. Если все знали о нем, почему никто не пришел?

Дневник, они гибнут пачками. Я убиваю их прямо сейчас. Едок, Едок, Пленус, Едок. Каждый раз состав уезжает. Каждый раз подъезжает новый. У меня кружится голова. Я истощился не столько морально, сколько физически. От фантали почти ничего не осталось. Так странно – на примере перламутровой сферы наблюдать, как сгорает твоя жизнь.

И сейчас ее осталось минут на пять».

Лучше умереть, чем использовать ТУ мечту. Лучше погибнуть с мыслью, чем покинуть этот мир опустошенным. Я пронесу этот свет до конца. Ни одна вера не остановит этот бесконечный напор. Ни одна мечта не вызволит меня из этой ловушки. Я не обращусь к тебе, не воспользуюсь твоей помощью. Нет, я не трону тебя.

Небо превратилось в кусок льда. Оно походило на светильник с голубым плафоном. Призрачный свет заливал все вокруг. Я замерз и едва стоял на ногах. Сражение уже не воспринималось сражением. Так, какое-то назойливое монотонное действие, которому хорошо бы поскорее закончиться.

Устал.

«Тебе сказать, что происходит, когда удар Едока достигает цели? Ты чувствуешь боль. На двух уровнях. Тебе жжет кожу, словно на нее высыпали угли. Запах гари только помогает представить это. Второй уровень – в голове. Твою волю уничтожают. Твои мечты шатаются, а фантазии и обрывки неких сцен исчезают, будто они самоцветы, а удар Едока – сачок, что вытаскивает их с песчаного дна. И уже не хочется ничего. Точнее, тебе ХОЧЕТСЯ НИЧЕГО. Каждое использование мечты, каждая ее потеря – удар по твоему сознанию. Ты становишься оболочкой, лишаешься сознания, тебя ничего не интересует. Вот что такое удар Едока. Это кража человечности».

Сколько ударов я пропустил? Почему я пропускаю их до сих пор? Бейте. У меня богатая фантазия. Но одно я знаю точно — вам не взломать мою мечту. Вы ее не получите. Никто ее не получит.

Сознание… Обманывало. Мир кружился. Едоки стали размытыми тенями. Я не атаковал. Защищался. Я вжался в купол и ждал, когда все закончится. Над головой застыла лапа Едока. Мимо проносились поезда. Шумно. Так шумно. В голове стоял непрерывный звон.

Куда они уезжают? И, главное, как? Составы тянутся едва ли не до Сосновки. Наверняка так же и со стороны Дружбино. Ой, ЛЕНА! Как ты там? Надеюсь, все в

порядке. Хоть бы прорыв произошел только здесь. Не потерплю, если с ней что-нибудь случится.

НЕ ПОТЕРПЛЮ, ЕСЛИ БОЛЬШЕ НЕ УВИЖУ ЕЕ!

Поезда. Призраки. Они уезжали.

Тин, как жаль, что я не зашел. Иван… Лена… Неужели мне вас больше не увидеть? Нескончаемый поток хаотичных чисел кузнеца и такое дорогое занудство Мишки, его поделки и изобретения.

— Во славу велодрезины!

— Еще бы семь часов, и было бы плохо!

— Я ж говорил, что крутой и гений!

— Через сорок минут, Сашка!

Мои друзья. Их не украл ни один удар Едока. Они здесь, всегда со мной. Мне суждено встретиться с вами в последний раз. Спасибо, что пришли.

— Саша! Сашечка! Уже скоро! — *кричит Лена.*

Лена тоже пришла. Как хорошо. Теперь можно…

Лапа Едока опускалась медленно. Шумели поезда. Гремели колеса. Что-то жужжало. Кричали мои друзья. Сознание предавало.

Я закрыл глаза и, с трудом разлепляя губы, вымолвил:

— Не смог.

Удара не было. Передо мной будто пролетел истребитель, оставляя после себя жуткую вонь.

Я открыл глаза. Никакого Едока. Никто меня не окружал. Все были заняты…

— Чего встал? Ау! Давай-ка!

Серебряное пятно. Блестящая кожа.

Спойлер?

— Спойлер, Спойлер! Живой?

— Хороший вопрос.

Из гущи показалась Лена.

— Сашка! Что с тобой? Ты как?

На ней лица не было.

— С тобой все хорошо, Лена? — заплетающимся языком спросил я.

— Да! Со мной все прекрасно! А ты как?

— Лучше всех. Вы… Как?

Возле рельс звенькнуло. Показалась сперва одна голова, потом вторая.

— Ну даже не знаю. Быть может, у тебя слишком хорошие друзья? — ехидно спросил Тин.

— Похоже на то… — пробубнил я.

— Думаю, мы настолько хорошие, — продолжил Мишка, — что мы заслуживаем протянутой руки и своего места на платформе. Не меньше, чем некоторые.

Я подбежал к краю. На рельсах стояли две велодрезины. Возле одной высился Тин, возле другой — Иван. *Так он тоже причастный, что ли?!* Одну велодрезину я узнал, но вторая выглядела как-то подозрительно. Подозрительно знакомо…

— А ты выкинуть ее хотел! — Мишка проследил за моим взглядом.

— Кого?

— Койку дяди Коли! Говорю же, все пригодится. И вообще, можно и помочь!

Мы со Спойлером помогли им выбраться.

— Что-то ты тяжелый, Миш, — сказал я, глядя на друга. У него на поясе висели несколько тряпичных мешков, в которых что-то звякало.

— Да вот… Хороший у тебя хорек. Как в воду глядел. Часом, не он ли подстроил?

— Попридержи язык! — одернул его Спойлер.

— Шутка же. В общем, хорошо, что я гений. И хорошо, что Иван у нас такой умелец. Мы собрали дрезины достаточно быстро и ждали своего часа, чтобы прийти с подмогой.

— Десять часов! — добавил Иван. — А я б и не ждал. Да ну такое.

— Это да, — я пожал плечами. — Значит, вы знали.

— Пришлось.

— Почему не сказали?

— А зачем?

Я не нашел, что ответить. Пока не посмотрел на Лену.

— Что у вас там?

— Тихо. Все прошли мимо. К тебе. Нам пришлось постараться, чтобы прорваться сюда.

— Ты хорошая приманка, — сказал Спойлер. — Не ожидал. А ты еще жив. Удивил. Что это за игрушки у тебя?

Я проигнорировал его вопрос и осмотрелся. Небо возле нас стало светлей, несмотря на черные набухшие тучи. Но в разных его уголках возникали голубые вспышки. Творилось настоящее светопреставление.

— Что там? — я указал на облака.

— Прорывы.

— Где остальные Хранители? Нам же нужна помощь! ГДЕ ОНИ?!

— Защищают, — беззаботно ответил Спойлер.

— КОГО?!

Он кивнул на небо.

— И что, они справятся?

— Конечно, Саш.

— Значит, это конец?

И тогда мир *вздохнул*. Протяжно, будто больной, очнувшийся после долгой комы. Это могло быть похоже на землетрясение, если бы не одно но — тряслось само мироздание. Как будто воздух трещал по швам.

— Нет. Только начало! — крикнул Спойлер и вцепился в ограду.

Я подбежал к Лене и, схватив ее за руку, подвел к забору.

— Держись!

В небе над платформой происходило нечто.

Представьте себе огромный кинжал. Представьте, как он входит в небо и разрезает его, распарывает, да так, что остается зияющий чернотой шрам. Огромный рубец, заслоняющий полмира. С треском и надрывным стоном.

Лена прижала ладошку к лицу.

— Глазам своим не верю!

— Что такое? — нетерпеливо спросил я.

Подул ураганный ветер. Деревья взбушевались, некоторые листья, давно мертвые от мороза, упали вниз и со звоном разбились, словно елочные игрушки. По платформе закрутились камни и кусочки бетона. Спойлер прорычал и смахнул проступившие слезы.

— Это Хмурь.

Интерлюдия 8

Сейчас—вскоре

— Это слишком, коллега! — провозгласил Именующий. — Это уже слишком. Что такое Равновесие, если оно отрицает то, в честь чего было названо?!

Созидающий погладил подбородок.

— Я думаю, коллега, это некий кодекс. Своего рода ориентир. Некий эгрегор чести. Одновременно с тем — мерило справедливости.

— Скорее, несправедливости! — рявкнул Именующий, прогоняя фиолетовые искры. Те пугливой стайкой унеслись в другой конец стеклянного куба.

— Знаете, я думаю, важно не то, какая ситуация, а то, какой в ней ТЫ.

— Вы о чем?

Созидающий улыбнулся.

— Я о вас, коллега. Горжусь работать с вами. Именно этим вы мне и импонируете.

— Скажите, коллега, что нам будет за... За нарушение?

— Равновесия?

— Да.

— С человеческой точки зрения — ничего. А чем это аукнется в пространстве, я не знаю.

Именующий сжал кулак. Темнота рядом с ним *треснула*.

— Мы не можем это так оставить! Это провал!

— Помните, кто вы, коллега.

— Я не могу! Это нечестно. Они должны узнать!

Созидающий всмотрелся в лицо коллеги.

— Но почему?

— Какой смысл жить вечно, если ты не поступаешь так, как надо? Вечность обесценивается. Как говорят Хранители? Смысл жить, если нет мечты? Я понимаю эту формулировку. Мы должны.

— Коллега, стойте!

Пространство вокруг Именующего вибрировало.

— Где Хранители?

Созидающий изучал мир.

— Им хватает проблем. Их... Задерживают.

— Парень погибнет! Он же... О, вы посмотрите. Это они?

— Да.

Именующий ухмыльнулся.

— Скажите, коллега, это ваших рук дело, да?

Созидающий не ответил.

Глава 9

Хмурь

19 июля.

Из разлома падали Едоки. Прямо на платформу.

Из разлома летели Пожиратели. Прямо на нас.

Это было похоже на рану, истекающую кровью.

— Тин, Иван, убегайте! — крикнул я.

Тин провел рукой по висящим на поясе инструментам. Словно музыкант, пробующий новую арфу.

— Нет, мы с тобой!

Поднялся ветер. Забор беспокойно закачался.

— Вы все равно ничем не поможете. Бегите! Позже встретимся!

Мишка прошептал Ивану что-то невнятное. Тот кивнул, и они вместе сбежали со ступеней.

Разрыв становился шире. Мерзкая рана с воспаленными краями черно-багрового цвета. Эти сгустки кипели и бесновались. В разломе сияла тьма, в ней вихрились ураганы и били молнии. Едоки сыпались оттуда, как монеты из шкатулки. Видел ли я зрелище страшнее? Вряд ли.

— Лена, может, и ты? — робко предложил я.

— Что?

— Ну… С ребятами.

Спойлер рассмеялся.

— Шутишь, что ли? Она десятерых стоит! Как ты.

— Хватит! — шикнула на него Лена. Рядом с ней уже висела ее излюбленная фанталь.

Спойлер провел по перламутровой стене.

— Твое?

— Да.

— Собирай. — Его светящееся лицо было особенно отстраненным. — Больше не понадобится.

— А они? — я взглянул на падающих Едоков.

— Собирай!

Я разрушил стены и сложил их в одну сферу. Получилась достаточно крупная фанталь. Лена смотрела на меня с тревогой. Я ответил ей вопросительным взглядом, но она качнула головой и чуть заметно улыбнулась.

— Все будет хорошо, — сказал я ей.

Я не знал, будет ли все именно *так*, или нас ждет крах. Но на собственном примере понял одно: иногда слова нужны. Просто слова. Им совсем не обязательно нести пророческий смысл. Просто слова. Чтобы просто успокоиться.

— Все будет хорошо, Ле, — зачем-то повторил я.

Она взяла меня за руку и крепко сжала.

— Надеюсь, готовы, — бросил Спойлер. Блестки на его лице заискрились, глаза стали шире, волосы встопорщились так, словно Хранителя ударили током.

В одно мгновение над платформой зависла огромная фанталь. Она вращалась, а вокруг нее по каким-то хитроумным орбитам двигались фантали поменьше. Взмах руки — и перламутровый гигант улетел в небо, навстречу армии Хмури. *О, сделал прямо как я!* Едва фанталь достигла первых Едоков, как она распалась на мелкие фрагменты. *А, нет…* Это был настоящий взрыв. Каждый из осколков достиг своей цели. Фанталь подбила одного Пожирателя, второго убило на месте. Несколько Едоков пролетели с десяток метров, после чего исчезли.

Секунда затишья. Тихий шелест разрываемого Едоками воздуха. Приближающееся хлопанье крыльев.

— Саша, знаешь… — начала Лена. *ДА, ЗНАЮ, ЛЕНА!* — Я напомнить хотела. Ну, чтобы ты просто сражался. Не расщепляя сознание. Просто дерись.

Мне знаком этот посыл. Да. Теперь, убив несколько десятков Едоков, я все понял. Понял, чего хотел от меня отец.

Мама, папа… Я все еще рассчитываю встретиться с вами. Ждите меня!

Первые Едоки достигли платформы.

— Ну теперь держитесь, — возвестил Спойлер.

И началась драка. Страшная, жуткая и красивая. Наблюдать за Спойлером было одно удовольствие. Он убивал Едоков настолько виртуозно, что это можно было бы назвать искусством. Орудуя всего одним небольшим шариком, Спойлер уничтожил пару дюжин тварей. Он просто превращал фанталь в нить, та залетала Едокам в рот или глаза,

собиралась внутри в шар, распадалась на мелкие частицы, взрывая Едока, собиралась в нить и по-новой… Казалось, что его фантали действуют самостоятельно, без непосредственного участия Спойлера. Первого Пожирателя он убил за полминуты. При помощи первой фантали он распял существо, при помощи второй прервал его жизнь.

Но из разлома неустанно падали новые. Небо продолжало светиться голубым, но в районе разрыва кипело тьмой. Тучи опустились еще ниже и, казалось, набухали. Они дышали, будто гигантские легкие.

В отличие от быстрого Спойлера Лена стояла на месте и редко делала шаг-другой. Она выглядела такой грациозной, будто танцевала. Наблюдать, как такая тоненькая девушка убивает огромных монстров с мечтательной улыбкой на лице было удивительно. В это как-то не верилось.

Лена... Что ты делаешь здесь, такая хрупкая и беззащитная, среди этих чудищ?..

Я помогал как мог, но на фоне Лены и Спойлера мои потуги казались незначительными. Присутствие Лены подстегивало меня, и я действительно показывал впечатляющие результаты, жаль только, что для моих соратников это было обыденностью. Но я не собирался уступать им, потому резко сменил тактику.

Практика — лучшая учеба? Хорошо.

Разделив фанталь на две продольные части с острыми Г-образными наконечниками, я вытянул руки и сделал шаг вперед, оставляя Лену за спиной.

Ты должна видеть. Я тоже могу. Я тоже могу пригодиться. Я тоже могу виртуозно и красиво.

Моя конструкция напоминала огромный степлер. Я щелкал Едоков и Пленусов. Пока те отвлекались на один наконечник фантали, другой протыкал их насквозь. Для лучшего управления и маневрирования я помогал себе руками — размахивал ими, словно они были продолжением фантали. Примерно так. Только *началом*, а не продолжением. Я даже смог зацепить Пожирателя и вогнать острый край в солнечное сплетение.

Мельтешение. Порталы. Едоки протянули пепельные жгуты в Дымчатую. Самое страшное, что они были далеко. До них не добраться — нас разделяла толпа Едоков и Пленусов.

Моя фанталь в форме лезвия заканчивалась, в то время как Лена все так же продолжала плавно водить руками в воздухе, будто играла на пианино. С ее губ не сходила улыбка.

— Порталы! — крикнул я.

Спойлер обернулся и кивнул. Он сместился поближе к краю платформы, но на него напали два Пожирателя. Движения Лены стали быстрее, но сейчас нас окружали Пленусы.

Нам не дойти.

— Саша! Сможешь пробраться? — бросила она. — У тебя еще есть мечты?

— Да, — солгал я, понимая, что ни в коем случае не буду использовать эту мечту. — Есть.

— Давай. Я прикрою.

Я ужал свое лезвие. Оно превратилось в леску длиной не более пятидесяти сантиметров. Настало время экономной тактики.

Моя нить летала между Едоками с сумасшедшей скоростью. Она проносилась сквозь конечности, отрывая их. Я заставлял фанталь совершать безумные виражи, разгонял ее по спирали, чтобы она успевала набирать скорость, и отправлял в очередного Едока. Нить обвивала шеи и завязывалась в узел, перетирала темные сочленения, лишая тварей жизни. Потихоньку я пробирался все ближе к порталам. По лицу текли ручьи пота. Не столько от усталости, сколько от переживания — я нервничал, понимая, что совсем скоро от моего оружия ничего не останется.

Листья деревьев, покрытые ледяной коркой, ярко отсвечивали. Иногда их задевало, и тогда они осыпались на платформу звонкими осколками.

Вот они — пятеро Едоков, уткнувшиеся в порталы. Я приблизился, и они разом обернулись и бросились в мою сторону. А я-то до последнего думал, что те полностью поглощены похищением грез.

Атаковать их было глупо — все равно бы не справился. Остатки фантали я потратил на защиту, слабенькую, еле видную.

Едоков пробили щит. Из меня вырвался вопль.

— А-а-а-а!

Вопль обиды и гнева, но никак не помощи. Однако меня услышали, и я сразу же почувствовал, как вокруг талии обвилась мягкая фанталь Лены. Меня оттянуло назад, а над головой промчался широкий диск, располовинивший пятерку Едоков. Пройдя сквозь них, диск разделился на несколько мелких сфер и улетел обратно. Почерк Спойлера.

Я развернулся, чтобы поблагодарить Лену, но та занялась новыми Едоками. *Твердая* фанталь по-прежнему висела над ней.

В небе… О НЕТ! То, что я считал тучами, оказалось *ЧЕМ-ТО*. Огромная черная субстанция, заслонившая треть небосвода, медленно вылезала из разлома и разрасталась.

Так вот какая она — Хмурь. Что она нам сделает? На что способен этот исполин?

От черной субстанции тянулись отростки. Живые, подвижные, они, подобно рукам слепца, ощупывали пространство вокруг себя. Из самых разных уголков окрестных земель к Хмури летели радужные мечты. Некоторые из Пленусов со станции выуживали радужные сгустки из себя и отправляли их в небо, не забывая оставлять одну мечту внутри себя.

Чертовы подкормыши!

Хмурь впитывала грезы. И распухала. Она шевелилась все быстрее, щупальца утолщались. Мечты делали ее мощнее. Прямо на наших глазах Хмурь набирала силы, чтобы уничтожить.

— Саша! Мечты! — Лена махнула в сторону оставшихся двух порталов.

Я поспешно кивнул и побежал к ним. Две мечты почти достигли цели. Я был близок и пока еще не понимал, как буду уничтожать их, ведь под рукой даже не было чего-нибудь тяжелого.

Мои размышления прервали. Два Едока возникли передо мной, безоружным, и уже тянули ко мне лапы. Я не стал кричать и звать на помощь. *Больше позориться ни к чему. Пусть лучше убьют, чем постоянно буду мешать. Вот только мечты…*

Кусты позади Едоков зашевелились. Спустя мгновение оттуда вылетел Иван, в шлеме, в кожаной куртке, усеянной металлическими пластинами. В руках он сжимал огромный меч. Кузнец забрался на платформу сбоку и рубанул по порталу. Звон, осколки, победный рев Ивана. Еще удар. Разбился второй. Едоки взрыкнули и повернулись.

— Саня! Все под контролем! Я спасу тебя! Во имя Дымчатой! — проголосил он и бесстрашно выступил против неведомых ему созданий. Без малейшей капли страха или сомнения.

Взмах — и меч прошел сквозь темные тела, не причинив вреда. Иван не успокоился и ударил снова. Бестолку. Едоки переглянулись и, не сговариваясь, всадили в него лапы. Иван вздрогнул. Его рот открылся, глаза широко распахнулись. Он весь напрягся… И обмяк. Меч упал на платформу. На лице Ивана появилась блаженная улыбка. Глаза почти закрылись. Едоки вытащили лапы. Каждый сжимал по куску мечты. Она переливалась радужным светом. Обрадованные, твари проглотили мечту, оставив Ивана в покое. И снова сосредоточились на мне.

Я виноват. Только что на моих глазах лишили мечты моего друга. Все потому, что я трус. В очередной раз проблема случается из-за меня.

Вы все ближе. Я не могу позволить вам жить. Не с мечтой Ивана.

Лена по-прежнему сражалась, поглощенная боем. Фанталь висела над ней, похожая на шар, усеянный шипами. *Очень кстати.* Времени на раздумья не было.

Я вытянул руку в ту сторону и нажал на кнопку. Щелчок. Из коробочки на запястье вылетел свинцовый шарик, тянущий за собой трос. Стоило ему пролететь над фанталью, я резко опустил руку, изгибая ее так, чтобы браслет задел разматывающийся трос. Шарик полетел вниз и обвился вокруг фантали. Как только он сделал пару оборотов, я рванул на себя.

Фанталь летела прямо на меня. Невесомая, но крепкая и смертоносная. Я ждал до последнего. Спиной чувствовал, как один из Едоков погрузил в меня лапу, но терпеливо ждал, стиснув зубы. По спине расходился огонь, в голове словно мешали половником, но я ждал.

Ты не украдешь у меня мечту. К ней нет доступа даже у меня. Моего друга лишили мечты, а я стоял и смотрел, ничего не сделав. Я боюсь ее. Вы не сможете. Хотите лишить меня воли? Лишайте. Но мечту вы не тронете. Слишком она глубока, слишком дорога.

Фанталь все ближе.

ПОРА.

Я наклонился. Шар пролетел над головой и врезался в Едоков. К сожалению, силы удара не хватило, чтобы покончить с ними. Но я смог оглушить их — Едоки упали и бесконтрольно заскребли конечностями.

Я обмотал трос вокруг ладони, притягивая фанталь к себе. Второй рукой надел пружины. Едоки зашевелились. *Ничего страшного.* Я прыгнул. Фанталь взметнулась следом. Я сделал еще два оборота троса вокруг запястья и полетел вниз. Высота была большой.

Удар будет сильным. Но и Едокам достанется ого-го.

Рука описала круговое движение. Фанталь набрала скорость. Я неловко приземлился на ноги и упал, зато фанталь врезалась в Едоков как сумасшедшая и расплющила их.

Хлопок. Гарь.

Убиты.

Два кусочка мечты застыли в воздухе. Я улыбнулся.

— Исправился.

Мечты поплыли к Ивану.

— КХА-А-А-АХ! — проревели на ухо.

Пожиратель пронесся мимо. Внутри него вихрилась мечта. *ОТКУДА ТЫ ВЗЯЛСЯ?!* Лапа сгребла мечты Ивана и втерла их в солнечное сплетение. Пожиратель умчал ввысь.

— Нет!

Из глаз брызнули слезы. *КАК ТАК?! Этого не должно было случиться!*

Я стоял около американских кленов. Листья подобны лезвиям. *Подобны лезвиям...* Краем глаза уловил перламутровую вспышку.

Взрыв. Меня впечатало в забор. Листья разломились на куски и осыпались. Мне на лицо. Кожа вспыхнула. Я почувствовал, как по лицу потекла кровь.

Пустяк. Не до того.

Ноги ломило. Оставалось надеяться, что никакого перелома после приземления я не заработал. Встать боялся. Ниже колен все онемело. Я задрал штанину и несколько раз ущипнул себя за икру. Это помогло. Чувствительность возвращалась. Вместе с ней — боль.

Иван подбежал ко мне и с отрешенным видом поставил на ноги. Те еще не слушались. Я схватился за плечи кузнеца и повис на нем.

— Отведи к ограде, Иван.

Он без колебаний подтащил меня к забору. Я встал на колени, вцепившись в ледяной металл. Иван замер рядом.

— Уходи! Уходи отсюда, пожалуйста! Вон, спускайся там, где залез! — истошно вопил я.

— Угу, — промычал Иван и спокойно себе пошел к краю платформы. Меч так и остался валяться.

Когда к ногам пришла чувствительность, я побежал к оружию. Осталось три портала. Мечты почти достигли конца. Но поднять меч я не смог бы, даже если б так не устал.

ЗВЕНЬК! ЗВЕНЬК!

Что за звук? Откуда он взялся?

ЗВЕНЬК!

Рядом с порталом. Один из них пошел трещинами.

ЗВЕНЬК!

В него врезался шар от подшипника. Тин!

ЗВЕНЬК!

Пепельный жгут распался.

Я проследил, откуда летели снаряды, и обнаружил моего друга — он надел камуфляжный костюм и стрелял из чего-то монструозного. Увидев меня, Мишка помахал и улыбнулся.

— Я на подхвате! — крикнул он и принялся расстреливать следующий портал. — Ты весь в крови, Сань!

Спойлер пронесся мимо меня.

— Осторожнее! Хмурь!

Я посмотрел на небо. Хмурь полностью вылезла из разлома. Едоки продолжали сыпать вниз, а мечты по-прежнему летели к огромной туше.

— Мама…

Ничего крупнее я не видел. Она была как несколько небоскребов и напоминала бесформенного паука со множеством лап-щупальцев. Среди потревоженной тьмы зияли два глаза размерами с небольшое озеро каждый. А внутри брюха кипело разноцветным. Настоящее кипящее море, бурлящее, беснующееся. *Сколько же там грез и человеческих жизней? Скольких же она лишила мечты? Сколько получила от своих Едоков?*

Один из отростков дернулся, сжался в клубок, а потом вытянулся и выстрелил. Прямо в нас. Я видел, как он приближается, но что я мог поделать? Спойлер тоже видел. Он встал между мной и Леной и соорудил толстую защиту.

— Держитесь! — крикнул он.

Щупальце преграды не заметило. Оно вонзилось прямо в голову Спойлера. Тот рухнул лицом на платформу. Я услышал неприятный чавкающий звук.

— Не-е-е-ет! — крикнула Лена, срывая голос.

Защита распалась. Толпы Едоков и Пожирателей ринулись на нас. Лена подскочила ко мне. Фантали завертелись. Они мелькали между рядами монстров, подкашивая одного за другим. В воздухе летал Пожиратель. *Тот самый.* Я видел внутри него мечту Ивана — она просвечивалась даже через доспехи.

— Саша! — крикнула Лена. — Помогай же.

Лена… Она не справлялась. Их были сотни. Но мечта…

Как же мне быть?

Я стоял и ничего не делал. Просто смотрел. Слышал выстрелы из самодельного ружья Тина, слышал, как рассыпаются порталы. И слышал крик Лены. Я повернулся к Мишке. Он развел руками.

— Не могу! Они не пробивают Едоков!

Я взглянул на них. Чтобы увидеть, как один из Пожирателей вонзает лапы в грудь Лены.

Интерлюдия 9

Сейчас

— Меня все это тревожит, коллега, — сказал Именующий.

Созидающий внимательно следил за происходящим. Сфера висела в пространстве и транслировала сражение с маленькой станции. Стеклянный куб озаряли перламутровые вспышки, тонущие в темных силуэтах. Их было сотни, тысячи.

— Вы про мальчика?

— Да. Выдержит ли он?

Созидающий неотрывно смотрел на сферу.

— Я не знаю.

— Чем грозит поражение, коллега?

— Многим, коллега. Хмурь — это отмычка для Темного Фрактала. Если прочие коллеги с ней не сладят, грядут не очень приятные события.

— Темный Фрактал? — с ненавистью в голосе спросил Именующий.

Созидающий кивнул.

— Хмурь приносит все больше бед, коллега. Она набирает силы и, кто знает, что даст ей сегодняшняя победа.

Именующий дернулся.

— Я должен...

— Нет. — Созидающий поднял руку. — Мы не можем. Не уподобляйтесь. Помните — Устав.

— Справедливость дороже Уставов!

Созидающий стиснул зубы.

— Ваша ошибка может дорого обойтись нам! Спасение одного повлечет за собой гибель миллионов. Принцип меньшего зла.

— Принцип меньшего зла! — повторил Именующий, коверкая произношение коллеги. — Уместно ли это сейчас?

— Да что с вами? Никогда не видел вас таким.

Именующий склонил голову.

— Этот мальчик. Он страдает. Ему больно.

— Он не один такой.

— В нем... БОЛЬШЕЕ.

— А если в нем большее, так чего вы переживаете?

Перламутровые вспышки потухли.

— Сострадание. — Коротко ответил Именующий. — Его не бывает много. Каждый заслуживает хоть толику сострадания — взрослый или младенец, трус или герой, профессионал или неумеха. Это не то чувство, которое следует экономить.

Созидающий улыбнулся и кивнул на сферу. Его лицо озарилось яркой вспышкой.

Именующий распахнул глаза от ужаса.

Глава 10

Последний удар

18 июля.

Мы — Хранители Грез. Мы сгораем, чтобы зажечь вас. Как Сарпий, как дядя Коля. Наши истории очень похожи и во многом переплетаются. Мы теряем наши мечты, чтобы жили ваши. Мы думаем о последствиях, но забываем о них, как только возникает необходимость помочь. Нас заменят. А вас — нет. Научиться охранять мечты можно, а вот научиться придумывать новые — нельзя. Люди размышляют об этом слишком редко. Иногда не размышляют вообще. Мы не самоотверженны. Мы не гордецы. Мы просто выполняем свою работу. Мы несем ответственность, и мы обязаны оправдать ее. Потому что мы — Хранители Грез.

Я прыгнул. Позабыв о боли в ногах, не вспомнив об усталости. Это все было неважно. Разве оно стояло рядом с тем, чего я собирался лишиться?

Привет, мечта. Только ты и осталась у меня. Я хранил тебя до последнего. Я готов был погибнуть, но сохранить тебя, но я не готов видеть, как погибает Лена. Контрасты, помнишь? Так вот, самое время. Я хранил тебя и не признавался самому себе. Я написал тебя на листочке и убрал его. Ты — самое сокровенное и самое святое, что у меня есть. Я видел счастливую бабушку, радостного дедушку. Им был неподвластен возраст. Вечно молодые и вечно любящие. А потом их мечту похитили.

Папа Тина. Как же он был несчастлив. Он потерял супругу и потерял жизнь. Он никогда не станет таким, как прежде. В его глазах навсегда поселилось несчастье, даже когда он улыбался.

Я видел многих. Я вырос с вами. Я сделал выводы.

Привет, мечта. Тебе признаться? Я всегда хотел быть, как они. Как бабушка с дедушкой. Но есть что-то поважнее. Найти. Найти ту, с которой ты так будешь. С которой сможешь. Хороший пример — это прекрасно. Но что толку от него, если ты не найдешь ТУ? Я никогда не найду ее. В любом случае. Я либо потеряю сейчас и навсегда исчезну, как личность, либо все останется как есть… Семья. Любовь. Так удивительно. Мне всего пятнадцать, а я знаю такие вещи. И мечтаю о них. Без

бабушки и дедушки этого бы не было. Без дяди Володи этого бы не было. Без нее этого бы тоже не было.

Здравствуй, Лена.

Я повернулся к ней. *Я обещал, что однажды поблагодарю тебя.*

— Спасибо.

И отправил фанталь в тело Пожирателя. Я заполнял его, вливал все, что у меня было. До последней капли. Фанталь не кончалась. Наверняка Пожиратель испытывал наслаждение. Но я продолжал накачивать его мечтой. Перламутровое море текло в его солнечное сплетение. Я сам подарил ее. Лапы Пожирателя вышли из Лены, держа мечту. Толстые, жуткие, заплывшие лапы. Все тело разбухло.

Фанталь бесконечна. Ее хватит на всех. Готовьтесь. Ты посмел опустошить Лену? На моих глазах? Да ты просто идиот.

Я ускорился.

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ.

Он взорвался. Мечта вернулась на свое место.

Бездействовать нельзя. Я больше не могу стоять и смотреть, как кто-нибудь еще попытается убить Лену.

И я отправился в последний бой.

Глаза заполонило багровой пеленой.

Море. Я управляю целым морем. Я создал для вас ловушку, микромир, клетку, я создал для вас пространство боли.

Сонмище тварей попало в мою тюрьму. Я не захватил только парочку Пожирателей, которые взлетели совсем высоко. Я переворачивал их, сталкивал друг с другом и убивал. Хмурь ударила меня своим отростком, но его отрубило сразу же, как только он вошел в мою фанталь.

— Боже, Саша, ты весь в крови! Сашечка...

— ТИХО!

Ошарашенная Лена замолчала. Она еще не пришла в себя. Но я спас ее. И не было ничего главнее.

Спойлер пошевелился. Это радовало. Я думал, что его убило. Он перевернулся на спину. Вместо лица у него было кровавое месиво.

Как и у тебя.

Войска Хмури бились в стены. Бесполезно. Летели перламутровые искры, но меня это не пугало. Пришел их конец. *Потому что никто не смеет убивать моих друзей. Никто не смеет касаться ЕЕ.*

Они умерли. Все, подчистую. Фанталь пострадала и заметно уменьшилась. Но меня было не остановить.

Я умру в любом случае. Как Сарпий. Он шел и действовал. Во имя спасения. Он — хороший пример.

И я последовал ему.

Должно быть, своей атакой я обратил на себя внимание Хмури. Она ударила. Свила из своих щупальцев гигантский жгут тьмы, больше похожий на сверло. И я знал, куда направлен его наконечник. Знал и ответил.

Перламутровое копье, яркое, слепящее, полетело навстречу. По его граням струились потоки радужного света. Волновал ли меня исход? Да, волновал. Гадал ли я над тем, справлюсь или нет? Не гадал. Я действовал.

Они столкнулись. Голову пронзила адская боль. Хмурь сотрясло. Перед глазами замелькали темные пятна. Я сосредоточился на противостоянии. Пятна не исчезали. Я заморгал и одной рукой протер глаза. Точки исчезли. Все, кроме двух. Странные движущиеся точки. Пожиратели.

Они летели к месту столкновения. Хищники, падальщики. Настоящие Пожиратели. Летели, чтобы отхватить свое. Чтобы украсть. Опьяненные жаждой, они не были верны Хмури. Они хотели наесться. Один из Пожирателей — Пленус, с мечтой Ивана внутри. Я узнал его. *Я ТЕБЯ ЗАПОМНИЛ, ТВАРЬ.*

Снова боль. Голова чуть не лопнула. Я зажмурился, а когда открыл глаза…

— Саша, смотри!

Я не стал спрашивать, куда именно мне надо смотреть. Это нетрудно было заметить. Куда ни глянь. В небо, подобно притягиваемым Хмурью мечтам, поднимались перламутровые конструкции. Со стороны Сосновки, со стороны Дружбино, сзади, спереди, в двух километрах и в сотнях отсюда. Множество фанталей воспаряло вверх и приближалось к одной единственной точке — к Хмури.

— Хранители! — радостно крикнула Лена.

Прямоугольные фантали что-то напоминали. Такие знакомые формы. Голова работала плохо, кровь заливала глаза, все расплывалось. Лицо саднило. Я никак не мог понять, на что именно походили конструкции. Рядом с этими *деталями*, движимые

твердыми фанталями, летели Хранители. Голубое небо подсвечивало тысячи ярких фигур, казавшихся отсюда крохотными и малозначащими. Они источали янтарное сияние.

— Слишком далеко… Вот бы. Раньше… Быстрее, — слабым голосом сказал Спойлер.

Мир осветило золотом и перламутром. Отовсюду воспаряли все новые и новые куски фанталей. Я не понимал, что происходит, пока одна из таких фанталей не поднялась в десятке метров от нашей платформы. Отщепилась от сплошного барьера над рельсами и взмыла вверх, плавно вращаясь, словно в невесомости.

Стены. Барьеры, возведенные Хранителями с самого начала. Они разбирали их.

Миллионы кусочков летели к Хмури. Медленно, плавно и неизбежно.

Я все еще сражался с ней. Наши орудия заметно сточились и укоротились. Уже не было никакого копья. Был поток. Я был потоком. Радужным. Летел навстречу темной материи и стирал ее. Впитывал собой. Толкал и давил.

Пожиратели летели к моей фантали. Они были совсем рядом. Я не сводил с них взгляда. Боковым зрением увидел, как Лена вытянула руку. Ее фанталь отправилась вслед за Пожирателями. В конце концов, она достигла одного и убила его на месте. Второй, чье нутро освещалось мечтой Ивана, ускорился.

Пожиратель подлетел к перламутровому лучу. *Ко мне.* Он широко размахнулся и погрузил лапы в фанталь, вырвав из нее два крупных пучка. *Моей мечты.*

— Лена, готовь защиту! И посильнее! — предупредил я.

Победно взвизгнув, Пожиратель полетел вверх, к Хмури. Он выставил лапы перед собой. Хмурь взревела и протянула к Пленусу щупальце. Тот протянул ей одну из двух сфер. Вторую он с силой вонзил себе в солнечное сплетение. Пожиратель на мгновение замер, а потом с утроенной скоростью полетел к разлому. Миг — и тьма скрыла его.

Я стиснул зубы и молчал. Хотелось кричать и психовать. Но не мог.

Все еще держа фанталь, Хмурь размахнулась щупальцем и внедрила кусок моей мечты в свой отросток.

— Иди ближе, — на последнем издыхании пропыхтел я.

Напор усилился. Я больше не мог удерживать его. Меня лишили мечты. Лишили *ВСЕГО*.

И я сдался.

Не встретив больше преграды, отросток Хмури устремился вниз.

— Давай!

Лена подставила щит. С громким треском щупальце врезалось в фанталь и пробурило его больше, чем на половину. И угомонилось. Громкое шипение, гарь, хлопок. Отросток исчез.

Вместе с моей мечтой.

***

Это был слаженный удар. Со всех концов света конструкции из фанталей впились в Хмурь. Кому-то хватило сил, чтобы проткнуть ее, кому-то нет. Кто-то смог отсечь ей щупальца, кто-то шпиговал перламутровыми сферами. Много фанталей сыпалось искрами, но куда больше застревало в темной плоти. Исполинское чудовище напоминало подушку для игл.

Я стоял с опущенными руками и внимал этому зрелищу. Смотрел, как убивают Хмурь, и не испытывал никакого удовольствия. Рядом со мной дрожала Лена. Кажется, она держала меня за руку.

Зачем?

Какое-то мельтешение. *Ну и шут с ним. Я устал. Сесть бы…*

Я прошаркал к ограде, сел, вытянув ноги, и облокотился спиной о забор. Он больше не был холодным.

Ну и пусть.

Спойлер накрыл меня своим плащом. Я посмотрел на Хранителя и увидел, что он светится.

Ну и ладно.

Лена вытерла мне лицо рукавом.

Я разглядывал камушки перед собой, смотрел на изувеченную платформу, следил за шариками от подшипников, которые блестели в ярком свете. Я следил за ними, пока те не стали отсвечивать слишком ярко. Удивительно мощным радужным светом. Я поднял голову.

Никакому салюту, никаким фейерверкам было бы не под силу повторить это зрелище. Мириады цветов пульсировали, вихрились и танцевали в небе. Настоящее покрывало самоцветов, водовороты оттенков. И они пали на мир. Чтобы разойтись

повсюду. Чтобы каждый кусочек нашел свое пристанище. Чтобы каждая мечта нашла своего хозяина.

— Мы победили, Саша, — прошептала Лена и прижалась ко мне.

Должно быть, это здорово. Не знаю.

***

Рассвет. Такой припозднившийся рассвет.

Не думал, что он когда-нибудь наступит. Ну и ладно.

Где-то вдали ухала сова. Лениво перегавкивались собаки. Мычали пробудившиеся коровы и хлопали двери. Деревня — НАСТОЯЩАЯ ДЕРЕВНЯ — оживала.

В утреннем свете стало видно, сколь сильно пострадала станция. Забор в нескольких местах изогнуло, ступени рассыпались так, что во многих местах торчала арматура. Фонарные столбы погнуло. Оттаявшие листья американских кленов выглядели жутко — их словно обкусали. Их мелкие кусочки валялись на платформе, потемневшие и давно умершие. Ветви тоже как обкорнали — они висели грубыми огрызками. Все цветы возле сторожки погибли. Почернели и увяли, в бессилии опустив головы.

Вокруг кто-то есть.

Чего они ходят? Все никак не успокоятся… А я устал. Наверное.

— Так и сидит?

— Да, — вроде бы, голос Лены. — Все утро сидит. Туман, я… — Она шмыгает носом. — Я не видела, чтобы к нему вернулась мечта…

— Я тоже.

Тин?

— Что с его лицом?

— Листья.

— Ну и ну. Досталось же...

Передо мной проходит Спойлер. Лицо его в синяках и ссадинах, нос вывернут влево. Должно быть, знатно приложился о платформу.

— Ивану. Тоже досталось. Видел, пытался убить. Едоков. Не вышло.

Они о чем-то разговаривают. Долго и нудно. Я слышу их. Но мне неинтересно. Мне все равно.

Я впадал в забытья. Пустые сны, без картинок и эмоций. Как будто мое сознание брали и погружали в вакуум.

Я очнулся, когда почувствовал кого-то у себя на коленях. Туман.

— Ты как? — спрашивает он.

— Как, — я пожимаю плечами. — Ну, я живой.

— И все?

— И все.

— О чем ты мечтаешь?

Что за бред он спрашивает? МЕЧТАЕШЬ? Это как вообще?

— Не понимаю тебя.

Хорек смотрит на Лену и Спойлера.

— Все ясно. Его опустошили.

Лена вскрикивает.

— Как?! Хмурь ведь мертва! Что же теперь будет?

— Останется таким, — отвечает Спойлер. — Конец парню.

— Вы с ума сошли?! — возмущается Тин. — Так нельзя, эй! Он же сражался, чтобы не было теневиков!

— Как дядя Коля.

— Да! Сашка не может остаться таким!

— Забудь, — неумолимо произносит Спойлер. — Нет больше его.

— Ты неправ, — говорит Туман.

— Да как же? Посмотри на него! Сидит, как овощ, только глазами водит.

— ТЫ НЕПРАВ, — повторяет Туман. Он проходит по мне, пока его морда не замирает в нескольких сантиметрах от моего лица. — Послушай меня, Оул. Я должен тебе сказать. Ты меня слышишь?

Я киваю. Слышу. Но не слушаю. Вроде.

— Должен признаться. Перед тем как… Перед тем как… В общем, я — последнее творение дяди Коли. Его живая мечта. Он хотел оставить после себя память. Он хотел быть полезным даже после смерти. И я очень надеюсь, что у меня получилось исполнить его мечту… Меня зовут Туман. И назван я в честь тумана вокруг Дымчатой. Его тоже

создал дядя Коля. Он всегда считал, что в тумане лучше мечтается. Думаю, ты имеешь право знать это.

Что-то шевелится в голове.

Туман, дядя Коля, год его появления в Дымчатой, снимки… Выходит, мое горе-расследование подошло к концу. И все встало на свои места. Никакого тумана просто так не возникло. Он пришел вместе с дядей Колей.

— В моих силах исполнить предназначение, — продолжает Туман. — Он хотел принести пользу. Хотел оставить после себя что-то, кроме имени. Я не могу разочаровать его. Оул, слышишь меня? Я… Я спасу тебя.

Я слышу, как плачет Лена. Слышу дрожащий голос Тина, который просит Тумана подыскать какой-нибудь другой вариант.

Хорек улыбается всем нам. Взгляд его больше не светится.

— Нет других вариантов. Я не могу жить вечно. Мечта должна приносить результат. В этом ее суть. Жить в подвешенном состоянии — нет ничего хуже. Настало мое время.

— Но разлом! Он исчез. Как ты будешь? — мне кажется или Спойлер говорит надломленным голосом.

— Разве это имеет значение? — Туман пожимает плечами. — Что может быть сильнее мечты? Что может быть прекраснее ее исполнения? Ты помнишь, Оул? Ты — хозяин положения. Твоя фанталь. Что хочешь, то и делаешь. Я — фанталь дяди Коли. И я — хозяин положения. Что мне до разломов, когда я готов исполнить предназначение и спасти кого-то?

Он собирается уходить. Наверное, я должен заплакать. Не могу. Ничего не могу.

Не хочется.

— Но Хмурь мертва! Почему мечта не вернулась к нему?!— кричит Лена.

— Мечта у Пожирателя. А тот — в подмирье. Хмурь мертва, но не мертвы ее слуги.

Тишина. Все все понимают. И только Иван стоит и улыбается. Лица присутствующих озаряется разноцветными вспышками.

— Спасибо вам за все, Хранители Грез. Вы — достойный пример. Знакомство с вами для меня честь. Приятно знать, что у моего создателя такие друзья. Значит, все правильно. Мы славно поработали. *Вы* славно поработали. Не грустите и смотрите вперед. И не переставайте мечтать. Прощайте.

Туман воспарил. Он улыбался и смотрел на нас. В ушах зазвенело. Но даже через этот шум я слышал рыдания Лены и плач Тина. А я сидел себе на платформе и провожал взглядом своего удивительного пушистого друга. Через силу взмахнул рукой. Хорек посмотрел на меня и с пониманием кивнул. Его глаза светились чистым янтарем.

Золотая вспышка.

Туман исчез.

***

Это случилось неожиданно.

— Лена! Леночка! — крикнул я, подскочив на ноги.

Подбежав к ней, я схватил ее в объятия. Она ответила на них и крепко вцепилась в меня.

— Саша! Ты… Вернулся?

— Я люблю тебя, Лена.

Существует такой тип тишины, который громче любого звука. Он оглушает и дезориентирует. Причем, всех в округе. Это был именно тот тип.

— Эй! Немедленно подать мне учебники! Разжечь кузню! Время работать и учить математику! Пока вы там милуетесь и испытываете высокочувственный момент, ваш друг жаждет знаний. Тысяча чертей! Тридцать три несчастья! Семь бед — один ответ! Если через час никто не принесет мне учебник по математике — пеняйте на себя!

Тин вытаращил глаза.

— Иван?!

— Сам ты Иван! Нельзя ли попроще?

Я смотрел на кузнеца и не верил своим глазам. И ушам.

— Ваня?

— Ага.

— Это ты?

Кузнец заморгал.

— А разве нет?

Тин почесал подбородок.

— Хм. Дважды два?

— Триста пятнадцать.

Мишка сник.

— Блин… Я-то думал…

— Четыре! Что, я, по-твоему, совсем дурак? Советую бежать за учебником!

Я посмотрел на Лену. Она не сводила с меня глаз. Этот взгляд… Это был самый чистый и открытый взгляд. И она дарила его мне.

— Что с ним? — спросил я, чувствуя, что краснею.

— Мечта. Видимо, подхватил чужую, — ответил Спойлер.

— Как?

— Предыдущий носитель. Умер, наверное. А он был. Ближе всех. Вот и получил.

— Хороший такой бонус, — заметил Тин.

— Эй! А ты чего это светишься? — воскликнул я, глядя на Спойлера.

Раньше я думал, что это фосфоресцирующая краска и блестки. Ну, блестки-то были, да, в качестве отвлекающего маневра, но его сияющая кожа… Она напоминала…

— Да-да, — Спойлер закатил глаза. — Думаешь, Туман просто так? Говорил. Что Старшие Хранители стараются?

— Так ты?..

— Да.

— И мы победили?

— Да. Хранители подоспели вовремя. Почти.

Я решил, что сперва надо получить ответы на многие вопросы, а уж переварить их можно будет потом.

— Как они разобрали стены? Не все же фантали принадлежали им.

— Это ничего не значит. Фанталь — инструмент.

— То есть, я всегда мог использовать чужую фанталь?

Спойлер кивнул.

— Отлично. Спасибо, что предупредил.

— Это и вправду гениально, Саш, — проворковала Лена. Она махнула рукой, и между нами зависли три перламутровые сферы — небольшие, размером с яблоко. — Я взяла на себя смелость отщипнуть немного от всех твоих последних фанталей. Разве можем мы потерять твои мечты?

— Лена! Ну ты и хитрая! — рассмеялся я. — Теперь я тебе обязан на всю жизнь.

— Этого можно миновать.

— Как?

Лена лукаво улыбнулась.

— А скажи мне, что за мечта у тебя была? Ну, та, последняя.

Тин ткнул Спойлера в бок. Он кивнул на нас. Стоящий с другой стороны Иван ухмыльнулся и подошел ближе.

— Я могу не… Не отвечать? — спросил я.

— Не-а! — игриво ответила Лена.

— Но я все равно обойдусь без слов, — сказал я.

И поцеловал ее.

Ребята разразились криками и захлопали в ладоши. Даже Спойлер.

— Наконец-то! — проголосил Тин. — Давно пора!

— Даже я быстрее соображаю, чем вы! — заявил Иван.

А мы не слушали их.

— Ты же знала, да?

— Можно не отвечать?

— Нельзя.

И Лена ответила. Она обошлась без слов.

Эпилог

— Тетя Даша! Тетя Даша! Открывайте!

Я не переставая стучал в дверь. Сшибал кулаки и не обращал внимания на боль.

— Тетя Да…

Дверь открылась. На пороге стояла тетя Даша, сонная, с мешками под глазами, но усыпанная украшениями. Она щурилась от яркого утреннего света.

— Ты чего, Саш?

— Доброе утро.

— И тебе доброе утро.

Тетя Даша улыбнулась. Ее побрякушки радостно звенели, словно рассмеялись. Я так и не смог до конца поверить, что она всегда спала в таком «обмундировании».

Я прошмыгнул мимо нее.

— Где бабушка с дедушкой? Почему их нет? Тетя Даша!

— Сашка, успокойся. Они часа в четыре утра встали и ушли. Сказали, мол, чего ты нас держишь тут. Еще и накинулись, мол, зачем я им этот дурацкий телевизор включила!

Странно, как это мы пропустили. А они? Наверняка же должны были заметить нас на платформе.

Я вернулся домой. На пороге заметил две пары обуви. Тихонько приоткрыл дверь. В доме пахло… Пирожками! Но было удивительно тихо. Я на цыпочках прошел в комнату бабушки и дедушки и увидел, что они лежали на диване — в обнимку. Довольные, счастливые и умиротворенные.

***

«Привет, Дневник! Вот все и закончилось. Даже не верится. Можно пожить немного спокойным человеком. Без сражений и тревог. Живу в предвкушении развития своих грез. Тех, что для меня сохранила Лена.

Жаль, я так и не встретился со Старшими Хранителями и не поговорил с ними. С другой стороны, о чем мне с ними разговаривать? Что я им скажу? Я –

всего лишь шестеренка в огромном механизме. И лучше просто продолжать исправно работать. Хватит с меня потрясений. Мне бы отдохнуть.

Все встало на свои места. Через окно сторожки я вижу, как бабушка копается в грядках. Ох, ты бы знал, как она сетовала на то, что цветы погибли!

«Еще сажать и пересаживать!» – говорит.

А дед с самого утра куда-то ушел и… Ой, вон он. До скорого!»

Я выскочил из сторожки и побежал к дому. Дедушка отворил калитку и зашел во двор, держа в руке букет полевых цветов. Свежих, ярких, только что собранных. Он окликнул бабушку.

— Ой, руки-то грязные у меня…

— Ничего страшного! Это же не помешает тебе обнять меня по-нормальному?

Я стоял и улыбался.

— Спойлер, скажи, а почему некоторые после похищения у них мечты изменялись сразу, а бабушка с дедушкой как будто сопротивлялись?

— Их доили. Считай, в буквальном смысле. Их мечта. Слишком обширна, чтобы утащить за раз. Тягали по частям.

Я смотрел на своих счастливых ро-ро.

Впервые в жизни в моей палитре чувств не нашлось места зависти. И это прекрасно.

***

— Саша?

— Да, Леночка?

— А я ведь всегда рисовала только для тебя. Только-только!

— Правда?

— Да. Я видела твою реакцию и… И ничего другого мне не надо было.

— Шрамы останутся.

— Да...

— Это же ничего?

— Конечно нет. Буду смотреть и вспоминать, какой ты герой. *Мой* герой.

— Лена… А хочешь и я признаюсь?

— Конечно!

— Тогда, с кадетами. Я влез, потому что никто не смеет касаться тебя. Никто! НИКТО!

— Ну тихо, тихо, Саш… Дай руку.

— Лена?

— Да?

— Мы же мы?

— Да, Саша. Мы — мы.

***

Крыльцо после ночного сражения было изувечено. Я споткнулся и едва не распластался на проходе. Решив, что после всех событий починка крыльца — дело слишком плевое, чтобы откладывать на потом, я нагнулся, чтобы изучить поломку. Доски выкрутило и изогнуло. Верхняя часть крыльца задралась, как страница книги, и моему взору открылась ниша. А в ней — коробка.

Я сглотнул и взял ее. Увесистая. Встряхнул. Сухой шелест. Дрожащими пальцами открыл крышку. В коробке оказались исписанные листы разных цветов и размеров. Что-то было написано даже на салфетках и этикетках от продуктов. Я схватил тетрадный лист и всмотрелся в размашистый почерк.

Классификация Едоков достаточно скудна. Удивляюсь, почему за столько десятилетий Хмурь не придумала ничего более эффективного. Возможно, на то есть свои причины. Рассмотрим все разновидности Едоков.

Посмотрел на другую бумажку.

Как хорошо, что кое-какой мой приятель любит поезда. Надеюсь, ему будет проще, чем мне или Перелесову. ДОЛЖНО быть проще. Лишь бы это дело не привило мальчику ненависть ко всему, что связано с железной дорогой.

Но я верю в него.

Он справится.

Я шмыгнул носом.

— Да, Дядя Коля. Я справился. МЫ справились.

***

Ярмарку устроили в первый день августа. Деревня ожила и долго готовилась к этому дню. Людмила Сергеевна напекла столько тортов, что в магазине закончилась вся мука. Мишкин папа — СТАВ ПРЕЖНИМ! — поехал в Сосновку за дополнительными припасами (кстати, он вернул Винтика). Дымчатые просили Людмилу Сергеевну испечь как можно больше. А Иван напросился быть главным бухгалтером. Он теперь МОГ.

Многие известие о смерти дяди Коли восприняли с ужасом. Так вышло, что я стал единственным провожатым до его могилы. За последние три дня я сводил туда десятка два дымчатых. Ему поставили памятник. Я настоял, чтобы его фото обрамлял туман. И попросил соорудить маленького хорька. Его усадили на верхний угол памятника.

В течение двух недель в деревню вернулось около двухсот человек — тех, кто успел уехать отсюда после того, как у них украли мечту.

Никогда не думал, что мне будет за счастье идти через Дымчатую и со всеми здороваться. Для меня же они стали какими-то… Родными, что ли. Так необычно. На меня смотрели, как на дурака. Никто не понимал, почему я улыбаюсь и сияю. А мне было все равно. Пусть их. Не знают — и ладно. Им же спокойнее будет.

Туманы отступили. Некоторое время я скучал по ним и жалел, но вскоре привык. Надо уметь отпускать. То было детищем дяди Коли. Вот пусть туманы будут рядом с ним.

***

А потом приехали мама с папой.

Мама. С папой. На машине.

— Сашка! — крикнула мама и побежала ко мне.

Ярко светило солнце.

Она крепко обняла меня.

— Здравствуй, мам. Как вы? Все хорошо?

— Да… — мама заморгала. — А что такое? Почему спрашиваешь?

— Интересуюсь просто. Привет, пап.

Я протянул ему руку. Он ответил сильным рукопожатием.

— Привет, сын. А ты возмужал.

— Да, очень, — подтвердила мама.

Солнце скрылось за облаками.

— О господи, Саша! ТВОЕ ЛИЦО! ЧТО С НИМ?!

— Да мы играли, мам. На заводе. А потом подул ветер. Стекло упало, разбилось. Ну, чуть задело вот…

— НЕМНОГО? У тебя все лицо в царапинах! Игорь, глянь какие глубокие!

Папа нахмурил брови.

— Да уж, не просто царапинки.

— Господи, сын! Что же…

Я оборвал ее.

— Да пустяки, мам.

— А хочешь… Хочешь, мы собаку заведем?

Я задумался. Должно быть, мама поддалась ситуации и собственным чувствам — ей было жаль сына. Она думала, что раз больно ей, то больно и мне.

— Собаку? Нет, мам, не хочу. Зачем?

— Но ты же всегда хотел!

Пожал плечами.

— Наверное, перехотел.

— Сашка!

Я закатил глаза.

— Ну что опять?

— Что у тебя с глазами?

— Что с ними, мам?

— Они… — мама запнулась.

— Серые? — мои губы дрогнули в подобии улыбки.

— Вот, да! Серые… — она повернулась к папе. — Никогда не замечала, что у собственного сына серые глаза!

Папа улыбнулся.

— А вы?.. — спросил я.

— А мы в гости! — довольно сообщил отец.

Я прищурился и посмотрел на него. И как это я раньше характеризовал его мрачным? Сам не пойму. Хотя…

«Я виноват перед…»

Дядя Коля тогда не договорил. Но, кажется, я понял, о ком речь.

Папа. Я все еще смотрел на него. Он даже засмущался. Счастливый. Удивительно. Будто новый человек.

Нет, не будто. Признайся себе, хотя бы после всех событий, что и на его лице была тень. Не просто же так ты считал его мрачным. Как же ты раньше не замечал?

«Мы с тобой будем причастны».

«К чему?»

«К новым историям!»

— Эх, дядя Коля…

— Что, сынок?

Я не ответил. Отец стоял передо мной, опираясь на открытую дверцу автомобиля.

— Пап, а давай сегодня поездим? Хочу сесть за руль.

Отец недоверчиво посмотрел на меня.

— Ты же не можешь держать все в голове…

Я оборвал его.

— Буду просто вести машину. Давай, а то уедешь и…

— Пожалуй, останусь с вами.

Мама удивилась не меньше моего.

— А работа?

Папа улыбнулся.

— Подождет.

***

Наступило время отдыха.

Я вышел из сторожки. На платформе было многолюдно. Вот-вот должен подойти поезд. Я поднялся по ступенькам и облокотился на забор. Просто чтобы послушать людей. За это лето я успел соскучиться по разговорам. Рядом со мной бегали несколько мальчишек. Они ловко перебрасывались небольшим мячиком, умело прыгая и совершая всякие пируэты.

— Мальчики, поосторожнее! — крикнула им невысокая женщина, наверное, мама одного из ребят. — Влад, смотри не упади.

Темноволосый Влад, услышав свое имя, вздрогнул. Он попал по мячу не так, как хотел, и тот полетел вбок. Прямо на меня. Я поймал мяч.

— Ого, вот это реакция! — одобрительно сказал Влад.

Я пожал плечами.

— Аккуратнее, ребят. Все-таки платформа.

— Да чего аккуратно? Чего еще делать-то?

— Например, послушать историю?

— Какую?

— Интересную.

— О, а чего бы и нет. Пацаны, вы как?

Те кивнули.

И я рассказал им про Сарпия. Все от и до. Немного изменив пару имен (например, Сарпий стал дядей Колей).

— Он шел и знал, что, скорее всего, погибнет. Но шел, потому что это его долг. Потому что ответственность, понимаете?

На станции возник силуэт дяди Коли. Высокий, в своем пинжачке и с Туманом на руках. Они весело смотрели на меня.

Я запнулся. Дядя Коля ободряюще кивнул. Туман махнул лапкой.

— И вот, дойдя до пика, дядя Коля пожертвовал собой во благо мира. Он не знал, какие будут последствия. Но он знал, что делает доброе и правильное дело. И это для него было самым важным.

Дядя Коля задумчиво ходил по платформе и внимательно изучал возведенные мной барьеры. Смотритель приближался к фантали и критически осматривал ее. Пару раз подправлял. Естественно, это никак не отразилось на самом барьере. Несколько раз с одобрением кивнул.

— Знаете, — я подходил к концу, — герои живут вечно. Пока о них говорят, они с нами. Рядышком. Помните об этом. Жизнь на земле не заканчивается. И каждый из нас может стать бессмертным. Каждый из нас может жить вечно и всегда быть где-то тут.

Как ты, дядя Коля.

Подъехал поезд. Ребята поблагодарили меня и вошли в вагон. На платформе остался смотритель. Он посмотрел на меня, улыбнулся и помахал рукой. Я помахал в ответ.

— Живут вечно.

Это лето стало особенным.

— Живут вечно…

Смахнув слезу, я улыбнулся и пошел домой.

Март 2016 — Июнь 2018